

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 4(1)

Киров
2013

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел. (8332) 673-674 (Издательство ВятГГУ)

Редактор О. Коробкова
Компьютерная верстка: Ю. Данг

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГГУ), 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Внутских А. Ю., Железняк В. Н.</i> Концепции конвергентных технологий и искусственного интеллекта: философские альтернативы	6
<i>Ненашев М. И.</i> Идеи феноменологии Эдмунда Гуссерля	11
<i>Краузе А. А.</i> Специфика концепта «Я» в контексте этнической идентичности (на примере Пермского края)	17
<i>Лошакова Ю. П.</i> Взаимосвязь представленности женщин в высшем руководстве с эффективностью компании	21
<i>Трапезников М. В.</i> Развитие колебательной хронометрии на примере создания маятниковых часов	25

ИСТОРИЯ

Отечественная история

<i>Попова О. Д.</i> «Коммунальная квартира» епархиалок... (Повседневная жизнь воспитанниц закрытых учебных заведений в рамках жилищного пространства)	28
<i>Гринько К. М.</i> Владыка Фаддей (Успенский) и церковно-школьное образование в Волынской епархии в конце первого десятилетия XX в.	34
<i>Лобанов В. В.</i> «Сталин мне друг...»: следственное дело архимандрита Олега (Вавилина)	40
<i>Касанов А. С.</i> Благотворительные общества в Вятско-Камском регионе в конце XIX – начале XX в.	45
<i>Смирнов М. А., Смирнова А. А.</i> Губернская власть и общественные объединения Вятской губернии в конце XIX – начале XX в.	49

Всеобщая история

<i>Зорин А. В.</i> Э. Бенеш и Чехословакия в восприятии американцев в 1939–1945 гг.	54
<i>Воробьева Т. А.</i> Восприятие Чан Кайши и Китая Ф. Рузвельтом в 1933–1945 гг.	61
<i>Ильин Д. В.</i> Трансформация образа СССР в представлениях американских законодателей (1939–1941 гг.)	68

ПРАВО

<i>Плоцкая О. А., Иванова Ж. Б.</i> К вопросу о месте и роли правовых обычаев у коми (зырян) в природопользовании (на примере рыболовства)	76
<i>Степанов А. В.</i> Нотариальный архив: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской империи второй половины XIX в. и Российской Федерации настоящего времени	78
<i>Караваев И. В.</i> Казенные, посессионные заводы и фабрики как недвижимое имущество и объекты государственного управления во второй четверти XIX в. в России	82
<i>Бармина О. Н.</i> Злоупотребления в праве. Как обеспечить добросовестное использование прав?	86

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Маслова А. Г.</i> Жанровая система русской поэзии начала 1760-х гг.: поэтика пространства и времени	91
<i>Сугай Л. А.</i> Акрюнки как жанровая разновидность венка сонетов	96
<i>Фадеева Т. М.</i> Одорические сложные эпитеты русского языка	100
<i>Курьян М. А.</i> Управление речевым общением: коммуникативные стратегии завершающей стадии диалога	105
<i>Макаров А. Н., Тютюник С. И.</i> Эстетические основы немецкой литературы второй половины XVIII в. и формирование немецкого национального самосознания: Ф. Г. Клопшток, Г. Э. Лессинг	109

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Смирнов С. Б.</i> Европа и мир в топонимике Петербурга: метод анализа	112
<i>Фадеева И. Е.</i> Русская матрешка, или «Бездны духа» (к вопросу о русской национальной концептосфере)	116
<i>Кривошеина Н. В.</i> Монументальное церковное искусство Лузского района Кировской области	122

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Данюшенков В. С.</i> Проблемы современного образования и возможности его улучшения	126
<i>Помелов В. Б.</i> Формирование идеала практицизма и деловитости в американской общественной мысли и педагогике в XX в.	130
<i>Баранов А. А., Баранова З. Я.</i> Развитие компетенций по организации продуктивного взаимодействия супругов у будущих бакалавров психологии	139
<i>Мосунова А. А.</i> Исторические и теоретические предпосылки психологии чтения	142
<i>Ивутина Е. П., Шуракова Е. С.</i> Академическая прокрастинация как проявление защитно-совладающего поведения у студентов	146
<i>Сведения об авторах</i>	152
<i>Information about authors</i>	154

CONTENTS

- Vnitskikh A. Y., Zbeleznyak V. N.* Conceptions of Converging Technologies and Artificial Intelligence: Philosophical alternatives
- Nenashev M. I.* The idea of phenomenology of Edmund Husserl
- Krauze A. A.* Specific Characteristics of the Concept “Self” in the Ethnic Identity Context (Evidence from Perm Krai)
- Loshakova Yu. P.* Correlation of representation of women in senior management with the efficiency of the company
- Trapeznikov M. V.* Development of oscillatory testing on the example of creation of a pendulum clock
- Popova O. D.* “Communal flat” of pupil’s eparchial girl’s school... (Daily life of pupil’s eparchial girl’s schools within the framework of housing space)
- Grinko K. M.* Bishop Faddey (Uspensky) and Church-school education in the Volyn eparchy at the end of the first decade of the 20th century.
- Lobanov V. V.* “Stalin is a friend to me...”: Investigation file of archimandrite Oleg (Vavilin)
- Kasanov A. S.* Charitable societies in Vyatsko-Kama region in the late XIX – early XX centuries.
- Smirnov M. A., Smirnova A. A.* Provincial authorities and associations Vyatka province in the late XIX – early XX centuries
- Zorin A. V. E.* Benes and Czechoslovakia in the perception of Americans in 1939–1945.
- Vorobjova T. A.* Perceptions of China Chiang Kai-shek and Franklin D. Roosevelt in 1933–1945 years
- Ilyin D. V.* Transformation of the image of the USSR in the representation of U. S. lawmakers (1939–1941)
- Plotckaya O. A., Ivanova J. B.* On position and role of legal practice at Komi (Staring) in environmental management (on the example of fisheries)
- Stepanov A. V.* Notarial archive: comparative analysis of legislation of the Russian Empire in the second half of the XIX century and the Russian Federation this time
- Karavaev I. V.* State, possessory plants and factories as real estate and objects of public administration in the second quarter of the XIX century in Russia
- Barmina O. N.* The abusing of the law. How to provide the good use of the rights?
- Maslova A. G.* Genre system of Russian poetry of the early 1760s: poetics of space and time
- Sugay L. A.* Akro-crown as a kind of wreath of sonnets
- Fadeeva T. M.* Olfactory complex epithets of Russian language
- Kuryan M.* Conversation Management: Communication Strategies of Parting
- Makarov A. N., Tyutyunnik S. I.* Aesthetic fundamentals of the German Literature of the second half of the 18th century and formation of the German national self-comprehension: F. G. Klopstock, G. E. Lessing
- Smirnov S. B.* The Europe and the world in the toponymy of Saint-Petersburg: analysis technique
- Fadeeva I. E.* Russian “matrioshka” or “abyss of the soul” (to the question of the sphere of the concepts of Russian culture)
- Krivosheina N. V.* Monumental church art Luzskey area of Kirov region
- Danyushenkov V. S.* Issues of modern education and its ways of problematic development.
- Pomelov V. B.* The formation of the ideal of practiciness and business-like efficiency in the American social thought and the pedagogics in the twentieth century
- Baranov A., Baranova Z. Ya.* Development of future bachelors’ of psychology competences in organization of productive interaction between spouses
- Mosunova L. A.* Historical and Theoretical background reading psychology
- Shurakova E. S., Ivutina E. P.* Academic procrastination as a manifestation of students’ defensive coping

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 111+316

А. Ю. Внутских, В. Н. Железняк

КОНЦЕПЦИИ КОНВЕРГЕНТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ФИЛОСОФСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Обсуждаются модели философского осмысления NBICS-технологий и искусственного интеллекта: модель гармоничного сосуществования с природой и техникой завершивших постиндустриальную трансформацию человеческих субъектов и модель поглощения техносредой человеческой субъективности. Сформулированы принципы конвергенции когнитивных наук и гносеологии (классической и современной), программа дальнейших философских исследований в данной сфере.

Models of NBICS-technologies and artificial intelligence's philosophical conceptualization are discussed in the article. There are model of harmonic coexisting human subjects, who finished postindustrial transformation, with nature and technique, and model of absorption by techno-environment of human self in philosophy today. Principles of cognitive science and epistemology (classical and non-classical one) convergence, and program of philosophical research in this area are formulated in the article.

Ключевые слова: NBICS-технологии, нанореволуция, искусственный интеллект, базы знаний, нелинейное мышление, категории.

Keywords: NBICS-technologies, nanorevolution, artificial intelligence, bases of knowledge, un-linear thinking, categories.

Сигналы, свидетельствующие о близости конца цивилизации известного нам типа, приходят из самых разных сфер. Обострение глобальных проблем, порочный круг потребительства, втянувший в свою орбиту практически все человечество, очевидный кризис идей просвещения и модерна, нарастающая абсурдность личной и общественной жизни – вот только некоторые проявления глобального кризиса, поразившего социум и каждого из нас на рубеже веков.

Но когда ни мыслить, ни действовать по-старому уже нельзя, когда конец известных форм человеческого бытия кажется концом человека вообще, когда наступают сумерки – тогда приходит время для совы Минервы. Приходит время философии.

Философия призвана конструировать обобщенную картину человека и мира в их взаимодействии. В качестве такого теоретизирующего мировоззрения она должна обнаруживать скрытую, неочевидную сторону действительности – а значит, не только видеть за бытием кажущихся пока неизблемыми принципов и институтов их грядущее небытие, но и выявлять возможности и первые ростки нового, постигать действительный смысл этих «флуктуаций». Поэтому, по мнению авторов, предметом философского исследования в наши смутные времена должны становиться самые передовые достижения человеческого духа, материализовавшиеся в феноменах научно-технической революции. В настоящей статье пойдет речь о некоторых альтернативных вариантах философского осмысления таких феноменов третьей НТР, как конвергентные технологии и искусственный интеллект; сущность этих вариантов мы постараемся раскрыть и проанализировать.

Начнем с конвергентных технологий. Понятие это на наших глазах модифицируется, стараясь успеть (и всегда не успевая) за калейдоскопом технико-технологических инноваций и их социальных импактов. В последние годы к исследователям этого феномена приходит понимание того, что, во-первых, в определение конвергентных технологий необходимо ввести представление о технологиях социально-гуманитарных. Таким образом, перед нами уже не просто NBIC-технологии, как синтез нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, но NBICS-конвергенция, в которой, казалось бы, находится место и гуманитаристике. Хотелось бы верить, что это шаг в правильном направлении, поскольку он уводит нас от столь очевидной в наши дни редукции человеческого к техническому. Однако известное напряжение между парадигмой натуралистической (с ее естественнонаучной по происхождению объясняющей методологией и акцентом на субъект-объектных отношениях) и парадигмой антинатуралистической, культурцентристской (с ее методологией понимания и акцентом на присутствии субъекта с его ценностными ориентациями в предмете познания) в социально-гуманитарном знании указывает на необходимость пристального рассмотрения того, какими являются сейчас и какими должны быть технологии «hi-hume» в их взаимодействии с «hi-tech».

Во-вторых, в последние годы стало очевидным, что «суть NBICS-конвергенции состоит не в... объединении интенсивно развивающихся областей знания, а в создании динамических междисциплинарных границ, обладающих свойствами локальных интерфейсов, связывающих и формирующих дисциплинарные поля науки и технологии без потери их самоорганизующегося характера». Очевидно, что «выравнивание» когнитивного поля само по себе может привести и к общему снижению качества научных знаний. Поэтому необходимо дополнить конвергенцию дивергенцией, создающей неоднородность, «градиенты» дисциплинарных полей, что важно для появления нового знания [1]. И нам представляется, что роль современных гуманитарных наук, остро осознающих опасность спонтанного «бес-субъектного» развития социума, в создании таких «градиентов» исключительно велика. Важным элементом нового технологического уклада должны стать науки о человеке, способные планомерно, в формате опережающей гуманитарной экспертизы конструировать социальную реальность безопасным в отношении собственно технических вызовов путем.

Как бы то ни было, можно принять, что с точки зрения технической определяющим элементом конвергентных технологий являются нанотехнологии (НТ), и мы живем при начале нанотехнологической революции. Нанореволюцию можно определить как *коренное преобразование производительных сил на основе внедрения в реальный сектор экономики NBICS-технологий, которое связано с кардинальными социально-экономическими, политическими, общекультурными изменениями, выступающими в качестве завершающего этапа постиндустриальной трансформации.*

Предыстория нанореволюции такова. В 1959 г. идею манипулирования отдельными атомами в производственных целях предложил выдающийся американский физик Ричард Фейнман [2], а собственно термин «нанотехнология» ввел в 1974 г. профессор Токийского научного университета Норио Танигути. Он связал этот термин с манипулированием отдельными атомами и молекулами вещества с помощью наномеханизмов, размеры которых не превышают одного микрона или тысячи нанометров (1 нанометр равен 10^{-9} метра в системе единиц СИ). В 80-х – начале 90-х гг. XX в. Эрик Дрекслер из Массачусетского технологического института опубликовал серию работ, положивших начало практическому созданию наномашин на основе уже известных принципов квантовой механики, ряда разделов технической физики и химии, биохимии, молекулярной биологии [3]. Дрекслер предложил использовать для создания наномашин углерод,

а в качестве вспомогательных элементов – водород, азот, кислород, фосфор, кремний и германий. Параллельно с работами Дрекслера группа под руководством Герда Биннинга из корпорации IBM создала сканирующий туннельный микроскоп, а затем атомно-силовой микроскоп; эти устройства впервые позволили не только наблюдать за отдельными атомами, но и передвигать их [4]. Таким образом, появились первые средства нанопроизводства, в какой-то мере адекватные этой принципиально новой сфере.

Перспективы конкретных областей применения нанотехнологий в материальном производстве поистине головокружительны. Далекое не полный перечень их приложений включает следующие элементы. 1. Сверхпрочные нанокристаллические материалы, которые, например, позволят создать орбитальные лифты, выводящие грузы в околоземное пространство при минимальном расходе энергии. 2. Тонкопленочные и гетероструктурные компоненты микроэлектроники и оптоэлектроники, которые позволят создать квантовые компьютеры с быстродействием порядка ТГц ($\sim 10^{12}$ операций в секунду) и плотностью записи информации $\sim 10^3$ Тбит/см², что на много порядков выше достигнутых сегодня, а энергопотребление – на много порядков ниже. 3. Магнитомягкие и магнитотвердые материалы, нанопористые материалы для химической промышленности (катализаторы, адсорбенты, молекулярные фильтры и сепараторы сверхвысокой селективности). 4. Интегрированные микроэлектромеханические устройства – например, к миниатюрным сенсорам, чувствительным к присутствию отдельных молекул веществ, можно добавить нанонасосы и получить аналитическую химическую лабораторию, размещающуюся на пластине площадью 1 см². 5. Негорючие нанокompозиты на полимерной основе. 6. Топливные элементы, электрические аккумуляторы и другие высокоэффективные преобразователи энергии. 7. Биосовместимые ткани для трансплантации, лекарственные препараты, нанороботы, которые, сочетая функции диагноста, терапевта и хирурга, смогут перемещаться по кровеносной и лимфатической системе; уже изготовлены образцы таких роботов, имеющих все функциональные узлы и размеры около 1 мм, и существует реальная перспектива уменьшения их размеров до субмикронного уровня [5].

Широкое внедрение нанотехнологий в реальный сектор экономики приведет к *колоссальному росту производительности труда* в силу снижения на много порядков энерго- и материалоемкости производства, а также благодаря многократному росту быстродействия производственных наносистем (поскольку с уменьшением размеров уменьшается и характерное время проте-

кания процессов в системе, т. е. возрастает ее потенциальное быстродействие).

Более того, речь идет о появлении *принципиально новой производственной парадигмы*. Традиционный производственный процесс в обрабатывающей промышленности шел, как правило, «сверху вниз» – от большой, сложной заготовки к готовому изделию путем отсечения «лишнего» материала. Как следствие, при традиционных технологиях отходы производства составляют до 95% от количества сырья, что и определяет в первую очередь обострение антропогенного экологического кризиса. Учитывая общую картину мирового процесса, можно сказать, что традиционная производственная деятельность человека, вызывающая широкомасштабную деградацию сложных природных систем, в известной мере идет вразрез с объективной закономерностью интегрального прогресса, в том числе вразрез с тенденцией «доразвития» высшим включенного и невключенного низшего. Однако нанопроизводство может осуществляться совершенно по-другому – «снизу вверх». Иными словами, наномашин, в известном смысле повторяя ход мирового процесса, способны «выращивать» из более простого более сложное без масштабного разрушения природной среды. Для такого «выращивания» практически любых объектов требуется лишь элементарное сырье, сравнительно небольшое количество энергии и «информационная матрица». Первые прообразы таких универсальных ассемблеров (сборщиков) начинают появляться – речь идет о 3D-принтерах, уже применяемых, например, в строительстве [6]. А полноценный природный аналог 3D-принтеров давно известен и продолжает интенсивно исследоваться – это живая клетка и ее органеллы, например синтезирующие белок рибосомы. Совершенно не случайно, что к числу основных технологий производственной нанореволюции относятся биотехнологии. Изучение физико-химических основ жизни, возможно, позволит создать искусственные ассемблеры (причем ассемблеры реплицирующиеся, т. е. способные к копированию) уже в середине XXI в.

Однако В. И. Аршинов, обобщая известное о первых результатах в области нанотехнологий, приходит к выводу, что инструментальный, экономико-технологический «полюс» развития NBICS-технологий, основанный на *асубъектной* логике *взаимозаменяемости* атомов, генов, нейронов и битов, в настоящее время превалирует. Второй, антропологический, «полюс» развития конвергентных технологий, связанный с улучшением, расширением возможностей человека («human enhancement»), а если брать шире – связанный с конструктивным решением глобальных проблем человечества в современных социаль-

но-экономических условиях, фактически редуцируется к первому. Информация существует объективно – в качестве абстрактных материальных структур – и не нуждается в том, чтобы ее воспринимали, понимали и наделяли смыслом [7]. При этом язык информации универсален – и начав с атомов, NBICS-технологии вполне могут закончить полной объективацией, обезличиванием человеческих субъектов [8]. И в этом многие авторы видят большую опасность. В современных социально-экономических условиях техника оказывается весьма недемократическим феноменом и, как отмечал Юрген Хабермас, «производительные силы... не представляют собой... потенциал освобождения *при любых условиях* и не обязательно инициируют процессы эмансипации» – «спасительную силу рефлексии невозможно заменить распространением технически применимого знания» [9].

Похоже, что к аналогичным выводам приводит и анализ перспектив развития искусственного интеллекта (ИИ). ИИ можно определить как систему, способную «имитировать различные аспекты деятельности человеческого разума» [10]. Как мы уже отмечали, прогресс нанотехнологий и прогресс вычислительной техники неразрывно связаны, и исследования в этой области идут полным ходом. По мнению экспертов, мы живем в эпоху техносциокультурного «размытия» границ цифрового и материального бытия: вещи учатся думать («проникающий компьютеринг»), чувствовать (сенсоры), запоминать (RFID-метки), учатся общаться с человеком и между собой. Фактически мы живем в сравнительно кратковременный период, когда создаются общепринятые протоколы для коммуникации артефактов и человеческих субъектов.

Однако весь вопрос в том, будут ли соответствующие стандарты «человекоцентричны», позволят ли они человеку вкладывать *его смыслы* в интерфейсы [11]. Ведь, пожалуй, только способность к смыслопорождению, способность выходить за рамки системы и занимать рефлексивную метапозицию в интеллектуальной деятельности и не поддается машинной алгоритмизации. Вынесите эту способность за скобки – и вы получите функцию в человеческой оболочке, существо послушное, погруженное в среду политтехнологических и идеологических мифов, прекрасно адаптировавшееся под искусственные информационные системы. Именно таковы многие наши современники, что и дает П. Н. Барышникову основания прийти к парадоксальному выводу: «Искусственный интеллект уже создан, но на материале человека(!)» [12].

Возможна и необходима мобилизация колоссального потенциала классической и современной гносеологии в целях практической оптими-

зации взаимодействия живого рассудка и логических машин (шире – овнешненной, опредмеченной рациональности). Вопрос в том, каким образом трансцендентальная структура человеческого рассудка может эффективно и безболезненно вписаться в сумму окружающих человека технологий. Ключевой проблемой в этом смысле является интерпретация категориальной структуры рассудка («таблицы категорий») как своеобразного табличного процессора, осуществляющего фундаментальный синтез эмпирии. В свете такого подхода категории могут быть истолкованы в качестве ячеек, система которых оказывается достаточной для упорядочивания всего материала опыта. Обнаружение фундаментальной категориальной системы может быть мощным оружием для научной критики существующих подходов к проблеме универсальных баз знаний и искусственного интеллекта. Практическая значимость таких исследований определяется реализуемым в них принципом соответствия когнитивных и информационных технологий: трансцендентально-логическая структура рассудка может ассимилировать жестко рационализированную среду обитания современного человека. В таком случае жизненный мир человека предстанет как комбинация смысловых полей, медиапроводников и экранов. Сумма феноменов такого рода подлежит выявлению и описанию. Особое внимание при этом следует уделить чистой смысловой реальности, представленной в Сети. Здесь обнаруживаются принципиально новые формы рациональности – явления интертекста и нелинейного письма. Вполне возможно, что за такого рода явлениями лежит новый тип нелинейного мышления и нелинейного интеллекта в целом.

Получающие все большее значение когнитивные науки развиваются на стыке виртуальной техники логических машин и одной из самых развитых, сложных и разветвленных философских дисциплин – теории познания. Между этими полюсами расположена пестрая масса дисциплин, так или иначе касающихся мышления и его логики. Суть проблемы состоит в том, чтобы найти направляющий стержень современного когнитивного знания, обратившись к фундаментальным гносеологическим концептам прошлого и настоящего. Мы исходим из того, что эпистема человеческого рассудка является управляющей структурой для всех разновидностей когнитивных процессов от элементарных сознательных актов до информационных потоков в компьютерной сети.

Конкретно речь может идти о междисциплинарном (конвергентном) блоке когнитивных наук. Для этой отрасли знания характерна известная методологическая неопределенность и эклектичность. Мобилизация классической теории позна-

ния (и ее неклассических аналогов, прежде всего феноменологии) для решения глобальной проблемы смены типа человеческой рациональности позволит придать когнитивному знанию необходимую фундаментальность. С нашей точки зрения проблема категоризации знаний («слабая» версия искусственного интеллекта) не может иметь удовлетворительного решения без обращения к философской теории рассудка, описывающей его объективную трансцендентально-априорную структуру. Философские концепты, выражающие саморефлексию человеческого интеллекта (от Декарта до Канта и от Канта до Гуссерля), чрезвычайно сложны и часто оказываются просто недоступными прикладным дисциплинам, опирающимся в основном на логико-математическое знание. Речь, таким образом, идет о качественном расширении методологической базы когнитивных наук.

С другой стороны, теоретическая гносеология, погружаясь в недра собственной истории, теряет актуальность, востребованность, упускает из виду стремительно идущие процессы изменения типа человеческого «*ratio*»: в практике мышления, в алгоритмизации деятельности, в сумме технологий, в виртуально-смысловом пространстве знаковой и значащей действительности, в росте интертекстовых феноменов в языке и культуре, в объективной потере человеческим «*cogito*» его центрирующих функций. Представленный подход позволяет преодолеть эту замкнутость и актуализировать мощные эвристические источники когнитивного знания.

Конкретизируя представленные подходы, можно сформулировать программу насущных философских исследований:

1. Выяснить способы взаимодействия интеллекта с логизированной, технологической средой; существенно обновить подход к проблеме баз знаний за счет разработки концепции виртуально-смысловых полей; трансформировать классическое учение о категориях в концепцию «мыслящих ячеек» (делающих возможной свободно развивающуюся интертекстовую сеть в виде ризомы).

2. Дать диагностическое описание смены типа рациональности, объективно идущей в современной культурной ситуации, включая становление новой визуальности (в результате возвращения от спекулятивного умозрения к физическому зрению и его прямым аналогам); культуру медиаэкранов и медиапроводников, порождающую специфический «цифровой образ жизни» – повторяющиеся смысловые движения в системе медиапроводников (разнообразных знаково-символических средств, в том числе созданных на базе компьютерной техники).

3. Разработать новый подход к проблеме искусственного интеллекта, отделив ее от пробле-

мы создания искусственного мозга или его элементов (ибо логико-грамматическая структура рассудка не тождественна физиологии мозга). Под «искусственным интеллектом» в данном проекте будет пониматься овнешненный и овеществленный рассудок, представляющий собой новую объективную форму рациональности. Будет показано, что современная эпистема мышления (в отличие от классической) определяет дискурсивную конфигурацию смысловых полей, локализованных в интерфейсной организации информационных баз; в этом случае мыслить – значит создавать интертекст и непрерывно воспроизводить его в перезаписи (особого рода нелинейном «чтении»).

4. Создать теорию интер- и гипертекста и стоящего за этими феноменами нелинейного, интерсубъективного интеллекта; при этом будет показано, как изменяется человеческая субъективность, теряющая центрирующие функции «Я».

5. Наконец, разработать имеющие практическое значение технологические схемы, повышающие эффективность когнитивной деятельности во внешней интеллектуализированной среде (в том числе и прежде всего – компьютерной).

По-видимому, человечество находится в своеобразной «точке бифуркации», в которой выбор того или иного аттрактора развития NBICS-технологий – экономико-технологического или антропологического – еще не предопределен. Станет ли человек, как мечтал Иммануил Кант, самостью для самого себя или же окончательно будет низведен до состояния средства? Новые технологии, искусственный интеллект могут, с одной стороны, дать второе дыхание проекту модерна и завершить постиндустриальную трансформацию, помочь человеку решить глобальные проблемы современности, «доразвить» живую и неживую природу как вовне, так и внутри себя. С другой стороны, капитализм, по Карлу Марксу (особенно современный глобальный капитализм), – это «великий уравниватель», который с помощью конвергентных технологий вполне способен редуцировать человека до машиноподобного состояния, подобно тому как он редуцирует до животноподобного состояния современного потребителя. «Hi-hume» при соответствующем

«прочтении» вполне могут использовать – и уже используют! – в качестве ресурса не материю и информацию, а самого человека. Что делать? Наверное, «мы должны освободить мир машин от своей алчности, от проекций худших сторон человеческой природы, высвободив их... истинный креативный потенциал» [13]. Получится ли это – покажет время. Которого, правда, остается все меньше...

Примечания

1. *Сергеев С. Ф.* Наука и технология XXI века. Коммуникации и НБИКС-конвергенция // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М.: Изд-во МБА, 2013. С. 168.
2. *Feynman R.* Plenty of Room at the Bottom, 1959. URL: <http://www.its.caltech.edu/~feynman/plenty.html> (дата обращения: 14.11.2013).
3. *Drexler E.* Engines of Creation 2.0: The Coming Era of Nanotechnology. N. Y.: Wowio Books, 2007.
4. *Балбанов В. И.* Нанотехнологии. Наука будущего. М.: Эксмо, 2009. С. 19–27.
5. *Головин Ю. И.* Нанотехнологическая революция стартовала! URL: http://www.abitura.com/modern_physics/nano/nano2.html (дата обращения: 14.11.2013).
6. В США создан 3D-принтер, который может построить дом за 20 часов. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/08/14/cnews/562949984520982> (дата обращения: 20.08.2012).
7. *Орлов В. В., Васильева Т. С.* Философия экономики. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. С. 240–242; *Stonier T.* Information and the Internal Structure of the Universe: An Exploration into Information Physics. L.: Springer-Verlag, 1990. P. 21.
8. *Аршинов В. И.* Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистические преобразования в контексте парадигмы сложности // Глобальное будущее 2045. С. 96–98.
9. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М.: Практика, 2007. С. 103, 134.
10. *Пенроуз Р.* Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 25.
11. *Чеклецов В. В.* Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек-машина» // Глобальное будущее 2045. С. 111, 118.
12. *Барышников П. Н.* Философия IT, HIGH-HUME и... мифология // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства: сб. науч. ст. Пятигорск: ПГАУ, 2012. Вып. 3. С. 21.
13. *Чеклецов В. В.* Указ. соч. С. 115.

УДК 130.121:1(091)

М. И. Ненашев

ИДЕИ ФЕНОМЕНОЛОГИИ
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

В статье раскрываются идеи феноменологической философии Гуссерля, ее основные понятия, такие как феномен, феноменологическая редукция, интенциональность, жизненный мир.

The article reveals the idea of Husserl's phenomenological philosophy, its basic concepts, such as a phenomenon, phenomenological reduction, intentionality, *Lebenswelten*.

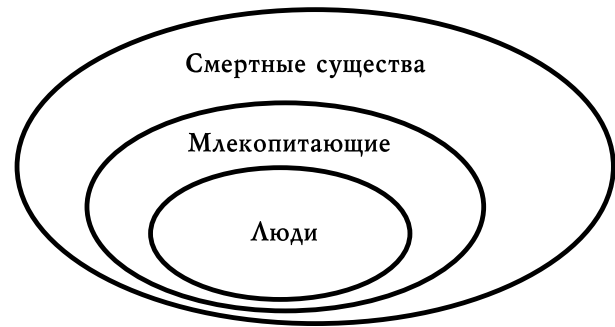
Ключевые слова: философия, феноменология, феномен, феноменологическая редукция.

Keywords: philosophy, phenomenology, phenomenon, phenomenological reduction.

Эдмунд Гуссерль (1859–1938) – немецкий философ, основатель направления феноменологии. Становление Гуссерля как феноменолога начинается с работы «Логические исследования» (1901 г.). В этой работе он, в частности, показывает, что математику и логику невозможно вывести из психологии, а также что эти науки невыводимы из опыта, хотя сам опыт подчиняется законам логики и математики. В 1911 г. он помещает в журнале «Логос» статью «Философия как строгая наука», в которой изложил важнейшие идеи феноменологического подхода. В 1913 г. Гуссерль публикует работу «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии». В раскрытии идей Гуссерля мы будем двигаться, следуя очередности этих работ [1].

Критика психологизма. Гуссерль ставит вопрос о происхождении логики как науки. Обычно считают, что основы логики как науки о мышлении лежат в психологии, потому что очевидно, что мышление есть психический процесс. Но психология – это наука о фактах, т. е. опытная наука. Ее положения обречены быть лишь приблизительными обобщениями опыта. В таком случае и логика (например, законы силлогистики) должна быть приблизительной наукой. Однако на самом деле законы логики абсолютно точны [2].

Поясним мысль Гуссерля об абсолютной точности логического рассуждения. Пусть мы имеем две посылки: все млекопитающие смертны и все люди относятся к млекопитающим. Получаем заключение: все люди смертны. Этот вывод не есть обобщение фактов, и он не приблизителен, а абсолютен точен. Это можно показать на кругах Эйлера.

Все млекопитающие входят в круг смертных существ. А все люди входят в круг млекопитающих. Поэтому люди автоматически входят и в круг смертных существ. Люди точно смертны, потому что они млекопитающие, а млекопитающие смертны. Другое дело, откуда мы знаем, что все млекопитающие смертны? Но ясно, что психология здесь ни при чем.

Гуссерль предлагает различать законы психики, на основе которых протекает мышление, и логические нормы. Он поясняет это различие на примере калькулятора. В основе работы калькулятора лежат законы механики, физики, электричества. Но порядок, в котором в окошке появляются цифры, определяется законами не физики, а арифметики. То и другое – законы физики и законы арифметики – совершенно различные вещи, первое описывает материальные процессы, вторые – свойства идеальных существностей.

Говорят, Оноре Бальзак писал свой роман «Человеческая комедия», опустив ноги в таз с горячей водой. Не опустит, и не пишется. Но очевидно, что не химический состав воды и ее температура определяли содержание романов Бальзака. Не было так, что вода остыла, и сюжет романа изменился. Все равно ноги в тазу сами по себе, а сюжетные линии в «Человеческой комедии» – сами по себе.

Критика эмпиризма. Согласно эмпиризму любое положение должно быть основано в конечном счете опытом. Однако то, что мы воспринимаем в опыте, само нуждается в обосновании, так как опыт случаен. Получается, что любое знание должно опираться на то, что само нуждается в обосновании, а это ведет к бесконечному регрессу. Поэтому необходимо допустить, делает вывод Гуссерль, что существуют непосредственные очевидности, которые не нуждаются в дальнейшем обосновании.

Например, мы видим непосредственно и самоочевидно, что синее отличается от желтого. А также ощущаем непосредственно отличие сладкого от соленого. И очевидно, что вот именно ручей. А сейчас чувствуем зубную боль. И в этом бессмысленно сомневаться. Таким образом, в опыте все же имеются *очевидные восприятия*, которые не нуж-

даются в обосновании через другой опыт. Нужно их только обнаружить и на них строить остальное знание. У Декарта, мы помним, в основе научного знания лежат ясные и отчетливые идеи, вложенные в нас Богом, который не может обманывать. Но у Декарта речь идет об идеях, т. е. мыслях, а у Гуссерля – об очевидностях, данных не в мышлении, а в созерцании. И нет апелляции к Богу.

Критика релятивизма. Релятивизм означает относительность любой истины. Дело в том, что человеческое восприятие определяется нашим телесным и психическим устройством, а также культурой и исторической эпохой. Люди Средневековья иначе воспринимали окружающий мир, чем люди XX–XXI вв. Поэтому знание о реальности является относительным и зависит от нашего устройства и культуры.

И очевидно, что то, что представляется истинным для человека, может быть ложным для других существ, устроенных иначе. Аргумент перекликается с рассуждениями древних скептиков. Черепахообразные воспринимают мир иначе, чем снабженные иглами, оперенные или чешуйчатые. Получается, что каждому виду существ соответствует свое восприятие мира и своя истина. Но Гуссерль возражает: истина одна и та же, воспринимают ли ее люди или чудовища, ангелы или боги. И истина одна для всех рас, индивидов и их переживаний [3].

Конечно, различие в телесной и психической организации познающих существ есть факт, но наши суждения возникают не на основе нашей организации. Нужно отличать содержание суждения – о чем идет речь – от акта суждения как психологического процесса. Например, суждение « $2 \times 2 = 4$ » является истинным, независимо от того, кто его будет высказывать, хотя сам акт суждения как некий психологический факт определяется какими-то причинами.

Допустим, мы нарисовали треугольник палочкой на мокром песке. Или на доске мелом. Или чернилами на белой бумаге. Но определяют ли свойства песка, бумаги, доски или куска мела содержание теоремы Пифагора о свойствах прямоугольного треугольника? Конечно, без рисунка на доске или мокром песке мы не сможем рассуждать о теореме. Но сами по себе эти предметы не определяют свойства треугольника, которая есть идеальная сущность.

Представим, что наш мозг устроен иначе, скажем, на основе полупроводников и транзисторов. И все равно теорема Пифагора была бы той же самой.

Резюмируем мысли Гуссерля из его критики психологизма, эмпиризма и релятивизма.

Первое. Необходимо учитывать принципиальное различие между идеальным и реальным, между ними невозможен даже постепенный переход.

Второе. Должны существовать непосредственные и самоочевидные созерцания, иначе нельзя обосновать истинное знание.

Третье. Истина одна для людей, ангелов и богов, для всех рас и индивидов. И она не зависит от телесной и психической организации познающих существ.

Идеи феноменологии сознания. В работе «Философия как строгая наука» Гуссерль начинает с утверждения, что философия стремится быть строгой наукой, но на деле она как наука даже не начиналась: «Я не говорю, что философия несовершенная наука, я говорю просто, что она еще вовсе не наука, что в качестве науки она еще не начиналась» [4]. Конечно, все науки несовершенны и незакончены. Но некоторое прочное содержание в них все же имеется, и это содержание постоянно растет. А в философии до сих пор все спорно, и одна позиция опровергает другую.

Правда, существует направление, которое стремится превратить философию в науку. Это направление – натурализм. Он рассматривает психику и сознание по аналогии с природой и стремится описывать их методами естественных наук. Гуссерль называет это стремление натурализацией сознания [5]. Но в таком случае теряется специфика сознания. Однако сознание не есть природа, а природа не есть сознание. Поэтому натурализм не способен обосновать философию в качестве строгой науки. Гуссерль указывает на то, что приложением методов естественных наук выступает *экспериментальная психология*. И вот теперь эту экспериментальную психологию решили объявить фундаментом логики и теории познания, эстетики, этики и педагогики, которые также объявляют экспериментальными.

Гуссерль выдвигает положение о *бытии как корреляте сознания*, или иначе – как полюсе внутри сознания. Дело в том, что бытие (внешний мир) не дается нам непосредственно, но – «как то, что нами “обмыслено” сообразно со свойствами сознания: как воспринятое, воспомнутое, ожидавшееся, образно представленное, фантазированное, идентифицированное, различенное, взятое на веру, предположенное, оцененное и т. д.» [6]. Бытие мы исследуем только в той форме, в какой оно дано сознанию. А вот сознание можно исследовать само по себе помимо всякого бытия, сознание нам дается непосредственно. И вот здесь открывается научная область, о которой современники не имеют представления.

Подобно тому как Колумб открыл Америку, целый неизведанный континент, так Гуссерль открывает особую сферу исследования – *феноменологию сознания*, которая совершенно противоположна описанию психологии по аналогии с при-

родой. Но феноменология и психология находятся в близких отношениях, так как обе имеют дело с сознанием. Различие состоит в том, что психология описывает «эмпирическое сознание», т. е. опыт сознания в связи с живой телесностью. Например, я чувствую боль как результат воздействия иглы на мое тело. А феноменология описывает чистый феномен боли, взятый сам по себе.

Психические феномены есть нечто совершенно другое по сравнению с физическими явлениями. Они не являются, в отличие от явлений природы, частями единого пространственно-временного целого. Феномены распределены между сознаниями, которые замкнуты, как монады Лейбница. Эти монады не имеют окон и общаются друг с другом только благодаря вчувствованию. Например, мое сознание не пересекается с другим сознанием и не воздействует на него как причина на следствие. Я могу понять другую личность лишь через акт вчувствования. Артур Шопенгауэр называл чудом эту способность чувствовать внутренний мир другого. Например, воспринимать чужое страдание как свое.

Гуссерль проводит еще одно важное отличие психического от физического. В природе мы различаем явление и его сущность. Например, радуга – это явление, и сущность его состоит в разложении солнечного света через капли воды, взвешенные в атмосфере. Другой пример: видим солнце, которое движется по небу вокруг земли, а на самом деле – говорим мы – земля движется вокруг солнца и вокруг своей оси. Явление – это то, что мы воспринимаем, а сущность – это то, что на самом деле. В психической же сфере бессмысленно различать явление и его сущность. Мы не можем, например, рассуждать: вижу улыбку, а на самом деле это сокращение лицевых мышц под действием таких-то химических процессов: возбуждение передней зоны гипоталамуса, откуда поток нервных импульсов передается в лимбическую систему, при этом мышечный тонус слабеет... Улыбка – это феномен. Любой человеческий жест – феномен. Улыбка и жест понимаются, то есть воспринимаются, как имеющие смысл и значение, а не объясняются.

Психическое не познается как то, что является, оно есть «переживание», которое полагает само себя в потоке времени, оно зарождается и отмирает, постоянно отпадая в область бывшего. Психическое находится в «монадическом» единстве сознания, которое не имеет ничего общего с природой как пространственно-временным единством и причинностью. «Прослеживая поток явлений в имманентном созерцании, мы переходим от феномена к феномену (каждый из которых есть единство в потоке и сам завлечен потоком), и никогда не приходим ни к чему, кроме феноменов» [7].

Следует брать феномены в виде текучего сознания, явлений переднего и заднего плана, как сознание настоящего и как преднастоящего; вымышленного или символического, при этом надо брать все это в смене тех способов, каким эти явления нам даются. Психическое не соотносится с тем, что есть на самом деле, оно и есть то, что на самом деле. Психическое не имеет сущность, но оно имеет смысл, даже если с какой-нибудь точки зрения оно представляется «фикцией» или «действительностью».

Поясним, что значит иметь смысл, даже если феномену ничего не соответствует в действительности. Я могу, например, рассуждать о русалках, которые не существуют, однако мое рассуждение о русалках все равно будет иметь смысл. Или рассуждать об Утренней звезде и Вечерней звезде. То и другое имеет разный смысл, хотя речь идет об одном и том же объекте – планете Венере.

Основные понятия феноменологии. Мы остановимся на понятиях эпохэ, или феноменологической редукции, затем феномена, интенциональности, жизненного мира.

Феноменологическая редукция. Феноменология характеризуется особым подходом, или методом, особой точкой зрения, которая возникает в результате так называемого феноменологического *сдвига*, или феноменологической редукции, или эпохэ. Слово «эпохэ» греческое, идет от скептиков. Для них эпохэ означало воздержание от суждений по поводу того, каковы вещи на самом деле. Потому что по поводу каждой вещи можно обосновать (вспомним апории Зенона) взаимоисключающие суждения: стрела летит и не летит, данная вещь большая на близком расстоянии и маленькая на большом расстоянии, картина плоская на ощупь, но имеет глубину для зрения.

Сначала мы попробуем разъяснить, что означает вообще сдвиг сознания. Представим, что мы сидим в театре, раздвигается занавес, и мы начинаем смотреть спектакль. Только что мы видели людей и вещи в их физической данности. Вот сидит человек с озабоченным видом, возможно, у него не выходит из головы то, что произошло на днях на работе или в семье. А этот озирается, все ли видят, с какой роскошной женщиной он пришел, и так далее. Но раздвинулся занавес, и мы начинаем смотреть на людей на сцене, что-то говорящих идвигающихся, причем смотреть совершенно не так, как на тех, которых мы только что рассматривали в зале. Мы видим не артистов, произносящих роли, но персонажей пьесы. Эти персонажи живут жизнью, которая не связана с жизнью самих артистов, с их тревогами по поводу зарплаты и долгов, с их реальными любовью и изменами. Мы смотрим на людей не

первой молодости, вдыхаем запах клея фанерных декораций, но видим Ромео и Джульетту, которым любовь заслонила все на свете. Произошел сдвиг во взгляде на мир. Смотрим на молодых артистов, а видим Ромео и Джульетту. Смотрим одно, а видим другое.

Мы можем в доме, в котором живем много лет, вдруг увидеть архитектурную ценность. В матери, которая готовит завтрак, внезапно увидеть стареющую женщину, в жизни которой не все удалось. Или в пятне на протекающем потолке увидеть птицу, предупреждающую разинутым клювом об опасности. Произошел сдвиг во внимании относительно одного и того же. Такие сдвиги происходят довольно часто, но мы их редко осознаем.

Теперь собственно о феноменологическом сдвиге, или гуссерлевском эпохэ. Он состоит в переходе от наблюдения предметов в качестве находящихся вне нашего сознания – определенным образом расположенных и связанных разными отношениями в физическом пространстве и времени – к наблюдению их же, но в качестве предметов нашего сознания. Переход состоит от восприятия бытия предмета *вне* нашего мышления к восприятию *самого акта восприятия предметов* и свойств этого *восприятия*. В общем виде можно сказать так: предметом мысли становятся мысли о предметах и свойства этих мыслей о предметах.

Различие этого перехода сам Гуссерль поясняет так: «Само дерево (как часть внешнего мира. – М. Н.) может сгореть, разложиться на свои химические элементы и т. д. Смысл же – смысл *этого* восприятия (восприятия дерева. – М. Н.), нечто неотделимо от его сущности, – не может сгореть, в нем нет химических элементов, нет сил, нет реальных свойств» [8].

Поясним на примере из психологии. Известно, что при уколе иглой возникает соответствующая боль. Мы можем показать, что эта боль связана с разрывом кожного покрова на руке, описать соответствующие физико-химико-электрические процессы в нервных тканях и головном мозге. Связать с этими процессами ощущение боли, показать соответствие между глубиной пореза и силой боли. Вывести соответствующие закономерности. Но можно переключиться на само ощущение боли безотносительно того, что произошло с кожным покровом на руке. И отслеживать ее усиление и утихание без всякой связи с соответствующими физическими процессами в пространстве и во времени. Можно эту боль вспомнить, проследить в памяти ее усиление и стихание, можно представить эту боль как то, что вот-вот вернется.

Поясним этот переход от суждений о вещах внешнего мира к мыслям о вещах внешнего мира

на логическом материале. Из повседневной жизни мы убеждаемся в смертности людей и делаем вывод, что «все там будем». В связи с этим строим суждение в качестве вывода – «Все люди смертны». Оно представляется нам истинным, а не ложным. Далее наука начинает проверять, насколько это суждение случайно или необходимо, частное оно или общее, выяснять причины смертности человека и т. д.

Но можно совершить сдвиг и рассмотреть само суждение «Все люди смертны» как форму мысли, независимо от того – истинно это суждение или нет, необходимо оно или случайно. Исследовать свойства этой формы, выделить субъект, предикат, связку и квантор. Провести исследование и обнаружить, что чисто логическим путем из этого суждения можно построить другие суждения: ни один человек не является бессмертным, некоторые смертные существа являются людьми, ни одно бессмертное существо не является человеком и т. д. Все эти логические переходы будут истинными независимо от того, является ли истинным само исходное суждение, т. е. действительно ли все люди смертны. Мы перешли от мысли о том, что все люди смертны, к рассмотрению свойств данной мысли. Ясно, что к свойствам суждения как форме мысли ничего не добавит знание того, истинно ли данное суждение или ложно.

Также, если нас будет интересовать сама боль как особое явление, то к ее познанию и пониманию ничего не добавит знание соответствующих физико-химических процессов в нервной системе и мозгу. Потому что мы вышли на восприятие боли как феномена.

Обычно различаются формы сознания и познания: обыденно-практическая, эстетическая, научная и т. д. Из них выделяется научное познание, которое претендует на описание того, что и как существует на самом деле, независимо от нашего сознания. Видим солнце на небосклоне, движущееся вокруг земли, а на самом деле, говорит наука, земля вращается вокруг солнца. Но Гуссерль подчеркивает, что сама наука является одной из форм сознания, наряду с другими, а это означает, что мир человеку всегда дается через сознание, даже когда речь идет о научном взгляде на мир, т. е. о том, как выглядит мир независимо от сознания. Наука – это именно определенный взгляд на мир, т. е. определенная форма *сознания*.

Поэтому саму науку необходимо поставить под вопрос и выяснить те условия, или общую основу, которые делают возможными наши суждения, в том числе и научные, о мире. Такой основой может быть некий «первоначальный опыт» сознания, не затронутый особыми взглядами и концепциями: ни наукой, ни житейско-обыден-

ной, практической и другими точками зрения. Это будет исходная очевидность, которой уже ничто не предшествует и которая ни из чего не выводится. То, каким образом первоначально все дается сознанию, должно быть предметом тщательного описания.

Чтобы выйти к этому исходному слою, мы и должны осуществить абстрагирование от уже сформировавшихся установок и подходов. Совокупность процедур, обеспечивающих выходение на этот исходный уровень, и обозначается Гуссерлем как феноменологическая редукция, или эпохэ. Эпохэ означает воздержание от всего готового и сформированного знания о мире и человеке, чтобы появилась возможность описания изначального опыта сознания.

Вернемся к примеру с болью от укола иглой. Привычные объяснения состоят в том, что повреждена наружная ткань организма, нервные сигналы достигли мозга, мозг реагирует болью, потому что устроен так-то и так-то. При этом мы используем научные концепции и понятия: ткань организма, нервные сигналы, нейроны, кора головного мозга. Но это все концепции, которые сегодня одни, а завтра другие. Сегодня мы объясняем боль так, а завтра будем объяснять ее иначе. А йога объяснит эту же самую боль третьим способом. А вьетнамская медицина объяснит ее четвертым способом. И вот от всех этих привходящих объяснений необходимо абстрагироваться в результате эпохэ и описывать боль саму по себе в качестве феномена.

Понятие феномена. Итак, проделаем эпохэ и абстрагируемся от различных объяснений того, что якобы происходит на самом деле. У нас останется одна лишь боль как несомненный факт, который можно рассматривать независимо от всех, в том числе научных, объяснений. Ведь все эти объяснения не влияют на ощущение боли. Объяснять можно по-разному, но боль все та же. Таким образом, сама эта боль обнаруживается как нечто самодостаточное помимо всяких объяснений, ее можно описывать как нечто самоочевидное, не нуждающееся в объяснениях. Боль – феномен. Феномен – это то, что есть налицо, без различения на сущность и явление, на то, что кажется, и что есть на самом деле.

Представим комнату, в которой находится много людей, через некоторое время в комнате становится душно. Эту духоту можно измерить с помощью научных приборов: термометра, датчика влажности, средней скорости молекул воздуха и т. д. Но очевидно, что никакое движение стрелки на приборе не передаст нам само ощущение духоты. Так же, как не передаст никакое движение стрелки на приборе ощущение боли или различие между сладким и соленым. Но вот женщина движением руки развязывает газовый шар-

фик на горле, и этот жест исчерпывающим образом передает состояние духоты. Этот жест самодостаточен, он не нуждается в объяснении из чего-то еще, он феномен [9].

Итак, имеем чистые психические акты, чистые акты суждения, чистые эмоциональные акты в качестве самодостаточных феноменов. Их отличие состоит в том, что они связаны не причинными отношениями в пространстве и во времени, которые описываются наукой, но единством нашего Я: феномен *a* вызывает феномен *b*, например, услышанная мелодия порождает определенное воспоминание. Но эти мелодия и воспоминание – во мне. И тогда открывается следующее.

В любом познавательном или психическом акте можно различить два момента: первый – то, что мыслится или воспринимается, второй – сам акт мышления или восприятия, или иначе: можно различать то, что переживается, и – сам акт переживания. Для обозначения того, что переживается, Гуссерль использует греческое слово *ноэма*. Это содержание может быть представлено как нечто реально существующее, или вспомнутое, или сфантазированное, или предвосхищенное в качестве ожидания, помысленное в виде абстракции и т. д. Для обозначения же акта мышления или восприятия Гуссерль использует другое греческое слово – *ноэзис* [10]. Этот акт есть сама наша субъективность. Субъективность здесь понимается не в смысле лишь субъективного мнения вот этого человека, лишь субъективной точки зрения, а в смысле принадлежности к познающему субъекту как особому типу бытия.

Интенциональность. Важнейшим свойством нашей субъективности является интенциональность сознания. Оно состоит в том, что наше сознание всегда оказывается сознанием о чем-то или осознанием чего-либо, есть «сознание о». Например, восприятие есть восприятие того-то и того-то, а воспоминание есть воспоминание о том-то и том-то, мышление есть мышление о том-то, боязнь всегда есть боязнь чего-то, любовь есть любовь к чему-то или к кому-то и т. д. Всякий феномен имеет интенциональную структуру, которая в свою очередь есть система интенционально связанных элементов. Можно отвлечься от существования мира, от достижений наук, от содержания наших психических актов, но нельзя устранить направленность сознания на предметы и переживание предметов.

Я не просто вижу движущегося пешехода, а придаю смысл тому, что я вижу: человек спешит перейти улицу, пока не зажегся красный свет светофора. Или пример из «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова: «...Проскакал сломя голову жандарм от губернатора к доктору, и всякий знает, что её превосходительство изволит родить... С кем ни встретишься – поклон да пару

слов, а с кем и не кланяешься, так знаешь, кто он, куда и зачем идет, и у того в глазах написано: и я знаю, кто вы, куда и зачем идёте...».

Это открытие субъективности как особого рода бытия (сфера феноменов, имеющих смысл) Гуссерль рассматривает как поворотный пункт в развитии науки и философии, а в конечном счете – в развитии всего человечества. Поворот состоит в признании, что человеческая субъективность выступает абсолютным источником смысла и значения мира. Это значит, что феноменология как особая наука о субъективности должна предшествовать всем остальным наукам, потому что любое осмысление мира происходит по «законам» нашей субъективности. Тем самым феноменология возвращается к старому смыслу слова «мета-физика» как исследованию, осуществляемому «после» и помимо «физики».

Человеческая субъективность имеет онтологическое значение. Человек не просто привносит смысл в мир, но сами эти привносимые смыслы обладают особым бытием, особым видом реальности. Субъективность оказывается особым, дополнительным измерением бытия, и само бытие тем самым выступает как нечто большее, чем совокупность атомов, галактик, лесов, полей и гор.

Понятие «жизненного мира» [11]. В своих поздних работах «Формальная и трансцендентальная логика» и «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» Гуссерль вводит понятие «жизненный мир», *Lebenswelten*. Жизненный мир – это тот повседневный мир, который дается с очевидностью всякому человеку. Этот мир является естественной основой, на которой вырастают все науки, или, как пишет сам Гуссерль, даже объективная наука ставит вопросы лишь на почве этого постоянного, заранее существующего в донаучной жизни мира. Поэтому для понимания всех научных понятий и принципов мы должны обратиться к этому повседневному жизненному миру.

Дадим образ жизненного мира. Мы встаем утром и завтракаем вместе с семьей, нас окружают стены дома, в которых любая черточка нам знакома, мы собираем сына в школу, пользуемся авторучкой, грызя ее конец, когда размышляем. И нам не приходит в голову, что дом стоит в соответствии с законами равновесия и тяготения, а тонкие обои скрывают бетонные конструкции определенного химического состава, а сын наш есть молодое млекопитающее, а авторучка состоит из атомов, в которых все вращается с бешеной скоростью. Мы видим, как солнце выкатывается вот из-за этого леса, и для нашей повседневной жизни совершенно неважно, что солнце есть плазменный шар, в центре которого температура в несколько миллионов градусов. Ночью любимся ковшом Большой медведицы, и

неважно, что это просто совокупность звезд, безразличных друг к другу. Реально мы живем не среди того, что нам говорит наука – химический состав, атомы, млекопитающее, плазменный шар и т. д., но просто держим авторучку в руке, шмыгающий носом сын отправляется в школу, а солнце выкатывается вон из-за того леса.

Жизненный мир всегда отнесен к человеку, это его собственный окружающий повседневный мир, в котором все связано с практическими задачами человека. А вот в той природе, которую описывает естествознание, нет места для человеческих целей и смыслов. Науки добились огромных успехов на пути построения своих схем и моделей, но из этих моделей и схем выпадает человек с его поиском смысла, счастья, с его надеждами и ожиданиями. Наука способна преобразовать весь мир, но не может сделать счастливыми вот этих конкретных мужчину и женщину.

В этом забвении европейской наукой своих жизненных истоков Гуссерль видит причину ее кризиса. Галилей математизировал природу, свел ее свойства к законам механики и пространственным характеристикам тел. Гуссерль же выдвигает задачу построения науки, которая не абстрагировалась бы от тех свойств, через которые мир раскрывается человеку в его очевидности: цвета, звуки, вкусовые и другие ощущения, т. е. от так называемых вторичных свойств. Ведь человек воспринимает мир не через уравнения, а через краски и цвета, не через движение планет по невидимым орбитам, а через движение солнца по небосклону и радугу после дождя. Мир физики неисторичен. Жизненный мир, напротив, имеет историю. В естественных науках мы всегда прибегаем к объяснению. Жизненный мир мы понимаем. Он дан до всякой науки, он есть целое, в котором мы живем как исторические существа.

Гуссерль приводит пример, что геометрии как науке об идеальных фигурах предшествовало практическое искусство землемерия, которое ничего не знало об идеальностях. Эта догеометрическая деятельность явилась, однако, смысловым фундаментом для геометрии.

Но является ли жизненный мир константой для всех эпох и народов или меняется от эпохи к эпохе? У Гуссерля здесь нет ясности. С одной стороны, жизненный мир – это повседневный мир человеческого опыта, поэтому он исторически изменчив. С другой стороны, Гуссерль стремится понять жизненный мир в качестве априорной, т. е. доопытной, структуры.

Другая проблема состоит в том, что у Гуссерля размывается граница между образом жизненного мира и самим жизненным миром. То, что мы видим перед собой, есть продукт нашего сознания, которое в разные эпохи различно. Например, мы различаем картину мира античного

человека, средневекового человека, современного человека. Или это сам мир меняется от эпохи к эпохе? Ведь ясно, что древний египтянин жил в иной реальности, чем мы – без сотовых телефонов, спутникового телевидения, без разговоров о демократии и правах человека.

Ранний Гуссерль считал, что сущность европейского духа состояла в переходе от естественной установки к теоретической – от *doxa* к *theoria*. Этот переход совершили древние греки. В результате возникли наука и философия, а вместе с ними новая эра в жизни человечества. Поздний Гуссерль считает, что человеческий разум запутался в научной установке, оторванной от того, чем реально живут люди. И что выход из кризиса состоит в возвращении к естественно-практической установке жизненного мира. Получается, что спасение состоит в возврате к миру мнений.

В этом движении по кругу состоит эволюция Гуссерля. То есть у раннего Гуссерля мы видим культ чистого разума, отрешенного от связи с практически-утилитарным миром, а поздний Гуссерль разочаровывается в возможностях впавшей в «объективизм» науки и противопоставляет гордыне науки именно повседневный мир здравого смысла. Однако нельзя сказать, что поздний Гуссерль вернулся совершенно к тому, что отрицал ранний Гуссерль. Сначала, мол, он критиковал психологизм, эмпиризм и релятивизм, а в последних работах возвращается к тому, что критиковал. Введение жизненного мира как основы науки – это не то же самое, что провозглашение эмпиризма и релятивизма в качестве основы познания.

Последователи Гуссерля (Альфред Шюц) попытались перестроить социологическую науку, взяв за основу повседневный обыденный опыт конкретных людей, то, чем на самом деле живут люди. Ведь даже в так называемой классовой борьбе сталкиваются на улицах не классы, которые есть всего лишь абстракции, а конкретные люди, которые исходят из своих человеческих чувств любви и ненависти. На баррикадах сталкиваются конкретные люди, стреляющие из конкретных ружей, а ученый говорит: вот классовая борьба пролетариата с буржуазией. Но пролетариат и буржуазия – это абстракции, государство, армия, учреждения – это абстракции. В реальности существуют лишь люди, придающие тот или иной смысл своим поступкам и действиям. И вот это привнесение смысла в мир преобразует сам мир.

Примечания

1. Подчеркнем, что это означает, что здесь представлен именно гуссерлевский вариант феноменологии. Но в принципе можно говорить о других вариантах, например феноменологии Хайдеггера или Гете. В интересной статье В. Н. Железняк дается версия феноменологии Марселя Пруста. См.: *Железняк В. Н. Ху-*

дожественная феноменология М. Пруста // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 3 (9). С. 110–115.

2. См.: *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. Новочеркасск: «Сагуна», 1994. С. 224.

3. См.: Там же. С. 259.

4. Там же. С. 130.

5. Там же. С. 136.

6. Там же. С. 139.

7. См.: Там же. С. 150.

8. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 199.

9. Пример с газовым шарфом заимствован из лекции М. К. Мамардашвили.

10. Ноэма (греч. νόημα – «мысль») – мысленное представление о предмете. Ноэзис (греч. νόησις – «мышление»), в феноменологии – акт представления о предмете вне отношения с внешним предметом.

11. Понятие жизненного мира Гуссерля мы раскрываем, опираясь на изложение данной темы в: *Гайдено П. П.* Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 478–488.

УДК 159.992.4(470.53)

А. А. Краузе

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА «Я» В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)*

В данной статье исследуются процессы этнической идентификации в Пермском крае. Дается характеристика двух этнических групп: русские и коми-пермяки. Раскрывается специфика групповой и индивидуальной парадигм этнической идентичности.

The paper examines processes of ethnic identification in Perm Krai. It characterizes two ethnic groups: Russians and Komi-Permyaks. Specific features of group and individual paradigms of ethnic identity are revealed.

Ключевые слова: этническая идентичность, групповая этническая идентичность, субъект, дискурс, сознание.

Keywords: ethnic identity, group ethnic identity, subject, discourse, conscience.

Ключевым аспектом данного социального исследования является анализ специфики построения в сознании концепта «Я» через этническую идентичность. Проблемным полем изучения групповой принадлежности выступают исторический и социальный контексты взаимоотношений между группами, поскольку, становясь членами оп-

* Материал подготовлен в рамках Проекта № ПСР/НИР-23 Программы стратегического развития ПГПУ

ределенной социальной общности и идентифицируя себя с ней, субъекты оценивают социальную реальность с ее позиций. Исторический контекст важно учитывать потому, что смена политических и социально-экономических смыслов приводит к формированию новых форм идентичности, в том числе и этнической. Она не является доминантой, но в ней достаточно ощутимы современные трансформации общества и новый формат дискурса.

Значительное внимание уделяется психологической обусловленности межкультурных отношений. Характерно, что субъекты одной культуры, предпочитая свою группу, склонны дискриминировать чужую. В качестве предпосылки могут выступать психологические факторы и, прежде всего, привязанность к своей группе, ведущая к конфронтации с другими, что зачастую детерминируется неадекватной интерпретацией чужой культуры. Следовательно, групповая форма идентичности может налагаться на отдельную субъектную форму, в которой концепт «Я» складывается под воздействием сублимации культурно-исторических, политических, социально-экономических противоречий, где для субъектно-индивидуальной формы групповая принадлежность выступает как защитный механизм, своеобразный ресурс уверенности.

Индивидуальный и групповой (в данном случае этнический) концепт «Я» исследуется с точки зрения их обусловленности социальными факторами. Поскольку самооценка формируется через группу, правомерно предположить, что социальная идентичность имеет больший потенциал, нежели его проявления в индивидуальной форме.

Следует отметить, что исследование этнической идентичности является важной составляющей изучения трансформации сознания человека в современных условиях. Для этого необходимо сочетать конкретный подход и подход на уровне общего знания. Данный баланс может обеспечивать большую репрезентацию реальности. Правомерно предположить, что формируется новая парадигма этнической идентичности, которая на нынешнем этапе перестает быть архетипизированной, и в ней более ярко высвечиваются потребительские запросы современного субъекта действия.

С целью создания более полной картины этнических процессов в современном обществе было проведено социальное исследование с применением специальной методики, разработанной Г. У. Солдатовой (Солдатов Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. С. 104, 189–193).

Респондентами исследования стали молодые люди в возрасте от 17 до 23 лет, относящиеся к этническим группам коми-пермяков и русских. Исследование основывалось на сопоставлении

ответов представителей определенной этнической группы, проживающей в своей этнической группе, а также за ее пределами. Объем выборочной совокупности составил 328 респондентов при 5%-й ошибке репрезентативности, что позволяет говорить о надежности полученных данных. Опрос был произведен в 2012 г. в городах Перми и Кудымкаре Пермского края.

Основными показателями этноидентичности были выбраны шесть индексов: этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность, этноэгоизм, этноизоляция и национальный фанатизм. Данные индексы позволяют не столько сконструировать модель этнической идентичности, сколько определить результат и найти смысловые пересечения в трансформации и приписывании себе идентичности.

Показатель этнонигилизма позволяет проследить трансформацию этнического самосознания, характеризующуюся отчужденностью, проявляющуюся в том, что представитель этнической группы не поддерживает культурные ценности своего этноса, испытывает чувство стыда за его представителей, ощущает неполноценность и ущемленность во взаимоотношениях с представителями своего этноса. В процентном соотношении этнонигилизм выше у коми-пермяков, чем у русских. При этом высокий показатель демонстрируют коми-пермяки, проживающие в Перми: их показатель составил 32,76% против 24,14% коми-пермяков, проживающих в Кудымкаре. Расхождения в русской этнической группе не столь большие: русские, проживающие в Перми, дали 23,53%, тогда как русские, проживающие в Кудымкаре, – 26,53%. Средний показатель этнонигилизма выше у обеих групп, проживающих в Перми: у русских он составляет 58,82%, у коми-пермяков – 56,90%.

Этническая индифферентность – показатель с менее выраженным отрицанием свой этнической группы. Ее характеризует равнодушие к межкультурным различиям и к культурным ценностям своей этнической группы. Данный показатель в среднем значении выше у коми-пермяков, проживающих в Кудымкаре, он составил 74,41%. Соответственно у этой группы респондентов значение высокого показателя этнической индифферентности находится на отметке 12,64%. Средний показатель коми-пермяков, проживающих в Перми, составляет 63,79%, соответственно высокий показатель поднимается до 22,41%. Русская этническая группа по месту проживания существенных скачков не демонстрирует. Высокий показатель и в том и в другом случае не превышает 20–23%. Интересно то, что 23% относятся к этнической группе русских, проживающих в Перми.

Позитивная этническая идентичность проявляется как толерантность по отношению к собственной и другим этническим группам. Позитивная этническая идентичность выступает как условие стабильности в межкультурных взаимоотношениях и сохранения целостности собственной этнической общности. Самый высокий показатель позитивной этнической идентичности среди всех респондентов – у русских, проживающих в Перми, он составил 35,29%, средний показатель у них же составил 57,65%, а низкий – 7,06%. Эта группа респондентов оказалась самой толерантной и стабильной. Позитивная этническая идентичность русских в Кудымкаре снижается до 19%. Русские, проживающие в Кудымкаре, дали показатель низкой позитивной этнической идентичности, на уровне 24,49%. Это свидетельствует о межкультурном напряжении этнической группы русских, проживающих в Кудымкаре. Группа респондентов из числа коми-пермяков, напротив, демонстрирует низкий показатель позитивной этнической идентичности, проживая в Кудымкаре, нежели в Перми. В Кудымкаре он составил 19,54%, а в Перми – 13,79%. Очевидно, что г. Пермь, являясь полиэтническим центром, а также пользуясь преимуществами в социальной инфраструктуре Пермского края, выравнивает этнические концепты и стереотипы.

Этноэгоизм. Эта форма трансформации этнического «Я» характеризуется стремлением к доминированию над другими. Высокий показатель этноэгоизма (25–23%) демонстрируют респонденты среди русской этнической группы, независимо от места проживания. Их показатель превышает позиции коми-пермяков в два раза. Эта же этническая группа в ходе исследования по вопроснику этнических мотивов аффилиации в Перми дала самый высокий среди всех остальных групп показатель «Я»-авторское. Как показатель «Я»-авторское выражает самостоятельный выбор и идентичность в пользу своей этнической группы. Респонденты этнической группы коми-пермяков, проживающие как в Кудымкаре, так и в Перми, в основном дают средний показатель. Поэтому востребованность этноэгоизма не превышает среди них 10–12%. И 12% относится к группе респондентов, проживающих в Кудымкаре. Востребованность данной позиции среди русских, возможно, объясняется тем, что от них требуется больше стратегических усилий и построения межкультурных коммуникаций. Они, находясь в полиэтническом пространстве Пермского региона, где проживает более 60 национальностей, вынуждены занимать постоянную позицию на «входе» в чужую культуру и нести ответственность за выравнивание межэтнических взаимодействий, что, в свою очередь, может вызывать ощущение исхо-

дящей извне «деструктивности» по отношению к собственной этнической группе.

Показатель этноизоляционизма раскрывает содержание этнического «Я». В этноизоляционизме этническое «Я» проявляется в убежденности в превосходстве своей общности, в негативном отношении к межнациональным союзам. По месту проживания респондентов наибольшая востребованность данного показателя наблюдается в Перми. Здесь показатель составил 22% в обеих этнических группах, тогда как в Кудымкаре для обеих групп он оказался на уровне 19%. Более стабильной этнической группой по месту проживания с низким уровнем востребованности этноизоляционизма оказались русские, проживающие в Перми. Их показатель составил 20% от опрошенных, тогда как по месту проживания в Кудымкаре показатель не превысил 12%. Можно констатировать, что востребованность данной стратегии в этнической группе русских определяется местом их проживания. Среди респондентов группы коми-пермяков по месту их проживания (г. Пермь, г. Кудымкар) низкий показатель не превысили 10–13%. Следовательно, можно говорить о том, что их этноизоляционная стратегия не определяется местом проживания, и, возможно, носит культурный характер.

Национальный фанатизм – крайняя форма этнического «Я». Это готовность на агрессивные действия в защиту и обеспечение привилегий своей этнической группы. Данный показатель имеет четко выраженный территориальный характер. И коми-пермяки и русские, проживающие в Кудымкаре, показали высокую востребованность национального фанатизма – на уровне 30–31%, тогда как низкий показатель востребованности составил у русских 6,12%, у коми-пермяков – 9,20%. Следовательно, показатель востребованности национального фанатизма в г. Кудымкаре относится к высокому и среднему уровням. В г. Перми этот показатель на уровне высокой потребности существенно снижается, до 17–18% в обеих этнических группах. Более того, в группе респондентов русской этнической общности показатель низкой потребности самый высокий – на уровне 30,59%. Это значит, что показатель «востребованности национального фанатизма» в г. Перми относится больше к среднему и низкому уровням.

Выраженность показателей этнической идентичности практически однородна у обеих этнических групп, независимо от места проживания.

Показатель востребованности позитивной этнической идентичности самый высокий. Он варьируется от 22 до 24% в обеих группах. Показатель в 24% продемонстрировали русские, проживающие в Перми. На втором месте стоит этническая индифферентность, которая составила

17–18%. Третье место занимает национальный фанатизм, он варьируется 13–16% и выражен больше в г. Кудымкаре, чем в Перми. Примерно на одном уровне востребованности среди респондентов этноэгоизм и этноизоляционизм, их показатель находится на уровне 12–13%. Последнее место занимает этнонигилизм, его показатель – 10–11%.

Как показывает практика, значения низкого и высокого показателей индексов позволяют раскрыть внутренний срез этнических процессов идентичности, в которых происходит пересечение разных дискурсов. Эти пересечения особенно видны на примере таких показателей, как этноэгоизм, этноизоляционизм, национальный фанатизм. К примеру, этническая группа русских, проживающая в городе Перми, по показателю этноизоляционизма дала неожиданный результат. По сравнению с той же этнической группой русских, проживающих в г. Кудымкаре, ее показатель этноизоляционизма оказался выше на 3%, притом что по показателю национального фанатизма русские, проживающие в Кудымкаре, превышают этническую группу, проживающую в Перми, на 13%. Это свидетельствует о том, что от людей нельзя ожидать какой-либо согласованности. Их концепт сознания обусловлен неопределенностью социальных процессов, в которых выбор и отношение к чему-либо происходит на уровне неосознаваемого, идущего как бы вторым планом, выраженного в потребности комфортной социальной среды. Поэтому столь высок средний показатель во всех индексах. Этническая группа рассматривается как возможный инструмент потребления социальной среды, в условиях, когда право быть потребителем современного уровня социальных благ не подкреплено экономически. Совершенно очевидно, что перемена места жительства представителя той или иной этнической группы трансформирует его этническую мотивацию в зависимости от того, как он смог себя реализовать по месту нового проживания. У подавляющего большинства опрошенных респондентов доля выраженности этнической идентичности по показателям, негативно отражающим этническую идентичность, в Перми ниже, чем в Кудымкаре, независимо от принадлежности к этнической группе. Это значит, что потребительские запросы субъектов в Перми реализуются более успешно, что и обуславливает их мотивацию этнического выбора.

В итоге полученные результаты опроса свидетельствуют, что показатели этнической идентичности находятся в основном на среднем уров-

не. Именно за счет достаточно важных по количественному показателю этнических групп – русские и коми-пермяки – обеспечивается необходимая межкультурная устойчивость и стабильность полиэтнического региона.

Столь значительный процент среднего показателя в обеих группах позволяет сделать вывод, что репрезентируется ментально невысокая зависимость субъектов от этноса. Можно предположить, что происходит пересечение дискурсов «приобщение к группе» и «приобщение к государству». «Группа» – показатель обособления, тогда как «государство» – гарант целостности, за которой стоит мощь, сила и воспроизводство современной материальной культуры. «Группа», в силу объективных причин, не способна обеспечить воспроизводство современной материальной культуры, в то же время человек не способен отказаться быть ее потребителем. Чем более технологизированной будет современное социальное пространство, тем больше будет повышаться значение государства, поскольку именно в нем заключена вся информационная и производственная технология воспроизводства культуры, куда следует отнести, прежде всего, систему образования и науки, а также, что не менее важно, механизм распределения материальных благ. Поэтому дискурсный смысл «приобщение к группе» проявляется в основном в негативном значении, когда нарушены связи индивида и государства. Несомненно, этническая групповая идентичность работает в современных условиях как ресурс давления по отношению к социальной системе в целом.

Современной культуре присущ динамизм во всех сферах человеческой жизнедеятельности. У субъектов появляются все новые и новые цели и потребности, что приводит к разрушению старых связей и обязательств, в том числе и перед собственной этнической группой, и возникновению новых групп, главным идентификатором которых становится мобильность, эффективность, профессиональность, успешность, экономическая продуктивность. Но такие группы быстро возникают и распадаются. Этническая же группа более устойчива, поскольку держится на силе традиций, где отношения между людьми более прочны. В моменты кризиса и неопределенности она притягивает человека как фактор стабильности. Однако полного приобщения субъекта к группе в традиционном этническом смысле не происходит, поскольку для него синтез различных типов, уровней идентификационных процессов уже является нормой.

УДК 305

Ю. П. Лошакова

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ ЖЕНЩИН В ВЫСШЕМ РУКОВОДСТВЕ С ЭФФЕКТИВНОСТЬЮ КОМПАНИИ

В статье рассмотрены гендерные аспекты корреляции представленности женщин в высшем руководстве с эффективностью компании, а также особенности карьерных возможностей женщин в сфере бизнеса.

The article deals with gender aspects of the correlation of representation of women in senior management with the efficiency of the company, as well as peculiarities of career opportunities for women in business.

Ключевые слова: гендерный аспект, рынок труда, женщина-руководитель.

Keywords: gender aspect, labour market, a female leader.

Изучение взаимосвязи представленности женщин в высшем руководстве с эффективностью компании представляется актуальной темой. Ей посвящен целый ряд международных эмпирических исследований. В данной статье ставится задача рассмотрения взаимозависимости наличия женщин в совете директоров с показателями прибыльности компании, а также карьерных возможностей женщин в сфере бизнеса в России и Европе.

Американская компания Catalyst, специализирующаяся на проблемах женщин на рынке труда, опубликовала данные исследования The Bottom Line: Corporate performance and women's representation on boards [1] («Нижняя линия: результативность компании и представительство женщин в руководстве»), показывающие стойкую корреляцию между долей женщин в советах директоров и показателями эффективности компаний, которые входят в рейтинг Fortune 500 (Fortune 500 – это список самых крупных компаний США по версии американского журнала «Fortune». В список входят 500 самых больших компаний США, ранжированных по уровню дохода). Компании, где в советах директоров три и более женщин, однозначно опережают остальных: их рентабельность собственного капитала на 53% выше (показатель прибыльности), а доход на вложенный капитал на 66% выше (показатель эффективности менеджмента) (рис. 1).

Аналогичные результаты показало международное исследование McKinsey Women Matter: Women at the top of corporations [2] («Женщины имеют значение: женщины во главе корпораций»). Согласно полученным данным, компании с большим количеством женщин-руководителей показывают лучшие результаты. Компании с тремя и более женщинами в руководстве имеют более высокие показатели по уровню условий труда, координации и контролю, управлению (см. рис. 2).

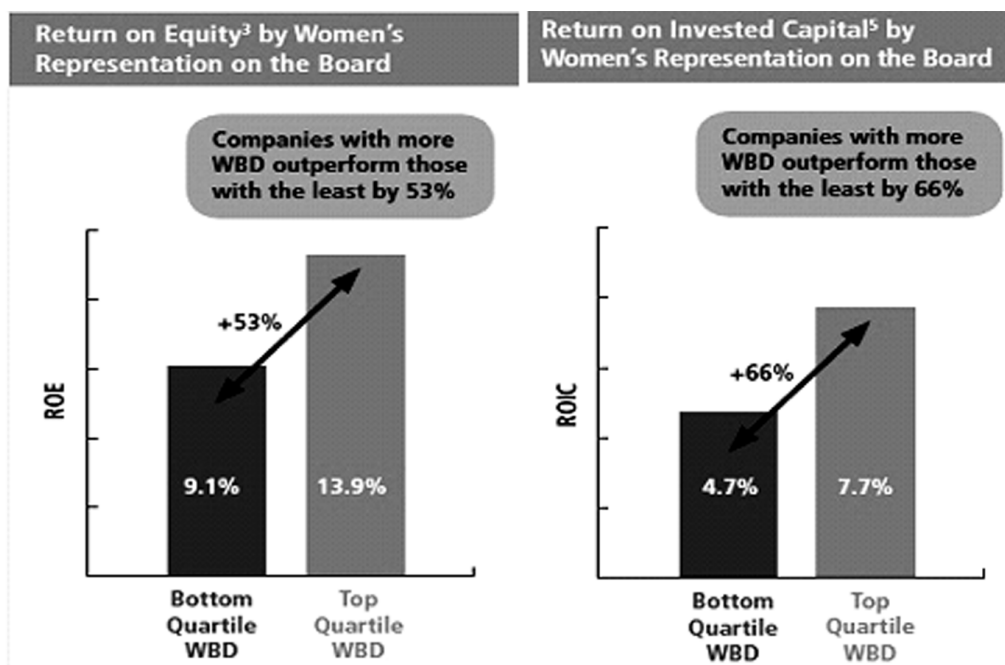

Рис. 1. Диаграммы приведены из исследования The Bottom Line: Corporate performance and women's representation on boards, проведенного компанией Catalyst

Рой Адлер и его коллеги из Университета Пеппердин (Калифорния), изучив 200 компаний из списка Fortune 500, пришли к выводу, что «корреляция между руководителями высшего звена женского пола и успехом бизнеса является устойчивой и показательной» [3].

Исследование Кристиана Дези из Университета Мэриленд и Дэвида Гэддиса Росса из Колумбийского Университета Does Female Representation in Top Management Improve Firm Performance? A Panel Data Investigation [4] («Улучшает ли наличие женщин в высшем руководстве результативность деятельности фирмы? Исследование панельных данных»), основанное на изучении 1500 самых крупных компаний США с 1992 по 2006 г., также показало, что компании с одной или более женщинами в высшем руководстве, стоящими сразу за генеральным директором, показывают более высокие результаты, чем другие компании. Однако это имеет место лишь в тех случаях, когда стратегия фирмы сфокусирована на инновациях, в рамках которых информационные и социальные положительные стороны гендерного разнообразия, связанные с женщинами-руководительницами, являются особенно важными для исполнения управленческих заданий.

Рене Адамс из Университета Нового Южного Уэльса (Сидней, Австралия) в исследовании 2009 г. Beyond the Glass Ceiling: Does Gender Matter? [5] («За пределами стеклянного потолка: имеет ли гендер значение?»), основанного

на опросе большого количества директоров, показала, что директора женского и мужского пола систематически различаются в своих основополагающих ценностях и отношении к риску. Тогда как часть общих гендерных различий исчезает на уровне высшего руководства, некоторые остаются. Например, директора-женщины более благосклонные и глобально мыслящие, но менее ориентированные на власть, чем мужчины. Однако они меньше настроены на поддержание традиций и безопасности, чем их коллеги мужского пола. Более того, они даже чуть больше склонны к риску. То есть наличие женщин в совете директоров не приводит к принятию стратегических решений, нацеленных на предотвращение риска.

Несмотря на то что многие исследования доказывают положительное влияние наличия женщин в высшем руководстве компаний на ее эффективность, реальная представленность женщин в топ-менеджменте по-прежнему остается невысокой. По данным брюссельского центра BlueSteps при Международной ассоциации консультантов по подбору персонала высшего звена (AESC) [6], в составе совета директоров около трети (29%) крупнейших мировых компаний нет ни одной женщины.

Что касается российского бизнеса, то в нем также преобладают мужчины: в высшем руководстве 100 крупнейших российских компаний женщины составляют 14% [7].

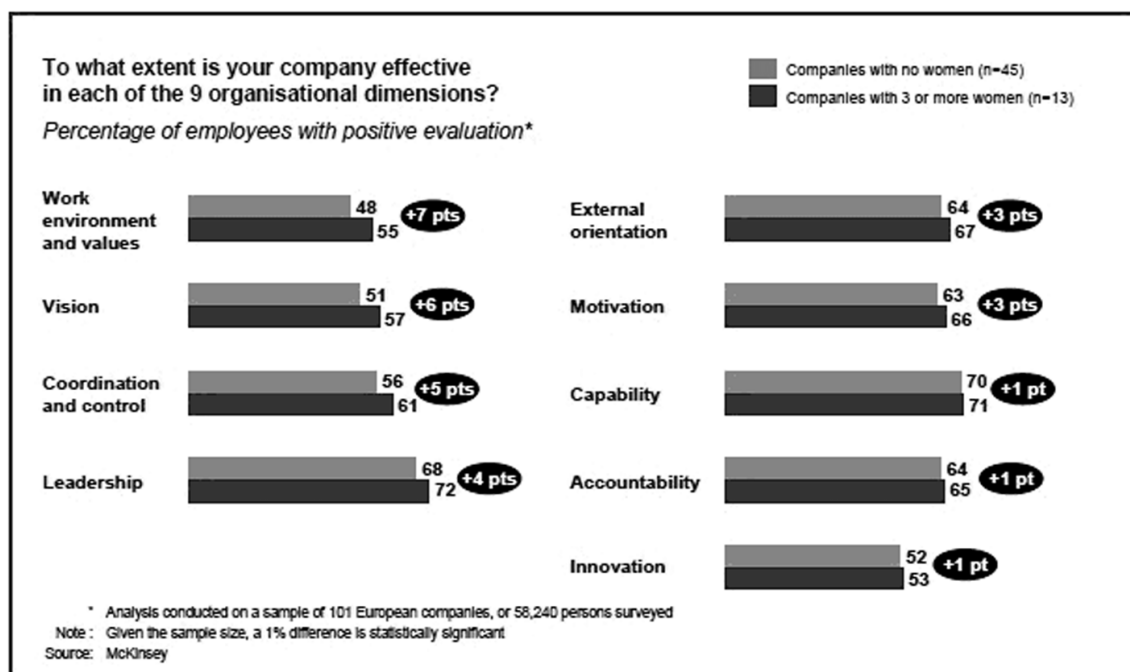

Рис. 2. Данные приведены из исследования Women Matter: Women at the top of corporations, проведенного компанией McKinsey&Company

Часть исследований посвящена отдельно положению женщин на рынке труда. Среди них можно выделить, например, исследование «Карьерные возможности женщин в сфере бизнеса» [8], проведенное в 2011 г. компанией PricewaterhouseCoopers на основе 80 отечественных и зарубежных компаний, работающих в России. Среди основных результатов данного исследования можно перечислить следующие:

- Доля женщин на руководящих должностях увеличилась с 2008 по 2011 г. Традиционно высок процент женщин среди директоров по персоналу, главных бухгалтеров и финансовых директоров.

- Женщины чаще сталкиваются с феноменом «липкого пола», то есть они дольше, чем мужчины, работают без продвижения на одной позиции.

- Ключевые конкурентные преимущества женщин – большая трудоспособность и наличие необходимых навыков.

- Недостаточная амбициозность является одним из главных препятствий карьерного роста женщин (рис. 3).

- Увеличилось количество компаний с такими программами для женщин, как возможность частично работать из дома и гибкий рабочий график (рис. 4).

Качества/факторы, которые препятствуют развитию карьеры женщины

Вопрос: Насколько перечисленные качества/факторы могут препятствовать развитию карьеры женщины? (учтены ответы «существенно препятствует» и «препятствует»)

Рис. 3. Данные приведены из исследования «Карьерные возможности женщин в сфере бизнеса», проведенного компанией PricewaterhouseCoopers

Какие программы для женщин/женщин с детьми существуют в вашей компании (%)?

Рис. 4. Данные приведены из исследования «Карьерные возможности женщин в сфере бизнеса», проведенного компанией PricewaterhouseCoopers

Исследование Центра братьев Леман для деловых женщин при Лондонской школе бизнеса Inspiring Women: Corporate Best Practice in Europe [9] («Вдохновляя женщин: лучшие корпоративные практики в Европе»), основанное на данных 61 компании из 12 европейских стран, указывает на разницу между постулируемыми карьерными возможностями для женщин и реальной ситуацией. Почти все исследуемые компании (95%) подтвердили, что они предоставляют возможность работать неполное рабочее время, а 89% предлагают гибкий рабочий график. Однако, несмотря на принятую корпоративную политику, данные исследования указали на значительную разницу между устремлениями политики и повседневной практикой. Например, почти половина участвовавших в исследовании компаний сообщили, что менее 10% женщин на менеджерских позициях в действительности работают по гибкому рабочему графику, и почти 80% компаний заявили, что менее 20% менеджеров и топ-менеджеров работают неполный рабочий день.

По данным опроса [10], проведенного 20–24 июля 2009 г. исследовательским центром рекрутингового портала SuperJob.ru среди 3800 экономически активных россиян, около половины россиян (48%) высказываются за гендерный баланс в коллективе. Однако среди них большинство занимают женщины: 57% против 39% мужчин. Ответы на вопрос: «Как считают американские специалисты, в рабочем коллективе должен соблюдаться гендерный баланс (приблизительно равное соотношение мужчин и женщин в коллективе). А как вы считаете, нужен ли в коллективе такой баланс?» – приведены в таблице (из опроса исследовательского центра рекрутингового портала SuperJob.ru).

Вариант ответа	Все	Пол	
		муж.	жен.
Нужен	48%	39%	57%
Не нужен	38%	47%	29%
Затрудняюсь ответить	14%	14%	14%

Таким образом, суммируя результаты международных и российских эмпирических исследований, посвященных анализу гендерных аспектов рынка труда, можно сделать следующие выводы:

- Данные нескольких международных исследований подтверждают наличие корреляции между представленностью женщин в высшем руководстве и эффективностью компании. Для любой команды, в том числе и топ-команды, важно объединять различных людей, используя сильные стороны каждого. Гендерный аспект тоже обогащает команду высшего руководства. Таким образом, наличие определенного процента женщин (который может варьироваться в зависимости от сфе-

ры деятельности компании) положительно влияет на показатели эффективности компании.

- Из особенностей положения женщин на российском рынке труда можно отметить то, что женщины, во-первых, дольше, чем мужчины, работают без продвижения на одной позиции, а во-вторых, одним из главных препятствий карьерного роста женщин является недостаточная амбициозность.

- Симптоматична установленная разница между официально постулируемыми карьерными возможностями для женщин и реальной ситуацией, которая подтверждает тот факт, что не столько важны эгалитарные положения корпоративной гендерной политики, сколько контроль над их реализацией.

- Опрос экономически активных россиян показал, что необходимость гендерного баланса видят лишь менее половины респондентов, причем большинство из которых составляют женщины.

Примечания

1. The Bottom Line: Corporate performance and women's representation on boards. Catalyst. URL: http://upload.rb.ru/upload/archive/dop_upload/file_2007-11-02_20.15.19_catalyst.pdf [дата обращения 05.05.2013]

2. Women Matter: Women at the top of corporations. McKinsey&Company URL: http://upload.rb.ru/upload/archive/dop_upload/file_2007-11-02_20.16.39_mckinsey_women_matter.pdf [дата обращения 05.05.2013]

3. Profit, Thy Name Is ... Woman? Pacific Standard URL: <http://www.psmag.com/business-economics/profit-thy-name-is-woman-3920/> [дата обращения 08.05.2013]

4. Dezsó C. L., Ross D. G. Does Female Representation in Top Management Improve Firm Performance? A Panel Data Investigation URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1088182 [дата обращения 08.05.2013]

5. Renee B. Adams Beyond the Glass Ceiling: Does Gender Matter? URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1475152 [дата обращения 08.05.2013]

6. Гендерный баланс. Русская кадровая ассоциация ООО «РКА-Консалтинг». URL: <http://www.rpa-consult.ru/digest/2007/12/1247.shtml> [дата обращения 08.05.2013]

7. Касимова И. Гендерный баланс в компаниях: плюсы и минусы. Ресурс RB.ru – Бизнес-информация и Деловое сообщество. URL: <http://www.rb.ru/article/gendernyy-balans-v-kompaniyah-plyusy-i-minusy/4912517.html> [дата обращения 05.05.2013]

8. Карьерные возможности женщин в сфере бизнеса. PricewaterhouseCoopers. URL: <http://upload.rb.ru/upload/admins/files/career-women-in-business.pdf> [дата обращения 05.05.2013]

9. Inspiring Women: Corporate Best Practice in Europe, проведенное Lehman Brothers Centre for Women in Business. URL: http://upload.rb.ru/upload/archive/dop_upload/file_2007-11-02_20.17.53_may_2007_corporate_best_practice_report.pdf [дата обращения 05.05.2013]

10. Гендерный баланс в коллективе нужен женщинам. Исследовательский центр рекрутингового портала SuperJob.ru. URL: http://www.superjob.ru/community/kollektiv/35821/?utm_source=&utm_medium= [дата обращения 08.05.2013]

УДК 167.7

М. В. Трапезников

РАЗВИТИЕ КОЛЕБАТЕЛЬНОЙ ХРОНОМЕТРИИ НА ПРИМЕРЕ СОЗДАНИЯ МАЯТНИКОВЫХ ЧАСОВ

В статье рассматриваются специфические процессы, происходящие в технической науке и направленные на конструирование прикладной разработки.

The article examines the specific processes occurring in technical science aimed at designing the application development.

Ключевые слова: наука, практика, практическое познание, прикладное исследование, прикладная модель, технический проект, теория маятника, механические часы.

Keywords: science, practice, practical knowledge, applied research, the application model, engineering design, theory of a pendulum, mechanical timepieces.

Главная цель технических наук – выработка практико-методических рекомендаций по применению теоретических знаний в сфере технической теории и практике инженерной деятельности [1]. Это происходит таким образом: возникает некоторое прикладное направление, основанием которого является необходимость создания определенного практического блага. При этом из базовой естественной науки сначала транслируется исходная частная теоретическая схема, из смежной технической науки – структурная теоретическая схема, а из математической теории – функциональная схема. Это составляет теоретический уровень. На уровне прикладного исследования происходит предпроектное обследование, научное обоснование разработки, анализ возможности использования уже полученных научных данных для конкретных инженерных расчетов, характеристика эффективности разработки, анализ необходимости проведения недостающих научных исследований. Это ведет к созданию проекта, а затем рабочей модели. На ней отрабатывается влияние ранее несущественных или неучтенных факторов. Затем создается образец, который может иметь практическое применение. На примере изобретения маятниковых часов рассмотрим, как данная модель работает в действительности.

Со времен изобретения маятниковых часов начинается история классической колебательной хронометрии, которая достигла значительного успеха в XVIII–XIX вв. и развивалась вместе с развитием культуры как неотъемлемая часть на-

уки и техники. История маятниковых часов берет начало у арабов в средние века. В исторической литературе стало обычным утверждение, что арабский ученый Ибн Юнис в 1008 г. первый стал применять маятник для измерения времени, но остался неизвестным способ его использования [2]. Идея применения маятника в качестве регулятора шпиндельного хода также имелась у Леонардо да Винчи (1462–1519). Он сделал ряд важных выводов из эмпирического материала и сформулировал некоторые научные обобщения, но у нас нет данных о создании им рабочей модели часов с соединением маятника с устройством для поддержания его колебаний и их отсчета. Таким образом, изобретение маятниковых часов нельзя приписать кому-то одному. Но все же основоположниками теории и практики создания часов можно считать Галилео Галилея и Христиана Гюйгенса.

Галилей (1564–1642) считается основоположником экспериментального естествознания и современной механики, физики и астрономии. Одним из важных результатов переворота в методике научно-исследовательской работы, произведенного им благодаря введению эксперимента и математического исчисления, было установление точных законов движения тяжелых тел, как свободных, так и связанных, в том числе законов колебаний маятника. Галилей в ходе своих исследований установил главный закон колебания маятника – независимость периода колебания при малых амплитудах. Этот закон, известный под названием изохронизма, имел не только теоретическое, но и большое практическое значение. Галилей сразу понял, какие важные последствия можно извлечь из сделанного им открытия. Исследуя колебание маятника, Галилей установил, что время качаний маятников разной длины пропорционально квадратным корням из их длин. Сам Галилей сформулировал этот закон в книге «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей...» (1638) следующим образом: «Что касается отношения времени качания тел, подвешенных к нитям различной длины, то промежутки времени относятся между собой, как корни квадратные из длин маятников, и, обратно, длины маятников... относятся друг к другу, как квадраты времени качания» [3].

Галилей установил также существование независимости периода колебаний маятника от его массы или что маятники одинаковой длины имеют колебания одинаковой продолжительности независимо от того, из какого материала они сделаны – из дерева, камня или металла. Однако Галилей не дал математической формулы для определения периода колебаний маятника. Это было сделано Гюйгенсом, которому удалось до-

казать, что малые колебания физического маятника можно сделать так же изохронными, как и у математического маятника. Свойство изохронности колебания делало маятник весьма удобным средством для создания часов с таким регулятором [4].

Но только в конце жизни, когда Галилей уединился в Арчетри, он вплотную занялся вопросом применения маятниковых часов, о чем свидетельствует его письмо генеральным штатам Нидерландов от 15 августа 1636 г. Оно было извлечено из национального архива Гааги и опубликовано в шестнадцатом томе трудов Галилея и в третьем томе собрания сочинений Гюйгенса. «У меня есть, – писал Галилей генеральным штатам, – такой измеритель времени, что если бы сделать 4 или 6 таких приборов и запустить их, то мы бы обнаружили (в подтверждение их точности), что измеряемое и показываемое ими время не только из часу в час, но изо дня в день, из месяца в месяц не отличалось бы на различных приборах даже на секунду, настолько одинаково они шли» [5].

В письме от 6 июня 1637 г. к Лоренцо Реалу, бывшему губернатору Голландской Индии, Галилей сообщил об изобретении им особого устройства для счета колебаний маятника, предназначенного для определения долготы. Этот прибор не был собственно часами, а был только счетчиком колебаний маятника. зубчатое колесо под действием растяжения и сокращения свиной щетины приводилось в движение толчками – зуб за зубом. Щетина в данном случае действовала как храповик с собачкой. По-видимому, Галилей тогда еще не считал для себя возможным взяться за конструирование механизма маятниковых часов, поскольку был убежден, что опытные голландские часовщики сами сумеют решить эту техническую задачу.

Содержание письма Галилея генеральным штатам Нидерландов от 1636 г. с его сообщением о маятниковых часах, точно идущих из месяца в месяц, определенно свидетельствует, что такие часы тогда уже были задуманы, но еще не были воплощены ни в чертежах, ни в моделях. К конструктивной разработке идеи о своих часах Галилей смог приступить лишь в 1641 г.; на этом пути самым крупным его достижением было изобретение совершенного спускового регулятора хода маятниковых часов. Но, будучи лишен зрения и в силу физической слабости, Галилей ознакомил со своими мыслями сына Винченцо в один из его приездов в Арчетри из Флоренции. После этого они не раз обсуждали вопрос о создании реальной модели маятниковых часов: в итоге был составлен чертеж конструкции этих часов. Решено было сразу приступить к делу, с тем чтобы определить возможные трудности в этом деле, которые невоз-

можно заранее предвидеть при теоретической разработке конструкции.

Но через несколько месяцев Галилей – автор этого замечательного изобретения – заболел и 8 января 1642 г. умер. Только в апреле 1649 г. Винченцо стал самостоятельно работать над созданием конструкции согласно концепции своего отца. Винченцо не раз демонстрировал Вивини механизм часов, заключенный между грузом и маятником, как знакомому с существом изобретения Галилея и могущему помочь советами и по достоинству оценить работу. К сожалению, сын ненадолго пережил отца: Винченцо скончался 16 мая 1649 г. от острого припадка нервно-психического заболевания, уничтожив большое количество часов [6]. Тем не менее важно отметить, что у отца и сына Галилеев мы видим создание предварительной научно обоснованной технической модели, но она, по-видимому, нуждалась в доработке для практического применения.

Христиан Гюйгенс (1629–1695), великий голландский математик, физик и астроном XVII в., не только продолжил исследования, начатые Галилеем, но и положил начало развитию новой области механики – динамики системы материальных точек твердого тела. В ходе исследования проблемы физического маятника он сконструировал часы с обыкновенным, циклоидальным и коническим маятниками. Центральное место в творчестве Гюйгенса занимает работа «Маятниковые часы» («*Horologium oscillatorium*»), изданная в 1673 г. в Париже.

Этот труд выходит далеко за пределы, очерченные названием. В нем, кроме описания конструкции изобретенных Гюйгенсом часов с обыкновенным, циклоидальным и коническим маятниками, впервые рассматриваются учение о центре колебаний физических тел, проблема ускорения силы тяжести посредством наблюдения колебания маятника; предложение о применении длины секундного маятника в качестве единицы длины; теория центробежной силы; механические и геометрические свойства циклоиды; учение об эволютах и эвольвентах. Исследования в области физико-математических наук осуществлялись Гюйгенсом на более широкой, чем у Галилея, основе и касались более сложных научных и технических проблем [6].

Своими трудами по хронометрии Гюйгенс внес огромный вклад в науку и технику. С них, как и с трудов Галилея, собственно, и начинается новая история часов – развитие классической колебательной хронометрии. После Гюйгенса часы стали более надежным механизмом, основанным на выводах науки и служащим ей. В 1658 г. в Гааге появилась брошюра Гюйгенса «Часы» («*Horologium*»), где было приведено описание его первых часов с простым маятником. После выхода брошюры ряд

лиц выступили с опровержением приоритета Гюйгенса в изобретении маятниковых часов и со ссылками на свои более ранние изобретения или изобретения других лиц. Тем не менее является установленным факт, что «...маятник в качестве регулятора хода часов стал входить в широкое применение только после появления трудов Гюйгенса “Часы” и особенно “Маятниковые часы”. Если в ранней работе Гюйгенса содержится в основном только описание первых маятниковых часов, то в последующей дается и их теория, которая в принципе остается без изменения до сих пор. Эта теория оказалась способной служить рациональной основой для последующего конструирования маятниковых часов» [7].

Таким образом, история возникновения механических часов показательна для истории науки и техники. «К XVII в. в Европе назрела потребность в точном измерении времени, нужны были механические часы, удобные как для научной лаборатории, так и для корабля, а также для бытовых нужд. Налицо важный социальный проект» [8].

Гюйгенс сформулировал инженерную задачу: как сконструировать часы с изохронным качанием маятника? Для ее решения были применены

данные естественных наук, проведено прикладное исследование о центре качания. Гюйгенс пришел к выводу о том, что маятник изохронен, если он движется по циклоиде, обращенной вершиной вниз. Этап инженерной разработки создал модельную конструкцию часов, где определялись места и функции маятника, подвесного механизма и других технических объектов. Затем модель была воплощена в металлической конструкции механических часов. По данному образцу в мастерских и было налажено их массовое производство.

Примечания

1. Горюхов В. Г. Основы философии техники и технических наук. URL: http://newuc.jinr.ru/img_sections/file/Aspirant/Gprochov/GorokhovFilosTekhn2.pdf
2. Мармери Дж. В. Прогресс науки, его происхождение, развитие, причины и результаты. СПб.: Академия наук, 1896.
3. Галилей Г. Избранные труды: в 2 т. М.: Наука, 1964.
4. Пипуныров В. Н. История часов с древнейших времен до наших дней. URL: http://www.german242.com/books/pipunirov-clock_history.pdf
5. Цит. по: Пипуныров В. Н. Указ. соч.
6. Гюйгенс Х. Три мемуара по механике. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
7. Пипуныров В. Н. Указ. соч.
8. Юлов В. Ф. История и философия науки: учеб. пособие. URL: <http://www.srifest.com>

Отечественная история

УДК 947.081/.083 + 371.2

О. Д. Попова

**«КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА»
ЕПАРХИАЛОК...
(ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОСПИТАНИЦ
ЗАКРЫТЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
В РАМКАХ ЖИЛИЩНОГО ПРОСТРАНСТВА)**

В статье анализируется повседневная жизнь воспитанниц женских епархиальных училищ, рассматриваются история строительства зданий, жилищные условия, организация проведения занятий, питание дочерей духовенства. Автор полагает, что повседневная жизнь воспитанниц зависела от сословного строя российского общества и развития санитарно-гигиенических знаний.

This is the analysis of the daily life of pupil's eparchial girl's schools. The author of this article shows history of construction of buildings. The author demonstrates conditions of life, school hours and meals of the daughters of clergy. The made work has shown, that the daily life of the daughters of clergy depend from class building the Russian society and development of sanitary – hygienic knowledge.

Ключевые слова: епархиальные женские училища, дочери духовенства, повседневная жизнь, условия жизни, питание, санитарно-гигиенические знания.

Keywords: eparchial girl's schools, daughter of clergy, daily life, conditions of life, meal, school hours, sanitary-hygienic knowledge.

Аспекты изучения повседневности весьма разнообразны и многослойны – все, что окружает человека и опосредует его жизнь: географические и экологические условия жизни, трудовая деятельность, потребности (в жилище, питании, одежде и лечении) и возможности их удовлетворения. Безусловно, к ним можно отнести вопросы, связанные с жилищным пространством, а также практикой времяпровождения в нем. Вопрос жилищного пространства является весьма актуальным, поскольку отражает политику государства по отношению к человеку, демонстрирует качество жизни отдельной личности. В современной российской историографии получило освещение такое явление советского быта,

как «коммунальная квартира», которая частично была порождением советской идеологии, с одной стороны, и издержками форсированной индустриализации – с другой [1]. А между тем не менее интересную картину совместного проживания представляют закрытые учебные заведения дореволюционной эпохи, в которых воспитанники находились практически неотлучно.

Следует отметить, что в XVIII в. большинство учебных заведений были закрытыми, т. е. воспитанники в них находились круглосуточно весь срок обучения, не покидая его даже на время каникул. Первоначально такая закрытость была наследием эпохи Екатерины II, которая ставила задачу воспитать «новую породу» людей путем изоляции от пагубного влияния общества. Во второй половине XIX в. на улицах городов уже можно было встретить учащуюся молодежь, ежедневно спешащую на учебу в мужскую или женскую гимназию или реальное училище, т. е. закрытый характер организации учебного процесса перестал быть единственным. Однако продолжалось функционирование закрытых учебных заведений, где воспитанники жили при учебном заведении. Среди них были женские институты благородных девиц, а также духовно-учебные заведения для детей духовенства. Мальчики получали образование в духовных училищах и духовных семинариях, а девочки – в женских епархиальных училищах. Во второй половине XIX в. целенаправленной изоляции учащихся от общества уже не было, но епархиальные училища и духовные семинарии продолжали оставаться полузакрытыми учебными заведениями, поскольку большинство воспитанников приезжали в епархиальный центр учиться со всех концов епархии и проживали в стенах учебного заведения. Эта особенность выгодно отличала духовно-учебные заведения от светских гимназий и других учебных заведений, поскольку родители могли быть уверены, что за детьми будет осуществлен надзор, они будут худо-бедно накормлены и одеты.

Среди прочих вопросов истории образования немалый интерес представляет проблема повседневной жизни воспитанников в таких учебных заведениях, которая раскрывается через различные стороны: жизненное пространство училища,

режим дня, вопросы питания и одежды, в том числе и санитарно-гигиенический аспект, поскольку качественное образование не может быть без нормальных гигиенических условий. Следует отметить, что данная проблема также связана с эволюцией сословного строя России, с которым система образования тесно переплеталась.

Безусловно, нормальный учебный процесс не может протекать без удобного, приспособленного специально под нужды учебного заведения здания. Специальные хорошо устроенные здания духовных семинарий и женских епархиальных училищ начали возникать далеко не сразу. Так, например, дошедшее до нас здание Рязанской духовной семинарии было выстроено в начале XIX в. Однако на российских просторах было много помещений духовно-учебных заведений, которые не отвечали никаким нормам гигиены. В нашумевшем в середине XIX в. произведении И. С. Беллюстина «Описание сельского духовенства» автор так пишет о помещении духовных училищ: «Что такое здания училищные? По большей части трудно было бы угадать, для чего эти здания тому, кто видит их в первый раз. Это не казармы, не конюшни, не хлевы, – нет, хуже всего этого. Большею частью это еле держащиеся, при бесчисленных подпорках, остатки чего-то в незапамятные времена строенного, в которых ветер гуляет со всей свободой» [2]. Конечно, автор этих строк несколько сгустил краски, однако недалеко ушел от истины. Так, например, ревизор, описывающий состояние Рязанской духовной семинарии в середине XIX в., писал: «В спальнях воздух парный и крайне не свежий, чистоты и опрятности нет, кровати деревянные весьма давнего происхождения, тюфяки и постельное белье весьма грязны и нередко ветхи» [3]. Лихачева, описывая историю формирования системы женских учебных заведений для дочерей духовенства, упоминает о заведениях в виде приютов, где дети содержались плохо, спали иногда до 15 человек в одной келье на полу, терпели лишения в пище и одежде, а иногда не получали и никакого образования [4]. Таким, например, было и Рязанское училище для девиц духовного звания в первый период своего существования. Первое здание этого училища было выстроено в пойме реки Лыбедь, в болотистой местности, которую местные жители использовали в качестве свалки для бытового мусора. Комнаты были с низкими потолками, форточки вообще не были предусмотрены, по комнатам гулял сквозняк, зимой в них было холодно и сыро. Спальни, по выражению начальницы училища, «укрывавшие бесчисленное множество клопов», были тесны, не всегда хватало кроватей для воспитанниц, которые иногда были вынуждены спать по две на одной кровати [5].

Такое плохое санитарно-гигиеническое состояние многих учебных заведений для детей духовенства было отчасти вызвано сословной структурой российского общества и отчасти – скудостью бюджета этих учебных заведений. Положение духовного сословия было неоднозначным в России: с одной стороны, оно имело ряд льгот, с другой – иногда некоторые священнослужители были беднее крестьян и жили в таких же тяжелых условиях, как и крестьянские семьи. Поэтому руководство епархий и правительство к нуждам детей духовенства относились соответственно и удобные помещения с просторными классами и спальнями считали излишней роскошью, не соответствующей сословным потребностям. Только во второй половине XIX в. начинают формироваться представления о школьной гигиене, вырабатываются требования к объему классов и нормы освещенности. В конце XIX в. санитарная комиссия, обследовавшая учебные заведения города Рязани, в качестве нормы взяла следующие критерии: объем класса в 1/2 кубической сажени на ученика, в спальне 1 кубический сажень на кровать, квадратного пространства в классе 0,33, а в спальне 1/2 квадратная сажень на ученика и света 1/10 на 1 квадратный сажень пола [6]. При этом общепринятые нормы были немного снижены.

Большинство зданий для епархиальных училищ строились постепенно. Схема возведения подобных учебных корпусов в большинстве епархий была следующая: вначале приобреталось или нанималось небольшое помещение для одного или двух классов, затем с расширением количества воспитанниц делались пристройки. Так строились здания Тамбовского, Ярославского, Владимирского, Архангельского, Пензенского, Ржевского, Самарского, Харьковского и другие епархиальных училищ. Так, например, первые здания для Ярославского женского епархиального училища приобретаются в январе 1880 г. Тогда был куплен каменный 3-этажный дом с каменным флигелем, а в 1908 г. начинается возведение нового каменного 3-этажного корпуса, в котором предполагалось разместить 6 спален (по 45 воспитанниц), комнаты для классных дам, спальни для 7-го класса [7]. Специальные просторные помещения для епархиальных училищ в основном начали возводить только в начале XX в.

Исключение составляют Рязанская и Тверская епархия. Здесь сразу уже в конце XIX в. приступили к строительству специально приспособленных зданий. Это было жизненно необходимой. Так, например, в Твери до постройки большого и просторного здания 150 воспитанниц жили на 27 наемных квартирах. Как отмечал ревизор, проводивший ревизию этого учебного заведения в 1900 г., «за квартирными вос-

питанницами не установлено надлежащего надзора, они располагают временем по своему усмотрению, уходили из квартир и возвращались, когда хотели» [8]. В Рязани возведение специального здания для епархиального училища было начато в 1879 г., и в 1881 г. на Владимирской улице (ныне улица Свободы) был выстроен трехэтажный корпус, который поражал современников своей красотой и размахом. Одна из воспитанниц этого училища затем писала в своих воспоминаниях, что, увидев здание первый раз, воскликнула: «Смотри, мама! Какой красивый дворец!» – и решила «поступить в это единственное во всем городе красивое здание, белое, трехэтажное, с красивой чугунной решеткой» [9]. Затем на усадьбе училища были выстроены помещения образцовой школы, бани, больницы, а в 1899–1900 гг. выстроен еще один корпус, выходящий на Владимирскую улицу. Сейчас в этом здании располагается один из корпусов Рязанского университета.

Собственным зданием для епархиального училища рязанское духовенство обязано председателю совета училища Ф. А. Орлову. Отметим, что одним из факторов, который являлся тормозом к строительству специальных и удобных помещений для нужд духовно-учебных заведений, было отношение общественности и самого духовенства к этому вопросу. В период строительства Рязанского епархиального училища у некоторых представителей общественности старания Ф. А. Орлова вызывали недоумение: «Известны толки: зачем такое роскошное здание, слишком изысканная обстановка для детей духовенства» [10]. Поэтому большинство дошедших до нас зданий бывших епархиальных училищ было построено лишь в начале XX в., однако в этот период они уже строились по всем требованиям санитарно-гигиенических норм с просторными классными комнатами, высокими потолками, толстыми стенами, которые сохраняли тепло. Зимой в них было тепло, а летом сохранялась летняя прохлада. Во многих епархиальных училищах устраивался сад для прогулок воспитанниц.

Интерес представляет история возведения здания второго епархиального училища в Вятской епархии, открытого в 1898 г. в г. Елабуге. Деньги на его открытие, а также на строительство учебного корпуса целиком и полностью пожертвовала почетная гражданка этого города Глафира Федоровна Стахеева. Она принадлежала к богатейшему роду купцов Стахеевых, которые владели золотыми и нефтяными приисками, собственными пароходами, заводами и фабриками, сотнями магазинов, объединенных в торгово-промышленное товарищество «Иван Стахеев и К^о» [11]. Ежегодно эта купеческая семья жер-

товала на благотворительность до миллиона рублей. Здание епархиального училища Глафиры Ивановна построила в память ее умершего мужа. На строительство здания ею было пожертвовано свыше 400 тыс. руб. [12] Многие из возведенных зданий епархиальных училищ на рубеже XIX–XX вв. по сей день являются украшением городов нашей русской провинции. Такими, например, являются здание бывшего Костромского епархиального училища, в котором сейчас находится областная администрация, здание Рязанского женского епархиального училища.

Однако жизненное пространство воспитанниц зависело не только от наличия помещения, но и от его наполняемости. Так, например, в Рязанском епархиальном училище в начале XX в. учились более 700 девочек. Практически для всех епархиальных училищ была хронической нехватка помещений. Завершение очередной пристройки лишь на некоторое время разрешало проблему. Так, например, в 1888 г. ревизор Учебного комитета Св. Синода, проводивший ревизию Рязанского епархиального училища, в своем отчете отмечал: «Помещение училища удовлетворяет самым строгим требованиям и гигиены, и воспитания, и прочности, и красоты. Это лучшее здание в Рязани. Стоит оно посреди города, но не на шумной улице, а имеет обширную усадьбу с садом...» [13] Однако через несколько лет, в 1907 г., ревизионный комитет Рязанского съезда духовенства уже констатировал совершенно другую картину: «Спальные помещения находятся во втором и третьем этажах здания. Всех спален 15, из них четыре помещены во втором и одиннадцать – в третьем этаже. В каждой из спален помещается от 27 до 73 воспитанниц. Все спальни переполнены и очень тесны. Кровати воспитанниц стоят слишком близко друг к другу, и развернуть их не представляется возможным за неимением помещения... Света и тепла в спальнях достаточно, но вентиляция в спальнях недостаточная: обмен и приток наружного воздуха производится через маленькие деревянные форточки в окнах, да и то имеющихся так мало, что, например, в одной спальне с 62 койками имеется только одна форточка» [14]. Подобную картину наблюдал и ревизор Св. Синода в Курском епархиальном училище в декабре 1906 г.: «Здание крайне тесно (в классных комнатах на 1 воспитанницу приходится от 0,3 до 0,6 куб. саж. воздуха, в спальнях – от 0,7 до 0,9). Спальные комнаты крайне неудобны, не гигиеничны, кровати в них стоят даже около окон, столовая тесная... Значительная грязь и всякий непорядок были замечены ревизором, особенно при первом посещении, а прислуга, подававшая кушанья на стол, была неприлично грязна...» [15] Значительное переполнение наблюдалось и в классах: численность

воспитанниц в классе достигала 50 человек. Так, совет Орловского епархиального училища встал перед проблемой: открывать третий первый класс или принять в два первые класса свыше 50 человек, поскольку экзамен удовлетворительно сдали 106 девочек [16].

Нехватка помещений и теснота спален стали причиной возникновения в ряде епархиальных училищ эпидемий. Именно теснота помещений стала одной из причин распространения эпидемии скарлатины в Вятском епархиальном училище в 1907 г., которая имела даже летальные исходы. Эпидемию удалось остановить только после роспуска детей по домам [17]. Подобные события произошли в 1905/1906 уч. г. в Рязанском епархиальном училище.

Дошедшие до нас фотоальбомы Ярославского, Нижегородского и Орловского женских епархиальных училищ доносят до нас казарменную обстановку спальных комнат [18]: большие залы с длинными рядами кроватей, вмещающих до полусотни воспитанниц. Однако такая обстановка была обусловлена далеко не сословным строем женских епархиальных училищ. Внимательное рассмотрение фотографий показывает, что такая обстановка была характерна и для женских институтов благородных девиц [19]. Об этом же свидетельствуют воспоминания воспитанницы московского Екатерининского института А. Н. Энгельгард: «Дортуары, большие комнаты в шесть, а иногда и больше окон, были расположены по всем трем этажам дома. Вдоль стен шли ряды железных кроватей» [20].

Такая обстановка спальни была обусловлена внутренним распорядком жизни воспитанниц. В дортуар девочки приходили только на ночь, проводя весь день под строгим надзором воспитательницы в помещениях училища согласно распорядку дня: в столовой, церкви, учебных классах, рукодельной, на прогулке в саду. В спальню в течение дня воспитанницы поднимались в исключительных случаях, например, когда в праздничный день, после торжественной литургии праздничные платья передевались на повседневные. Остаться одной или небольшой группой было невозможно. Как отмечает А. Н. Энгельгард, «одну из характерных черт сторон институтских порядков составляло то, что воспитанницы всегда были собраны стадом; у институтки было отнято право свободного и независимого передвижения своей особы по институтскому локалу. <...> Всякое же одиночное или личное передвижение требовало предварительного разрешения классной дамы или заменяющей ее пепиньерки» [21]. Даже если девочка заболела и не могла присутствовать на занятиях, то она не оставалась в спальне, а ее отправляли в лазарет. Таким образом, специфика внутреннего простран-

ства училища – коллективный образ жизни и отсутствие условий для проявления какой-либо индивидуальности.

Интересно, что стремление к коллективизму в советском обществе привело к совершенно противоположенным опытам жилищного строительства начала 1920-х гг.: «В 1929 г. был спланирован такой настоящий дом-коммуна, принятый за образец для массового строительства. Его планировка предусматривала одну общественную кухню и одно общее пространство» [22]. Как отмечает автор исследования по истории повседневности советского общества И. Б. Орлов, «при этом размер комнат был минимальным, чтобы сократить время пребывания там и расширить, в свою очередь, коллективное времяпровождение» [23].

Также неблагоприятным фактором для санитарно-гигиенического состояния учебного заведения могли быть условия местности. В целом надо сказать, что епархии стремились строить здания своих учебных заведений на участках, отвечающих необходимым требованиям. Так, например, рязанское духовенство в 1877 г. приобрело для своего женского училища лучшую усадьбу города на Владимирской улице. До этого первое здание Рязанского училища для девиц духовного звания находилось недалеко от Рязанского кремля, в пойме реки Лыбедь, и потому страдало от повышенной влажности. Харьковское училище, открытое в 1853 г., уже сразу находилось в собственном здании, но располагалось оно на городском кладбище (!) [24]. Такое местоположение вызвало сомнение даже у Св. Синода, и он предложил поменять этот дом на другой. Однако таково было желание благотворителей, которые пожертвовали материал и капитал для возведения трехэтажного дома именно в этом месте, «дабы в сооруженной близ него кладбищенской церкви возносимы были молитвы об успокоении усопших их родных». Таким образом, забота об успокоении усопших занесла женское училище в совсем мрачное место.

Какие последствия могут быть от неудачно расположенного здания, показывает история Вятской духовной семинарии, которая находилась за городом в болотистой местности. Вследствие этого местами стены некоторых корпусов были пропитаны сыростью. В результате этого среди воспитанников семинарии были выявлены случаи заболевания туберкулезом. В 1913/1914 уч. г. во время медицинского осмотра всем ученикам семинарии (451 человек) была сделана проба на туберкулез. Результаты, как пишет ревизор, «были поразительными»: у 50 человек была выявлена открытая форма туберкулеза, у 125 – скрытая или начальная форма. За этот учебный год в семинарии от чахотки умерло 10 человек (!) [25].

Особенности женских епархиальных училищ, их сословное предназначение и особенности содержания наложили отпечаток также на режим дня воспитанниц, т. е. график повседневной жизни в стенах учебного заведения. Современная школьная гигиена наиболее целесообразным считает располагать учебные занятия в первую половину дня, причем наиболее трудные уроки должны располагаться в начале и середине дня. Все эти требования были выработаны еще в конце XIX в. и, более того, ревизоры Учебного комитета при проведении ревизии учебных заведений обращали внимание на соблюдение этих норм. Однако в первом училище для дочерей духовенства, открытом в 1843 г. в Царском Селе, учебные занятия вообще начинались во второй половине дня, начиная с 2 часов дня. Первая половина дня в этом учебном заведении была посвящена занятиям по хозяйству: убирали комнаты, работали на кухне, когда готовились ватрушки, оладьи, блины, котлеты, перебирали ягоды для варенья, солили огурцы, рубили или шинковали капусту [26]. В 2 часа начинались занятия, которые продолжались до 5 часов вечера. Возникает закономерный вопрос: почему учебным занятиям отводилось далеко не самое подходящее с точки зрения гигиены время, а, наоборот, самое производительное время отводилось хозяйственным делам? Думается, можно выделить две причины: 1) исходя из самой цели, наукам отводилась не главная роль, главная цель была иной – подготовить хорошую хозяйку дома, 2) педагоги, которые преподавали науки, были за штатом, т. е. основным их местом службы были другие учебные заведения, и они могли приезжать в училище только вечером.

Затем, после утверждения единого Устава епархиальных училищ в 1868 г., который предусматривал изучение определенного общеобразовательного курса и постепенное преобразование училищ для дочерей духовенства в женские епархиальные училища, учебные занятия велись только в утренние часы. А вот с соблюдением правильного распределения учебных предметов по дням недели и в течение рабочего дня оставались проблемы. Например, действительный статский советник Григоревский, проводивший ревизию Рязанского училища в 1888 г., в своем отчете отметил: «Расписание учебных часов находится в большом несоответствии устава и здравой педагогики. ...Большой частью самые трудные предметы приходится на 4-й и 5-й уроки, т. е. когда устав уже внимание детей и принятие пищи требует не сосредоточения внимания и сиденья, а другого настроения» [27]. Однако исправить этот недостаток многие училища были не в состоянии, так как в епархиальных училищах практически до самого их закрытия работало очень

много преподавателей-совместителей, – и составлять расписание приходилось с учетом их занятости по основному месту работы. Привлечь преподавателей на основе постоянной занятости было невозможно, так как зарплата в епархиальных училищах была ниже, чем в других учебных заведениях. Кроме того, служба в епархиальном училище не давала права на пенсию по старости, и преподаватели, служившие в епархиальном училище, стремились побыстрее найти другое место службы.

Также постепенно складывались и другие санитарно-гигиенические нормы: питание, одежда и др. В первый период существования системы женских учебных заведений воспитанницы часто страдали от нехватки нормальной одежды и недостаточного питания [28]. В конце XIX в. содержание воспитанниц епархиальных училищ значительно улучшается. Как отмечает в своих воспоминаниях М. С. Преображенская, учившаяся в начале XX в. в Калужском женском епархиальном училище, «в 2 ч кончались уроки и обед – обильный и разнообразный, не требующий дополнений из дома, кроме домашних сладостей и фруктов» [29]. В Рязанском же епархиальном училище на рубеже веков при обильном и хорошо приготовленном обеде воспитанницам не полагалось ужина, поэтому некоторым девочкам было голодно. И самые отчаянные воспитанницы иногда утаскивали с кухни остатки киселя и куски хлеба, что делать категорически запрещалось. Они прятали кружку с киселем под фартук, чтобы классная дама ничего не заметила, а затем в классе эту кружку выставляли в форточку, чтобы остыла. Хотя следует отметить, что проблема питания в закрытых учебных заведениях представляет наиболее мозаичную картину, которая порой также не соотносится с их сословным статусом. Так, упоминавшаяся уже А. Н. Энгельгардт, говоря о питании, констатирует: «Все было приготовлено недурно, припасы были большей частью свежие, но порции были малы» [30]. Воспитанница другого института – Санкт-Петербургского института ордена Св. Екатерины – А. В. Стерлигова вспоминала, что даже в рамках одного учебного заведения качество обеда было различным: «Нас кормили хорошо, но не всегда. Мы по качеству обеда знали об отъезде из Петербурга царских особ, нас посещавших» [31]. А вот Е. Н. Водовозова связывает пребывание в самом знаменитом институте благородных девиц – Смольном – с практически голодным существованием: «Трудно представить, до чего малопитательна была наша пища» [32].

Интересно, что в Рязанском епархиальном училище практически весь период его существования были проблемы с верхней одеждой. Как

свидетельствуют воспоминания Лидии Худзинской, которая была приходящей воспитанницей, в Рязанском епархиальном училище в конце XIX в., у живших там воспитанниц не было нормальной верхней одежды. Она представляла собой пальто драповое халатом, платок шерстяной и высокие галоши. Все это девочкам надевали «на кого попало», и наружность получалась «не из красивых – прямо какие-то арестантки» [33]. По этой причине гулять ходили очень редко – один раз в две недели, и появление «епархиалок» на улицах Рязани было целым событием. В Калужском епархиальном училище младшие воспитанницы гуляли в училищном саду, а старших, начиная с 4-го класса, парами, в ногу, прогуливали по одним и тем же улицам: бывшим Никольской (теперь Луначарского), и Воскресенской-Перовской – туда и сюда, вокруг бывшей Николаевской мужской гимназии.

Таким образом, можно констатировать, что специфика внутреннего жилищного пространства воспитанниц и особенности пребывания в нем находились в тесном переплетении сословных норм и культурных стереотипов того времени. Коллективный образ жизни определялся традициями педагогики того времени, а сословные принципы порой усугубляли довольно сложную картину круглосуточного пребывания воспитанниц в рамках закрытого учебного заведения. Следует отметить, что некоторые нормы быта, такие как одежда, еда, санитарно-гигиенические условия, в меньшей степени находились в зависимости от сословной структуры общества и более динамично реагировали на вызовы времени. К рубежу XIX – начала XX в. многие здания епархиальных училищ становятся не просто украшением улиц провинциальных городов, но и соответствуют приемлемым нормам проживания. Изменение санитарно-гигиенических представлений общества о питании, одежде значительно улучшило быт воспитанниц. Менялся и график жизни девочек: повседневные занятия воспитанниц стали меньше подвержены сословным представлениям общества о предназначении дочерей духовенства. Однако серьезную проблему составляло переполнение практически всех епархиальных училищ, и решить эту проблему не представлялось возможным, поскольку это были единственные учебные заведения, где дочери духовенства могли получить образование.

Примечания

1. См., например: Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города 1920–1930 гг. СПб., 1999.

2. Беллюстин И. С. Описание сельского духовенства. Лейпциг, 1858 // Федоров В. А. Русская право-

славная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 353.

3. Сергиевский Н. Преобразование духовно-учебных заведений Рязанской епархии. Б. г. С. 29.

4. См.: Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 570. Оп. 1. Д. 1, 2.

5. Краснов М. Рязанское училище девиц духовного звания. 1850–1877. Рязань, 1901. С. 64.

6. Извлечение из трудов санитарной комиссии города Рязани // Календарь Рязанской губернии на 1885 год. С. 36.

7. ГАЯО. Ф. 570. Оп. 1. Д. 34а. Л. 2об.

8. Государственный архив Тверской области. Ф. 845. Оп. 1. Д. 1785.

9. Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Д. 965. Л. 16.

10. Ф. А. Орлов // Памяти Ф. А. Орлова. Рязань, 1900. С. 73.

11. 1000 лет русского предпринимательства. Из истории купеческих родов / сост., вступ. ст., прим. О. Платонова. М., 1995. С. 228.

12. Елабужское епархиальное женское училище. Памятная записка об открытии епархиального женского училища и о постройке здания для него. Елабуга, 1903.

13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 802. Оп. 9 (1888). Д. 23. Л. 18об.

14. ГАРО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 126а. Л. 29об.

15. Извлечения из журнала Учебного Комитета при Св. Синоде о ревизии Курского епархиального училища // Курские епархиальные ведомости. Од. Офиц. 1907. № 11. С. 183.

16. Государственный архив Орловской области. Ф. 83. Оп. 1. Д. 61. Л. 382.

17. К вопросу о расширении Вятского епархиального училища // Вятские епархиальные ведомости. 1907. № 45. С. 1167.

18. Частично публикация фотографий была осуществлена в сборнике: Епархиалки: воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ / сост., предисл., подгот. текста и коммент. О. Д. Поповой. М.: Новое лит. обозрение, 2011.

19. См., например: фотоальбомы Смольного института благородных девиц – сайт-путеводитель по Санкт-Петербургу. Смоленки. Смольный институт благородных девиц. URL: <http://www.hellopiter.ru/Smolanki.html> (дата обращения 10.02.2013); Киевские адреса. Институт благородных девиц // Перекресток или 1001-я Рассказка. Персональный блог. URL: <http://igina-sablina.com/2012/08/2818/> (дата обращения 10.02.2013).

20. Энгельгардт А. Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц института благородных девиц. М., 2003. С. 146.

21. Там же. С. 145.

22. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2008. С. 87.

23. Там же.

24. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. (1828–1856). СПб., 1895. С. 167.

25. РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914). Д. 62. Л. 18об, 23.

26. Е. Д. Воспоминания о Царскосельском женском церковном училище конца первого – начала второго 25-летия жизни его // Прибавления к Церковным ведомостям. 1894. № 44. С. 1580.

27. РГИА. Ф. 802. Оп. 9 (1888). Д. 23. Л. 4–4об.
28. См.: *Краснов М.* Рязанское училище девиц духовного звания. 1850–1877. Рязань, 1901; *Преображенский А.* История Владимирского женского епархиального училища за первый период его существования. Владимир, 1902; *Преображенский Г.* Исторический очерк Ярославского женского училища духовного ведомства. К 50-летию этого училища (1846–1896). Ярославль, 1896.
29. Воспоминания М. С. Преображенской // Фонды музея школы-гимназии № 9 г. Калуги.
30. *Энгельгардт А. Н.* Указ. соч. С. 149.
31. *Стерлигова А. В.* Воспоминания // Институтки: Воспоминания воспитанниц института благородных девиц. М., 2003. С. 85.
32. *Водовозова Е.* На заре жизни. М., 1987. Т. 1. С. 143.
33. Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Д. 965. Л. 23.

УДК 2-75

К. М. Гринько

**ВЛАДЫКА ФАДДЕЙ (УСПЕНСКИЙ)
И ЦЕРКОВНО-ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В ВОЛЫНСКОЙ ЕПАРХИИ
В КОНЦЕ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.**

В статье анализируется состояние церковных школ Волынской епархии в конце первого десятилетия XX в. в условиях политического и духовного кризиса в России. Рассматривается деятельность викарного епископа Фаддея (Успенского), направленная на сохранение церковно-приходских школ как формы духовного просвещения народа.

This article analyzes the state of ecclesiastical schools of the diocese of Volyn at the end of the first decade of the 20th century in the conditions of the political and spiritual crisis in Russia. The article deals with the activities of the vicar Bishop Faddey for the conservation of the Church parish schools, as a form of spiritual enlightenment of the people.

Ключевые слова: РПЦ, епископ Фаддей (Успенский), церковно-приходская школа, просвещение, педагогика.

Keywords: the Russian Orthodox Church, Bishop Faddey (Uspensky), the parochial school, education, pedagogy.

В Волынской епархии началось епископское служение преосвященного Фаддея [1]. 21 декабря 1908 г. он был назначен вторым викарием Владимиро-Волынским после шестилетнего служения на должности ректора Олонецкой духовной семинарии [2]. Волынская епархия РПЦ, которую с 22 апреля 1902 г. по 20 мая 1914 г. возглавлял владыка Антоний (Храповицкий), включала в себя три викариатства: первое – Острожское, второе – Владимиро-Волынское и третье –

Кременецкое. Возглавлявший Владимиро-Волынское викариатство с 1906 по 1908 г. епископ Михей (Алексеев) был назначен епископом Архангельским и Холмогорским, поэтому после его перевода на другую кафедру перед Святейшим Синодом встал вопрос о выборе достойного кандидата на замещение должности викарного епископа.

Для того чтобы лучше понять особенности Владимиро-Волынского викариатства, нужно учитывать его географическое расположение. Волынь – это западная часть Российской империи, граничащая с Польшей. Конфессиональный состав Владимиро-Волынского викариатства, как и Волынской епархии в целом, был весьма неоднороден, причем значительная часть населения исповедовала иудаизм, православные и католики приблизительно в равном соотношении составляли 40% от общего числа всех жителей. Встречались также представители баптистов, штундистов, пашковцев и старообрядцев. Это наложило свой отпечаток на народ, отличавшийся некоей замкнутостью, обособленностью и недоверчивостью. Что же касалось духовенства, то, как отмечал в одном из своих посланий к духовенству епархии [3] архиепископ Антоний, оно также обособилось от жизни народной, поскольку было воспитано в латинских семинариях и впитало чуждую западную культуру и схоластику, усвоив, вместе с тем, презрительное отношение к тем, кто не был столь просвещен.

В епархии высокопреосвященнейший Антоний поддерживал и развивал два направления общественного служения РПЦ: миссионерское и просветительское. При нем в епархии было два миссионера, координирующих борьбу с раскольничеством и сектантством. Сложность духовного образования (в особенности начального) и педагогической работы в епархии главным образом заключалась в необходимости постоянно преодолевать ряд проблем, обусловленных индифферентизмом общества и секуляризацией школ. Поэтому на нового викария Владимиро-Волынского возлагались большие надежды, связанные с координированием и развитием духовного образования епархии, а также преодолением кризиса церковно-приходских школ, которые, по мнению либеральной части общества, уже себя изжили. В их сохранении, как замечал архиепископ Антоний, не были лично заинтересованы и священники, поскольку педагогическая работа в церковной школе налагала «ответственность перед различными представителями власти» [4], но не давала им материального вознаграждения.

Преосвященный Фаддей был учеником владыки Антония по Московской духовной академии (МДА), поэтому их совместное служение изначально строилось на теплых доверительных от-

ношениях. Получив академическое духовное образование и будучи прекрасно подготовленным в области богословских и философских дисциплин, иеромонах Фаддей твердо решил посвятить себя педагогической работе. Уже в Минской духовной семинарии он обнаружил некоторые проблемы в своих знаниях в области педагогики, а тесное общение с молодежью, студентами преподавательским составом привело его к мысли о необходимости изучения вопросов педагогики и их самостоятельной разработки. И, надо заметить, в этом он преуспел. Именно преподавательская работа в Смоленской, Минской и Уфимской духовных семинариях, а затем ректорство в Олонецкой семинарии дали возможность будущему владыке накопить значительный педагогический и административный опыт. А работа на педагогических курсах в Минске и Уфе, где иеромонах Фаддей преподавал с 1899 по 1902 г., позволила ему собрать материал для написания методического пособия для обучения Закону Божьему и славянскому языку «Записки по дидактике». Поэтому преосвященного Фаддея можно с уверенностью назвать не только практиком, но и ученым, разработавшим систему преподавания. Воспитав в себе высокие духовно-нравственные качества, искреннюю любовь к своему служению, работая с полной самоотдачей, владыка Фаддей действительно смог «внушить многим воспитанникам благоговеющее отношение к исполнению своих обязанностей» [5], несмотря на то что приходилось иметь дело с холодностью к церкви, нравственной черствостью, пренебрежением к церковной практике. Он с сожалением отмечал «несоответствие поведения студентов семинарий и их настроения с церковными идеалами и с тем служением, к которому они готовятся» [6]. Но более воспитания профессионального человека преосвященного Фаддея волновало воспитание человека нравственного, именно это он видел надежным стержнем для формирования и развития профессиональных качеств. Надо отметить, что выполнение данной задачи осложнялось не только кризисом духовной школы, но и нарастающим кризисом в обществе.

На посту викарного епископа (занимаемом с 21 декабря 1908 г.) он был ближайшим помощником архиепископа Антония. В ведении владыки Фаддея находились вопросы церковного образования, многие из которых удавалось решать, в том числе с привлечением большого числа образованного городского духовенства. Владыка Фаддей всегда был убежденным сторонником такой формы образования, как церковно-приходская школа, и проявлял всестороннюю заботу о существовании и развитии этих школ, а также повышении квалификации преподавателей. В данном служении владыка «искал поддержки того

духа и направления, которые должны отличать церковную школу от любой другой» [7]. Он видел в ней возможность духовного развития подрастающего поколения, основанную на многовековом опыте Русской православной церкви (РПЦ) и нравственных ориентирах. Владыка не ограничивался простой функцией контроля за церковно-школьным делом в епархии, но тесно общался с преподавателями этих школ, разрабатывал программу обучения, т. е. деятельно принимал участие в церковно-школьной работе, оказывая посильную поддержку, в том числе материальную помощь, церковным школам.

Главной проблемой церковно-приходских школ оставалась нехватка финансирования. Особенно остро это ощущалось после принятия Государственной думой закона о свободе совести от 17 апреля 1905 г., в соответствии с которым РПЦ лишалась привилегий и государственной поддержки, главным образом материальной. Коснувшись общегосударственных вопросов, рассмотренных в недавнем прошлом Думой, в одном из своих обращений к жителям Новоград-волынска владыка Фаддей выразил свое несогласие с решениями, принятыми членами Государственной думы. Он указал на недопустимость постановки знака равенства в правах, которыми стали пользоваться в государстве представители различных религиозных конфессий, в том числе христианских и нехристианских деноминаций. Принятие закона, уравнивающего в правах адептов различных религий и лишившего РПЦ государственной поддержки, в том числе финансирования, по его мнению, просто непозволительно и заслуживает только упрека, поскольку «имея такое дорогое сокровище, как вера православная, [мы] не ценим, не бережем его, как показал пример Государственной думы, среди которой нашлись люди, низводящие православие на один уровень не только с инославием, но и с иноверием» [8]. Причину такого явления владыка Фаддей усматривал в помрачении сердца страстями, а потому он призвал присутствующих «приложить все старания и заботы к тому, чтобы «сердце соделать чистым и всецело предать его [служению] Богу» [9].

Основное финансирование Волынских церковных школ осуществлялось за счет синодальных пособий, сумм земского собора, местных средств (поступления от местных обществ, по приговорам обществ, поступления от монастырей, церквей, попечителей, благотворителей, братств, приходских попечительств и платы за обучение). Это не только денежная помощь, но и чисто практическая помощь, связанная с наймом охраны, проведением отопления, ремонтом помещений, участием в постройке и пожертвовании строительного материала.

В 1907/1908 уч. г. на содержание церковных школ поступили средства: «от Святейшего Синода – 193,973 р.; от церквей – 7,200; от монастырей – 321; от братств – 442; от приходских попечительств – 535; от волостных и сельских обществ – 134,500; от городских обществ – 250; от попечителей и благотворителей разных общественных фабрик и заводов – 5,221; плата за обучение не взималась (но взималась только до 1900/1901 уч. г. – 50 р.); от разных других местных поступлений – 3,460» [10]. Средства были разделены таким образом, что в среднем на каждую школу было выделено 342 рублей в год, то есть в сумме, равной заработной плате учителя.

Постепенное развитие церковно-школьного дела на Волыни тормозилось открытием министерских школ в тех селах, где уже с давних пор существовали церковные школы. Открытие этих школ чаще всего было обусловлено заманчивыми для местного населения обещаниями значительных средств на постройку школьных зданий (1000–1500 рублей), на жалование учителям (300–400 рублей) и освобождением от взносов на волостные (районные) школы, взносов крайне обидных и лишних при существовании в каждом селе своих (местных) школ. Зачастую достаточно было объявить населению, что с открытием министерского училища оно будет освобождено взноса на волостную школу, как большинство голосов набирала министерская школа. Так как наряду с церковно-приходскими школами были открыты министерские училища, то церковно-приходские школы, в большинстве случаев, лишались общественных средств содержания, и дальнейшее их существование становилось крайне сомнительно. Несмотря на материальную поддержку церковно-приходской школы Епархиальным училищным советом волостная власть принимала различные меры к фактическому ее закрытию. Имели место также случаи насильственного вторжения сельских властей в церковно-школьные помещения для водворения туда учителя новооткрытой министерской школы и захвата церковно-школьных участков земли. Иногда подмена церковных школ министерскими осуществлялась «по тайному соглашению со священником» [11], который, работая в министерской школе законоучителем, получал жалование от 60 до 120 рублей в год, при этом нес минимальную ответственность перед властями. Это не могло не сказаться на сокращении числа церковно-приходских школ. Однако из отчета о церковно-приходских школах Волынской епархии за 1908/1909 уч. г. [12], опубликованного в Епархиальных ведомостях, можно сделать вывод о наметившейся тенденции преобразования школ грамоты в одноклассные школы, те же школы, которые не имели своих помещений, а уровень

образования в них оценивался как невысокий, получали статус домашних школ. Напомним, что основным источником финансирования церковно-приходских школ оставалась земская субсидия, но выделяемых средств явно было недостаточно для растущего количества церковно-приходских школ, а если учесть нехватку и антисанитарное состояние учебных помещений, которые школы были вынуждены арендовать, картина складывалась не слишком оптимистичная. Как сообщал в одном из своих отчетов [13] о деятельности церковно-приходских школ уездный наблюдатель священник Владимир Михалевич, успехи обучения в церковных школах в значительной степени зависели от количества учебных дней, но учебный год далеко не во всех церковных школах начинался в сентябре и оканчивался в мае. В некоторых школах занятия начинались в октябре и даже в ноябре, а оканчивались в марте или апреле, таким образом, в отдельных церковно-приходских школах продолжительность учебного года составляла 4–5 месяцев. Состояние учебных зданий одноклассных школ немногим отличалось в лучшую сторону от школ грамоты, что делало их порой непригодными для проведения занятий, особенно в зимнее время. По этой причине в 1908/1909 уч. г. было вынесено решение о закрытии одноклассных школ в селах Караевичи и Омеляны Ровенского уезда, а школы сел Кустин и Милостов того же уезда были низведены до уровня домашних. Епархиальный училищный совет и уездные отделения, разумеется, имели полную информацию о таком положении вещей, но, за недостаточностью средств, вынуждены были оставлять их просьбы об увеличении финансирования без удовлетворения. Учителя одноклассных школ содержались исключительно за счет синодальных средств. Уровень заработной платы варьировался от 180 до 240 и редко 300 рублей в год. На собственное жалование учителя часто были вынуждены покупать школьно-письменные принадлежности и керосин. Для сравнения, лица, окончившие средние учебные заведения или церковно-учительские школы, могли претендовать на вакантное место во второклассной школе. Но самыми благоустроенными и привлекательными в материальном отношении были школы, субсидируемые земством, с уровнем зарплаты учителей 240, 360 и 420 рублей в год.

К решению данной проблемы подключился Волынский губернский земский комитет, члены которого выступили с инициативой к членам Уездной земской управы о сокращении числа церковно-приходских школ, финансируемых земством, и направлении освободившихся средств на развитие оставшихся, поставив субсидирование под жесткий контроль членов Земской управы.

Эта перемена, по мнению инициативной группы, могла бы вывести церковно-приходские школы на новый, более качественный, образовательный уровень, приблизив его к уровню министерских училищ. Но благодаря яркому выступлению уездного наблюдателя Владимиро-Волынского – священника Феодосия Квасницкого на заседании членов Владимиро-Волынского Уездного земского комитета в защиту церковно-приходского школьного дела губительный проект не был осуществлен. В своем обращении он напомнил собравшимся о рескрипте государя Николая II на имя Священного Синода от 13 июня 1909 г., в котором император признал «всю целесообразность и плодотворность ц[ерковно]-школьной работы» [14] и высказал пожелание об увеличении численности церковно-приходских школ, что, по мнению уездного наблюдателя, не может не свидетельствовать об удовлетворительно поставленном церковно-школьном деле. Речь Квасницкого сводилась к тому, чтобы члены Владимиро-Волынской земской управы не уменьшали число субсидируемых школ, а ходатайствовали перед Губернским земским комитетом о дополнительном отпуске денежных средств. Обращение Квасницкого было услышано членами Земской управы и достигло своей цели: 22 церковно-приходские школы не лишились земской субсидии. Однако, как следует из дневника уездного наблюдателя, «на постройку и ремонт школьных зданий Земский комитет опять не дал ни копейки на 1910 год, как и в прошлые годы» [15].

Надо заметить, что вопреки всем трудностям, связанным с сохранением и развитием церковно-школьного дела, владыка Фаддей в тесном сотрудничестве с духовенством Волынской епархии, которое радело о народном образовании в сочетании с духовным формированием личности, предприняли попытку привлечь внимание широкой общественности на проблемы церковно-школьного образования, показать не только жизнеспособность этих школ, но также и те успехи, которых удалось добиться в деле образования и воспитания крестьянства. Юбилейные торжества, посвященные 25-летию церковно-приходской школы, прошедшие в Житомире, были отмечены проведением Всероссийской церковно-школьной выставки, в организации и подготовке которой принял активное участие преосвященный Фаддей. Организаторы выставки ставили перед собой важную задачу: показать достижения и возможности церковно-приходской школы в деле народного образования, дать объективное представление об этой форме образования тем, кто не склонен верить слухам, распространяемым прессой, а привык давать оценку, опираясь на факты. Открытие состоялось 11 мая в Доме синодального училищного совета, где

вниманию гостей было представлено развитие церковно-школьного дела за 25 лет – с момента возрождения Александром III церковно-приходской школы 13 июня 1884 г. Участвующий в организации выставки владыка Фаддей заявил, что «церковная школа в праздник свой смело смотрит в глаза обществу и народу, тому обществу, которое еще так недавно, с очень высокого места было оглашено изысканными словами неутолимой ненависти к церковной школе; эта школа через выставку хочет сказать: будьте справедливы ко мне, познакомьтесь со мной прежде, чем верить злomu слуху, и не судите меня за одно мое имя; посмотрите: мое дело есть дело света, а не тьмы, мое служение есть служение благу народа, о котором ныне все думы, все советы» [16]. На выставку поступило 35 000 экспонатов из различных регионов России: от Крайнего Севера до Закавказья, от Западного края до Владивостока, которые были с трудом размещены в двенадцати залах. Были представлены планы и фасады школьных зданий, программы преподавания, учебники, учебные и наглядные пособия [17].

На выставке экспонировались ученические работы, представлявшие собой пример высокой каллиграфии, модели церквей с престолами и иконостасами, школ с внутренним интерьером. Отдел прикладных знаний был представлен швейными изделиями, иконописью, изделиями ковроткачества, кузнечного мастерства, пчеловодства, виноделия, шелкографии и другими интересными экспонатами. В числе прочих представлены работы по вышивке и прядению девочки-калеки, родившейся без рук, – ученицы церковно-приходской школы.

Торжества по случаю 25-летия церковно-приходских школ были проведены Епархиальным училищным советом 13 и 14 июня в зале епархиального общежития семинарии. В торжествах приняли участие епископ Фаддей, председатель Епархиального училищного совета протоиерей Константин Левитский, ректор семинарии архимандрит Виссарион, член Государственной думы П. В. Березовский, начальник школы пастырства архимандрит Гавриил, а также учителя и духовенство, численность которого доходила до 60. Епархиальный наблюдатель священник Феодор Казанский представил отчет, согласно которому в 1909 г. в Волынской епархии существовали «1 церковно-учительская школа, 10 второклассных, 22 – двухклассных, 998 – одноклассных, 371 – грамоты» [18] с общим числом учащихся 1550 человек. Владыка Фаддей, как бывший председатель Олонецкого училищного совета, поделился с присутствующими впечатлениями и наблюдениями, которые он вынес из бесед с учащимися в церковных школах на северной окраине России, а также высказал сочувствие церков-

ным школам в связи со сложившимся положением, которое было известно ему не по представленным отчетам, а в действительности.

Всероссийская церковно-школьная выставка, как заметил священник Феодосий Квасницкий, доказала, что, имея даже незначительные материальные возможности, можно удовлетворительно поставить дело образования простолюдина. Опыт проведения церковно-школьной выставки в Волынской епархии не остался незамеченным, и подобная выставка была проведена в Санкт-Петербурге с 15 по 27 июня 1909 г.

Вопросы, связанные с распространением церковного образования, для епископа Фаддея были приоритетными на заседаниях первого на Волыни Миссионерского съезда. После совершения молебна преосвященный Фаддей объявил об открытии Съезда, работавшего с 18 по 28 сентября 1909 г. в городе Почаеве. Заседание началось кратким вступительным словом его преосвященства, обращенного к собравшимся. Владыка напомнил присутствующим о тех морально-нравственных и профессиональных качествах, которыми должен обладать пастырь-миссионер, после чего раздал всем по Библии и христианскому катехизису. На Съезде слушались вопросы: о причинах распространения сектантства; о характере деятельности и вознаграждении окружных миссионеров; об устройстве церковных торжеств; об издании миссионерских листков и брошюр; о приходских братствах; о привлечении к миссионерской деятельности прихожан и «о миссионерской постановке церковно-приходских школ» [19]. Для компетентного решения последнего вопроса, предложенного в числе прочих вниманию Съезда, он был отдан в ведение комиссии под председательством епископа Фаддея при активном участии епархиального наблюдателя за церковными школами священника Феодора Казанского в составе 15 членов. Священник Феодор Казанский предложил к обсуждению в рамках миссии церковно-приходской школы следующие вопросы: о постановке преподавания Закона Божия в школах епархии, в особенности в местностях, где наиболее распространено сектантство или большая часть населения исповедует католичество; о преподавании в школе церковно-славянского языка; об определении обязанностей по преподаванию клиросного пения в школах и управлению церковным хором; о законоучительском Съезде и курсах, а также о религиозно-нравственных чтениях и школьных библиотеках. После детального рассмотрения церковно-школьных вопросов комиссия должна была представить доклад общему собранию 18 сентября. Согласно информации, опубликованной в журнале № 2 «Заседания Волынского миссионерского съезда» [20], на вечернем заседании 18 сентября были

заслушаны доклады школьной комиссии и приняты решения отдать предпочтение в преподавании Закона Божия как в церковно-приходских, так и в министерских школах духовенству. Комиссией были определены методические пособия и разработки: «Примерные уроки по Закону Божию» Благодравова, «Наставление в Законе Божию» протоиерея Дмитрия Соколова, «Закон Божий для народа и народных школ» русского духовного писателя профессора Бориса Гладкова, а также «Записки по дидактике» епископа Фаддея Успенского, которые до сих пор, спустя столетие с момента первого издания, не утратили своей актуальности для преподавания в духовных учебных заведениях. Совет постановил: «Рекомендованные школьной комиссией книги ввести в употребление в школах, о чем просить распоряжения Епархиального училищного совета. Что же касается записок по дидактике и методике [преподавания] Закона Божия и славянского языка преосвященного Фаддея, то, признавая их весьма полезными и необходимыми для наших школ, просить его преосвященство напечатать в Епархиальных ведомостях, начиная с января 1910 г., а также издать их отдельными брошюрами за счет Епархиального училищного совета и разослать по школам епархии» [21]. На Съезде было также решено поручить епархиальному миссионеру и епархиальному наблюдателю составить и издать в виде брошюр Волынский патерик, изложив материал доступным языком для простого народа, для последующего введения его в школах. На них же была возложена работа по созданию специальной программы преподавания Закона Божия для школ, расположенных в местностях с высокой численностью сектантских религиозных объединений и общин. Что касается организации летом 1910 г. Законоучительского съезда, то подготовка созыва Съезда и его работа была возложена на преосвященного Фаддея, причем финансирование должно было осуществляться из средств Синодального училищного совета.

Владыка Фаддей осознавал, что в исторический период, когда умами людей овладел дух свободомыслия, происходит переоценка ценностей, причем многовековой опыт РПЦ в воспитании человека нравственного подвергается критике, а в прессе, кругах «народных освободителей» и даже Государственной думе к духовному сословию относятся «как к ненужным паразитам на общественном организме, которого пока приходится терпеть в силу необходимости», затрудняется осуществление задач духовно-учебного дела. Но, вместе с тем, понимая необходимость духовного формирования личности и, как церковный иерарх, чувствуя ответственность за будущее подрастающего поколения, преосвящен-

ный Фаддей предпринимал все возможное для сохранения духовного начального образования. Ведь, прежде всего, сохранение церковно-приходских школ было нацелено на преодоление косности сельского населения. Учащимся давались элементарные знания, применимые в быту крестьян, но, вместе с тем, прививались основы культуры и нравственности, таким образом, искоренялось народное невежество, воспитывался патриотизм.

Деятельность викарного епископа Фаддея (Успенского), направленная на сохранение церковно-приходских школ как формы духовного просвещения народа получила высокую оценку. 7 июля 1909 г., в канцелярию Святейшего Синода поступило отношение от вице-директора канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода В. И. Яцкевича и начальника Отдела канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода И. В. Преображенского, в котором второй викарий Волынской епархии был отмечен как иерарх, немало потрудившийся «на пользу церковно-народного просвещения» [22], а позднее – награжден орденом святого князя Владимира 3-й степени [23].

Примечания

1. Фаддей (Иван Васильевич Успенский) (1872–1937) – архиерей Российской православной церкви, архиепископ. Родился в Нижегородской губернии в семье священника. Окончил Нижегородскую духовную семинарию (1892), Московскую духовную академию (1896), кандидат богословия. В августе 1897 г. пострижен в монашество, хиротонисан в иеромонаха, а через месяц назначен преподавателем логики, психологии, философии и дидактики Смоленской духовной семинарии. Инспектор Минской духовной семинарии, член Минского епархиального училищного совета (1898), преподаватель основного, догматического и нравственного богословия, а затем ректор Уфимской духовной семинарии, с возведением в сан архимандрита (1900). Ректор Олонецкой духовной семинарии (1902). С 1901 по 1914 г. – преподаватель на педагогических летних курсах повышения квалификации для учителей церковно-приходских и земских школ, организованных в Уфимской, Олонецкой и Волынской епархиях. Автор методического пособия для учителей церковно-приходских школ «Записки по дидактике». В 1908 г. – хиротонисан во епископа Владимир-Волынского, второго викария Волынской епархии. С 1916 по 1917 г. занимал Владикавказскую кафедру в связи с болезнью епископа Владикавказского Антонина (Грановского); архиепископ Волынский (1919). В ноябре 1921 г. арестован по подозрению в контрреволюционной деятельности, в марте 1922 г. по

решению ВУЧК выбрана мера пресечения – высылка из пределов УССР в распоряжение патриарха Тихона (Беллавина) с правом жительства в одной из центральных северных областей РСФСР. В мае 1922 г. взят под стражу за распространение воззвания митрополита Агафангела (Преображенского) к пастве РПЦ, получившего права и обязанности управления Церковью после ареста патриарха Тихона. В сентябре 1922 г. по обвинительному заключению ГПУ был подвергнут административной высылке в пределы Зырянской области сроком на 1 год. С октября 1923 г. – архиепископ Астраханский. После ареста патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) 29 октября 1926 г., а затем и его заместителя архиепископа Иосифа (Петровых) получил права по управлению Церковью, но, выехав в Москву, был задержан Тучковым и отправлен в Кузнецк. В 1928 г. – архиепископ Саратовский, а затем – Тверской. 29 сентября 1936 г. лишен регистрации и права служения. В декабре 1937 г. арестован и решением тройки УНКВД по Тверской области приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 31 декабря 1937 г. Архиерейским собором Русской православной церкви 1997 г. причислен к лику святых.

2. РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 849. Л. 26.

3. Антоний (Храповицкий), митр. Собр. соч. М., 2007. Т. 2. С. 919.

4. Там же. С. 926.

5. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 25. С. 506.

6. Там же. С. 507.

7. Там же. С. 509.

8. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 30. С. 616.

9. Там же.

10. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 24. С. 280–281.

11. Антоний (Храповицкий), митр. Указ. соч. Т. 2. С. 926.

12. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 49. С. 985–989.

13. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 37. С. 432–433.

14. Там же. С. 786.

15. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 29. С. 599.

16. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 25. С. 515.

17. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 8. С. 93–94.

18. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 25. С. 519.

19. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 39. С. 837.

20. Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 48. С. 598.

21. Там же. С. 599.

22. РГИА. Ф. 797. Оп. 80-3-4. Д. 134. Л. 1.

23. Там же. Оп. 81. Д. 232. Л. 140.

В. В. Лобанов

**«СТАЛИН МНЕ ДРУГ...»:
СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО
АРХИМАНДРИТА ОЛЕГА (ВАВИЛИНА)**

В статье на основе материалов следственного дела прослеживается трагическая судьба архимандрита Олега (Вавилина), ставшего жертвой политических репрессий.

On the basis of investigation file materials the tragic fate of archimandrite Oleg (Vavilin), who became a victim of political repression, is being traced in the article.

Ключевые слова: политические репрессии, обновленчество, И. Е. Вавилин, следственное дело, Русская православная церковь.

Keywords: political repression, renovationism, I. E. Vavilin, investigation file, Russian Orthodox Church.

Данная статья продолжает ряд публикаций автора о представителях так называемого «обновленческого» раскола в Русской церкви (1922–1946), пострадавших в годы сталинских репрессий [1]. Порожденное революционными катаклизмами XX в. обновленческое движение на первых порах активно поддерживалось советской властью, которая пыталась использовать его для разрушения патриаршей Церкви, и окончательно сошло на нет только в годы Великой Отечественной войны. Постепенно утратив покровительство властей, в 1930-е гг. многие обновленцы сами стали жертвами антирелигиозных гонений. В частности, материалы следствия в отношении представителей обновленчества входят в обширный массив следственных дел пострадавших от политических репрессий, переданный на рубеже 1990–2000 гг. архивом УФСБ РФ по Москве и Московской области в Государственный архив Российской Федерации.

По материалам следственного дела не всегда удается абсолютно точно определить, насколько то или иное духовное лицо было вовлечено в обновленческие церковные структуры, однако даже если в деле не содержится прямых указаний на принадлежность обвиняемого к обновленчеству, его церковную ориентацию можно определить с большой степенью достоверности.

Это относится и к расстрелянному на Бутовском полигоне И. Е. Вавилину, имевшему священнический сан и, судя по всему, также примкнувшему к расколу [2].

Согласно анкете арестованного и другим материалам дела, Иван Егорович Вавилин родился

в 1889 г. в деревне Сычево Петрозаводского района Карельской АССР, из крестьян, на момент ареста был «служителем религиозного культа» в селе Казаново Шитьковского сельсовета Волоколамского района Московской области [3]. Как гласит обвинительное заключение, арестованный 31 августа 1937 г. Вавилин «среди граждан окружающих сел ведет активную контрреволюционную деятельность, распространяет контрреволюционную клевету на руководителей Партии и правительства и ведет антисоветскую агитацию против проводимых кампаний на селе» [4].

На основании материалов допроса обвиняемого можно восстановить вехи его биографии. Так, И. Е. Вавилин сообщает, что принял монашеский постриг в 1905 г. в Клименецком монастыре [5], где пребывал до 1909 г. В 1909–1914 гг. в сане иеромонаха служил на крейсере «Баян» Балтийского флота. По утверждению Вавилина, в 1914 г. он был назначен настоятелем Кожеозерского монастыря бывшей Архангельской губернии, где прослужил до ноября 1917 г. [6]

В 2005 г. в одном из православных изданий была опубликована статья начальника отдела публикаций и использования документов государственного архива Архангельской области Т. А. Санакиной о судьбе Кожеозерского монастыря в годы революции. Упомянуто и о настоятеле обители до 1917 г. «Настоятелем, – сообщает автор, – в то время был архимандрит Олег, в миру Иван Георгиевич Вавилин (выделено мною. – В. Л.). Родился в 1880 г. в крестьянской семье недалеко от Санкт-Петербурга. Окончил сельскую школу, в 1904-м поступил послушником в Клименецкий монастырь Олонецкой епархии. 29 января 1905 г. пострижен в монашество. Через полтора месяца, 13 марта 1905 г., рукоположен в иеродиакона и перемещен в Палеостровский монастырь, где 19 марта того же года посвящен в иеромонахи и награжден набедренником. Исполнял обязанности ризничего, затем казначея монастыря. В июне 1910 г. иеромонах Олег был направлен на транспорт “Рига” для исполнения пастырских обязанностей. В ноябре переведен на крейсер “Баян”. Приказами командира корабля от 10 января и 30 марта 1914 г. отцу Олегу была объявлена благодарность за примерно-ревностное исполнение пастырских обязанностей. 9 марта 1914 г. награжден палицей, возведен в сан игумена и назначен настоятелем Кожеозерского монастыря. В 1916 г. возведен в сан архимандрита. Тогда ему было всего 37 лет – он моложе всей старшей братии монастыря. Думается, это обстоятельство сказалось в дальнейшем. Годы, проведенные на флоте, наложили отпечаток на его характер. Иногда он допускал несколько грубоватые шутки, которые не всегда

и не всем нравились. Но мог и как простой трудник работать в поле и на огороде. По отношению к братии был довольно либерален, это потом ему поставили в вину. В 1917 г. возникли перебои со снабжением монастыря хлебом, что было связано не столько с упущениями отца Олега, сколько с военным временем. Но так как старшая братия сразу же невзлюбила нового настоятеля, то и это приписали к его недостаткам» (ГААО. Ф. 29. Оп. 9. Д. 374) [7].

Несмотря на искажение фамилии, легко убедиться, что речь идет об одном и том же человеке. Однако неверно указан год рождения, и (что вполне обычно) монашеское имя отличается от мирского. Что касается искажения возраста – это легко объяснить опiskeй или опечаткой, и недовольство братии монастыря действительно становится понятным, если исходить из того, что И. Е. Вавилин родился не в 1880-м, а в 1889 г., тогда настоятелем он стал уже в 25 лет, а в сан архимандрита возведен в 27 лет. Сложнее с монашеским именем. В базе данных по новомученикам и исповедникам российским Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ), где И. Е. Вавилин проходит как священник (без указания монашеского имени), содержатся сведения, взятые из рассматриваемого нами следственного дела со ссылкой на следующие публикации и документы: Мартиролог расстрелянных и захороненных на полигоне НКВД «Объект Бутово». 08.08.1937–19.10.1938. М., 1997. С. 57; Синодик пострадавших за веру и Церковь Христову в Бутово. М., 1995; Списки клириков и мирян, расстрелянных и захороненных в районе пос. Бутово Московской обл. [8] В синодике пострадавших, изданном общиной храма Святых новомучеников и исповедников российских в Бутово в 2004 г., упомянут архимандрит Иоанн (Вавилин) [9]. Однако очевидно, что составители этого списка также пользовались материалами следственного дела, где указано, что И. Е. Вавилин был настоятелем монастыря и архимандритом, но нигде не упомянуто, что Иоанн – это его монашеское имя. Таким образом, становится ясно, что И. Е. Вавилина нужно именовать не архимандритом Иоанном, а архимандритом Олегом.

Далее в своей статье Т. А. Санакина сообщает о настроениях в Кожеозерском монастыре, последовавших после Февральской революции. Архимандрит Олег был отстранен братией от настоятельской власти, в мае 1917 г. по доносу новообразованного «монастырского исполнительного комитета» он был арестован, однако вскоре освобожден. 31 августа 1917 г. Архангельская Духовная консистория по результатам расследования хозяйственной деятельности архимандрита ходатайствовала перед Синодом об отстранении его от должности, однако это решение было

утверждено только в январе 1918 г. Как указывает Т. А. Санакина, «в период следствия в отношении к архимандриту Олегу братия вела себя очень дерзко – выгоняла его не только из настоятельских помещений, но даже из монастыря, оскорбляла его словами и поступками, чем вынудила его покинуть обитель до решения Консистории. Решение Консистории об увольнении отца Олега было отослано в Петроград, куда он к этому времени уже уехал. Все еще не оправившись от сильного потрясения, он попросил дать ему отпуск, а затем определить в число братии Сийского монастыря [10], которая согласилась его принять. 13 декабря 1917 г. указ Архангельской Духовной Консистории, разрешавший это перемещение, был отослан в Высокогорский монастырь Нижегородской епархии, где он впоследствии проживал. 23 января 1918 г. Архангельская Духовная Консистория рассмотрела прошение Нижегородской Духовной Консистории о перемещении о. Олега на службу в эту епархию и не возражала против этого» [11].

Всех этих подробностей мы не находим в материалах следственного дела. Согласно показаниям обвиняемого, в Кожеозерском монастыре он прослужил до ноября 1917 г., откуда по личной просьбе был переведен рядовым монахом в Высокогорский монастырь Нижегородской епархии. В 1920 г. выехал из монастыря на родину в бывшую Олонецкую губернию, а оттуда – в Ленинград, там год подвизался монахом, а затем перебрался в Москву, «где временно замещал служителей культа – священников». В Москве пробыл около 2 лет (очевидно, в этот период примкнув к расколу. – В. Л.) и получил в 1925 г. назначение в город Киржач бывшей Владимирской губернии, где прослужил до 1929 г. Затем около 2 лет служил в Ростове [12], после чего в Бронницком районе Московской области, и в 1932 г. переехал в Волоколамский район, в с. Казаново, где на момент ареста был священником Рождественской церкви [13].

Однако позже, во время другого допроса, ссылаясь на то, что «перепутал года», И. Е. Вавилин уточняет: «В Нижегородской области я жил в 1918 г., и меня представитель ЧК Филиппов в 1919 г. вызвал из Петрограда (в Москву. – В. Л.) из Невской лавры [14], где я был архимандритом» [15].

Что же конкретно инкриминировалось Вавилину? В деле приведены вполне стандартные примеры «антисоветской и религиозной агитации» священнослужителя. Так, в июне 1937 г. И. Е. Вавилин якобы говорил колхозникам: «Единоличники живут лучше вас, ну что вы работаете в колхозе, только мучаетесь, все равно получать будет нечего, свезете все в МТС и государству». В том же 1937 г., после хорошего урожая хлеба, он, по утверждению следствия, заявлял: «Вот

видите, какой урожай пшеницы вы получили, потому что эта пшеница была посеяна возле церкви, и я устраивал там частые молебны». А в другой раз сказал: «По Конституции нам, церковникам, даны широкие права, никто не имеет права встревать в наши церковные дела, колхозники могут беспрепятственно в религиозные праздники бросать колхозную работу и идти в церковь, а кто будет препятствовать, за это будут привлекать» и т. д. [16]

Часть подобного рода примеров выдумана следователем полностью, где-то есть крупицы правды, но обращают на себя внимание обвинения, касающиеся клеветы на руководителей партии и правительства. Дело в том, что И. Е. Вавилин якобы неоднократно заявлял: «Сталин мне друг, мы с ним вместе учились на попу, он со мной из одной местности»; ставилось ему в вину и другое утверждение: «В 1923 г. [17] ДЗЕРЖИНСКИЙ меня вместе с архиереем Варнавой вызвал к себе в ЧК, Варнава передал Дзержинскому две иконы, одну для него, другую для Ленина. Дня через два нас архиереем Варнавой вызвали к Ленину, он уговаривал и предлагал Варнаве обновлять церкви, Варнава дал согласие. Это делалось все по секрету» [18].

Так имеет ли священник И. Е. Вавилин какое-то отношение к И. В. Сталину, кто такой архиерей Варнава и о каком «обновлении церквей» идет речь?

Приведенное в обвинительном заключении и приписываемое Вавилину высказывание о Сталине, по сути, недостоверно. На самом деле, как свидетельствовал сам И. Е. Вавилин, он лишь говорил, что его предки происходят из грузин и таким образом являются земляками И. В. Сталина [19]. Однако встречи с Лениным и Дзержинским, возможно, действительно имели место. И дело здесь, прежде всего, в личности вышеупомянутого архиепископа Варнавы (Накропина) (Василий Александрович Накропин (1859–1924)), который с 1899 по 1905 г. был настоятелем того самого Клименецкого монастыря, где принял постриг И. Е. Вавилин. Возведение на епископскую кафедру в 1911 г. малообразованного архимандрита Варнавы (окончил только Петрозаводское городское училище) стало исключительным фактом и было негативно воспринято в церковных и общественных кругах, не без оснований считавших это следствием влияния на церковную жизнь «старца» Григория Распутина. Определением Святейшего Синода от 7–8 марта 1917 г. к тому времени уже архиепископ Варнава был уволен на покой с назначением управляющим, на правах настоятеля, Высокогорскою Воскресенскою пустынью в Нижегородской епархии (очевидно, не случайно именно туда попросил перевести его архимандрит Олег).

В июне 1918 г. архиепископ Варнава был арестован в связи с делом протоиерея Иоанна Восторгова [20]. Его обвиняли в активном участии в контрреволюционном заговоре, что в тех условиях предполагало смертный приговор. Однако во время следствия владыка Варнава неожиданно заявил о своей полной и безоговорочной поддержке советской власти, выразил желание сотрудничать с ВЧК и, кроме того, «создать церковь, стоящую за большевистскую власть» [21]. Все это немедленно было опубликовано в большевистской печати [22]. В частности, на допросах архиепископ Варнава заявлял: «Я хочу работать вместе с большевиками, и уже давно я разошелся со своими, которые всегда были против меня, потому что я из простого народа прошел в архиереи. Особенно пошли против меня, когда я в проповедях высказался за Советскую власть. Я хочу сказать, что расстрелять меня Советская власть всегда сможет, когда признает необходимым. Теперь же я предлагаю Советской власти свои услуги, для того чтобы воздействовать на тех, кто восстает против Советской власти, и привести их к соединению со всеми трудящимися. Против Советской власти я никогда не пойду. Советскую власть я признаю выше и лучше всякой другой, какая была до сих пор, и готов за нее умереть. А если собор или патриарх задумают отлучить меня от церкви, я не буду обращать на это внимание, потому что я готов порвать со всеми для простого народа и для Советской власти. В ответ на отлучение от церкви собором я призову всех священников и архиереев, стоящих за простой народ, восстановить церковь без тех, кто сейчас самовольно и незаконно засел в собор (в этот период еще продолжал работу Поместный собор Российской православной церкви 1917–1918 гг. – В. А.) и хочет решать дела церкви. Тогда будет настоящая церковь, стоящая за простой народ, со священниками и архиереями, признавшими Советскую власть и большевиков» [23].

И далее: «...К сожалению, я не знаю, кто именно участвовал в белогвардейской организации или в других организациях, идущих против Советской власти, но я берусь узнать, если мне дадут возможность вести деятельность на свободе, и все, что я узнаю, сообщу Чрезвычайной комиссии. И не только я один, но и все, кто не пойдет за собором, а за церковь, стоящую за большевистскую власть. <...> Предоставьте мне какую-нибудь церковь в фабричном районе, дайте мне отслужить богослужение и сказать проповедь, и ко мне пойдут многие. Пензенский архиепископ Владимир [24] и архимандрит Олег (выделено нами. – В. А.)... Пол-России пойдет за мною, и я их приведу к большевикам, потому что я думаю, что только большевики могут спасти Россию» [25].

Как видим, архиепископ Варнава прямо упоминает архимандрита Олега (Вавилина) как возможного сторонника создания просоветской церкви. Не случайно появляется в протоколах допроса и имя вышеупомянутого Алексея Фроловича Филиппова (1868–1936), сотрудника ВЧК и доверенного лица Ф. Э. Дзержинского, который с августа 1919 г. возглавил учрежденный им «Исполнительный комитет по делам духовенства всея России» (Исполкомдух). Именно он в апреле 1919 г. встретился с архиепископом Варнавой в больнице Бутырской тюрьмы для обсуждения условий его освобождения. Вскоре Варнава был выпущен на свободу, дав подписку о политической лояльности, и в течение года сотрудничал с Исполкомдухом, весьма неоднозначной структурой, в состав которой входили представители различных конфессий, в том числе и православные иерархи. 3 июня состоялась встреча уже запрещенного в служении архиепископа Варнавы с Патриархом Тихоном, на которой Варнава, по сути, принес покаяние, в частности, заявив, что «никаких намерений создавать какую-то советскую православную Церковь он не имел и не имеет и своих услуг в этом деле не предлагал», а также сожалеет, если оскорбил кого-либо из церковных деятелей. Варнаве было разрешено совершать богослужения, а вскоре он отдельным постановлением Патриарха и Священного Синода от 16 июня 1919 г. был назначен настоятелем Калязинского монастыря Тверской епархии [26].

Однако из Москвы Варнава уехал не сразу, и к июлю 1919 г. очевидно и относится тот самый упомянутый И. Е. Вавилиным эпизод с передачей икон Ф. Э. Дзержинскому. Вместе с тем петербургский историк М. Ю. Крапивин, исследовавший эту тему, не упоминает о самой встрече архиепископа Варнавы с председателем ВЧК, но приводит сохранившийся в ЦА ФСБ России текст письма Варнавы А. Ф. Филиппову, где тот просит передать В. И. Ленину икону и благословение. «Боголюбивый Алексей Фролович, посылаю образок в благословение Владимиру Ильичу и прошу вручить ему и поздравить его [с] днем ангела. Хотел бы вручить и лично, но, с одной стороны, силы плохи и тороплюсь уезжать, т[ак] к[ак] давно уже должен и по службе, и, главное, по нездоровью. Думая и веруя, что свет и воздух поможет мне лучше всякого лечения, то не откажи ради Бога походатайствовать доставить мои мощи, т[ак] к[ак] сейчас очень трудно достать место. Попроси прощения у Владимира Ильича за мою смелость беспокоить его, но я за это беспокою и буду беспокоить Господа Бога, да умудрит его во всех делах его на пользу родной нашей Руси. Не откажи же, исполни. Да и Бельянского [27] не забудь моим приветом. Храни Вас Бог. Покорный слуга грешный а[рхиепископ] Варнава» [28]. На иконе

была сделана следующая надпись: «Рабу Божьему Владимиру Ильичу на день святого ангела благословение от грешного архиепископа Варнавы, июля 15-го, 1919 г. Вождь Гедион с тремястами поразил врагов. Не в полчищах сила, но в духе водительства Божия. Вознесох избранного от людей Моих» [29]. Судя по помете А. Ф. Филиппова на конверте икона была передана в Кремль [30].

Таким образом, факт передачи Варнавой иконы и благословения председателю СНК подтверждается архивными документами. Но была ли встреча в указанное время архиепископа Варнавы и архимандрита Олега с Дзержинским, а потом с Лениным?

Обратимся к материалам следственного дела. На вопрос следователя о его связях с «видными людьми» И. Е. Вавилин пояснил следующее: «...в 1923 г. в одной из газет была помещена моя фамилия и фамилия архиерея Варнавы, где описывался прием в ВЧК нас с Варнавой у Дзержинского в присутствии Ксенофонтова [31], работника ВЧК, и Филиппова, в присутствии которых Варнава передал маленькие иконки-образа с надписями самому Дзержинскому и просил один из них передать Ленину, эти иконки были приняты, после этого я, как посредник, архимандрит Варнава совместно с работником ВЧК Филипповым были на приеме у Ленина в Тарасовке [32]» [33].

Имея в виду изыскания М. Ю. Крапивина, такой поворот дела представляется вполне вероятным, учитывая, что А. Ф. Филиппов, по утверждению Вавилина, присутствовал на встрече с Дзержинским, где ему и могло быть передано приводимое М. Ю. Крапивиним письмо. Нет ничего сверхъестественного и в возможной последующей встрече с В. И. Лениным. Правда, очевидно, что это не могло произойти в 1923 г., когда Ленин был уже тяжело болен, а Филиппов оставил службу в ВЧК. Однако позже на следствии, как уже было упомянуто, И. Е. Вавилин заявил, что ошибся с датами, и встреча с Дзержинским и Лениным была именно в 1919 г. [34]

Так или иначе, следователя утверждение об этой встрече, которой в материалах дела уделяется значительное внимание, интересовало только как повод для обвинения И. Е. Вавилина в клевете. Следствие было недолгим, и по постановлению тройки при Управлении НКВД СССР по Московской области от 26 сентября 1937 г. Иван Егорович Вавилин за «активную антисоветскую агитацию» был приговорен к расстрелу. На следующий день приговор привели в исполнение... [35]

Таким образом, материалы следственного дела И. Е. Вавилина в сопоставлении с другими источниками позволяют уточнить вехи трагического жизненного пути архимандрита Олега (Вавилина), уничтоженного той властью, с которой он готов был сотрудничать, а также проливают свет

на некоторые моменты из ранней истории обновленчества.

Расстрелянный в числе других жертв сталинских репрессий на Бутовском полигоне И. Е. Вавилин был реабилитирован в июле 1989 г.

Примечания

1. См.: *Лобанов В. В.* «Дело велось с грубейшим нарушением процессуальных норм» (Документы Госархива Российской Федерации о репрессиях против обновленческого духовенства и мирян во второй половине 1930-х гг.) // Отечественные архивы. 2009. № 6. С. 94–101; *Его же.* Дело «епископа» Лазаря (архивные документы о преследованиях обновленческого духовенства в годы «Большого террора») // Русский исторический сборник. Т. 2. М., 2010. С. 241–252; *Его же.* Судьба архиепископа Матфия (по материалам следственного дела) // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 216–223; *Его же.* «...По суду считать оправданным». (Следственное дело обновленческого священника А. Г. Благовещенского) // Русский исторический сборник. Т. 5. М., 2013. С. 149–157.

2. Подробнее об «обновленческом» расколе см., напр.: *Стратонов И. А.* Русская церковная смута (1921–1931) // Из истории Христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995; *Левитин А. Э., Шавров В. М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996; *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. СПб., 1999; «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / сост. И. В. Соловьев. М., 2002; *Митрофанов Г., прот.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб., 2002; *Степанов А. С.* Обновленческий раскол как средство антицерковной политики Советской власти в 1922–1923 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. *Глобушкин Д. А.* Феномен обновленчества в русском православии первой половины XX века. СПб., 2009; *Roslof Ed.* Red Priests: Renovation, Russian Orthodoxy and Revolution, 1905–1946. Bloomington: Indiana University Press, 2002; и др.

3. ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20573. Л. 3, 23.

4. Там же. Л. 23.

5. Имеется в виду не действующий ныне Климецкий Свято-Троицкий монастырь, находившийся на острове Большой Климецкий (Медвежьегорский район Республики Карелия). С 1905 г. – женский. В 1899–1905 гг. игуменом монастыря был будущий архиепископ Варнава (Накропин).

6. Имеется в виду Кожеозерский (Кожеозерский) мужской монастырь в честь Богоявления Архангельской и Холмогорской епархии.

7. *Санакина Т. А.* Трагедия Кожеозерского монастыря // Сийский хронограф. Церковно-исторический альманах. 2005. № 5–6. С. 13.

8. База данных по новомученикам и исповедникам Российским ПСТГУ. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans. (дата обращения 08.07.2013).

9. Русская Голгофа. Бутово. Месяцеслов-синодик. М., 2004. С. 31.

10. Имеется в виду Свято-Троицкий Антониево-Сийский мужской монастырь Архангельской и Холмогорской епархии.

11. *Санакина Т. А.* Указ. соч. С. 16.

12. Очевидно, все же под Ростовом. Далее неразборчиво указано название села, в котором И. Е. Вавилин

служил священником. Вместе с тем неясно, идет ли речь о Ростове Великом или Ростове-на-Дону.

13. ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20573. Л. 3, 17. Храм Рождества Пресвятой Богородицы в Казаново (Шитьково) был построен 1816–1824 гг. В 1921–1931 гг. там служил насельник Троице-Сергиевой лавры о. Филадельф (Мишин), арестованный в 1931 г. и отправленный в ссылку – сначала в Казахстан, затем в Жданов (Мариуполь). В 30-е гг., очевидно после ареста И. Е. Вавилина, храм был закрыт. До последнего времени находился в полуразрушенном состоянии. В 2010 г. начались работы по возрождению храма. Подробнее о храме см.: URL: <http://hram-shitkovo.narod.ru> (дата обращения 12.07.2013).

14. Имеется в виду Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра в Санкт-Петербурге.

15. ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20573. Л. 22.

16. Там же. Л. 23–24.

17. В документе явно ошибочно указан 1932 г.

18. ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20573. Л. 24–25.

19. Там же. Л. 21.

20. Священномученик Иван (Иоанн) Иванович Восторгов (1864–1918), настоятель московского Покровского собора на Рву (собора Василия Блаженного), был обвинен властями в уголовном преступлении, а также в контрреволюционной деятельности, и на волне красного террора, наряду с другими видными деятелями царской России, публично расстрелян 5 сентября 1918 г.

21. Подробнее о религиозной политике ВЧК в указанный период и деятельности архиепископа Варнавы см.: *Кративин М. Ю.* Архиепископ Варнава (Накропин) и религиозная политика ВЧК: 1918–1922 годы // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 113–156.

22. См., напр.: Известия ВЦИК. 1918. № 208 (472). 25 сентября.

23. Цит. по: *Кративин М. Ю.* Указ. соч. С. 116–117.

24. Имеется в виду лишенный сана архиепископ Владимир (Путята) (в миру Всеволод Владимирович Путята (1869 – после 1936), при поддержке ВЧК в 1918 г. организовавший в Пензе «Новую народную церковь». Впоследствии примкнул к «обновленческому», а затем к «григорианскому» расколу.

25. *Кративин М. Ю.* Указ. соч. С. 117–118.

26. Там же. С. 137–138. Активным обновленческим деятелем архиепископ Варнава так и не стал (возможно, по состоянию здоровья, а скорее в силу присущей ему осторожности). В 1924 г. он скончался и был отпет патриархом Тихоном, с которым ему удалось сохранить неплохие отношения.

27. Имеется в виду высокопоставленный сотрудник ВЧК–ОГПУ А. Я. Беленький (1883–1941), очевидно, способствовавший освобождению архиепископа Варнавы из тюрьмы.

28. *Кративин М. Ю.* Указ. соч. С. 138. (Со ссылкой на: ЦА ФСБ. Д. Р–21618. Л. 10).

29. Там же. Л. 12.

30. *Кративин М. Ю.* Указ. соч. С. 155. Сноска № 135.

31. Имеется в виду заместитель председателя ВЧК И. К. Ксенофонтов (1884–1926).

32. Тарасовка – село в Пушкинском районе Московской области, в окрестностях которого в первые годы советской власти периодически отдыхал В. И. Ленин.

33. ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20573. Л. 18–19.

34. Там же. Л. 22.

35. Там же. Л. 33.

А. С. Касанов

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА В ВЯТСКО-КАМСКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России процесс перехода к капиталистическому укладу затянулся и вызвал массу сложных явлений, обозначил большое количество проблем. В первую очередь это касалось вопросов социальной политики, поскольку быстрое расслоение общества привело к увеличению количества неимущих, нуждающихся в помощи, не приспособившихся к новым условиям времени. В процессе поддержки таких социальных групп важнейшую роль сыграли благотворительные общественные организации. Их деятельность была масштабна: помощь бедным, социальная реабилитация безработных путем их трудоустройства, обучение беспризорных детей и детей-сирот, назначение ежемесячных или единовременных пособий и т. д. Отдельные общества открывали приюты, богадельни, школы, мастерские, больницы, общежития, бесплатные столовые. Данная статья основана на ранее не опубликованных материалах фондов Государственного архива Кировской области и Российского государственного исторического архива.

In the second half of XIX – early XX century. Russia's transition to a capitalist way of inhaled and caused a lot of complex phenomena, outlined a number of problems. First of all, this concerns the question of social policy, because rapid stratification of society has increased the number of the poor in need of assistance, not adapted to the new conditions of time. In the process of supporting such social groups played a crucial role charitable community organizations. Their work was large-scale: assistance to the poor, the social rehabilitation of the unemployed through their employment, training of street children and orphans, the appointment of monthly or lump-sum benefits, etc. Separate societies opened shelters, almshouses, schools, workshops, hospitals, hostels, free canteens. This article is based on previously unpublished materials the State Archives of the Kirov region and the Russian State Historical Archive.

Ключевые слова: гражданское общество, общественные организации, социально значимые проекты, благотворительные общества, социальная сфера, поддержка и призрение малоимущих.

Keywords: civil society, community organizations, socially important projects, charitable organizations, social, charity and support the poor.

Либеральные реформы Александра II формировали новую систему социально-экономических отношений в российском обществе, переход к капиталистическому укладу происходил достаточно сложно и болезненно для основной массы населения. С одной стороны, росло количество бедных и безработных, с другой – наблюдался цивилизационный прогресс, выражавшийся в европеизации форм социальной жизни [1]. Закономерным явлением времени стало социальное и имущественное расслоение, многие люди не мог-

ли найти себе место в новых экономических и общественно-политических условиях, происходила пауперизация и пролетаризация крестьянства, динамичная урбанизация. Рост населения российских городов шел главным образом за счет пришлого элемента – пауперизированного крестьянства, жизненный уровень и степень адаптации которого были очень низкими. Растущее количество бедных и безработных жителей в городах было серьезной, прежде всего социальной, проблемой. Их число увеличивалось из года в год. По официальным данным, к 1915 г. было более 8 млн нуждающихся в помощи при 170 млн всего населения страны [2]. Поэтому появилась острая необходимость в социальном патронате над определенными категориями граждан. Наряду с отдельными благотворителями и меценатами большую роль в деле помощи нуждающимся оказывали благотворительные общественные организации, появившиеся в пореформенную эпоху.

Запрос на формирование благотворительных обществ в Вятско-Камском регионе сложился еще в период до 1860-х гг. Существовавшие в Вятской губернии благотворительные учреждения не справлялись с задачей призрения всех нуждавшихся, число которых постоянно росло. К июлю 1869 г. в Вятской губернии существовало 8 богаделен, 12 больниц и 9 приемных покоев и ни одной общественной организации социальной направленности [3]. Еще в 1840 г. Слободской городской голова и группа местных жителей писали вятскому губернатору А. Н. Мордвинову, что «в Вятской губернии в городе Слободском нередко некоторые из жителей по разным несчастным случаям приходят в беднейшее положение и особенно после смерти начальников семейств малолетние дети остаются в нищете, но милостыни испрашивать и в богадельни помещаться или не могут, или по бывшем порядке значительности зазирает их совесть. Родственников же таких, кои бы могли помогать им в пропитании себя и в восстановлении благосостояния не имеют» [4]. В результате усилий слободских энтузиастов в 1841 г. была образована благотворительная касса при общественном Анфилатова банке г. Слободского. За 50 лет (с 1841 по 1891 г.) было потрачено 42 950 руб. 58 коп. на нужды 4150 семей из Слободского и уезда [5].

Первые благотворительные общества в Вятско-Камском регионе были образованы в 1870-е гг. Самым ранним по дате основания стало Вятское (устав утвержден 21 апреля 1873 г.), затем подобные общественные организации сформировались в г. Елабуге (27 марта 1874 г.), г. Сарапуле (24 октября 1874 г.), г. Яранске (25 января 1875 г.), г. Слободском (15 декабря 1875 г.), Воткинском заводе (13 февраля 1876 г.), г. Уржуме (11 сентября 1881 г.), при Холуницких за-

водах (28 июня 1888 г.), г. Нолинске (22 января 1892 г.), г. Орлове (13 декабря 1897 г.), г. Котельниче (1 апреля 1898 г.), при Сарапульской земской больнице (27 марта 1905 г.) [6]. Особенностью благотворительных обществ было то, что они функционировали только в крупных населенных пунктах [7]. Как правило, в уезде было одно благотворительное общество, которое распространяло свои действия на все волости. Исключением являются лишь Слободской и Сарапульский уезды, где было два и три общества.

Инициатором и вдохновителем открытия первого благотворительного общества в Вятской губернии был губернатор Валерий Иванович Чарыков. 29 мая 1873 г. состоялось общее собрание членов Вятского благотворительного общества [8]. Председателем первого собрания организации был избран губернатор, открывая заседание, он заявил, что «постоянное стремление Вятского общества к делу благотворительности и желание помочь людям побудило его ходатайствовать об открытии в г. Вятке благотворительного общества» [9]. Более того, в ноябре 1873 г. из канцелярии вятского губернатора в уездные земские управы был разослан циркуляр, в котором В. И. Чарыков «покорнейше просил» все уездные земские управы рассмотреть возможность создания в уездах губернии благотворительных обществ, подобных Вятскому. Последнему губернатором давалась достаточно лестная характеристика, отмечалось, что общество «несмотря на недавнее открытие своих действий, уже принесло видимую пользу для бедных жителей г. Вятки» [10]. Результатом стало образование благотворительных обществ в гг. Елабуге, Сарапуле, Яранске, Слободском и т. д.

Поскольку благотворительные общества организовывались при непосредственном участии губернской и уездной администраций, то и социальный состав их участников включал в себя преимущественно представителей чиновничества. Председатель Сарапульской уездной земской управы 8 апреля 1871 г. писал вятскому губернатору В. И. Чарыкову, что лично предложил «членам и канцелярии управы составить на первый раз из своей среды» благотворительное общество [11]. Предлагалось привлекать других служащих и частных лиц. Но в первые годы своего существования благотворительные общества губернии работали именно при непосредственном участии представителей губернской и уездной власти в союзе с купцами и промышленниками. Не случайно председателем Вятского благотворительного общества стал действительный статский советник А. П. Воскресенский, а его заместителем – потомственный почетный гражданин, известный предприниматель Я. А. Прозоров, Холуницкое благотворительное общество

было основано действительными статскими советниками, заводоладельцами А. А. Фон-Зигелем и В. А. Поклевским-Козел, лидером Елабужского общества были представители богатого купеческого рода Стахеевых и т. д. Большую роль играли и представители духовенства, помогавшие благотворительным обществам и организационно, и финансово. Так, в 80-е гг. XIX в. учителем при начальной школе Уржумского благотворительного общества состоял священник Уржумской тюремной церкви, действительный член общества Константин Пономарев, обучавший 41 воспитанника бесплатно [12]. Священнослужители были как рядовыми членами благотворительных обществ, так и входили в состав их руководящих органов.

Необходимым условием существования любого благотворительного общества было наличие капитала, который в каждой отдельной организации формировался из различных источников. Так, в начале XX в. главной статьей дохода Уржумского благотворительного общества был сбор с устраиваемых местным кружком любителей сценического искусства спектаклей, благодаря им в одном только 1903 г. в казну общества поступило 1090 руб. 83 коп. [13] При этом всех членских взносов в общество за период с 1898 по 1903 г. поступило лишь 159 руб. Самой доходной статьей пополнения бюджета обществ были пожертвования организаций и частных благотворителей. Серьезную финансовую и организационную помощь оказывали земские органы, выделявшие суммы до 500 руб. для пополнения расходных капиталов обществ [14]. Часто организации получали пособия сразу от губернских и уездных земств, а также от городских и мещанских управ. Так, за период с 1876 по 1898 г. Вятское губернское и Сарапульское уездное земства выделили Сарапульскому благотворительному обществу 7400 руб. [15] Помимо этого в 1900 г. уездное земство пожертвовало обществу здание для размещения в нем дома трудолюбия для приходящих детей на безвозмездных началах.

Одним из основных направлений деятельности благотворительных обществ было облегчение материального положения бедных семей и частных лиц. Им оказывалась помощь назначением пособий – ежемесячных или единовременных. Каждое благотворительное общество тщательно отбирало нуждавшихся в единовременном пособии. К примеру, в Сарапуле для собрания сведений об обращающихся за пособием из уезда Совет организации избрал из своей среды трех членов, а заведование городскими участками было распределено между остальными членами Совета. По каждому заявлению о пособии председатель и члены Совета проверяли «правильность заявления» личным расспросом на месте житель-

ства просителя и собранные сведения доклады вали Совету, который «старался, чтобы оно выдавалось действительно нуждающимся» [16]. В Холуницком благотворительном обществе существовала специальная комиссия из членов правления – дам, которые занимались проверкой «семейного, материального и нравственного положения» каждого просителя [17].

После тщательной проверки нуждавшихся семейств им выделялись денежные средства в зависимости от возможностей организации. Так, в 1897 г. Яранским благотворительным обществом было выделено 587 руб. 50 коп. на различного рода пособия нуждающимся, а Сарапульским обществом только бедным Сарапула и уезда – 1154 руб. 23 коп. [18] На единовременные пособия благотворительные общества тратили от 50 коп. до 30 руб., сумма варьировалась в зависимости от потребностей просителя, которые могли включать в себя необходимость ремонта домов, проведения похорон, свадеб, выделение стипендий и экипировки учащихся и т. д. Некоторые общества старались охватить пособиями и стипендиями как можно большее количество категорий населения. К примеру, в 1880–1881 гг. Холуницкое благотворительное общество содержало 29 постоянных пенсионеров, каждому из которых отпускалось от 50 коп. до 3 руб. в месяц (всего в год 362 руб.), 74 просителям оказывались единовременные пособия от 1 до 10 руб., всего на сумму 297 руб. 83 коп., были выделены деньги на покупку одежды 82 ученикам четырех заводских училищ на общую сумму 164 руб. 40 коп. [19]

Кроме выделения пособий нуждавшимся каждое общество имело собственные социальные проекты. Это могли быть приюты, богадельни, школы, мастерские, больницы, общежития и т. д. К концу XIX в. многие благотворительные общества Вятско-Камского региона создавали свои «убежища для бедных детей». В таких учреждениях дети от 7 до 15 лет получали «религиозно-нравственное, умственное и физическое воспитание» [20]. В условиях систематических неурожаев и засухи в начале XX в. актуальны были проекты бесплатных или «дешевых» столовых. Так, Нолинское благотворительное общество содержало на свои средства бесплатную столовую. В день в ней ужинали порядка 14 человек, в первые три дня празднеств Пасхи и Рождества столовая была открыта для всех желающих и каждый мог воспользоваться бесплатными обедами. В среднем в такие дни столовую посещали порядка 80 человек в день, на ее содержание расходовалось 347 руб. в год [21].

Большое внимание уделялось образовательным проектам, реализации идей занятости населения, обучения его новым ремеслам и профессиям.

Очень успешным был проект Холуницкого благотворительного общества, которое создало школу для обучения женщин кройке и шитью, ткацкому ремеслу. В 1899–1900 гг. в такой школе занимались 78 женщин из Холуницкого, Климковского, Чернохолуницкого и Залазинского заводов, для их обучения были наняты две учительницы. В итоге за изысканную выделку кружевной школы благотворительного общества была отмечена в 1900 г. на Парижской всемирной выставке, где получила золотую медаль, а ткацкая мастерская за отличные изделия – серебряную. В конце 1900 г. кружевная школа выпустила после окончания полного трехлетнего курса шесть мастериц, которые получили от Вятской губернской земской управы специальные аттестаты за «оказанные ими отличные успехи в плетении кружев, рисовании и приготовлении сколков» [22]. В начале XX в. Холуницкое благотворительное общество тратило на содержание кружевной школы 522 руб. 22 коп. в год.

Наибольшее количество социальных инициатив и проектов насчитывалось у Вятского благотворительного общества. Целью организации по уставу было «доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния в бедных городах Вятки» [23]. Уже в 1872 г. в г. Вятке обществом были открыты бесплатные музыкальная и рисовальная школы при музее и мастерская гипсовых изделий. Музыкальная школа с мужскими и женскими курсами начала свою работу в октябре 1872 г. В первые годы в ней обучалась 50 учениц и 30 учеников, общественность города выделила школе в 1873 г. 717 руб. 45 коп. за счет частных пожертвований, лекций и концертов [24].

5 мая 1873 г. благотворительное общество открыло временный ночлежный приют для неимущих в г. Вятке. В письме на имя министра внутренних дел от 29 октября 1873 г. губернатор В. И. Чарыков характеризовал приют как «видимую существенную пользу... к поддержанию беднейших граждан, не имеющих даже никакого приюта и через это часто побуждаемых на совершение преступлений нравственности» [25]. Люди, не имевшие жилья, получали в приюте возможность переночевать, пищу и, по желанию, работу, им оказывалась медицинская помощь и выдавались денежные пособия.

Деятельность благотворительного общества была сопряжена с инициативами отдельных вятских меценатов. Очень тесную связь с обществом имел вятский купец Яков Алексеевич Прозоров, именно он сыграл определяющую роль при открытии благотворительным обществом ремесленного приюта для девочек. Помимо денежных пожертвований Я. А. Прозоров выделил приюту свой дом на Московской улице со всеми принад-

лежавшими ему флигелями и постройками [26]. Приют открыл свою деятельность 6 октября 1876 г., в нем разместились 41 сирота. По уставу это учреждение имело цель «дать средства к жизни малолетним дочерям бедных граждан и других жителей Вятки, всех сословий, христианского вероисповедания, и приготовить из них полезных членов общества» [27]. Для достижения этой цели воспитанницы приюта, независимо от изучения ремесел и предметов начального обучения, причислялись также к домашнему хозяйству, шитью белья, платья и обуви. К 1891 г. услугами приюта постоянно пользовались 111 воспитанниц, которые содержались на средства благотворительного общества, в год на их содержание тратилось 3554 руб. 89 коп. [28] Постепенно обществу удалось не только занимать работой членов приюта, но и получать прибыль с продаж производимых ими товаров. Так, в 1908 г. «от рукодельных работ воспитанниц» было выручено 838 руб. 32 коп., при этом на материалы затрачено было только 488 руб. 38 коп. [29]

Другим важным начинанием благотворительного общества было открытие 1 сентября 1881 г. специального дома для проживания бедных и нуждающихся граждан под названием «Убежище для бедных вдов с их малолетними детьми и девиц г. Вятки». Это учреждение соответствовало самой существенной необходимости бедных людей, поэтому места там были всегда заняты. Так, например, в 1893 г. здесь призревалося 10 престарелых женщин и при них двое детей, они получали пособия от общества по 1 1/2 руб. в месяц каждая. Устройство убежища вместе с обстановкой обошлось благотворительному обществу в 256 руб. 56 коп. [30]

Кроме вышеупомянутых инициатив Вятского благотворительного общества необходимо также отметить, что в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оно организовало выдачу пособий раненым и семьям убитых нижним воинским чинам Вятского и Орловского уездов. Реагируя на голод в Вятской губернии в 1880-е гг. открыло бесплатную столовую, в 1905 г. в ней было отпущено 25 495 бесплатных обедов [31]. 1 сентября 1893 г. при обществе начал свою работу «дом трудолюбия», в который принимались все желающие работать за небольшое жалование. Ежедневно таковых набиралось около 100 человек, в основном это были дети и пожилые люди. Они трепали мочало, клеили бумажные мешки, плели шляпы из соломки, обучались шитью и вязанию [32].

За время своей работы общество осуществило большое количество различных социально значимых проектов: учредило дом трудолюбия, ясли для призрения детей и матерей, дешевую столовую, дом призрения малолетних детей, ре-

месленный приют для девочек, убежище для вдов и девиц, ночлежный приют для не имеющих постоянного пристанища, постоянно увеличивалась финансовая помощь бедным и престарелым. Вятский губернатор Н. М. Клингенберг 14 марта 1896 г. сообщал министру внутренних дел, что благотворительное общество «раздает ежемесячно пособия находящимся на постоянном призрении общества бедным, на что отчисляется из доходов 1800 рублей» [33]. Газета «Вятская речь» в 1909 г., отмечая заслуги организации, писала, что «благотворительное общество делает хотя и скромное, но хорошее общественное дело» [34].

Благотворительное общество активно сотрудничало с другими общественными организациями Вятки – регулярно выдавалось денежное пособие лечебнице общества врачей, общине сестер милосердия Вятского общества Красного Креста за постоянные посещения врачами бедных больных города, покупались книги для бедных учениц женской гимназии.

Таким образом, деятельность Вятского и уездных благотворительных обществ была продуктивной, полезной и социально значимой. Можно говорить о существовании сети благотворительных обществ, которые функционировали практически в каждом из уездов Вятской губернии и играли важную роль в процессе модернизации объектов социальной инфраструктуры, системы образования, поддержки и призрения малоимущих и немощных слоев населения. Начиная с середины 1870-х гг. в благотворительное движение оказались втянуты различные слои общества, но только будучи соединенными в рамках общественных организаций благотворительной направленности, они получили возможность целенаправленно осуществлять задуманные проекты.

Консолидация различных общественных сил в сфере благотворительности и рост подобного рода общественных организаций отмечались и представителями власти, изначально, еще с 70-х гг. XIX в., поддерживавшими благотворительное движение. В 1910 г. в отчете Вятского губернатора И. М. Страховского справедливо констатировалось: «В последнее время в городах еще больше умножились разнообразны благотворительные общества, а также благотворительные концерты, вечера, елки, гуляния и др. Все суммы пожертвований, собираемые таким способом, и не поддаются учету, в общем, несомненно, достигают почтенной цифры. Во всяком случае, все это можно отметить как явление, упреждающее и довольно характерное и встречающее поддержку со стороны общества» [35]. По данным Г. Н. Ульяновой, на 1902 г. только в 50 губерниях Европейской России (где согласно переписи 1897 г. проживало 93,4 млн человек, или 74,4% всего населения страны) через благо-

творительные общества получили помощь более 483 тыс. человек и через благотворительные заведения – почти 510 тыс. [36]

Примечания

1. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М., 2005. С. 9.
2. Там же. С. 383.
3. ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 346. Л. 93–95 об.
4. Там же. Оп. 77. Д. 30. Л. 46.
5. Там же. Л. 162.
6. РГИА. Ф. 1287. Оп. 18. Д. 1613. Л. 1; ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 596. Л. 6; Оп. 31. Д. 35. Л. 14, 19, 24, 34, 41, 45; Оп. 39. Д. 17. Л. 39; Оп. 159. Д. 224. Л. 15, 20, 29; Оп. 145, Д. 166; Судовиков М. С. Губерния Вятская: исторические очерки. Киров: Экспресс, 2006. С. 56.
7. Бальбердин Ю. А. Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX века (1900–1914 годы). М., 2005. С. 304.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26. Д. 461. Л. 13.
9. Там же.
10. Там же. Л. 15.
11. Там же. Д. 225. Л. 1 об.
12. РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 1262. Л. 6.
13. ГАКО. Ф. 582. Оп. 145. Д. 65. Л. 227.
14. Там же. Оп. 39. Д. 17. Л. 101 об.
15. Там же. Ф. 616. Оп. 1. Д. 1131. Л. 187.
16. Там же. Ф. 582. Оп. 26. Д. 636. Л. 18.
17. Там же. Оп. 145. Д. 65. Л. 51.
18. Там же. Оп. 159. Д. 19. Отчет правления Яранского благотворительного общества за 1897 г. Яранск, 1898. С. 11; Отчет Сарапульского благотворительного общества за 1897 год. Сарапул, 1898. С. 17.
19. Там же. Оп. 39. Д. 17. Л. 42.
20. Там же. Оп. 77. Д. 30. Л. 107 об.
21. Там же. Оп. 142. Д. 22. Л. 26, 34 об.
22. ГАКО. Оп. 142. Д. 22. Л. 26, 34 об. Отчет о деятельности Холуницкого благотворительного общества (с 1 января 1900 года по 1 января 1901 года). Вятка, 1901. Л. 18.
23. РГИА. Ф. 1287. Оп. 18. Д. 1613. Л. 2.
24. Касанов С. А. Из истории вятского благотворительного общества. Киров, 2004. С. 23.
25. РГИА. Ф. 1287. Оп. 18. Д. 1675. Л. 1.
26. Судовиков М. С. Вятское купечество в воспоминаниях современников. Киров, 2005. С. 59.
27. РГИА. Оп. 19. Д. 1524. Л. 19 об.
28. ГАКО. Ф. 582. Оп. 77. Д. 30. Л. 138
29. Вятская речь. 1909. № 69. С. 2.
30. Касанов С. А. Указ. соч. С. 29.
31. ГАКО. Ф. 582. Оп. 148. Д. 109. Л. 26.
32. Помелов В. Б. Благотворительность в Вятке в дооктябрьский период // Тезисы докладов к Девятым петряевским чтениям. Киров, 2008. С. 144.
33. РГИА. Ф. 1287. Оп. 19. Д. 1524. Л. 34.
34. Вятская речь. 1909. № 69. С. 2.
35. Обзор Вятской губернии за 1910 г. Приложение к всеподданнейшему отчету вятского губернатора. Вятка, 1910 г.
36. Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 266.

УДК 94(470.342)"19/20"

М. А. Смирнов, А. А. Смирнова

ГУБЕРНСКАЯ ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

В статье рассматривается взаимодействие властных структур и общественных объединений на примере Вятской губернии. Раскрываются полномочия губернаторов и губернского по делам об обществах присутствия по отношению к обществам Вятской губернии.

The article deals with the interaction of government agencies and NGOs on the example of the Vyatka province. Disclosed powers of provincial governors and in cases of public presences in relation to the societies of the Vyatka province.

Ключевые слова: губернатор, Вятка, полномочия, общества.

Keywords: Governor, Vyatka, authority and society.

В Российской империи к концу XIX в. существовали различные общественные объединения, не только на уровне всей страны, но и на местном уровне: в губерниях действовали филиалы центральных обществ. Такие общества довольно часто контактировали с властными структурами.

Тесное взаимодействие обществ и власти происходило уже на этапе создания общества. Так, для создания общества было необходимо подать заявление на имя губернатора. Заявление должно было быть заверено нотариально и подлежало обязательной регистрации. К заявлению прилагался проект устава общества, который подробно изучался губернатором. Губернатор мог вносить изменения в устав обществ перед его утверждением в министерстве.

Так, переписка [1] вятского губернатора Ф. Ф. Трепова с Министерством земледелия и государственных имуществ, которое возглавлял А. С. Ермолов, отражает этапы процедуры утверждения уставов. Переписка касалась вопросов, связанных с утверждением устава и созданием Сарапульского общества охоты и рыбной ловли. Еще 22 декабря 1895 г. губернатору поступил

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Кировской области в рамках проекта проведения научных исследований «Взаимодействие системы центрального управления и органов местного управления и самоуправления и их влияние на общественно-политическую жизнь Вятско-Камского региона в конце XIX – начале XX в. (1881–1917 гг.)», проект № 12-11-43004

проект устава общества от помощника управляющего Сарапульским уездным округом для предоставления его в Министерство земледелия и государственных имуществ. Далее губернатором были написаны свои предложения министру по поводу изменения проекта устава. Вскоре был получен ответ из министерства: «Есть затруднения к представлению его на утверждение ввиду несоответствия многих параграфов названного проекта с таковыми же параграфами уставов охотничьих обществ, рассмотренных в последнее время» [2]; обществу было предложено взять за образец подобный устав и внести в отдельные пункты свои особенные положения. Проект устава переделали и снова отправили в министерство. В итоге устав был утвержден министром в феврале 1899 г., с замечаниями.

Глава губернии оказывал влияние на процедуру регистрации обществ и вносил свои замечания в проекты их уставов. Наделенный властными и юридически закрепленными полномочиями, губернатор обладал различными управленческими рычагами воздействия на регистрацию обществ.

С созданием в 1906 г. губернского по делам об обществах присутствия, председателем которого был начальник губернии, вопросы регистрации обществ решались там. Присутствие разрешало регистрацию обществ или отказывало в регистрации. Если присутствие разрешало регистрацию общества, то его вносили в реестр. Общество могло пользоваться правами, указанными в его уставе, со времени внесения его в реестр. В случае обнаружившихся в деятельности общества отступлений от закона губернатор мог предложить обществу в назначенный срок принять меры к устранению нарушений еще до внесения дела о закрытии общества на рассмотрение присутствия [3].

По данным журналов Вятского губернского по делам об обществах присутствия, оно слушало заявление лиц, заинтересованных в образовании обществ, и давало определения по поводу открытия данных обществ, также по поводу закрытия обществ [4].

С появлением губернского по делам об обществах присутствия проекты уставов обществ вносились туда по распоряжению губернатора. При рассмотрении проектов уставов обществ учитывалось соответствие целей общества, район деятельности обществ: «...например, в уставах не могут быть допущены такие выражения, как обозначение района деятельности общества словами: “город и его окрестности” или “те губернии, где в этом правление встретит надобность”, или обсуждение цели общества словами “учреждение и развитие новых государственных и общественных начал”, или обсуждение цели

общества словами: “и всякими иными способами, соответствующими целям общества” и тому подобное» [5].

Вятский губернатор Ф. Ф. Трепов при рассмотрении проекта устава Малмыжского дома трудолюбия сделал довольно много изменений и дополнений в формулировках параграфов устава: «В § 2 говорится, что лица, не способные к труду и ленивые, удаляются; к этому следовало бы прибавить “и передаются в распоряжение полиции”. В § 3 необходимо добавить, что не могут быть членами общества нижние воинские чины – “состоящие на действительной военной службе”. Примечание к параграфу 6 Городской Думе предоставлено избирать Почетных Членов обществу. Предоставление этого права вытекает по смыслу параграфа, из того, что Дума является главным учредителем Дома Трудолюбия и желает считаться Почетным Членом, поэтому следовало редактировать параграф так, что Городская Дума сама считается почетным членом-учредителем и в таком случае особые почетные члены от нее являются излишними, да и к тому же предоставление ей права избрания почетных членов обществу, помимо последнего, может породить недоразумения или неудовольствие между ними» [6] и т. д.

В связи с такой детальной проработкой устава каждого общества сначала главой губернии, а затем министерством становится понятным, почему многие общественные объединения длительное время ожидали утверждения своего устава. Необходимость такой детальной проработки можно объяснить тем, что уставы должны были быть составлены юридически грамотно и соответствовать определенным «образцам», нормам и правилам.

В целом полномочия губернатора и губернского по делам об обществах присутствия были обширными и не ограничивались процедурой регистрации обществ.

Губернские по делам об обществах присутствия контролировали деятельность общественных организаций. Их основными функциями были «заведование делами об открытии обществ и союзов, регистрация их программных документов и уставов, запрещение деятельности и закрытие обществ и союзов, контроль за деятельностью обществ и союзов, образованных на территории губернии» [7].

Вятское губернское об обществах присутствие осуществляло свою деятельность под председательством губернатора, кроме того, в него входили вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор, непреходящий член губернского по земским и городским делам присутствия, старший фабричный инспектор, городской голова и член от городской думы.

Итогом создания нового органа государственно-правового регулирования отношений между обществами и администрацией можно считать ускорение административных процедур, касающихся регистрации, отчетности и перераспределения ряда функций губернатора, что привело к более детальной проработке взаимоотношений между обществами и управленческим аппаратом.

С 1906 г. деятельность общественных организаций стала регламентироваться «Временными правилами об обществах, союзах и собраниях». «Временные правила» вступили в силу 4 марта 1906 г., затрагивали интересы различных социальных групп и были важным законодательным актом своего времени. Особый интерес в них представляют статьи, касающиеся вопросов взаимодействия губернатора и общественных объединений. А. М. Роговин дает подробные разъяснения отдельных статей «Временных правил» и выделяет полномочия губернатора в отношении общественных объединений.

Полномочия главы губернии были различными к каждому типу общества. Так, в отношении благотворительных обществ и обществ взаимопомощи губернатор обладал более широкими полномочиями, он мог изменять их уставы при соблюдении «Временных правил», даже если они утверждены министерством: «В целях упрощения производства дел об изменении утвержденных ранее издания Временных правил об обществах и союзах уставов обществ благотворительных и взаимной помощи и более однообразного направления этих дел в пределах одной и той же губернии» [8].

Так, главное управление МВД по делам местного хозяйства в циркуляре к губернатору П. К. Камышанскому указывает, что «Министерство просило губернские начальства сообщать сведения об открытии в порядке нового закона об обществах и союзах, организации взаимопомощи и благотворительных. В числе последних могут быть общества, поставившие целью своей деятельности оказание помощи пострадавшим от преступных деяний, совершенных с политической целью, и их семействам» [9].

На имя губернатора подавалось письменное заявление распорядителями или правлением общества об их избрании и о каждом изменении в составе распорядителей или правления общества [10]. Также губернатору сообщалась дата открытия общества. Интересен и тот факт, что один из уездных исправников так спешил сообщить губернатору Ф. Ф. Трепову новость об открытии Яранского дома трудолюбия, что отправил телеграмму. Такой поступок уездного исправника вызвал негодование чиновника. Губернатор посчитал нецелесообразным тратить деньги на телеграмму, так как открытие дома трудолюбия не являлось, по

его мнению, таким событием, о котором необходимо уведомлять в срочном порядке. Ф. Ф. Трепов заинтересовался, из каких средств уездный исправник отправил телеграмму; уездный исправник ответил, что «на посылку мною от 08 сего декабря Вашему Превосходительству об открытии в Яранске Дома трудолюбия, а также на ранее посланные телеграммы деньги расходовались из моих собственных средств» [11].

Помимо вышесказанного, губернатор предлагал губернскому по делам об обществах присутствию решать вопрос о закрытии обществ: если деятельность общества не соответствует уставу, если члены общества показывают безнравственное поведение, деятельность общества угрожает общественной безопасности либо своей деятельностью общество нарушает требования закона, то общество может быть закрыто согласно ст. 33–35 «Временных правил» [12].

Губернатор также имел право приостановить действие общества на основании ст. 35 «Временных правил»: «Если деятельность общества угрожает общественной безопасности и спокойствию или принимает явно безнравственное направление» [13].

В свою очередь, губернское по делам об обществах присутствие не имело права делать замечания и предупреждения обществам, хотя могло не согласиться с предложением губернатора о закрытии общества или отвергнуть его [14].

В случае несогласия с решением присутствия губернатор может предоставить дело в Министерство внутренних дел.

Губернатор принимал «меры к охранению общественного благоустройства» [15], не допускал возникновения противозаконных общественных организаций, кроме того, начальники губернии должны были требовать от чиновников, чтобы те письменно объявляли о том, что они не принадлежат к противозаконным общественным организациям [16].

О том, какие организации и направления являются противоправительственными, губернатору предписывали циркулярные распоряжения МВД. Так, в циркуляре к губернатору С. Д. Горчакову от департамента полиции МВД говорится о необходимости своевременного пресечения деятельности с 1905 г. «Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию» [17].

Губернаторы обладали правом участия в составе распорядительных комитетов по выставкам. Так, губернатор Н. М. Клингенберг был в составе распорядительного комитета на выставке годовых жеребят 26–27 августа 1897 г. в Вятке, Малмыже, Уржуме, Глазове, Яранске, Сарапуле и Елабуге Вятской губернии [18].

Интересен и тот факт, что Главное управление государственного коннозаводства сообщало

губернатору в письме, что за лучшие места давали премии и медали и крестьяне неохотно брали медали, так как за свидетельство о присуждении медали брали гербовый сбор. В итоге назначили одну серебряную медаль [19].

Начальник губернии обладал правом давать разрешения обществам на организацию выставок «за исключением выставок сельских произведений с пособием от казны, а также выставок всероссийских и международных» и съездов «за исключением съездов по делам духовным и церковным» [20].

В отличие от полномочий в плане организации выставок, разрешение на проведение лотерей давалось в Министерстве внутренних дел.

Так, Слободское благотворительное общество в своем письме от 2 апреля 1897 г. № 3944 просит ходатайствовать губернатора о разрешении обществу устроить лотерею-аллегри с продажей 2000 билетов по 25 копеек за билет [21]. Проводить лотерею общество собиралось с целью улучшения своего материального положения для более качественного содержания приюта для малолетних, ученической столовой и выплаты пособий беднейшим семьям. Вятский губернатор Н. М. Клингенберг сообщил о данном письме министру внутренних дел, в ответ было получено разрешение провести лотерею, но на сумму 500 рублей [22].

Губернатор осуществлял надзор за обществами: «Посему, в случаях, когда губернатор усматривает, что деятельность общества отстает от требований закона или устава, он или делает обществу, согласно ст. 34 закона 4-го марта 1906 года, предупреждения, или, согласно ст. 35 и след., предлагает на разрешение Присутствия о закрытии общества» [23].

Отметим, что губернатор вел контроль и надзор за деятельностью домов трудолюбия. По материалам донесений за неправомерные деяния членов обществ он мог советовать и высылать свои предложения по поводу деятельности и членства определенных людей. Примером служит переписка Ф. Ф. Трепова с Елабужским городским головой по поводу увольнения мастерицы и руководительницы рукодельных работ Елабужского дома трудолюбия Мокшиной. Еще в мае 1894 г. ее предлагал уволить гласный Башкиров за вымогательство денег у других работниц и «недобросовестное отношение к делу» [24]. Несмотря на эти доводы, Мокшина осталась работать. Ф. Ф. Трепов ознакомился с этим вопросом и высказал свое мнение. Он написал городскому голове, что считает, что Мокшину необходимо снять с занимаемой должности. Елабужский городской голова в письме от 13 марта 1895 г. написал, что Мокшина отказалась от дальнейшего исполнения своих обязанностей [25].

Во время «обозрения губернии» губернаторы должны были обращать внимание на состояние частных благотворительных обществ.

Отделом народного здравия главного управления по делам местного хозяйства был направлен циркуляр к губернатору С. Д. Горчакову, где Министерство просило: «...сообщить сведения об открытии в порядке нового закона об обществах и союзах, организации взаимопомощи и благотворительных. В числе последних могут быть общества, поставившие целью своей деятельности оказание помощи пострадавшим от преступных деяний, совершенных с политической целью, и их семьям» [26].

«Вследствие сего предложено обязать частные благотворительные общества и заведения ведомства МВД представлять в Министерство краткие свои отчетные сведения, чрез посредство гг. губернаторов в указанный в циркуляре за № 10038 срок и на точном основании формы выборки из отчетов оных, приложений к приведенному циркуляру за № 10038, и объяснений к ней, помещенных на 4 страницу формы» [27].

Перечень необходимых сведений и материалов для предоставления отчетов был изложен в циркуляре от 9 августа 1907 г. № 7630: «1) Отчеты пожарных обществ и дружин – в отдел страхования и противопожарных мер один раз в год – к 1 июля. 2) Сведения об открытии действий вновь учрежденных обществ и дружин – два раза в год – к 1 января и 1 июля каждого года. 3) Сведения об утверждении уставов пожарных организаций, еще не открывавших действий, вовсе не представляются. Начальникам полиции предложено сделать распоряжение, чтобы указанные сведения и отчеты представлялись губернатору пожарными обществами заблаговременно» [28].

Так, отчетность Яранского городского пожарного общества и Ижевского пожарного общества велась в соответствии с законом [29].

Глава губернии, как видно, обязан представлять отчетность о деятельности подобных организаций. В 1894 г. директор хозяйственного департамента МВД просит губернатора Ф. Ф. Трепова предоставить сведения о деятельности домов трудолюбия для доклада министру внутренних дел с целью «выяснения влияния учреждений подобного рода на уменьшение нищенства в местах существования помянутых заведений» [30]. Вятский полицмейстер собирал и предоставлял сведения о деятельности домов трудолюбия. Так, в письме к вятскому полицмейстеру от 28 октября 1894 г. губернатор просит собрать и доставить сведения о деятельности Вятского дома трудолюбия [31].

Законодательство разделяло сношения между обществами и властью по направленности ра-

боты самих обществ. Циркуляр департамента землеустройства и земледелия от 13 апреля 1910 г. № 13046 предписывал необходимость уведомления Главного управления землеустройства и земледелия «с указанием относительно каждого (охотничьего) общества сведений, по форме, преподанной цир. Расп. Главного Управления Зем. и Зем. от 13 апреля 1910 года за № 13046 и с препровождением 3 печатных экземпляров устава общества» [32].

Так, в уставе Орловского общества любителей правильной охоты были указаны статьи доходов общества: «плата гостей за право участия в охотах общества; доходы обществ от устраиваемых обществом стрельбищ и состязаний в стрельбе на призы» [33], затем данные статьи доходов были представлены в Главное управление землеустройства и земледелия в соответствии с циркуляром.

В связи с тем что уставы обществ утверждались довольно продолжительное время, Министерство внутренних дел признало возможным предоставить право губернаторам самим давать разрешение на открытие обществ, учреждаемых с «общепольными целями»: «При условии точного соблюдения утвержденных МВД 26 апреля 1905 г. правил, при сем прилагаемых, и с тем, чтобы 1) учредителями обществ не являлись исключительно или в большинстве лица иудейского исповедания и 2) чтобы наряду с общепольными целями общества эти не преследовали одновременно и цели прибыли» [34].

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. прослеживается реформирование с юридическим закреплением взаимоотношений государственных управленческих структур общероссийского и местного масштабов и общественных объединений, представляющих различные слои общества. Губернаторы обладали широким набором юридически закрепленных полномочий по отношению к общественным организациям, играли довольно значимую роль в образовании и развитии гражданских обществ и их последующей деятельности.

Примечания

1. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 171. Л. 1–14.
2. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 171. Л. 5.
3. ГАКО. Ф. 639. Предисловие.
4. ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 102. Л. 1.
5. Циркуляр от 20 октября 1909 г. № 44 // Систематический сборник действующих циркуляров Министерства внутренних дел и Вятского губернатора (по 1 апреля 1913 г.). Вятка. 1914. С. 378.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 170. Л. 2–4.
7. ВГВ. 1906. № 23. С. 1.
8. Временные правила о собраниях, обществах и союзах // Систематический сборник действующих циркуляров... С. 402.
9. ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 94оц. Л. 1.
10. *Роговин А. М.* Законы об обществах, союзах и собраниях. С разъяснением Правительствующего Сената и Министерства внутренних дел. СПб., 1912. С. 26.
11. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 169. Л. 14.
12. Временные правила об обществах и союзах // Свод законов Российской империи. Т. XIV. Приложение I к ст. 118¹ Устава о предупреждении и пресечении преступлений. С. 135.
13. Там же. С. 135–136.
14. *Роговин А. М.* Указ. соч. С. 29.
15. Там же. С. 8.
16. Там же.
17. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 215. Л. 25.
18. ГАКО. Ф. 583. Оп. 607. Д. 585. Л. 1.
19. Там же. Л. 13.
20. *Роговин А. М.* Указ. соч. С. 6.
21. ГАКО. Ф. 582. Оп. 66. Д. 118. Л. 1.
22. Там же. Л. 3.
23. Временные правила о собраниях, обществах и союзах // Систематический сборник действующих циркуляров... С. 405.
24. ГАКО. Ф. 582. Оп. 138. Д. 179.
25. Там же. Л. 6.
26. ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 94 Л. 1.
27. *Роговин А. М.* Указ. соч. С. 39.
28. Временные правила о собраниях, обществах и союзах // Систематический сборник действующих циркуляров... С. 394.
29. ГАКО. Ф. 639. Оп. 2. Д. 58, 59.
30. ГАКО. Ф. 582. Оп. 40. Д. 64. Л. 1.
31. Там же. Л. 2–4.
32. Временные правила о собраниях, обществах и союзах // Систематический сборник действующих циркуляров... С. 394–395.
33. ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 104 Л. 18.
34. *Роговин А. М.* Указ. соч. С. 43.

Всеобщая история

УДК 94 (437+73) «1939/1953»

А. В. Зорин

Э. БЕНЕШ И ЧЕХОСЛОВАКИЯ В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНЦЕВ в 1939–1945 гг.*

В статье анализируется восприятие важнейших событий, связанных с историей Чехословакии в годы Второй мировой войны американскими политиками, дипломатами и прессой. Особое внимание уделено отношению к главе чехословацкого правительства в эмиграции Э. Бенешу и его деятельности, а также росту советского влияния в Восточной Европе и послевоенным планам СССР.

The article examines the American politicians, diplomats and media perceptions of the Czechoslovakian World War II history key events. Particular attention is paid to the head of the Czechoslovak government in exile Edvard Benes and its activities, as well as to the growth of Soviet influence in Eastern Europe and the post-war plans of the Soviet Union.

Ключевые слова: Чехословакия, Мюнхенское соглашение, Э. Бенеш, Вторая мировая война, внешняя политика США.

Keywords: Czechoslovakia, Munich Agreement, E. Benes, World War II, U.S. foreign policy.

Чехословакия стала второй после Австрии страной в Европе, подвергшейся нацистской агрессии. 29 сентября 1938 г. по требованию Берлина представителями Великобритании, Франции, Италии и Германии было подписано Мюнхенское соглашение, оформившее отторжение значительной части чехословацкой территории и явившееся пиком политики умиротворения. 15 марта 1939 г. остатки Чехословацкой республики (ЧСР) были оккупированы немецкими войсками и оставались под их контролем до окончания Второй мировой войны.

Из великих держав не участвовавшими в подписании Мюнхенского соглашения были только СССР и США. Москва дважды меняла свое отношение к чехословацкому вопросу: после заключения советско-германского договора о ненападении

в марте 1939 г., и после начала немецкого вторжения в СССР в июне 1941 г. Вашингтон же сохранял преемственность своей политики на протяжении всей войны. В связи с этим представляется интересным проследить восприятие американскими официальными и общественными кругами развития чехословацкой проблемы и деятельности главы чехословацкого правительства в эмиграции Э. Бенеша на протяжении 1939–1945 гг.

В 1930-е гг., внимательно наблюдая за нарастанием международной напряженности в Европе, администрация президента Ф. Д. Рузвельта стремилась избежать открытого вмешательства или косвенного вовлечения в европейские проблемы. Чехословацко-германский конфликт, достигший пика своего развития в августе – сентябре 1938 г., не мог не привлечь внимания американских политиков и общественности. Американцев волновали агрессивные действия Германии и угроза начала новой войны в Европе.

Мюнхенское соглашение вызвало в США противоречивую реакцию. Часть американских политиков и дипломатов разделяли точку зрения британского премьер-министра Н. Чемберлена, заявившего о предотвращении новой европейской войны. Другая часть опасалась дальнейшей эскалации конфликта. С энтузиазмом соглашение встретил посол США в Лондоне Дж. Кеннеди, выражавший открытое восхищение действиями главы британского правительства [1]. Американский посол в Берлине Х. Вильсон полагал, что соглашение можно считать исправлением несправедливых условий Версальского договора [2]. Заместитель госсекретаря С. Уэллес также с оптимизмом смотрел на результаты Мюнхенской конференции [3].

Но многие открыто осуждали агрессивные действия Германии, полагая, что уступка Гитлеру могла лишь предоставить небольшую отсрочку перед началом новой агрессии [4]. К скептикам относились госсекретарь К. Хэлл и близкий друг президента Рузвельта – посол США в Париже У. Булит [5]. Мюнхенское соглашение осудили члены администрации Г. Гопкинс, Г. Моргантау, Г. Икес, Ф. Франкфуртер [6], посол в Варшаве Э. Д. Биддл [7]. Сам Рузвельт полагал, что политика умиротворения Германии не сможет обеспечить сохранение мира в Европе [8].

Согласно сообщениям чехословацкого посольства в Вашингтоне, американская пресса с недоверием воспринимала Мюнхенское соглашение, полагая, что достигнутый мир покоился на очень ненадежных и шатких основаниях [9]. В сентяб-

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2013 и на плановый период 2014 и 2015 годов в части проведения научно-исследовательских работ». Шифр проекта: 6.1011.2011. ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», рук. В. Т. Юнгблюд

ре – октябре 1938 г. в различных частях США по инициативе антивоенных организаций прошла череда митингов в защиту Чехословакии с осуждением действий Англии и Франции [10]. Американский посол в Бельгии Дж. Дэвис в письме одному из британских бизнесменов отмечал, что в американском обществе Мюнхен рассматривался прежде всего как акт вероломства со стороны европейских держав в отношении «мужественного бастиона демократии» [11], каковым воспринималась Чехословакия.

Вместе с тем США воздержались от заявления определенной позиции по Мюнхенскому соглашению. Американские дипломаты в Праге во главе с посланником У. Карром лишь выражали сочувствие чехам и просили госдепартамент способствовать эмиграции противников нацизма. Молодой американский дипломат Дж. Кеннан позже вспоминал о своем пребывании в Праге после Мюнхена: «Все мы чувствовали себя маленькими и беспомощными перед лицом того, что происходило вокруг нас» [12].

Но заключенное на фоне разворачивавшейся японской агрессии на Дальнем Востоке Мюнхенское соглашение не могло не повлиять на восприятие американским правительством и общественностью международной обстановки [13]. В послании конгрессу 4 января 1939 г. Рузвельт решительно заявил о необходимости реагировать на нарушение международного порядка и использовать различные методы противодействия агрессии [14].

Вскоре после подписания соглашения президент Чехословакии Э. Бенеш под давлением Берлина вынужден был подать в отставку и покинуть страну, перебравшись в Великобританию. В феврале 1939 г. он направился в США по приглашению Чикагского университета для чтения лекций [15]. Прибыв в Нью-Йорк, Бенеш встретил радушный прием американской общественности и властей города [16]. Британский дипломат Б. Локхарт, находившийся в США, вспоминал, что в Чикаго американцы встречали Бенеша с «истеричным энтузиазмом» и выражали симпатии Чехословакии, осуждая Англию и Францию [17]. Бенеш же в своих мемуарах, обращаясь к восприятию американцами Мюнхена, отмечал, что Америка была информирована более объективно о мюнхенских событиях, чем Франция или Англия, где информация «была окрашена политикой умиротворения» [18]. Его лекции о демократии, прочитанные в Чикагском и других университетах США, привлекли большое внимание и принесли ему почетное звание «гастролирующего профессора года» [19].

Следующий агрессивный акт со стороны Берлина – оккупация остатков Чехословакии в марте 1939 г. – был встречен в США более определен-

ной позицией. Многие сотрудники госдепартамента и члены правительства не сомневались, что за нагнетанием напряженности и провокациями, приведшими к мартовскому кризису, стояли действия Берлина. *The New York Times*, корреспонденты которой внимательно следили за развитием событий, за день до германского вторжения, 14 марта, сообщала, что чехословацкое государство находится на последних стадиях разрушения и вскоре будет оккупировано Германией [20]. После начала оккупации перед Вашингтоном вставала серьезная проблема: как воспринимать действия Берлина, признавать или нет фактическое исчезновение Чехословакии? [21] В последнем случае вставал вопрос, кого считать ее официальным главой и представителем.

16 марта к Рузвельту обратился с личным посланием Бенеш. Назвав чешский и словацкий народы жертвами международного преступления, он призвал президента не признавать оккупации [22]. После долгого обсуждения в правительстве президент принял решение считать произошедшие события проявлением агрессии со стороны Берлина. 17 марта Уэллес озвучил официальную позицию Вашингтона, назвав действия Германии «актом беспричинного беззакония и деспотичной силы», предпринятым против народа Чехословакии, с которым «народ Соединенных Штатов поддерживал особенно близкие и дружеские отношения» [23]. 20 марта госдепартамент объявил, что США не признают нового юридического статуса Богемии и Моравии. А госсекретарь Хэлл назвал действия Германии международным беззаконием [24].

The New York Times отмечала, что речь Уэллеса явилась одним из наиболее решительных заявлений с осуждением действий иностранного правительства за много лет, полностью поддержанных конгрессом [25]. В послании Буллитту Уэллес констатировал, что в широких кругах американского общества поступок Германии воспринимался как «что-то ужасное и отвратительное» [26].

Вместе с тем вскоре было заявлено об отсутствии на территории Чехословакии легитимного правительства и, как следствие, о прекращении деятельности американского посольства в Праге (при сохранении консульства). Но в Вашингтоне продолжала работать чехословацкая миссия во главе с отказавшимся сложить свои полномочия по требованию Берлина В. Гурбаном.

Таким образом, в предвоенный период отношение со стороны американцев к Чехословакии прежде всего было связано с моральным и юридическим осуждением агрессивных действий Германии. Чехи воспринимались как жертвы нацистской политики, но США не собирались вмешиваться в ситуацию или выступать в защиту неза-

висимости республики, опасаясь обострения отношений с Берлином.

В последующие несколько месяцев Бенеш активно действовал в США, решив повторить опыт чехословацкого национального движения под руководством Т. Г. Масарика в период Первой мировой войны. Тогда, опираясь на эмигрантские организации в США, Франции и Великобритании, чехи и словаки смогли создать единую эмигрантскую организацию с централизованным руководством, собственные вооруженные силы и развернуть широкую пропагандистскую деятельность. Итогом стало официальное признание со стороны держав Антанты и создание Чехословацкой республики.

Уже весной 1939 г., выступая в университетах, на приемах и митингах, Бенеш начал активно пропагандировать идею восстановления независимой Чехословакии [27]. В апреле 1939 г. чешскими эмигрантами в Америке был создан Чехословацкий национальный совет, признавший Бенеша главой национального освободительного движения. Но словацкие и русинские организации выразили негативную либо нейтральную позицию по этому вопросу. Чикаго и Нью-Йорк стали центрами активной деятельности и пропаганды со стороны совета [28]. 28 мая, в день своего 55-летия, Бенеш был приглашен на встречу с президентом Рузвельтом. В ходе разговора он выдвинул идею организации временного правительства и воинских частей Чехословакии под своим руководством, но в ответ услышал только слова сочувствия и осуждение действий Германии [29]. Это означало, что Вашингтон и далее не намерен вмешиваться в европейские дела, сохраняя дистанцию и выступая лишь с моральным осуждением агрессии.

По возвращении в Европу Бенеш инициировал создание Чехословацкого национального комитета (ЧНК). В Великобритании начали формироваться военные подразделения, вскоре принявшие участие в обороне Британских островов. Но политического единства добиться было сложно, поскольку часть чехословацкой эмиграции (сторонники левых партий) предпочла обосноваться в Москве. Кроме того, во Франции и Великобритании оставались у власти политики, причастные к заключению Мюнхенского соглашения. Лишь после их ухода и активного наступления немцев в 1940 г. Лондон пошел на признание ЧНК в качестве временного правительства, а Бенеша — президентом Чехословакии.

В 1940 г. в Лондоне обосновались сразу несколько правительств, эмигрировавших из оккупированных государств. США, не признавая легитимность действий Германии, сохранили с ними дипломатические отношения, аккредитовав специального посла Э. Д. Биддла. Но позиции Бе-

неша и ЧНК оставались менее определенными. Вашингтон, поддерживая фактические отношения с чехословацкой эмиграцией через продолжавшее действовать в Вашингтоне посольство под руководством Гурбана, отказывал Бенешу в официальном признании. На протяжении 1940–1941 гг. чехословацкие политики и дипломаты пытались убедить госдепартамент в необходимости его получения.

В качестве важнейшей причины указывалось на нелегитимный характер Мюнхенского соглашения, а следовательно и смены чехословацкого правительства в 1938 г. Бенеш в послании Рузвельту от 4 июня 1941 г. и в разговорах с американским послом в Лондоне Д. Вайнантом приводил и более широкий перечень аргументов: наличие под его руководством чехословацких управленческих и военных структур, участие чехословацких подразделений в военных действиях; сохранение связи с политическими деятелями и населением Чехословакии; необходимость бороться с нацистской пропагандой; идеологическая близость демократической довоенной Чехословакии и ее близкие связи с США. Отдельно упоминалось о наличии моральных обязательств западных держав перед ЧСР, поскольку отказ от сопротивления Германии в 1938 г. позволил им подготовиться к войне [30].

Госдепартамент сводил свою официальную позицию главным образом к формально-юридической стороне — отсутствию технической непрерывности в существовании правительства Бенеша с любым довоенным правительством Чехословакии [31]. Вместе с тем отдельные сотрудники госдепартамента поддерживали позицию чехословацкого лидера. Так, посол Вайнант обращал внимание своего руководства на демократический характер правительства Бенеша, его связь с политическими группами на родине. Опираясь на свой довоенный опыт работы в Женеве при Лиге наций, американский дипломат особо отмечал, что до войны Чехословакия наиболее активно стремилась заимствовать американские стандарты и образ жизни [32].

Но изменение позиции со стороны США произошло лишь летом 1941 г. — после начала немецкого вторжения в СССР. 4 июля из Москвы пришло сообщение о намерении установить отношения с чехословаками и сформировать на территории СССР чехословацкий комитет и вооруженные силы [33]. 18 июля в Лондоне было подписано советско-чехословацкое соглашение о совместной борьбе против Германии и восстановлении дипломатических отношений [34]. После этого Вашингтон вынужден был изменить позицию.

30 июля Рузвельт направил личное письмо Бенешу, подкрепленное официальным заявлением госдепартамента. Президент сообщал о при-

нятии решения наладить связь с временным правительством Чехословакии в Лондоне и аккредитации при нем Биддла [35]. В качестве аргументов президент США упоминал и наличие исторических связей между США и ЧСР (помощь в деле образования Чехословацкой демократической республики), и демократический характер чехословацкого политического режима [36]. То есть те же самые идеи, которые распространял Бенеш в американской среде. Но признание де-юре со стороны Вашингтона было получено лишь в октябре 1942 г.

Однако, несмотря на установление официальных связей, американцы проявляли слабый интерес к судьбе Чехословакии. Лишь эпизодически в дипломатической переписке или в прессе возникали отдельные сюжеты, связанные с деятельностью Бенеша или громкими событиями, на территории бывшей ЧСР. При этом чехословацкая проблема часто переплеталась с судьбой Польши и всей Центральной Европы. Бенеш же воспринимался прежде всего как эксперт в области европейских и международных проблем.

В 1942 г. ведущий американский журнал в области международных отношений *Foreign Affairs* опубликовал статью президента Бенеша об организации послевоенной Европы, в которой поднимался целый комплекс вопросов. Прежде всего анализировалась возможность организации чехословацко-польской конфедерации и иных подобных объединений, создание после войны новой международной организации, судьба Германии и роль СССР [37]. В качестве специалиста по международным отношениям Бенеша ценили и американские дипломаты. Биддл в своем письме Уэллсу в марте 1942 г. характеризовал Бенеша как «одного из самых проникательных и хитрых политиков Европы», ведущих дипломатическую игру, нацеленную на получение выгодных для Чехословакии послевоенных границ, и умело играющих на надеждах и страхах британского и американского правительств перед ростом советского влияния [38].

Летом 1942 г. основной темой, в связи с которой в США вспоминали о Чехословакии, стало убийство протектора Богемии и Моравии Р. Гейдриха, совершённое 27 мая 1942 в Праге, и последовавшая за ним расправа нацистов над жителями деревни Лидице. Оба этих события вызвали отклики как в американской прессе, так и в политических кругах. Общей тематикой статей и выступлений было выражение сочувствия и симпатии чешскому народу, его попыткам сопротивления немецкой оккупации, и указание на жестокие репрессии нацистских властей. Конгрессмен из Огайо У. Том в своем выступлении в конгрессе, посвященном этим событиям, называл президента Бенеша единственным политиком,

изначально понимавшим планы Гитлера и готовившим Чехословакию к войне. Конгрессмен А. Сабат (демократ из Чикаго чешского происхождения) заявлял в своей речи: «свобода Чехословакии зависит от Америки, а свобода Америки зависит от восстановления и сохранения свободы Чехословакии» [39].

К 1943 г. Бенеш пришел к выводу о целесообразности нового визита в Вашингтон. Необходимость в этом была вызвана изменением ситуации на Восточном фронте и наметившимся переломом в войне. В начале 1943 г. стало очевидно, что судьба Чехословакии будет зависеть прежде всего от СССР. Чехословацкому президенту необходимо было выработать предварительную договоренность как с советским руководством, так и с находившимися в Москве представителями левых чехословацких партий. Иначе, как полагал Бенеш, И. Сталин мог сам организовать выгодное ему чехословацкое правительство [40].

Разочаровавшись в действиях Франции и Великобритании в период Мюнхенского соглашения, Бенеш понимал, что в послевоенной Европе Чехословакии придется считаться с интересами СССР и развивать с ним дружеские отношения. В его понимании, ЧСР могла сохранить демократический политический режим западного типа, но при этом наладить тесное сотрудничество с Москвой, заимствуя отдельные элементы социальной системы. Таким образом, она бы обеспечила себе равную ориентацию (50% на запад, 50% на восток), получила бы гарантию от новой потенциальной агрессии со стороны Германии и смогла бы выполнять функцию «моста» для связи между двумя мировыми системами – Востоком и Западом. При этом Бенеш желал сохранить максимальную связь с западными державами, надеясь с их помощью сдерживать давление со стороны СССР и со временем восстановить в ЧСР довоенный демократический режим. Особые надежды он возлагал на США [41].

В декабре 1943 г. Бенеш должен был отправиться в Москву для ведения переговоров и подписания договора с СССР. Добившись одобрения этого шага со стороны Лондона, он должен был разъяснить свою позицию Рузвельту и заручиться поддержкой Вашингтона. Визит в США длился с 8 мая по 9 июня 1943 г. На этот раз при встрече с Рузвельтом Бенеша встречали с соблюдением всех дипломатических формальностей и воинских почестей. Он был временно размещен в Белом доме, где за день до него остановился британский премьер-министр У. Черчилль. Было запланировано выступление в Палате представителей, встреча с госсекретарем Хэллом, американскими политиками, общественными деятелями и членами чехословацкой общины [42].

Встреча с Рузвельтом и Черчиллем состоялась 13 мая. На ней обсуждались преимущественно общие вопросы международных отношений и проблема послевоенного устройства [43]. Бенеш вновь выступал в качестве эксперта по европейским проблемам и отношениям с СССР, судьба же самой Чехословакии мало интересовала американского президента. Госсекретарь Хэлл также проявил интерес прежде всего к послевоенным планам Москвы, особенно к возможности возобновления деятельности Коминтерна [44]. Во время других встреч и интервью также обсуждались главным образом общая ситуация в Восточной Европе, положение Польши и послевоенная роль СССР [45].

В своих публичных речах Бенеш старался вызвать симпатию к Чехословакии, упоминая о ее стойком сопротивлении Германии в 1938 г. [46] При этом он старался говорить на понятном для американцев языке. Войну он характеризовал как борьбу за «определенные моральные ценности, воплощенные в демократическом образе жизни», за новый социальный и экономический порядок, за обеспечение «более или менее постоянного мира», за политическую реорганизацию Европы [47]. Затрагивая проблемы послевоенного мироустройства, чехословацкий президент обосновывал необходимость развития тесного сотрудничества с СССР и выработки предварительного соглашения с ним [48].

Ответом на эти выступления были хвалебные отзывы. Так, сенатор С. Лукас (демократ из Иллинойса) провозгласил, что президент Бенеш останется в истории как символ борьбы за свободу и демократию [49]. В целом, в результате визита в США чехословацкому президенту удалось упрочить свой позитивный имидж и убедить американцев в необходимости развития отношений с СССР. Но Рузвельт открыто не высказался в пользу заключения чехословацко-советского договора и не проявил заинтересованности в подписании аналогичного соглашения со стороны Вашингтона.

В декабре 1943 г. последовала запланированная поездка Бенеша в Москву. Этот визит также вызвал значительный интерес в Америке. *The New York Times* сообщала, что Бенеша в Москве воспринимали как старого друга СССР. Главной целью его приезда газета называла подписание договора, который позволит остановить германский натиск на Восток и поставит предел большевизации европейских стран. Но, вместе с тем, высказывалось опасение, что благодаря этому соглашению СССР сможет получить доминирующую позицию в Центральной Европе [50].

Газета объясняла сближение Бенеша с советским руководством несколькими факторами, главными из которых были прагматические сообра-

жения и разочарование в Западе после Мюнхенского соглашения. Чешские политики, разъяренная газета, полагали, что послевоенная Россия будет представлять из себя мощную и уверенную в себе державу, и налаживание с ней дружеских отношений является лишь признаком здравого смысла. При этом чехи отвергли опасения, что договор с Москвой приведет к включению Чехословакии в советскую сферу влияния и разрыву с Западом [51]. Тем самым излагались соображения, которые активно высказывал Бенеш в своих речах и публикациях.

21 декабря чехословацкий министр иностранных дел и ближайший помощник Бенеша Я. Масарик, находившийся с визитом в США, разъяснял суть советско-чехословацкого договора аналогичными соображениями: «Советский Союз будет самой мощной европейской страной после войны... Мы знаем, что без дружбы с Россией ни один из ее маленьких соседей не сможет вернуться к независимой национальной жизни. Мы намерены жить своей собственной жизнью, и мы знаем, что Россия будет уважать наш образ жизни. Вы и мы будем продолжать нашу политику сотрудничества, дружбы, доверия и добросовестности по отношению к Советской России. Советская Россия – великий и необходимый фактор в нынешних и будущих судьбах Европы» [52].

По дипломатическим каналам тоже приходили сообщения о действиях Бенеша в Москве. 18 декабря посол США в СССР А. Гарриман сообщал в Вашингтон, что чехословацкий президент находился в приподнятом настроении после заключения соглашения и бесед со Сталиным и Молотовым. Он пребывал в убеждении, что СССР не намерен вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и способствовать совершению в ней или в любой другой стране коммунистической революции, желая лишь достижения стабильности [53].

Можно утверждать, что в 1944 г. среди американских политических деятелей доминировала точка зрения, согласно которой поворот в сторону СССР был естественным шагом для чехословацкого руководства, вызванным прагматическими соображениями. Но власти США не высказывали никакой заинтересованности в развитии аналогичных отношений [54]. Госдепартамент занимал выжидательную позицию, не проявляя активности в установлении более тесного сотрудничества с чехословацким правительством в изгнании [55].

В 1944 г. никаких новых шагов со стороны США в отношении ЧНК и Бенеша не последовало. В докладе Центрально-Европейского отдела госдепартамента от 11 января 1945 г. правительству США рекомендовалось сохранять прежние отношения с эмигрантским правительством и поддерживать его вплоть до проведения демократических выборов [56].

В начале 1945 г. Бенешу пришлось вновь отправиться в Москву для переговоров по поводу организации власти в освобожденной Чехословакии и создания коалиционного правительства [57]. По итогам переговоров было принято решение об учреждении Народного фронта и вхождении в состав временного правительства коммунистов. Главой его должен был стать социал-демократ З. Фирлингер (в годы войны занимавший должность чехословацкого посла в СССР), отличавшийся просоветской ориентацией; представители чешской и словацкой компартий получили посты вице-премьеров, министров внутренних дел и информации; министерство обороны возглавил командовавший сформированными в СССР чехословацкими войсками А. Свобода. Согласно сообщению Гарримана, чехословацкий президент был недоволен составом правительства, но был удовлетворен переговорами со Сталиным. Советский лидер вновь заверил Бенеша, что не намерен поддерживать большевизацию Чехословакии и вмешиваться в ее внутренние дела [58].

После достижения соглашения об организации чехословацкого правительства для его временного пребывания был определен словацкий город Кошице, находившийся на контролируемой Красной армией территории. Переезд в Словакию проходил под советским контролем, западным дипломатам было отказано в возможности направить своих представителей под предлогом заботы об их безопасности [59]. Данное действие вызвало первые советско-американские трения по чехословацкому вопросу, поскольку оно было воспринято как намеренное стремление Москвы ограничить влияние западных союзников в важный период выработки программы дальнейшего развития Чехословакии. Попытки Вашингтона добиться разрешения на присутствие в Кошице американских дипломатов окончились безуспешно. Лишь освобождение Праги в мае 1945 г. позволило США установить свое политическое представительство в Чехословакии.

В начале мая *The New York Times* ежедневно отслеживала процесс освобождения чехословацкой территории и наступления советских войск. Особое внимание было уделено восстанию в Праге и продвижению Красной армии [60]. Но газета воздерживалась от каких-либо оценок. Официальные власти США также не выражали желания оспаривать стремление Москвы к расширению своего влияния в Центральной и Восточной Европе. При освобождении Чехословакии американские войска, имея возможность продвигнуться на запад и занять Прагу, по приказу генерала Д. Эйзенхауэра остановились на оговоренной с советским командованием позиции.

В мае 1945 г. Красная армия заняла большую часть республики, включая ее столицу. Амери-

канский контингент в составе трех дивизий расположился на небольшой территории в западной Богемии. Эйзенхауэр направил американскому командующему в ЧСР приказ поддерживать чехословацкие гражданские власти на освобожденной территории [61], но речи о вмешательстве в политические процессы не шло. В то же время части Красной армии вели все более активную деятельность на подконтрольных территориях, осуществляя чистку органов власти от «антисоветских элементов» [62].

Вашингтон активно не возражал против действий Москвы и поддерживал многие пункты программы Бенеша: о депортации из Чехословакии судетских немцев, о проведении социальных реформ, о развитии более тесных отношений с СССР. Но с прибытием американских дипломатов в Прагу настороженность в отношении развития ситуации стала быстро нарастать. С весны 1945 г. в официальной переписке Чехословакия стала рассматриваться как плацдарм возможного американо-советского соперничества. Посетивший в это время ЧСР политический советник госдепартамента Р. Мерфи писал об опасности укрепления советского влияния и необходимости использовать американское присутствие в политических целях, чтобы направить развитие Чехословакии в демократическое русло [63]. Но госдепартамент оставил без внимания это предложение. В меморандуме от 23 июня 1945 г. констатировалось, что отношения между Соединенными Штатами и ЧСР после ее освобождения продолжали оставаться превосходными, и говорилось о намерении США «продолжить историческую политику поддержки свободной и независимой Чехословакии» [64].

Прибывший в Прагу в июле 1945 г. американский посол А. Штейнгардт (ранее посол в СССР, затем в Турции) уже в своих первых сообщениях стал представлять Чехословакию в качестве арены борьбы между коммунистами и демократическими партиями. Посол замечал, что чехи и словаки пока в политическом отношении не определились с выбором пути дальнейшего развития и находятся в состоянии своеобразной летаргии, поэтому США необходимо проявить большую активность. Прага, замечал посол, являлась единственным местом в Центральной Европе, где возможно остановить наступление коммунизма [65].

Тем не менее Вашингтон не собирался напрямую вмешиваться в ситуацию в Чехословакии. В 1945 г. военный департамент заявил о необходимости вывода американских войск с ее территории. Сделано это было, несмотря на протесты Штейнгардта и руководства госдепартамента. Принятие этого решения было облегчено согласием Москвы произвести одновременный вывод

всех своих контингентов. К концу 1945 г. это решение было согласовано и реализовано.

По всей видимости, в США рассчитывали, что в долгосрочной перспективе, принимая в расчет прежнюю историю Чехословакии, эта страна со временем сама вернется на западный путь развития. Некоторые американские политики воспринимали Чехословакию в качестве пробного камня, который может помочь прояснить реальные намерения СССР: позволит ли он восточноевропейским народам выступить в качестве моста между Востоком и Западом или же предпочтет включить их в свою сферу интересов и установить там дружественные себе политические режимы. Такая точка зрения, в частности, выражалась экспертом госдепартамента по Восточной Европе Ч. Боленом [66]. Главной надежной американцев были намеченные на начало 1946 г. выборы, которые должны были привести к победе демократических сил. Но, как показали дальнейшие события, надежды эти не оправдались. В 1948 г. Чехословакия окончательно перешла под контроль коммунистического правительства и стала восприниматься в качестве сателлита Москвы.

Примечания

1. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. Third series. Vol. III. 1938. L., 1949. P. 625.
2. Weil M. A Pretty Good Club. The Founding Fathers of the U.S. Foreign Policy. N. Y., 1978. P. 60.
3. Наджафов Д. Г. Народ США – против войны и фашизма, 1933–1939. М., 1969. С. 311.
4. Toepfer M. L. Preconceptions: American Governmental Attitudes towards the Soviet Union During the 1938 Czechoslovakian Crisis. A PhD dissertation. University of Virginia, 1976. P. 238.
5. В период развития чехословацко-германского кризиса Буллит, опасавшийся начала общеевропейской войны из-за Чехословакии, предлагал президенту Рузвельту выступить с инициативой созыва международной конференции с участием всех заинтересованных держав. Поэтому первоначально посол с удовлетворением воспринял подписание Мюнхенского соглашения. Однако вскоре он стал выступать с активной критикой политики умиротворения Германии. См.: Севостьянов Г. Н. Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992. С. 132, 163.
6. Севостьянов Г. Н. Указ. соч. С. 163.
7. Poland and the Coming of the Second World War: The Diplomatic Papers of A. J. Drexel Biddle, Jr., United States Ambassador to Poland, 1937–1939 / ed. P. V. Cannistraro. Ohio, 1976. P. 23.
8. Cole W. S. American Appeasement // Appeasement in Europe. A Reassessment of United States Policies / ed. D. F. Schmitz, R. D. Challener. N. Y., 1990. P. 17–18.
9. Documenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Praha, 2007. S. 526–527.
10. Севостьянов Г. Н. Указ. соч. С. 166; Наджафов Д. Г. Указ. соч. С. 327–329.
11. Мальков В. А. Путь к имперству. Америка в первой половине XX в. М., 2004. С. 277.
12. Ketnan G. From Prague after Munich: Diplomatic Papers, 1938–1940. Princeton, 1968. P. 90.
13. Мальков В. А. Указ. соч. С. 275–280.
14. U.S. Senate. Development of United States Foreign Policy. Addresses and Messages of Franklin D. Roosevelt. Washington, 1942. P. 32–39; The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939, War and Neutrality. N. Y., 1941. P. 1–12.
15. Crane K. Mr. Carr of State. Forty-seven Years in the Department of State. N. Y., 1960. P. 350.
16. Марфина В. В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013. С. 260–261.
17. Lockbart R. H. B. The Second Exile of Eduard Benes // The Slavonic and East European Review. Vol. 28. № 70. 1949. P. 40.
18. Benes E. The Fall and Rise of a Nation: Czechoslovakia 1938–1941. N. Y., 2004. P. 132.
19. Марфина В. В. Указ. соч. С. 261.
20. The New York Times [далее – NYT]. 1939. March 14.
21. The Moffat Papers. Selections From the Diplomatic Journals of Jan Pierrepont Moffat 1919–1943 / ed. N. H. Hooker. Cambridge, 1956. P. 232.
22. NYT. March 18, 1939; Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs / ed. D. B. Schewe. Second series. Vol. 14. N. Y., 1969. P. 91. Ответ на это письмо был дан лишь 27 марта. В нем говорилось о непризнании оккупации и выражались симпатии чехословацкому народу. Ibid. P. 200.
23. Peace and War. United States Foreign Policy 1931–1941. Washington, 1943. P. 453–454; U.S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States [далее – FRUS]. 1939. Vol. I. P. 50; The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. 1939. N. Y., 1941. P. 165–166.
24. FRUS. 1939. Vol. I. P. 55, 56, 59.
25. NYT. 1939. March 18.
26. FRUS. 1939. Vol. I. P. 41.
27. Rimek G. V. Presidency Of Edvard Benes. A PhD Dissertation. University Of Ottawa, 1975. P. 437–440.
28. Марфина В. В. Указ. соч. С. 264.
29. Там же. С. 265–266.
30. FRUS. 1941. Vol. II. P. 21–25, 31.
31. Ibid. P. 28–29.
32. Ibid. P. 26–29.
33. FRUS. 1941. Vol. I. P. 239.
34. Марфина В. В. Указ. соч. С. 309.
35. FRUS. 1941. Vol. II. P. 32.
36. Ibid. P. 33.
37. Beneš E. Organization of Postwar Europe // Foreign Affairs. Vol. 20. № 2 (Jan., 1942). P. 226–242.
38. FRUS. 1942. Vol. II. P. 121–122.
39. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 77th Congress. Second Session. Vol. 88. P. 9. P. A2036–A2037, A2314–A2315, A2344–2345. Washington, 1942.
40. Марфина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1921–1945 гг. М., 2009. С. 297.
41. Серапионова Е. П. Эдуард Бенеш: Планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948 гг. М., 2002. С. 119.
42. NYT. 1943. May 13.
43. FRUS. 1943. The Conferences at Washington and Quebec. P. 33.

44. FRUS. 1943. Vol. III. P. 529–530.

45. Выступления и интервью Бенеша были опубликованы отдельной брошюрой Чехословацкой информационной службой в Нью-Йорке. См.: Czechoslovak Sources And Documents. № 4. President Benes On War And Peace. Statements by Dr. Edvard Benes, President of the Czechoslovak Republic, during his visit to the United States and Canada In May and June 1943. N. Y., 1943.

46. NYT. 1943. May 27.

47. Ibid. 1943. May 20.

48. Ibid. 1943. May 23.

49. Ibid. 1943. May 24.

50. Ibid. 1943. December 10, 13.

51. Ibid. 1943. December 19.

52. Ibid. 1943. December 21.

53. FRUS. 1943. Vol. III. P. 730–732.

54. Clements C. W. The Development and Failure of American Policy toward Czechoslovakia, 1938–1948. A PhD Dissertation. Miami University, Oxford (Ohio), 2004. P. 64–65.

55. Davis L. E. The Cold War Begins. Soviet-American Conflict over Eastern Europe. Princeton. P. 161–62.

56. FRUS. 1945. Vol. IV. P. 420–422.

57. Марфина В. В. Чехословацкий «Февраль» 1948 г. начинался в 1945 г. // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом 1944–1948 гг. М., 2002. С. 103.

58. FRUS. 1945. Vol. IV. P. 430–434.

59. Марфина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... Указ. соч. С. 322–323.

60. NYT. 1945. May 2–9.

61. FRUS. 1945. Vol. IV. P. 437.

62. Марфина В. В. Чехословацкий «Февраль» 1948 г. начинался в 1945 г. С. 95–96.

63. FRUS. 1945. Vol. IV. P. 499–501.

64. Ibid. P. 463.

65. Потехин А. В. Дипломатия США в Восточной Европе: 1945–1950 гг. Киев, 1991. С. 59–60.

66. Clements C. W. Op. cit. P. 66.

УДК 94(73)"1933/1945"

Т. А. Воробьева

ВОСПРИЯТИЕ ЧАН КАЙШИ И КИТАЯ Ф. РУЗВЕЛЬТОМ в 1933–1945 гг.

На примере взаимоотношений Ф. Рузвельта и Чан Кайши рассматривается проблема влияния взаимных восприятий политических лидеров на политику их государств. Анализируются факторы, которые влияли на формирование в Вашингтоне образа Китая и его руководителя; оценивается роль периода 1933–1945 гг. в истории американо-китайских отношений.

Uses the relationship of Roosevelt and Chiang Kai-shek the problem of mutual influence perceptions of political leaders on the policy of their states. The factors that influenced the formation of the image of China in Washington and its leader, assesses the role of the period of 1933–1945 in the history of U.S.-China relations.

Ключевые слова: Рузвельт, Чан Кайши, Стилуэлл, Каирская конференция, П. Хэрли, китайский фронт, война с Японией.

Keywords: Roosevelt, Chiang Kai-shek, Stilwell, the Cairo Conference, P. Hurley, Chinese front, the war with Japan.

Интерес президента Ф. Рузвельта к Китаю формировался постепенно и был связан не только с проблемами преодоления экономического кризиса, но и началом отхода Японии от основного принципа Вашингтонской системы – политики «открытых дверей» и отказа от сфер влияния в Китае. А. Уткин считал, что в 1930-е гг. «главной политической ареной для Рузвельта стала Азия» [1]. Однако основным игроком для Вашингтона была Япония. Что касается Китая, то отношение к гоминьдановскому режиму в США, хотя было доброжелательное, но сдержанное. Так, в одном из донесений дипломатический представитель США в Китае Нельсон Джонсон сообщал: «Гоминьдан сегодня в упадке», «раскол... сомнительно, будет ли он когда-нибудь снова обладать той силой, которая когда-то сделала его ведущей партией» [2]. В беседе с М. Литвиновым в 1933 г. Ф. Рузвельт, однако, сказал, что «у Америки существует традиционная дружба с Китаем» [3]. Но США в этот период ограничились лишь общими заявлениями по поводу происходящих событий в Китае, ибо, как пишет У. Коэн, «ужасы Великой депрессии представляли большую угрозу для идеалов и интересов американского народа, чем все, что происходило в Азии» [4]. Помимо проблем, связанных с последствиями мирового кризиса, американской администрации трудно было прогнозировать исход гражданской войны в Китае. Д. Ф. Даллес в 1932 г. во время встречи с Чан Кайши заявил, что «было бы глупо надеяться на победу над Японией, не расправившись с коммунистами» [5]. Анализируя ситуацию в стране, Джонсон резюмировал: «Для американцев предпочтительнее была бы власть Чан Кайши, но он, к сожалению, реально управляет только провинциями в низовьях Янцзы, его авторитет находится под угрозой» [6].

Действительно, в 1933 г. ситуация для Чан Кайши была неблагоприятной: на юго-востоке действовали коммунистические силы, в провинции Фуцзянь 19-я гоминьдановская армия совместно с коммунистами выступила за сопротивление японцам, а основные гоминьдановские силы были сосредоточены на ликвидации Центрального советского района. Неспособность правительства организовать сопротивление японцам вызывала повсеместное недовольство. Страна, по существу, находилась в состоянии раскола. К тому же возникли финансовые трудности [7].

Тем не менее интерес Белого дома к политике Чан Кайши по мере расширения японской экс-

пансии в Китае не ослабевал. Но в Вашингтоне Чан Кайши оценивался как слабый политик, непонятна была его позиция на переговорах с японским министром иностранных дел Аритой весной 1936 г. по вопросу принятия «трёх принципов Хирота» [8]. Как пишет американский историк Пак Кубл, «многие члены партии Гоминьдан опасались, что одержимость Чан Кайши крестовым антикоммунистическим походом может заставить его принять принципы Хирота для совместной японо-китайской обороны против коммунизма» [9]. Госсекретарь предупреждал посла, что «Чан Кайши может совершить какую-нибудь глупость: или пойти на компромисс с японцами, или сыграть роль национального героя в бесполезной игре с японцами» [10]. Находившийся тогда в Китае в качестве военного атташе Стилуэлл пришёл к выводу, что «Чан Кайши или не имел намерения вести войну против японцев, или полагал, что её можно вести без подготовки» [11]. В донесениях советского полномочного представителя в Китае тоже не было определённости. Так он писал, что «Чан Кайши при определённых условиях не прочь свернуть войну, заключить мир», но одновременно констатировал, что «Чан Кайши намерен продолжать войну» [12]. Джонсон, который, по словам американских авторов Д. Дэвиса и Юд. Трани, «упорно поддерживал Гоминьдан» и верил, что «Чан Кайши являлся истинным демократом и заслуживал полноценную поддержку со стороны Америки» [13], тем не менее в 1936 г. в одном из своих донесений госсекретарю отмечал «непрочные позиции» гоминьдановского лидера, продолжающийся раскол страны [14]. На восприятие политики Чан Кайши американской политической элитой в эти годы могло повлиять и увлечение китайского лидера Германией [15].

В июле 1937 г. на Дальнем Востоке начался новый этап японской агрессии против Китая. «Поддержка Китая в расширяющемся конфликте в сложившейся обстановке выглядела бы логично» [16]. Однако существенных изменений в дальневосточном курсе администрации Рузвельта не произошло [17]. Конечно, она была ограничена в своих действиях позицией изоляционистов, о чём позже писал К. Хэлл [18]. Но надо учитывать, что у США на тот момент в Китае «не было таких интересов, из-за которых можно было бы вести войну, требовавшую колоссальных расходов» [19]. В результате, как пишет В. Т. Юнгблюд, до начала тихоокеанской войны (декабрь 1941 г.) курс «изобиловал... противоречивыми, непоследовательными и даже взаимоисключающими намерениями», но при этом Вашингтон был заинтересован в сохранении суверенитета Китая [20].

Сдержанное отношение США к японо-китайской войне вызывало недовольство Чан Кайши,

тем более что СССР стал активно оказывать помощь Китаю [21]. В послании Ф. Рузвельту Чан Кайши благодарил американское правительство за «моральную поддержку», тем не менее указал, что для успешной борьбы китайского народа «за дело мира на Дальнем Востоке» необходима была «более эффективная помощь» [22]. В ответ Белый дом напомнил, что США неоднократно обращали внимание китайских властей, как и японских, что «следует избегать военных действий и сохранить мир» [23].

Накануне европейской войны Чан Кайши заметил изменение американского общественного мнения в пользу Китая. Так, журнал «Тайм» в 1937 г. назвал Чан Кайши и его супругу «парой года». Журнал писал: «Если лидер этой страны не оставит своих усилий (речь идёт о борьбе против Японии. – Т. В.), то в Азии ему обеспечен титул “первого мужчины столетия”» [24]. Росту симпатий к Китаю способствовал роман американской писательницы Перл Бак «Добрая земля», посвящённый Китаю [25]. Фильм, поставленный по этому роману, по предполагаемым оценкам, посмотрело 23 млн американцев [26]. В марте 1939 г. в очередном своём письме Рузвельту Чан Кайши оценил этот поворот в американском обществе. В ответном послании президент отметил «правильное понимание китайским лидером американской политики на Дальнем Востоке и его оценки международных событий» [27].

Однако заметное сближение между Вашингтоном и Чунцином начинается с 1940 г. [28] 18 октября 1940 г. в письме американскому президенту Чан Кайши просит прислать в течение ближайших трёх месяцев 500 самолётов, предоставить кредит и отправить добровольцев, обосновывая свою просьбу начавшимися советско-японскими переговорами и признанием Токио марионеточного режима Ван Цзинвэя в Нанкине [29]. Как пишет Р. Даллек, Рузвельт отверг намёк на возможный американо-китайский союз, но оценил всю сложность ситуации, в которой оказался Чан Кайши. Президент предложил министру финансов Г. Моргантау ускорить решение вопроса о предоставлении кредита, даже если Конгресс будет возражать. «Это вопрос жизни и смерти... Если я этого не сделаю... это может означать войну на Дальнем Востоке» [30]. Однако до весны 1941 г. американская помощь Китаю была ограничена кредитами Экспортно-импортного Банка для приобретения оружия и других расходных материалов в Соединённых Штатах Америки.

Информация о Китае и Чан Кайши, поступающая в Белый дом из разных источников, в целом была достаточно противоречивой. Американские миссионеры, роль которых в распространении знаний о Китае была значительной, как правило, создавали позитивный образ. Например, Дэвис

Джадд, находившийся в 1934–1938 гг. в Китае в составе конгрегационной миссии, в годы войны стал «голосом генералиссимуса Чан Кайши» [31]. Современный американский автор К. Престовиц приводит в своей монографии цитату из статьи уже периода войны, опубликованную в журнале «Мишнэри ревью оф уорлд»: «В Китае сегодня самые просвещённые, патриотичные и способные правители за всю историю страны» [32]. Донесения посла и консулов часто содержали иную характеристику китайских политиков. В январе 1941 г. Рузвельт направил в Чунцин Л. Кэрри с целью всестороннего изучения политического, экономического и военного положения Китая, а также знакомства с Чан Кайши. Пребывание личного представителя американского президента в Китае совпало с присутствием там советского генерала В. Чуйкова. «Насколько я мог понять из бесед с американцами, у Кэрри сложилось невыгодное для китайского правительства впечатление о положении в стране. Кэрри в первую очередь обратил внимание на тяжелое экономическое и финансовое положение в стране и на опасность дальнейшего расширения экономического кризиса, неспособность китайского правительства справиться с создавшимся положением, на наличие явно выраженной диктатуры гоминьдана и отсутствие в стране демократии» – писал в своих воспоминаниях В. И. Чуйков [33]. Однако из пространной аналитической записки, направленной Рузвельту, следует, что для Кэрри главным было убедить президента в необходимости выстраивать новую модель американо-китайских отношений. При этом «важным фактором в американской политике могла бы стать сама личность Чан Кайши – его сентиментальная привязанность и восхищение Америкой»; «он восхищается Америкой и в частности Вами», «считает Вас самым великим человеком» [34]. Кэрри отметил «чувствительность» китайского лидера к восприятию Китая на Западе: «Считаться с Китаем как с равным и союзником для него имеет большое значение» [35]. В этом документе был поднят вопрос и о послевоенном сотрудничестве с Чан Кайши. По мнению Кэрри, госдепартамент «рассматривал китайцев как экзотический народ», но «американский и китайский народы имеют больше сходства, чем различий» [36]. Таким образом, полученная Белым домом информация давала достаточно объёмную картину ситуации в Китае. Вскоре Рузвельт направил в Чунцин в качестве политического советника Чан Кайши учёного, известного специалиста по истории стран Дальнего Востока О. Латимора, который был сторонником изменения курса в отношении Китая. Он считал, что иностранным державам следует отказаться от довоенных привилегий, это станет залогом стабильности в Восточной Азии,

но сомневался в том, что Китай быстро достигнет статуса великой державы [37].

15 марта Ф. Рузвельт заявил о распространении закона о ленд-лизе на Китай, хотя основное соглашение было подписано 2 июня 1942 г. [38]

Вступление США в войну повысило значение китайского лидера как основного союзника в дальневосточном регионе, ибо китайский фронт, по мысли американских стратегов, мог бы отвлечь значительные японские силы [39]. В июне 1942 г. Элеонора Рузвельт в письме супруге китайского лидера сообщала: «Мы восхищаемся доблестным духом китайского народа и гордимся, что мы ваши союзники» [40]. В сентябре Элеонора предложила президенту пригласить госпозу Чан Кайши в США, считая, что это даст возможность лучше оценить проблемы Китая и познакомиться с женой китайского лидера, которая играла важную роль в его политике [41]. Её поддержал Л. Кэрри.

Однако американские и китайские военные цели не совпадали. К тому же в Китае Вашингтон столкнулся с проблемой, которой не было у его союзников по антигитлеровской коалиции – Великобритании и СССР, – борьбой между различными политическими силами в стране [42]. Большая часть национальной армии была только номинально связана с генералиссимусом и центральными органами власти. Поэтому Чан Кайши не хотел делиться с ними предоставляемым американцами оружием [43].

Рассматривая Китай в качестве своего союзника в борьбе против Японии, американцы ожидали со стороны Чан Кайши активных действий на фронте. Весной 1942 г. во время визита советского министра иностранных дел В. М. Молотова в Вашингтон Рузвельт выдвинул идею «четырёх полицейских», призванную обеспечить послевоенный мир, куда он включил, помимо собственной страны, Советский Союз, Великобританию и Китай [44]. Следующим шагом была встреча президента в 1943 г. в Квебеке с министром иностранных дел Китая Сун Цзвэннем, в разговоре с которым Рузвельт назвал Китай великой державой. Но «звёздным часом» для Чан Кайши в его взаимоотношениях с Рузвельтом стала встреча на Каирской конференции. В своей книге об отце Э. Рузвельт рассказывает, что после встречи с Чан Кайши на Каирской конференции он спросил отца: «Как тебе понравился генералиссимус Чан Кай-ши?» Тот ответил: «Впечатление примерно такое, как я и ожидал... Он знает, чего он хочет, и понимает, что не может получить всего, что хочет. Но мы что-нибудь придумаем» [45]. Сам президент, выступая перед американскими слушателями, сказал: «Я нашел в генералиссимусе человека большой прозорливости и великого мужества, обладающего замеча-

тельно глубоким пониманием сегодняшних и перспективных проблем. Мы обсудили с ним много разных военных планов, посвященных тому, чтобы нанести японцам решающие удары по многим направлениям, и, я полагаю, он вернулся в Чунцин с полной уверенностью в победе над нашим общим врагом. Сегодня мы с Китайской Республикой близки, как никогда. Нас связывает глубокая дружба и единство целей» [46]. На конференции в Думбартон-Оксе в 1944 г. при активном участии Рузвельта Лондон и Москва согласились включить Китай в число учредителей ООН. По этому поводу американский президент писал Чан Кайши: «Я очень рад, что так отлично получилось с нашим предложением. Мы взломали лёд, и я думаю, что Вы и Я успешно действовали» [47].

Что стояло за желанием Рузвельта, чтобы его партнёры по антигитлеровской коалиции согласились бы считать Китай великой державой? Этой теме касались многие исследователи. Так, Р. Бьюхайд, говоря о целях Рузвельта, заметил, что они «не соответствовали реальным фактам» [48]. Даллек утверждал, что Рузвельт «не мог не осознавать, что Китай де-факто не является великой державой и вряд ли станет таковой ещё длительное время после окончания войны. Именно поэтому Рузвельт никогда не шёл дальше самых общих заявлений о «величии» Китая и его роли как одного из «мировых полицейских» [49]. В. Маскэмбл пишет, что «предоставление Китаю статуса великой державы не могло изменить действительной слабости режима Чан Кайши» [50]. Любопытную оценку даёт Г. Киссинджер, который по этому поводу заметил, что Рузвельт включил Китай в число «четырёх полицейских» и великих держав «отчасти из вежливости, отчасти для того, чтобы иметь азиатский якорь для своих глобальных планов» [51]. По мнению ряда американских авторов, предложение включить Китай в число великих держав объяснялось стремлением Рузвельта «уравновесить Россию» на Дальнем Востоке [52].

Это был проект Рузвельта, но он не означал, что после войны Китаю будет предоставлена ведущая роль в Восточной Азии. По словам Д. и Г. Колко, Вашингтону нужен был Китай, «который был бы более силен, но не слишком силен и независим, а также открыт для содействия американским интересам» [53]. В связи с этим любопытна оценка ещё одного исследователя проблем внешней политики США – У. Лафибера, который утверждал, что китайская политика при Рузвельте и Трумэне подчинялась двум императивам: стремлению видеть Китай в качестве главного стабилизирующего фактора в Восточной Азии и желанию извлечь максимальную экономическую выгоду от доступа к китайскому рынку и китайским ресурсам. Лафибер не без

сарказма отмечал, что на протяжении столетия в США никто не задумывался, насколько совместимы между собой два понятия – «сильный Китай» и «дружественный западным интересам Китай» [54].

Развернувшиеся вскоре после Каирской конференции события снизили «восторг» перед китайским лидером, и в американской военно-дипломатической среде возникли сомнения в ориентации только на Чан Кайши. Как пишет американский автор Ф. Маркс, «общая ситуация в Китае складывалась не в пользу Чан Кайши, особенно на фоне компартии, с которой многие китайцы связывали надежды на прогрессивные реформы и демократию... а постоянная озабоченность Чан Кайши возрастающей коммунистической угрозой на фоне выжидательной политики в отношении Токио не встречали ни понимания, ни одобрения у американцев. Многие в США полагали, что Чан Кайши утратил «мандат Неба», так как от него отвернулась удача, и будущее за лидером компартии Мао» [55].

Весной 1944 г. на китайском фронте возникла критическая ситуация и Рузвельт, как пишет М. Шалле, «стал рассматривать возможность переориентации на другие политические силы в Китае» [56]. Одновременно Чан Кайши было предложено передать Стилуэлу командование всеми китайскими вооружёнными силами и координацию всеми союзными ресурсами [57].

Чан Кайши рассматривал давление американцев на переговоры с коммунистами как вмешательство в дела Китая. Он не собирался ни при каких обстоятельствах отказываться от роли лидера. «Иностранцам надо бы посоветовать, чтобы не вмешивались во внутренние дела, особенно в отношении между национальным правительством и коммунистами» [58]. Отечественный автор Ю. Галенович по этому поводу заметил, что «помимо военных соображений существуют и политические расчёты, а также менталитет нации». Для Чан Кайши важно было не только вести войну с японцами, но и «заботиться о том, чтобы сохранить полноценные, чисто китайские, верные ГМД и не находящиеся под командованием каких-бы то ни было иностранцев, а лишь в его личном распоряжении вооружённые силы внутри Китая... для грядущей, неминуемой войны» с КПК. Кроме того, на фоне кризиса гоминьдановского режима мало кто замечал, что Чан Кайши не желал «даже в мелочах отступить от своей позиции защиты суверенитета и национальной независимости Китая». Иностранцев он готов был терпеть, «но не военных, отдающих приказы китайцам, китайской армии», – заключает вышеназванный автор [59]. В результате возник конфликт, причину которого Стилуэлл видел в самом Чан Кайши. В его дневнике есть за-

пись: «Чан Кайши – ничтожество, самодовольный деспот. Правительство националистов – это кучка трясущихся от страха чиновников, полностью зависящих от капризов недалёкого упряма» [60]. Невысокого мнения об американце был и Чан Кайши: «Все поступки Стилуэлла продиктованы раздутым самомнением» [61]. Конечно, субъективный психологический фактор в восприятии друг друга сыграл свою роль. Однако надо учесть, что по существу столкнулись представители разных политических культур. Американская военно-политическая система базировалась на профессиональной, дисциплинированной армии с демократическими методами управления. Стилуэлл «хотел влить в китайских солдат американской боевой дух индивидуальной инициативы», и он долго не мог понять, что Чан Кайши этого не хотел, ибо опасался, что это подорвёт его позиции в армии [62]. В то же время состояние и дисциплина в гоминьдановской армии вызвали резкую критику со стороны американцев. В отчётах американских военных о гоминьдановской армии давалась убийственная характеристика: «Многие китайские офицеры абсолютно не способны руководить чем-нибудь. Ещё более пугающее впечатление производит видимое невооружённым взглядом отсутствие патриотизма и преданности среди высших офицеров. Коррупция, воровство, почти всеобщее равнодушие к положению рядового состава – всё это означало, что офицерский корпус ни профессионально, ни морально не был пригоден для выполнения боевых задач» [63]. Но для Чан Кайши армия – это пешка на его шахматной доске, где разыгрывалась для него более важная партия, чем война против японцев, – борьба за сохранение своей власти. Реорганизация китайской армии под руководством иностранных специалистов представляла для него угрозу.

В 1944 г. отношения между Рузвельтом и Чан Кайши ухудшились. Именно в это время под влиянием оценок гоминьдановского режима со стороны Стилуэлла, а также группы офицеров, работавших в посольстве (Дж. П. Дэвиса, Д. Сервиса, Дж. Баррета и др.), возникла идея переговоров с руководством КПК [64]. Однако к идее переговоров пессимистично относился посол Гаусс, его донесения «давали удручающую картину ухудшения ситуации, характеризующуюся внутренними ссорами и апатией» [65]. Наблюдатели в Китае приходили к выводу, что ни гоминьдановцы, ни коммунисты не направляют основные усилия против японцев. Конгрессмен Мэнсфилд после возвращения из Китая резюмировал: «Каждая сторона больше заинтересована в своём собственном статусе, потому что чувствуют оба, что Америка будет гарантировать победу» [66]. Несмотря на это Дэвис, Сервис и их

единомышленники занимали откровенно антигоминьдановскую позицию, в своих отчётах и донесениях в Вашингтон подчёркивали неэффективность и коррумпированность режима Чан Кайши. КПК же, напротив, представлялась им как «самая динамичная сила в Китае», с которой Соединённым Штатам следует наладить сотрудничество и оказать помощь в их борьбе против Японии [67].

Д. Баррет заявлял, что «Чан Кайши не представляет весь Китай. Пора ради нашего общего дела занять более реалистическую позицию. Чан Кайши стремительно теряет уважение, которое он когда-то имел как лидер. Даже книга Чан Кайши “Судьба Китая” демонстрирует его антидемократические и антизападные взгляды» [68].

По словам Гэддиса, до 1944 г. китайские коммунисты не вызывали серьёзного интереса у Вашингтона. Однако соображения военно-стратегического характера заставили американцев более внимательно отнестись к Мао и его сторонникам, хотя при этом доминантой американской политики по отношению к КПК «был страх, страх не столько перед самими китайскими коммунистами, сколько перед возможностью их союза с Москвой» [69]. Сходной точки зрения придерживается и Р. Бьюхайт [70]. В связи с этими оценками, интересным, на наш взгляд, является вывод В. Юнгблуда. В монографии «Внешнеполитическая мысль США», анализируя проблему соотношения регионализма и универсализма в политике Вашингтона, автор пришёл к заключению, что в 1943–1944 гг., когда «исход войны был уже ясен», в «сознании американских политических деятелей утвердилась мысль о “глобальной ответственности” США». Далее он отмечает, что «наметились и сферы столкновения интересов... хотя разногласия ещё не вступили в стадию открытого конфликта» [71]. Такой «сферой столкновения интересов» неизбежно мог стать Китай.

18 августа 1944 г. для разрешения возникших проблем в Китае был направлен личный представитель Рузвельта Патрик Хэрли, миллионер из Оклахомы. Он плохо знал Китай, слабо разбирался в сложной внутривосточной обстановке, однако отличался большой самоуверенностью. Чан Кайши, у которого были хорошие отношения с Хэрли, ожидал от него поддержки в конфликте с коммунистами [72]. Прежде всего, усилиями генералиссимуса из Китая был отозван Дж. Стилуэлл и вместо него направлен А. Ведмейер, у которого сложились нормальные отношения с китайским лидером. Что касается переговоров с коммунистами, то здесь Хэрли, по словам Даллека, проявил себя «восторженным поклонником коалиционного правительства», но именно эта идея не нравилась китайскому президенту [73]. Как пишет Дж. Бернс, «ге-

нералиссимус доказывал, что согласие на коалиционное правительство равносильно признанию им полного поражения» [74].

Итак, идея переориентации американской политики на противоположные Чан Кайши силы, не имела успеха. Китайский лидер в американском политическом сознании воспринимался как более приемлемый, чем Мао Цзэдун. В то же время в Белом доме, очевидно, пришли к заключению, что неспособность Чан Кайши стабилизировать внутривнутриполитическую обстановку в стране должна компенсироваться договорённостями США с СССР о послевоенном устройстве мира в Китае. В результате на Ялтинской конференции Рузвельт фактически «пожертвовал интересами дружественного Китая». Не случайно в американских кругах впоследствии ялтинские соглашения по китайскому вопросу расценивались как «открытое предательство» [75].

Анализируя отношения США с Китаем, американский учёный У. Коэн заметил, что американцы никогда не понимали китайцев и их проблемы [76]. Касаясь оценки восприятия американцами гоминьдановского Китая и его лидера Чан Кайши, можно обратиться к мнению американского писателя Грэхэма Пэка: «Американский антропоморфизм – есть один из наших серьёзных недостатков в международных делах. Как нация мы, кажется, более всего стремимся приписать наш собственный характер другим народам» [77].

Период 1933–1945 гг. был важнейшим этапом в истории американо-китайских отношений, когда во главе США и Китая стояли такие неординарные и разные личности, как Ф. Рузвельт и Чан Кайши. Личностные восприятия политиками друг друга неизбежно накладывают отпечаток и на взаимоотношения их стран. Восприятие Рузвельтом Чан Кайши и Китая формировалось под влиянием многих мнений и событий. С одной стороны, позитивную информацию о китайском лидере он получал от таких людей, как Л. Кэрри, У. Уилки, К. Ченнол, главный редактор и основатель «Time» Г. Люс, Элеонора Рузвельт и других. С другой – в американском военно-политическом истеблишменте многие критически воспринимали китайского президента и его режим (Дж. Маршалл, Дж. Стилуэлл, Дж. Баррет, Т. Уайт, вице-президент Г. Уоллес).

Слабые представления о специфике ментальности китайской политической элиты привели к тому, что Чан Кайши в 1930-е гг. (вскоре после своего крещения) стал восприниматься в американском обществе как «доблестный, героический христианин, готовый возглавить свой народ на пути демократии» [78]. Американо-китайские отношения выстраивались на основе американских ценностей, а не чёткого понимания китай-

ской специфики [79]. Но лидер Гоминьдана был сложной и противоречивой фигурой, к тому же являлся убеждённым сторонником авторитарного правления, и его основной целью, особенно к концу войны, была борьба против главного противника – КПК. Насколько Рузвельт понимал Чан Кайши? На наш взгляд, в Белом доме, скорее всего, были убеждены, что с американской помощью Китай сможет пойти по пути реформ, неважно, будет ли это Чан Кайши, или, возможно, Мао Цзэдун. Главное – в послевоенном мире США должны были занять ведущие позиции в Китае. В такой парадигме Чан Кайши не мог найти общего языка с Вашингтоном, что, возможно, и предопределило события 1949 г.

Примечания

1. Военные исследования. Уткин А. И. Дипломатия Франклина Рузвельта. URL: <http://wcry.narod.ru/utkin2>
2. FRUS. 1933. V. 3. The Far East. Wash., 1948. С 1935 г. статус Н. Джонсона был повышен до уровня первого американского посла в Китае.
3. Цит. по: Сафронов В. П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане. 1931–1945. М., 2001. С. 126.
4. Cohen W. J. America's Response to China: A History of Sino-American Relations. N. Y., 2000. P. 112, 119.
5. Цит. по: Фэнби Дж. Генералиссимус Чан Кайши и Китай, который он потерял. М., 2006. С. 327.
6. FRUS. 1933. V. 3. P. 451.
7. Ibid. P. 492.
8. FRUS. 1936. V. 4. Wash., 1954. P. 72–73, 96. В 1935 г., будучи министром иностранных дел, Хиро-та, выступая в парламенте, предложил три принципа урегулирования отношений с правительством Чан Кайши: во-первых, сотрудничество Китая с Японией; во-вторых, официальное признание Китаем Маньчжоу-Го; в-третьих, совместное подавление антияпонского и коммунистического движения в Китае.
9. Park M. Coble Jr. Chiang Kai-shek and the Anti-Japanese Movement in China: Zou Tao-fen and the National Salvation Association, 1931–1937 // Journal of Asia Studies. 1985. V. XLIV. № 2. P. 304.
10. FRUS. 1936. V. 4. P. 107.
11. Ibid. P. 223.
12. Документы внешней политики (ДВП). М., 1992. Т. 22. Кн. 1. С. 7, 8.
13. Дэвис Д. Э., Трани Юд. П. Кривые зеркала. М., 2009. С. 475.
14. FRUS. 1936. V. 4. P. 232.
15. Sun Youli, China and the Origins of the Pacific War, 1931–1941. N. Y., 1993. P. 17; См.: Гуань Хайтин. Дискуссии в Китае 1930-х годов о путях модернизации страны // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 6. С. 111–112; Kirby W. C. Germany and Republican China. Stanford University Press, 1984.
16. Юнгблюд В. Т. Дипломатия выжидания: К. Хэлл, Ст. Хорнбек, Дж. Грю и политика США на Дальнем Востоке в 1933–1941 гг. // Международные отношения в XX в.: сб. науч. ст. Киров, 2007. С. 74.
17. Schaller M. The U.S. Crusade in China, 1938–1945. N. Y., 1979. P. 22.
18. Hull C. The Memoirs of Cordell Hull. N. Y., 1948. P. 538–539.

19. FRUS. 1936. V. 4. P. 98; Сафронов В. П. Указ. соч. С. 182.
20. Юнзблюд В. Т. Дипломатия выживания. С. 88–89, 83.
21. FRUS. 1937. Wash., 1954. V. 3. P. 37.
22. The President of the Chinese Executive Yuan (Chiang Kai-shek) to President Roosevelt // Ibid. P. 832.
23. Ibid. P. 471, 504.
24. Цит. по: Фэнби Дж. Генералиссимус Чан Кайши ... С. 451; Ханна Пакула. Последняя императрица. Мадам Чан Кайши и рождение современного Китая. URL: svoboda.org/content/article/1885579.html; См. также: Дэвис Д. Э., Трани Юд. П. Кривые зеркала. С. 437–474.
25. *White Tb.* In Search of History. N. Y.: Harper Row, 1978. P. 23. URL: [T\(theodore\)H\(arold\)White:BiographyfromAnswers.comanswers.com/topic/theodore-h-white](http://T(theodore)H(arold)White:BiographyfromAnswers.comanswers.com/topic/theodore-h-white).
26. *Jespersen T. Cb.* American Images of China, 1931–1949. P. XVII. Stanford University Press, 1996. P. 199. URL: 1949books.google.com/History/Asia/China.
27. FRUS. 1939. Wash., 1955. V. 3. P. 659, 663–664.
28. Чунцин в годы войны был местом пребывания китайского правительства.
29. *Dallek R.* Franklin Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. N. Y., 1995. P. 268.
30. Ibid. P. 269.
31. Дэвис Д. Э., Трани Юд. П. Кривые зеркала. М., 2009. С. 362.
32. Престовиц К. Страна-изгой. Односторонняя полнота Америки и крах благих намерений. М., 2005. С. 382.
33. Чуйков В. И. Миссия в Китае. М.: Воениздат, 1983. URL: militera.lib.ru/memo/russian/chuikov_vi_1/09.html
34. FRUS. 1941. V. 4. The Far East. Wash., 1956. P. 92–94. См.: Mr. Lauchlin Currie to President.
35. Ibid. P. 92; Sun Youli. Op. cit. P. 19.
36. Sun Youli. Op. cit. P. 19.
37. Ibid. P. 21.
38. Maurice Matloff and Edwin M. Snell United States Army in World War II The War Department Strategic Planning for Coalition Warfare, 1941–1942. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/USA/USA-WD-Strategic1/index.html>
39. *Sherry M. D.* China Defensive. The U.S. Army Campaigns of World War II. P. 24. URL: <http://www.ibiblio.org/hyperwar/USA/USA-C-ChinaD/index.html>
40. It Seems to Me: Selected Letters of Eleanor Roosevelt. The University Press of Kentucky, 2005. P. 43–44. URL: books.google.com/books/about/It_Seems_to_Me.html?pid
41. Ibid. P. 45.
42. Schaller Michael. The U.S. Crusade in China, 1938–1945. (1979). P. 39.
43. Ibid. P. 125.
44. Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. Док. 79. С. 212–213.
45. Рузвельт Э. Его глазами. М., 1947. С. 148.
46. Рузвельт Ф. Д. Беседы у камина. М., 2003. С. 334.
47. *Garver J. W.* Chinese-Soviet Relations. N. Y.; Oxford, 1988. P. 194.
48. *Bubite R.* Stanly Hornbeck and American Far Eastern Policy // Makers of American diplomacy from Benjamin Franklin to Henry Kissinger. N. Y., 1974. P. 450.
49. *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 390.
50. *Miscamble W. D.* From Roosevelt to Truman. Potsdam, Hiroshima, and the Cold War. N. Y., 2007. P. 267.
51. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 378.
52. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. М., 1958. Т. 2. С. 282–283; *Schaller M.* The U. S. Crusade in China ... P. 98–97, 177–178; *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt ... P. 390–391.
53. *Kolko J. and Kolko G.* The Limits of Power: The World and the United States Foreign Policy. 1945–1954. N. Y., 1972. P. 247.
54. *LaFeber W.* America, Russia, and the Cold War. N. Y., 2004. P. 30.
55. *Marks F. W.* Wind over Sand. The diplomacy of Franklin Roosevelt. Athens, 1988. P. 190.
56. *Shaller M.* The U.S. Crusade in China ... P. 147.
57. United States Relations with China: With Special Reference to the Period 1944–1949. By United States Department Of State Wash. 1949. P. 66. URL: catalog.hathitrust.org/Record/000334653
58. United States Relations with China ... P. 61.
59. Паленович Ю. Цзян Чжунчжэн или неизвестный Чан Кайши. М., 2000. С. 127–128.
60. Цит. по: Фэнби Дж. Генералиссимус Чан Кайши... С. 545.
61. Там же.
62. Understanding China. By Jiang Xueqin. URL: [March 19, 2012. URL: thedi diplomat.com/2012/03/understanding-china/](http://March19,2012.thedi diplomat.com/2012/03/understanding-china/)
63. *Galicchio M.* The Other China Hands. US Army officers and America's Failure in China 1941–1950. Villanova University. P. 298.
64. См. FRUS: 1944. V. 6. P. 669, 670 etc.
65. United States Relations with China: With Special Reference to the Period 1944–949. P. 64 // By United States Department Of State Wash. 1949. URL: catalog.hathitrust.org/Record/000334653
66. Ibid. P. 61.
67. *Bubite R.* Patrick J. Hurly and American Policy Toward China. Ithaca, 1973. P. 182, 194.
68. FRUS. 1944. V. 6. P. 710.
69. *Gaddis J. L.* We Now Know: Rethinking Cold War. N. Y., 1997. P. 82–83.
70. *Bubite R.* Patrick J. Hurly ... P. 183.
71. Юнзблюд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998. С. 65.
72. *Rubin B.* Secret of State: The State Department and Struggle over US foreign Policy. N. Y., 1985. P. 45.
73. *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. P. 499.
74. *Бернс Дж. М.* Франклин Рузвельт. Человек и политик. М., 2004. С. 597.
75. *Shell J. L.* The Meaning of Yalta. Big Trees Diplomacy and New balance of Power. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1958. P. 154.
76. *Coben W.* America's response to China ... P. 216–217.
77. Цит. по: *Jespersen T. Cb.* American Images of China, 1931–1949. P. XVII. Stanford University Press, 1996. URL: 1949books.google.com/History/Asia/China
78. Ibid. P. XVIII.
79. Ibid. P. 194.

Д. В. Ильин

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА СССР
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ
ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ (1939–1941 гг.)***

В статье рассматривается процесс трансформации образа СССР в восприятии американских конгрессменов и сенаторов в предвоенное двухлетие. Особое внимание уделено реакции законодателей на советско-финляндский конфликт 1939–1940 гг., а также проблеме распространения ленд-лиза на Советский Союз в 1941 г. Автор приходит к выводу о том, что эскалация глобального конфликта predetermined strengthening of pragmatic motives in the position of parliamentarians toward the USSR.

The article discusses the process of transforming the image of the Soviet Union in the perception of U.S. congressmen and senators during pre-war biennial period. Particular attention is paid to the reaction of legislators on the Soviet-Finnish conflict 1939–1940, and the Proliferation of Lend-Lease to the Soviet Union in 1941. The author comes to the conclusion that the escalation of the global conflict predetermined strengthening of pragmatic motives in the position of parliamentarians toward the USSR.

Ключевые слова: Конгресс США, американо-советские отношения, Вторая мировая война, ленд-лиз, советско-финская война.

Keywords: U.S. Congress, American-Soviet relations, World War II, Lend-lease, Soviet-Finnish War.

История развития советско-американских отношений традиционно привлекала и привлекает по сей день исследователей по обе стороны Атлантического океана. Вместе с тем следует отметить, что наиболее ранний этап дипломатических отношений (с их официального установления в декабре 1933 г. по 1941 г.) на фоне периода 1941–1945 гг. и эпохи холодной войны не столь избалован вниманием историков [1]. Во многом это обусловлено качеством и интенсивностью двухсторонних связей довоенного времени – ни СССР, ни США на этом хронологическом отрезке пока не претендовали на статус сверхдержав, а также не расценивали друг друга ни в качестве главного соперника, ни в роли основного союзника. Соединённые Штаты, сражавшиеся с последствиями «Великой депрессии», на европей-

ском направлении придерживались политики изоляционизма и, как правило, ограничивались ролью внимательного наблюдателя. Советский Союз был озабочен построением системы коллективной безопасности и безуспешно искал надежных партнёров в этом начинании среди европейских держав.

Краткий, но событийно насыщенный период сентября 1939 – июня 1941 г. в истории предвоенных взаимоотношений Москвы и Вашингтона стоит особняком. Фактически два государства, пусть и временно, оказались в двух противостоящих лагерях: СССР заключил пакт о ненападении с нацистской Германией, подписал с ней договор о дружбе и границе; Соединённые Штаты достаточно явно поддерживали Великобританию и Францию, однако не спешили брать на себя серьёзные военные и политические обязательства.

Специфический внешнеполитический контекст придаёт актуальность проблеме функционирования механизма принятия решений в США и СССР. Имеющиеся исследования американской внешней политики сосредотачивают внимание на правительственном компоненте (Белый дом, Госдепартамент, военные ведомства), несправедливо оставляя в стороне главный законодательный орган – Конгресс, проявивший себя в 1930-е гг. в качестве активного и равноправного элемента внешнеполитического механизма. Законодательство о нейтралитете 1935–1937 гг. наглядно свидетельствовало о том, что исконно приписываемая Конституцией функция ратификации договоров постепенно уступает первенство функции законодательной, устанавливающей для администрации рамки возможного манёвра на мировой арене.

К началу предвоенного двухлетия американская политика в отношении СССР не принадлежала к числу приоритетных направлений работы Конгресса. В последние месяцы перед началом Второй мировой войны советская проблематика всего один раз стала объектом внимания сенаторов и конгрессменов – в связи с рассмотрением резолюции H. J. Res. 315, учреждавшей должность Уполномоченного по претензиям американских граждан к правительству Союза Советских Социалистических Республик. Инициатива создания нового института исходила от Государственного департамента. В обязанности Уполномоченного входило «выяснение обоснованности и размеров претензий американских граждан», для чего тот наделялся полномочиями вызывать свидетелей, заслушивать показания и истребовать документы. Деятельность уполномоченного планировалось ограничить двухлетним сроком, по истечении которого он обязывался представить письменный отчёт Государственному секретарю [2].

* Статья подготовлена в рамках выполнения программы «Государственные задания высшим учебным заведениям на 2012 и плановый период 2013 и 2014 годов в части проведения научно-исследовательских работ», ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», проект 6.1011.2011 «Исследование динамики взаимных представлений США и СССР в середине XX века (1933–1953 гг.)», рук. В. Т. Юнглод

Получив положительное заключение Комитета по иностранным делам Палаты представителей, резолюция была рассмотрена конгрессменами в ускоренном порядке 5 июля 1939 г. Значимость проблемы никем не ставилась под сомнение – по словам С. Блума, главы внешнеполитического комитета, сумма американских претензий к правительству СССР насчитывала 827 млн долларов (со стороны правительства – 366 млн, частных организаций и лиц – 461 млн). После непродолжительного обсуждения резолюция была принята парламентариями с одной поправкой технического характера, устанавливавшей годовой лимит в финансировании аппарата Уполномоченного [3]. Сенат, не внося ни одной поправки в предложенный вариант, одобрил резолюцию 1 августа 1939 г. [4] Через три дня, 4 августа, документ был подписан президентом Ф. Рузвельтом и обрел силу закона [5].

5 августа Конгресс 76-го созыва завершил работу своей первой сессии и отправился на каникулы. Новая редакция Закона о нейтралитете, к принятию которой стремились Белый Дом и Госдепартамент, так и не была принята. Однако начало войны в Европе заставило законодателей пересмотреть свой график и вернуться к законотворческой деятельности в рамках чрезвычайной сессии, инициированной президентом. Парламентарии с ходу погрузились в рассмотрение нового Закона о нейтралитете, ослаблявшего эмбарго на поставку американских вооружений и военных материалов воюющим сторонам [6]. В сложных обстоятельствах осени 1939 г. факт подписания пакта о ненападении между Германией и СССР остался почти незамеченным конгрессменами и сенаторами. Однако с достаточной долей уверенности можно утверждать, что «рейтинг» СССР в глазах американского общественного мнения, и без того не самый высокий, достиг критической отметки. А разразившийся в самом конце ноября 1939 г. советско-финляндский вооружённый конфликт ощутимо добавил негатива, связанного с Советским Союзом, в информационное пространство Соединённых Штатов Америки [7].

Трения между СССР и Финляндией вокруг спорных территорий Карельского перешейка ещё в октябре 1939 г. вызывали беспокойство в Белом Доме и на Капитолийском холме. 11 октября Рузвельт направил послание М. И. Калинин, в котором выразил надежду на то, что «Советский Союз не будет предъявлять к Финляндии требований, не соответствующих поддержанию и развитию дружественных и мирных отношений между двумя странами» [8]. Сенатор Л. Швелленбах (дем., Вашингтон) поместил в протоколы Конгресса за 10 октября статьи из ведущих столичных газет, в которых ясно выражалась тревога насчёт территориальных претензий Москвы к Хельсинки [9].

Не достигнув желанных уступок от финской стороны, Советский Союз начал военную операцию против Финляндии 30 ноября 1939 г. Определение позиции США в отношении очередного витка европейской войны оказалось нелёгкой задачей: моральная сторона проблемы не вызвала сомнений – симпатии подавляющего большинства американцев (включая элиту) были на стороне финнов, СССР виделся как очередной агрессор, посягающий на независимость маленького и мирного государства. Не столь очевидной была практическая сторона проблемы – политическому руководству предстояло ответить на вопрос «Что предпринять Соединённым Штатам в отношении обеих воюющих сторон?» Применительно к Москве вставала дилемма: разорвать дипломатические отношения между двумя государствами или ограничиться более мягкими мерами дипломатического и экономического характера. Оказание помощи финской стороне напрашивалось само собой, однако предстояло определить характер (моральная, продовольственная, финансовая, военно-техническая) и объёмы такой помощи [10].

Негативный экстремум спектра возможных действий в отношении СССР находился в... Москве, в посольстве США. Посол А. Штейнгардт в переписке с Госдепартаментом выступал за немедленный разрыв дипломатических отношений, депортацию всех советских граждан из Соединённых Штатов, эмбарго на американский экспорт в Советский Союз и даже за закрытие американских портов для советских судов [11]. Однако в Вашингтоне, где находился главный центр принятия решений, придерживались иного подхода – меры против СССР были показательно жёсткими, но не радикальными. Рузвельт в заявлении от 1 декабря выразил убеждение, что все миролюбивые государства «единодушно осудят это новое применение вооружённой силы для решения международных споров» [12]. 2 декабря было объявлено о введении так называемого «морального эмбарго» на поставки американских самолётов, авиационного топлива, навигационного оборудования, а также алюминия и молибдена в страны, применяющие авиацию для бомбардировки мирных городов [13]. Из СССР были отозваны американские специалисты, работающие в авиационной промышленности.

Воззрения основной массы конгрессменов и сенаторов на возникшую проблему располагались в диапазоне между позициями Белого Дома и посольства в Москве. Практически с самого начала работы третьей сессии Конгресса (3 января 1940 г.) под сводами Капитолия зазвучали голоса в поддержку разрыва официальных дипломатических отношений между Москвой и Вашингтоном. Только в течение января 1940 г. в Палату

представителей были внесены проекты трёх резолюций о разрыве дипломатических отношений с Москвой: Н. J. Res. 397 С. Боуллза (респ., Висконсин), Н. Соп. Res. 39 Д. О'Тула (дем., Нью-Йорк) и Н. Соп. Res. 41 Д. Рэндольфа (дем., З. Виргиния) [14].

Одним из доминирующих мотивов выступлений сенаторов и конгрессменов антисоветской направленности стала идея противоборства советского «варварства» и «коммунизма» с «цивилизацией» (т. е. с Западом). За возможной победой Красной армии в Финляндии парламентарии видели далеко идущие планы Москвы по установлению мирового господства. К примеру, конгрессмен У. Питтингер (респ., Миннесота) полагал, что победа СССР будет означать «начало триумфа коммунизма как общественного устройства в противовес тому, что мы называем цивилизованным миром» [15]. Другой член нижней палаты Конгресса Э. Изак (дем., Калифорния), ратуя за оказание масштабной помощи Финляндии, констатировал: «Сегодня наша граница – это Карельский перешеек!» [16] Сенатор У. Кинг (дем., Юта) был убеждён в том, что в лице Финляндии Россия «воюет со всеми демократическими и христианскими государствами, со всеми, стремящимися к всеобщему миру, единению, свободе и справедливости» [17]. Аналогичную мысль высказывал известный конгрессмен-консерватор Г. Фиш (респ., Нью-Йорк): «Сегодня Финляндия сражается за демократию, христианство и цивилизацию против угрозы коммунизма» [18].

Однако наряду с пафосными и эмоциональными оценками России как воплощения мирового зла в речах законодателей соседствовал более рациональный аргумент – систематическое несоблюдение Советским Союзом обязательств, взятых в 1933 г. при установлении официальных отношений [19]. Особо часто в претензиях политиков Капитолия звучали обвинения в нарушении обязательства по невмешательству советской стороны во внутреннюю жизнь Соединённых Штатов – Москва поддерживала и направляла мировое коммунистическое движение и, в частности, деятельность Коммунистической партии США. Именно такие обвинения в адрес СССР прозвучали Палате представителей январе – феврале 1940 г. из уст конгрессменов Рэндольфа, Боуллза, Р. Маккормака (дем., Массачусетс) [20].

Однако с наибольшей последовательностью идея о несоблюдении «контракта» была выражена в публикациях сенатора-республиканца от штата Мичиган А. Ванденберга: в январе – в журнале «Молодой республиканец», в июне – в журнале «Либерти». В первой из них сенатор сам факт дипломатического признания Советского государства назвал «грубым просчётом». Единственным средством исправления этой ошиб-

ки он признавал отзыв всех дипломатических представителей США из Советского Союза. Ванденберг признавал, что разрыв отношений автоматически не спасёт Америку от угрозы коммунизма, однако будет символизировать «отказ от потворства врагам нашей внутренней стабильности и наших институтов» [21]. Логический ряд, выстроенный сенатором во второй статье, выглядел следующим образом: «Мы пошли на официальное признание Москвы на основе конкретных обещаний, содержащихся в переписке Рузвельта и Литвинова 1933 г. Обещания были нарушены, контракт разорван. Таким образом, у нас нет более оправдания для отношений, которые были установлены и обусловлены нерушимостью обязательств и выполнением контракта. Нам следует вернуться к той основе взаимоотношений, которая существовала до 1933 г.» [22]

Следует отметить, что в стенах Конгресса имелись и противники разрыва дипломатических отношений с Москвой, которые открыто и не менее аргументированно выражали свою позицию. Главный минус такого шага, по их общему мнению, заключался в непрактичности разрыва. «Я не могу увидеть, хоть на йоту, как и чем поможет правительству Соединённых Штатов отзыв посла из России и разрыв дипломатических отношений» [23], – восклицал в полемике с Г. Фишем С. Рейбёрн, лидер фракции демократов в нижней палате. Его мысль детально развил С. Блум: «Если мы отзовем нашего посла из Москвы сегодня, то у нас не останется средств получения информации, которая крайне необходима в данный момент... Присутствие американских послов и посланников в нынешние времена становится всё более важным для защиты американских граждан и американской собственности» [24]. Примечательно, что Рейбёрн, Блум и их единомышленники не демонстрировали и намёка на оправдание (и тем более поддержку) действий Советского Союза – «отбеливать» изрядно запятнанный имидж СССР не желали даже противники разрыва.

Идейная борьба в Палате представителей между сторонниками и противниками сохранения отношений между Москвой и Вашингтоном достигла апогея 7 февраля при рассмотрении во многом дежурного и «технического» билля H.R. 8319, посвящённого ассигнованиям на содержание аппарата ряда правительственных ведомств в 1940/1941 финансовом году. К разделу, посвящённому Госдепартаменту, было предложено три одинаковых по сути, но разных по формулировке поправки, которые удаляли из перечня расходов строку о выплате жалованья послу Соединённых Штатов в Москве [25]. Автор первой из них, демократ Р. Маккормак, строил свою аргументацию предлагаемого шага на идее «нарушенного контрак-

та». «Каждый американец знает, что Советский Союз делает всё зависящее от него, чтобы свергнуть существующие правительства у нас и во всём остальном мире» – утверждал конгрессмен, и даже резонные возражения коллег о принадлежности проблемы к компетенции президента не могли поколебать его убеждённости в полезности и правомерности предлагаемой акции. В поддержку поправки Маккормака выступили республиканец Боулз, демократы Д. Мёрдок (Аризона) и Д. Динджел (Мичиган). Выступление последнего было переполнено эмоциями – конгрессмен был готов поддержать «всё, что наносит вред русскому коммунизму» и даже изъявил готовность пожертвовать личную самозарядную винтовку “Garand” «на благо Финляндии» [26].

Однако далеко не все члены нижней палаты разделяли горячность своих коллег. Э. Селлер (дем., Нью-Йорк) полагал, что отношения с Советским Союзом следует разрывать «честно, смело и открыто». Практичность предлагаемого шага с точки зрения пользы для Финляндии также вызвала у конгрессмена вопросы: «Финляндия просит самолёты – мы предлагаем ей пирожки, Финляндия просит пушки – мы предлагаем ей пирожные» [27]. Отзыв посла считал нецелесообразным М. Калдвелл (дем., Флорида): «Поправка лишь спровоцирует дальнейший произвол со стороны великой державы (т. е. СССР – *авт.*) и поставит нас в дипломатически затруднительное положение». М. Данн (дем., Пенсильвания) расценивал отзыв посла как очередной шаг в пользу вмешательства в европейские конфликты. Угроза распространения коммунизма, к которой любили апеллировать сторонники разрыва, по мнению Дана, была для США не актуальна: «История показывает: государства, которые заботятся о своём народе, не подрываются внешними силами» [28]. В итоге поправка Маккормака была провалена с символическим перевесом в голосах: 105 – «за», 108 – «против» [29].

Сенат приступил к рассмотрению билля Н. Р. 8319 в конце февраля 1940 г. В верхней палате поправка, аналогичная предложению Маккормака, была внесена сенатором Г. Лоджем-мл. (респ., Массачусетс). Автор предполагал, что отзыв посла не сможет обеспечить мир для США, но хотя бы «поставит Советский Союз в один ряд с Германией» [30]. Инициативу Лоджа поддержали Ванденберг, не упустивший возможности повторить тезис о «нарушенном контракте» 1933 г., и У. Барбур (респ., Нью-Джерси) [31]. Однако форма, время и сама идея предлагаемого решения вызвали у других сенаторов серьёзные нарекания. К. Маккеллар (дем., Тенесси) принципиально поддерживал отзыв посла, однако негативно оценивал тот факт, что внешнеполитический вопрос пытались решить в рамках фи-

нансового билля, нарушая компетенцию комитетов [32]. На нарушение существующих властных прерогатив (но теперь уже президентских) указывали коллегам Д. Норрис (прогрессист, Небраска) и А. Баркли (дем., Кентукки). По мнению первого из них, Советский Союз разделял принцип «любое государство имеет право уничтожить другое государство путём голода, бомбёжек, убийств женщин, маленьких детей» наравне с другими агрессорами – Германией, Японией, Италией. Чтобы быть последовательными, американскому правительству следовало отозвать послов из всех указанных государств, однако тем самым Соединённые Штаты поставили бы себя в заведомо невыгодное положение. Баркли пытался взывать к здравому смыслу: отказ сенаторов выплачивать послу Штейнгардту, не так давно утверждённому ими же в должности, выглядел бы и нелогично, и несолидно [33]. В конечном итоге поправка Лоджа была отклонена даже без поимённого голосования [34].

Характеризуя реакцию американских законодателей на советско-финскую войну, следует учесть исторический контекст этого вооружённого конфликта. В Европе постепенно разгоралась пламя новой мировой войны, и ключевой внешнеполитической проблемой для Соединённых Штатов в 1939–1941 гг. оставался вопрос о допустимости, масштабах и формах вмешательства Америки в европейские проблемы. Доминирующим трендом американского общественного мнения и настроений политической элиты было негативное отношение к вмешательству в европейскую войну. Закон о нейтралитете 1939 г. ввёл принцип «плати и вези» (cash and carry) для поставок американского оружия и военных материалов воюющим сторонам, однако оставил существенные ограничения для предоставления кредитов, а также для передвижения американских морских кораблей и американских граждан на кораблях иностранных государств [35].

Среди горячих призывов к разрыву дипломатических отношений с Москвой и оказанию помощи Финляндии как «оплоту демократии» относительно бледно смотрелись доводы в пользу сохранения полного нейтралитета Соединённых Штатов в конфликте. За зиму 1940 г. в Палату представителей и Сенат было внесено по одной резолюции, объявлявших о состоянии войны между СССР и Финляндией, – что, по идее авторов (конгрессмена Э. Шиффлера и сенатора Д. Данахера), должно было способствовать распространению положений Закона о нейтралитете на советско-финское противостояние [36]. Обе резолюции так и не покинули стен профильных внешнеполитических комитетов Конгресса, куда были направлены после формального внесения.

Необъявленная советско-финская война завершилась подписанием мирных соглашений 12 марта 1940 г. Волна антисоветских выступлений в Конгрессе медленно, но верно пошла на убыль. В течение весны, как результат «инерции» зимней войны, в Конгресс были внесены очередные резолюции за авторством сенатора Д. Кларка (дем., Айдахо) и конгрессмена Д. Скругхэма (дем., Невада), призывающие к разрыву дипломатических отношений с Советским Союзом [37]. Однако ни та ни другая не вызвали интереса у законодателей и были навечно положены «под сукно». Однако рациональное начало в оценке советского государства всё больше брало верх над эмоциональными и конъюнктурными оценками. Так, в ходе обсуждения в Сенате вопроса об импорте марганцевой руды в США применительно к СССР уже не звучало шаблонных фраз об «угрозе коммунизма», «варварстве», «безбожном режиме» и т. п. Сенатор Д. Гарни (респ., Ю. Дакота), критикуя последствия Закона о взаимных торговых соглашениях, констатировал факт – закупки марганцевой руды в России (а также Бразилии) наносят серьёзный ущерб американской горнодобывающей отрасли, который вынуждено компенсировать через субсидии правительство США [38]. В аналогичном ракурсе – не как страна террора и несвободы, а как конкурент национальных американских производителей – предстал Советский Союз в речи конгрессмена Д. Ван Зандта (респ., Пенсильвания), защищавшего интересы горнодобывающей промышленности своего штата. По подсчётам политика, импорт антрацитового угля из СССР ежегодно оборачивался для американских шахтёров потерей в среднем 642 рабочих мест [39].

Во второй половине 1940 г. интерес американских парламентариев к Советскому Союзу снизился почти до нулевой отметки – сенаторов и конгрессменов почти полностью занимали вопросы благосостояния и безопасности Соединённых Штатов, а не далёкая и чужая страна, пока ещё находящаяся в одном лагере с нацистской Германией.

«Полузамороженное» состояние советско-американских отношений сказалось в ходе дебатов по Закону о ленд-лизе в феврале – марте 1941 г. Конгрессмен Д. Тинкхэм (респ., Массачусетс) в Палате представителей предложил поправку, исключавшую Советский Союз из числа потенциальных получателей американской помощи. С аналогичной инициативой в верхней палате выступил сенатор Р. Рейнольдс (дем., С. Каролина). Обе поправки были провалены – большинство сенаторов и конгрессменов предусмотрительно посчитало нецелесообразным «связывать руки» американской дипломатии такими радикальными мерами [40].

Нацистское нападение на СССР 22 июня 1941 г. не смогло моментально изменить настроенного отношения американских парламентариев к СССР, однако внесло существенные коррективы в позицию высшего руководства Великобритании и Соединённых Штатов. Из «почти врага» СССР в одночасье превратился в вынужденного, но от этого не менее ценного союзника, отвлекающего на себя огромные силы немецкой военной машины. 23 июня заместитель госсекретаря С. Уэллес осудил нападение Германии и отметил, что любое сопротивление Гитлеру будет способствовать безопасности США [41]. 24 июня Рузвельт пообещал оказать Советскому Союзу всю возможную помощь. Вместе с тем хозяин Белого Дома вслед за Уэллесом подчеркнул, что для Соединённых Штатов по-прежнему остаются «нестерпимы и чужды» принципы и доктрины коммунизма [42].

В конце июня 1941 г. вопрос о включении Советского Союза в программу ленд-лиза ни Москвой, ни Вашингтоном не ставился – в распоряжении администрации находились инструменты для оказания помощи как на основе обычных торговых сделок, так и через предоставление кредитов из фондов различных правительственных ведомств [43]. В силу этого интерес сенаторов и конгрессменов к начавшейся советско-германской войне носил скорее риторический, нежели прикладной характер.

Позиция изоляционистов отличалась причудливой смесью рационализма, граничащего с цинизмом, и антикоммунистического морализма. Сенаторы Р. Тафт (респ., Огайо), Б. Уилер (дем., Монтана), Б. Кларк (дем., Миссури), конгрессмены К. Мундт (респ., Ю. Дакота), Р. Рич (респ., Пенсильвания), Р. Вудраф (респ., Мичиган) и другие противники вмешательства в войну расценили начало советско-германской войны как убедительное доказательство тезиса об империалистическом характере европейского конфликта, который не имел никакого отношения к противостоянию демократии и тоталитаризма. С их точки зрения самым разумным для США в сложившейся ситуации было остаться в стороне и дожидаться взаимного ослабления СССР и Третьего рейха. «Коньком» оппозиции стала критика диктаторского режима Сталина, политических репрессий, преследований церкви и религии [44].

Для интернационалистской парадигмы американской внешней политики оказание военно-технической и экономической помощи России представляло собой неплохую возможность противодействовать гитлеровской экспансии, напрямую не вмешиваясь в войну. Однако в первые недели сторонники активной внешнеполитической линии в дебатах на Капитолийском холме и в СМИ вели себя достаточно скромно. Едва ли не единствен-

ным сенатором, кто практически сразу и достаточно чётко выступил в поддержку предложенного президентом курса, был К. Пеппер (дем., Флорида) [45]. Коллеги Пеппера по верхней палате (в основном – демократы: Г. Бирд, К. Гласс, Д. Мид и др.) принципиально не возражали против поддержки СССР, однако больше говорили о трудностях, связанных с реализацией подобной программы, нежели о самой помощи [46]. Аналогичная ситуация сложилась и в Палате представителей, с той лишь небольшой разницей, что в нижней палате не нашлось человека, который бы выступал за программу помощи также последовательно, как Пеппер [47].

К концу лета 1941 г. сомнения относительно способности СССР вести эффективную борьбу с Германией стали постепенно рассеиваться, чему немало способствовали визит Г. Гопкинса в Москву и его успешные переговоры со Сталиным [48]. Как следствие, в палатах Конгресса зазвучали более смелые выступления в поддержку советско-американского сотрудничества.

Изоляционисты, предчувствуя включение Советского Союза в программу ленд-лиза, предприняли ряд попыток законодательно запретить возможность ленд-лизских поставок коммунистическому режиму. Однако ни резолюции Г. Кнутсона (S. Con. Res. 44) и С. Дэй (H. Con. Res. 51), ни инициативы Д. Тинкхэма (H. Res. 256; H. R. 5248) не прошли дальше профильных комитетов Палаты представителей и Сената [49]. Замедление темпов немецкого наступления на Восточном фронте даже убедило некоторых изоляционистов в том, что война приобрела затяжной характер, и они уже не возражали против американских поставок в Советский Союз, которые могли ещё более затянуть советско-германское противостояние и тем самым сыграть на руку США [50].

Несмотря на эту положительную тенденцию, администрация Рузвельта проявляла крайнюю осторожность и всячески пыталась убедить парламентариев и общественное мнение в неактуальности вопроса о ленд-лизе для Советского Союза. Даже после внесения в Конгресс в сентябре 1941 г. билля H. R. 5788 о выделении дополнительных ассигнований на программу ленд-лиза Рузвельт на встрече с лидерами Конгресса лишний раз подчеркнул, что речь не идёт о включении России в программу помощи. Однако президент тут же указал на нежелательность внесения поправок, направленных против СССР [51].

Слушания в комитетах, а также дебаты в палатах по биллю о дополнительных ассигнованиях прошли в октябре 1941 г. на редкость гладко. Несмотря на все заверения со стороны исполнительной власти, парламентарии прекрасно понимали, что решается вопрос о выделении денег

именно для СССР [52]. Законодателей смущал не сам факт оказания помощи государству с коммунистической идеологией, сколько лицемерное нежелание высшего руководства этот факт прямо признать [53]. Бесперспективность сопротивления доводам Рузвельта и его сторонников постепенно становилась очевидной даже самым последовательным изоляционистам. Один из их лидеров, Г. Фиш, поддержал расширение программы ленд-лиза, но подчеркнул, что делает это «только из военных соображений». И либералы, и консерваторы Капитолия, не отрицая «тёмных сторон» советского режима, одобряли выделение ему помощи из прагматических соображений, поскольку Россия оставалась «единственной державой, чья армия способна остановить немцев» [54].

Поправки республиканцев Р. Рича и Э. Роджерс, без лишних условностей исключаящие СССР из числа получателей помощи, были отклонены конгрессменами [55]. Палата представителей одобрила законопроект 10 октября 1941 г. 328 голосами «за» при 67 «против» [56]. 23 октября Сенат с таким же ощутимым перевесом в голосах (59 «за», 13 «против») принял законопроект [57], который был подписан Рузвельтом и вступил в силу 28 октября 1941 г. Уже через два дня президент США в письме на имя Сталина проинформировал советское руководство, что поставки военных материалов, оговорённых в протоколе Московской конференции, будут производиться на основе Закона о ленд-лизе. Рузвельт предлагал не начислять проценты на сумму долга и начать выплату задолженности через пять лет после окончания войны [58].

Положительный ответ от Сталина последовал 4 ноября [59], однако официально о соглашении было объявлено на очередную годовщину Октябрьской революции (7 ноября). Давно ожидаемое известие было встречено изоляционистской прессой с недовольством и даже обречённостью. Пессимистические настроения охватили многих убеждённых изоляционистов, однако консервативные политики не спешили озвучивать их на публике – практический смысл в этом отсутствовал [60]. Решение было принято, и оно красноречиво указывало на несостоятельность изоляционистского подхода к внешней политике США.

Таким образом, прослеженная нами в течение предвоенного двухлетия трансформация образа СССР не подлежит однозначным оценкам. Представляется целесообразным выделить два уровня восприятия образа советского государства американскими законодателями: первый, более глубокий, определялся цивилизационной спецификой двух стран, существенными различиями в идеологии, политических и экономических стандартах, второй же уровень зависел от

международной политической и военной ситуации, крайне подвижной и изменчивой в рассматриваемый период. В силу названных факторов первый уровень был более статичен, второй продемонстрировал значительную динамику изменений. Если до середины 1941 г. Советский Союз виделся как диктаторское государство-агрессор, несущее угрозу демократии и западной цивилизации, то после 22 июня 1941 г. он достаточно быстро превратился в глазах большинства законодателей в полезного союзника, своей борьбой против Германии способствовавшего безопасности Соединённых Штатов. Такому союзнику, по убеждению расчётливых американцев, было не зазорно оказывать материальную и финансовую помощь. Вместе с тем принципиальная оценка Советского Союза как государства, совершенно чуждого американским ценностям и принципам, никуда не исчезла, она просто по прагматическим соображениям временно отошла на задний план.

Именно рациональность и прагматизм, несмотря на повышенную эмоциональность высказываний и оценок в краткий период советско-финской войны, определяли действия сенаторов и конгрессменов в среднесрочной перспективе. И чем ближе военная угроза приближалась к американским берегам, тем более очевидным становился перевес прагматического начала в мышлении политиков Капитолия над идеологическими соображениями: зимой 1940 г. забота об американских интересах оградила законодателей от разрыва отношений с СССР, а уже осенью 1941 г. стремление укрепить американскую безопасность подвигло их распространить ленд-лиз на СССР. В дальнейшем, после официального вступления США во Вторую мировую войну в декабре 1941 г., курс на оказание помощи Советскому Союзу был сохранён и расширен – общий враг определял общность интересов. Однако победа антигитлеровской коалиции, которая в декабре 1941 г. не казалась близкой и неизбежной, подразумевала устранение этого общего врага и порождала возможность нового крутого поворота в оценках образа СССР под куполом Капитолия.

Примечания

1. Среди отечественных исследований выделим следующие работы: *Егорова Н. И.* Изоляционизм и европейская политика США, 1933–1941. М., 1995; *Наджафов Д. Г.* Нейтралитет США, 1935–1941. М., 1990; *Коваль В. С.* США во Второй мировой войне: некоторые проблемы внешней политики. 1939–1941. Киев, 1976; *Фураев В. К.* Советско-американские отношения, 1917–1939. М., 1964; *Юнгблуд В. Т.* Эра Рузвельта: дипломатия и дипломаты. СПб, 1996.

В массе зарубежной литературы хотелось бы отметить специальные исследования Э. Беннетта, Т. Маддукса, Х. Де Сантиса и Р. Леверинга: *Bennett E.* Franklin D. Roosevelt and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington, 1990;

De Santis H. The Diplomacy of Silence: The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War. Chicago, 1980; *Maddux T.* Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933–1941. Tallahassee, 1980; *Levering R.* American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill, 1976.

2. Congressional Record. Proceedings and Debates of 76th Congress (далее – CR). First Session. Vol. 84. P. 8617.

3. Ibid. P. 8619, 8621.

4. Ibid. P. 10631.

5. Ibid. P. 11221.

6. *Наджафов Д. Г.* Указ. соч. С. 121–123.

7. *Levering R.* Op. cit. P. 22–30, 31–34.

8. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее – FRUS). 1939. Vol. I. General. Wash., 1956. P. 967.

9. CR. Vol. 85. P. 224–225.

10. В декабре 1939 г. США предоставили Финляндии через Экспортно-импортный банк кредит размером 10 млн долл. для закупки сельскохозяйственных продуктов, который в дальнейшем финны получили возможность использовать для закупки оружия (*Наджафов Д. Г.* Указ. соч. С. 127–128). Однако просьба о предоставлении более крупного кредита в 60 млн долларов была отклонена американской стороной. Максимум, что готово было сделать руководство США, – это увеличить основной капитал Экспортно-импортного банка на 100 млн долл., из которых одна страна могла получить в виде кредита не более 20 млн. Как утверждает известный исследователь внешней политики США Р. Даллек, такая сдержанность была вызвана тем, что Рузвельт опасался обвинений во втягивании страны в войну, а также не желал поставить под угрозу более амбициозные планы по оказанию помощи Великобритании и Франции (*Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N. Y.: Oxford, 1995. P. 210).

11. *Дани Д.* Между Рузвельтом и Сталиным: американские послы в Москве. М., 2004. С. 176.

12. Department of State Bulletin. 1939. Vol. I. № 23. P. 609.

13. FRUS. 1939. Vol. I. General. Wash., 1956. P. 801.

14. CR. Vol. 86. P. 16, 350, 451.

15. Ibid. P. A13.

16. Ibid. P. 1176.

17. Ibid. P. 1390.

18. Ibid. P. 2036.

19. Ноты Народного Комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова президенту Ф. Рузвельту о невмешательстве во внутренние дела США, об уважении религиозных прав и свобод, о правовой защите американских граждан, об урегулировании финансовых претензий см.: Документы внешней политики СССР. Т. 16. 1 января – 31 декабря 1933 г. М., 1970. С. 642–643, 646–650, 651–652.

20. CR. Vol. 86. P. 147, 228–229, 1174.

21. Ibid. P. 457.

22. Ibid. P. A3412.

23. Ibid. P. 690.

24. Ibid. P. 691.

25. Ibid. P. 1172–1173. Все три поправки были объединены в одно процессуальное производство. Одобрение любой из них де-факто ставило крест на полноценных дипломатических отношениях США и СССР.

26. Ibid. P. 1174–1175.

27. Ibid. P. 1177.

28. Ibid. P. 1178.

29. Ibid. P. 1179.
30. Ibid. P. 1973–1974. Американский посол был отозван из Берлина ещё весной 1939 г.
31. Ibid. P. 1975–76, 1978.
32. Ibid. P. 1975–1976.
33. Ibid. P. 1978–1979, 1976.
34. Ibid. P. 1980.
35. *Егорова Н. И.* Указ. соч. С. 146.
36. CR. Vol. 86. P. 354, 814.
37. Ibid. P. 2919, 3972.
38. Ibid. P. 3671–3672.
39. Ibid. P. 3881.
40. *Kimball W.* Most Unsordid Act. Baltimore, 1969. P. 200, 201, 215.
41. Department of State Bulletin. 1941. Vol. IV. № 105. P. 755.
42. FRUS. 1941. Vol. 1. General, The Soviet Union. Wahs., 1958. P. 773.
43. *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны. М., 1985. С. 58–59; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1984. С. 108, 483.
44. CR. Vol. 87. P. A3052, 5461, 5669; *Taft R.* The Papers of Robert Taft. Vol. 2. 1939–1944. Kent, 2001. P. 255–256.
45. Ibid. P. A3215–3217; *Dawson R.* Decision to Aid Russia, 1941. Chapel Hill, 1959. P. 106.
46. Ibid. P. 107.
47. CR. Vol. 87. P. 5485, A3412.
48. *Юнблюд В. Т.* Указ. соч. С. 147.
49. CR. Vol. 87. P. 5698, 5805, 5870, 6802.
50. Ibid. P. 6831
51. *Herring G.* Aid to Russia: Strategy, Diplomacy and the Origins of the Cold War. N. Y., 1973. P. 19.
52. CR. Vol. 87. P. A4508, 7702–7703.
53. Ibid. P. 7734, 7739.
54. Ibid. P. 7763.
55. Ibid. P. 7820, 7822–7823.
56. Ibid. P. 7839–7840.
57. Ibid. P. P. 8204.
58. FRUS. 1941. Vol. I. P. 851. Московский протокол, подписанный 1 октября 1941 г., предусматривал обязательства Великобритании и США поставлять Советскому Союзу до конца июня 1942 г. ежемесячно по 400 самолётов, 1100 танков, 4000 т алюминия, а также ряд других вооружений и материалов (Советско-американские отношения. Т. 1. С. 121–126).
59. Советско-американские отношения. Т. 1. С. 135.
60. *Dawson R.* Op. cit. P. 284–285.

УДК 392.1(470.13)

О. А. Плоцкая, Ж. Б. Иванова

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ ПРАВОВЫХ ОБЫЧАЕВ У КОМИ (ЗЫРЯН) В ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ РЫБОЛОВСТВА)

В статье рассмотрены вопросы организационно-правовой деятельности в промысле рыбных ресурсов и водных животных на Севере России. Проанализированы правовые источники, регулировавшие вопросы разумного потребления природных ресурсов (рыбных запасов и иных водных животных), у одного из народов Севера России – зырян.

The paper deals with the legal activities of the fishery resources of fish and aquatic animals in the North of Russia. Analyzes the legal sources, regulate the reasonable use of natural resources (fish stocks and other aquatic animals), one of the peoples of the Russian North – Zyryans.

Ключевые слова: этноправовые, этнокультурные традиции и обычаи; коми народ, рыболовство, правовые обычаи.

Keywords: ethno-legal, ethnic and cultural traditions and customs; Komi people, fishing, legal customs.

Происходящий в современной российской правовой системе в последнее десятилетие всплеск интереса к обычному праву народов, проживающих на территории России, неслучаен. Сегодня в ряду правовых явлений, вызывающих дискуссию, не имеющих единого научно-исследовательского подхода, особняком стоит вопрос о месте и роли обычая в праве. Унаследованная из прошлого практика централизации законодательства и игнорирования историко-правовых, этноправовых, этнокультурных традиций и обычаев к которым относится обычное право народов России, приводит к утрате многих существенных характеристик права и нарушает принцип преемственности в национальном праве российских народов. История неоднократно показывала, что непринятие обычно-правовых норм и традиционно-правовых форм в мировоззрении народов, игнорирование их как необходимого компонента правового развития общества неизменно влечет несоответствие правовой действительности

и действующего законодательства, появление правового нигилизма и значительное снижение уровня правовой культуры населения.

Поэтому крайне актуальным является анализ складывавшегося веками обычного права одного из народов России – зырян, накопленного опыта обычно-правового регулирования общественных отношений, так как сегодня на его основе могут быть выработаны стандарты наиболее эффективной правовой модели.

Сегодня механизм взаимоотношения человека с природой, его адаптации к окружающей среде и изменения ее для своих материальных и духовных потребностей практически полностью регулируется нормами позитивного права. Однако эффективность правового регулирования охраны окружающей природной среды и рационального природопользования пока оставляет желать лучшего.

Обычное право коми народа сложилось как результат определенного поведения человека по отношению к природе. Первоначально правовой обычай как локальный регулятор в виде простых правил поведения, санкционированных обществом, развивался и применялся в обособленных обществах, в которых отсутствовали правовые нормы или количество правовых норм было недостаточно для регулирования всех возникающих общественных правоотношений.

Правовые обычаи осуществлялись в течение длительного периода времени, включая в себя конкретные нравственные правила и предписания, которые соответствовали общественным и религиозным представлениям коллектива. Такие правовые обычаи регулировали ту или иную ограниченную сферу общественного поведения, они являлись общеобязательными для всех членов общества, которые в большинстве своем поддерживали их и придерживались их предписаний, упорядочивая общественные отношения.

Применение правового обычая было обусловлено не только компактным проживанием коми на пространствах северных территорий, но сохранением традиционных форм ведения хозяйственной деятельности, таких как рыболовство, охота, собирательство, оленеводство; относительно низким уровнем миграции коми народа, который имел оседлый образ жизни. Правовой обычай у коми народа являлся обязательным для каждого участника правоотношения.

Рыболовецкое право включало в себя нормы, регулировавшие владение рыболовными угодьями и снастями, распределение добычи, а также меры наказания за нарушение общепринятых правил. Объем этого права меньше охотничьего, хотя рыболовство занимало ведущее место в обеспечении многих малых народов Севера пищей. Рыболовные угодья делились на мелкие и крупные. В первом случае они разделялись на семейные наделы, где действовало то же правило. Нарушивший его считался вором и в первый раз отдавал где половину, где всю добычу владельцу участка. При повторном нарушении виновного вдобавок секли розгами. Однако любой путник мог добывать в чужих землях зверя, рыбу или птицу для собственного пропитания. Жители одного селения по договоренности с жителями другого в случае необходимости могли пользоваться их угодьями.

Правовой обычай был направлен на регулирование общественного поведения, создавая рамки дозволенного поведения для членов общества, которые отражали требования общества к поведению конкретного индивида. При этом все члены общества должны были придерживаться предписаний обычая, проявляя, таким образом, его одобрение и согласие с ним. Невыполнение правил правового обычая порицалось и осуждалось со стороны всех членов общества.

Мелкие рыболовные угодья располагались на небольших речках и озерах, где водилась малоценная рыба. Лов рыбы на таких водоемах был свободным, всякий мог добывать ее там, где хотел. Однако, как правило, у каждой семьи имелись свои постоянные, привычные места. Обычно действовало правило: «Где остановился, там и добывай». Если же кто-то расчищал рыболовное место или ставил постоянно ловушки на одном и том же месте (запор, котец), то получал право на владение ими, которое могло передаваться по наследству [1].

Крупные рыболовные угодья больших рек принадлежали находившимся вблизи селениям, иначе говоря, находились в общинном владении. Ввиду того что население было малочисленным, а селения располагались далеко друг от друга, споров из-за владения песками не наблюдалось, хотя и существовал запрет на пользование ими для лиц, не входивших в данную общину. Пески в одних случаях использовались коллективно, сообщая всей общиной-юртой, в других – семьями. В последнем случае либо невод забрасывался поочередно, либо пески делились на участки – тони [2].

Община у зырян, равно как и у иных восточных финно-угорских народов, оставалась гарантом реализации норм обычного права. Она «поглощала» каждого общинника, не выделяя конк-

ретные преимущества одному члену общины или другому, предоставляя равенство правового статуса каждого общинника. В «обособленных» коллективах сохранялось не только общинное самоуправление, но и круговая порука и элементы традиционности. Именно общинный уклад жизни способствовал сохранению действия обычаев среди коми крестьян.

Обычаи, сложившиеся в веках и существовавшие долгое время, становились необходимыми в силу поддержания гармонии интересов зырянского общества, традиционного порядка, являлись выражением предшествовавшего им народного правосознания, неоднократно применялись, причем их содержание не противоречило общепризнанным нравственным воззрениям зырян и имели простой и понятный характер системе общественных отношений.

«Всегда, когда обычно-правовые нормы перестают находить себе основание в явлениях действительной жизни, они лишаются вместе с тем и своего практического значения; просуществовав некоторое время в виде пережитка, они совершенно скрываются с горизонта народного правосознания. Но в хозяйственной жизни зырян никогда не исчезали явления, дающие жизнь этим нормам» [3].

У коми рыбаков право личной собственности на водные угодья рек было крайне редко. Имелись лишь отдельные факты обладания небольшими старичными озерами. Как отмечает Н. Д. Конаков, «в качестве правового принципа здесь выступает труд, затраченный на расчистку озера, установление рыболовных заграждений с рыболовушками, предохранение рыбы от замора» [4].

На реке Визинга «во временное индивидуальное пользование поступали участки реки вблизи семейных сенокосных угодий, если там сооружались “пуштшуп” – рыболовные запруды для лова рыбы “мордой”» [5]. Обычай устанавливал порядок, при котором рыба, дичь или зверь, попавшие в ловушки или оставленные при промысле в угодьях общего пользования с клеймом («пасом») промысловика, считались неприкосновенными для других охотников и прохожих. Уличенный в хищении из чужих ловушек, амбаров наказывался битьем или изгонялся на несколько лет из угодий, в которых мог раньше заниматься промысловой деятельностью.

Здесь просматривается не только право коллективного пользования промысловой территорией, но и уважение к результатам труда других лиц, своего рода социальная защищенность. Считалось большим правонарушением убить белку, на которую охотится в лесу собака другого охотника; убить зверя, раненого другим охотником [6]. Если зверь был подстрелен охотниками одной артели, но добыт другой, то возвращался, бес-

спорно, первой артели независимо от того, насколько легкой была первая рана [7].

Из приведенного примера видно, что обычай соответствует потребностям общества и формируется под влиянием сложившихся реалий. Данный обычай не мог бы существовать вне социальной группы, так как именно социум является его носителем.

У многих народов Севера прослеживался обычай, обязывавший охотника делиться первой добычей с другими; нарушение его влекло за собой утрату охотничьего счастья (везения, удачи) и осуждалось общественным мнением.

Морально-нравственные установки общества воздействовали на применение не только правовых, но и не правовых обычаев. По мнению ученых, «еще недавно существовал обычай наделения частью добычи при возвращении с охоты и рыбного лова престарелых соседей, а также каждого, кто оказывал хоть какую-то помощь промысловику, встретив его при выходе на берег: помог при выгрузке лодки или донес до дому часть добычи, снасть или другую вещь» [8].

Обычай, как правило, не изменяется, поскольку его изменение может привести к его последующему отмиранию или к появлению на его основе иного, нового, обычая. Обычай содержит высокую степень конкретизации должного поведения. На основе обычая формируется единообразное, типичное поведение.

Такой же обычай существовал в с. Палевицы, когда после запора курьи при дележе добычи (рыбы) давался равный пай вместе с участниками лова любому человеку, хотя бы случайно оказавшемуся на месте лова [9]. При совместном лове рыбы всей деревней в ближних озерах улов делили не по числу участников лова рыбы, а по числу всех жителей данной деревни [10].

Правовой обычай, как и нормы обычного права, появляются в «народе». Общество должно доверять данным обычно-правовым нормам. По мнению В. В. Наумкиной, эти нормы воспринимаются как должное, не подлежащие оспариванию или сомнению. Уважение к обычному праву воспитывается под воздействием постоянного неуклонного применения обычных норм всеми членами общества. Игнорирование существующих правил общество воспринимает как аномальное, анти-социальное поведение [11].

Длительность действия обычая зависит от его одобрения обществом, а это напрямую зависит от интенсивности развития общественных отношений. Само общество определяет срок действия обычая, который не зависит от того, правовой обычай или неправовой. На смену устаревшему или не востребованному обществом обычаю придет другой обычай или иной регулятор. Практика показывает: принятие нормативных правовых

актов, регулирующих различные сферы общественных отношений, не снижает регулятивного потенциала правового обычая. Обычно-правовые нормы у коми народа и сегодня продолжают регулировать различные этносоциальные отношения, так как у коми не исчезает потребность в таком социальном регуляторе.

Примечания

1. Зибарев В. А. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XIX вв.). Томск, 1990. С. 178.
2. Конаков Н. Д. Полевые записки автора. М., 1978. С. 171.
3. Большаков М. А. Община у зырян. СПб., 1907. С. 23.
4. Конаков Н. Д. Указ. соч. С. 171–172.
5. Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт // Вологодские губернские ведомости. 1859. № 31. С. 273.
6. Михайлов М. И. Физические и нравственные свойства зырян // ВГВ. 1853. № 18. С. 152.
7. Зибарев В. А. Указ. соч. С. 178.
8. Сидоров А. С. Следы тотемических представлений в мировоззрении зырян. НКФАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 14. Л. 5. Охотники... С. 173.
9. Анисимов А. Ф. О социально-экономических отношениях в охотхозяйстве эвенков // Сов. Север. 1936. С. 5.
10. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и урянхайский край. Л., 1926. Т. 3. С. 63.
11. Наумкина В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX – начала XX в.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 77.

УДК 342

А. В. Степанов

НОТАРИАЛЬНЫЙ АРХИВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

В статье проводится сравнительно-правовой анализ законодательства, регулирующего хранение нотариальных документов и содержание нотариального архива двух периодов: второй половины XIX в. и действующего законодательства. Рассматривается вопрос о преемственности норм права.

The article gives a comparative legal analysis of the legislation regulating the storage of notarial documents and the contents of the notarial archives of the two periods: the second half of the XIX century and the current legislation. The question of the succession law.

Ключевые слова: нотариус, нотариат, документ, хранение, архив, ответственное лицо.

Keywords: the notary, notaries, document storage, archive, responsible person.

© Степанов А. В., 2013

Образование нотариата, как и других государственных и правовых институтов, обусловлено развитием общественных отношений. Рост численности населения, развитие экономического оборота вело к усложнению их отношений, появлению письменного документооборота, что со временем потребовало создания новых правовых конструкций, обеспечивающих потребности развивающегося общества. Одним из таких механизмов стало образование правового института регулирующего бесспорные отношения, т. е. нотариата. Нотариат должен был способствовать развитию общественных отношений и гарантировать выполнение закрепленных за ним функций. Так, сначала появились писари, маклеры, площадные нотариусы. Со временем обществу потребовалось более широкое применение возможностей нотариата, его правового потенциала. По этой причине, как отмечал дореволюционный исследователь А. М. Фемелиди, «в эпоху великих реформ, охвативших все отрасли государственной жизни России, было преобразовано, согласно требованиям современной жизни и торгового оборота, и нотариальное дело» [1].

Общество нуждалось в создании механизма, обеспечивающего объективность в фиксации получаемой информации, ее грамотном правовом оформлении и гарантиях достоверности в случае возникновения споров. Следствием развития общественных отношений явилось образование нотариата как самостоятельного правового института. Работа нотариуса предполагала образование архивной информации, что вело к установлению правил по ее хранению. Хранение нотариальных документов явилось самостоятельным и значимым направлением в деятельности нотариата, которое подлежало законодательному регулированию.

В истории развития российского нотариата вопросы нотариального делопроизводства, сбора, хранения документации всегда были актуальными и дискуссионными. В первую очередь, это связано с тем, что до настоящего времени ведутся научные споры об организации, форме развития самого института нотариата.

В данной статье мы постарались изложить свое видение по вопросу организации нотариального архива, используя методологию хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения [2] при сравнении двух периодов: второй половины XIX в. и начала XXI в. Отметим, что отдельные судебные институты названных периодов уже подвергались комплексному сравнению с позиции хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения (например, суд присяжных [3], мировой суд [4], прокуратура [5]), однако нотариата среди них до настоящего времени не было.

Образованием российского нотариата как самостоятельного правового института считается принятие закона, непосредственно регулирующего нотариальную деятельность, – Положения о нотариальной части [6], вступившего в силу 14 апреля 1866 г.

Положение о нотариальной части определило и значительно упорядочило работу в сфере нотариата, однако оставило нетронутым вопросы осуществления нотариальной деятельностью биржевых маклеров, гоф-маклеров, биржевых нотариусов, корабельных маклеров и маклеров морского страхования [7].

Согласно ст. 1 Положения о нотариальной части заведение нотариальной частью, под наблюдением судебных мест, поручалось нотариусам и стоящим при нотариальных архивах старшим нотариусам.

Нотариальные архивы были в ведении окружных судов, т. е. за их целостность, сохранность были ответственны должностные лица окружного суда, в то время как за оперативную работу нотариального архива отвечал старший нотариус (ст. 1, 42), должность которого находилась при нотариальном архиве, а не наоборот. Старший нотариус состоял на государственной службе и приравнивался к членам окружного суда по порядку назначения и увольнения, содержанию, правам и иным преимуществам (ст. 43). Нотариусы состояли в ведомстве тех окружных судов, на территории которых они осуществляли свою деятельность (ст. 20).

Нотариальный архив находился при каждом окружном суде и располагался по общему правилу в здании суда. Его содержание, в том числе и финансирование, обеспечивалось государством с утвержденным штатом нотариальных архивов [8]. Функционирование нотариального архива предполагало расходы на канцелярские расходы, содержание писцов, сторожей и другие необходимые расходы, которые распределял министр юстиции, «не стесняясь определенным в штатах для каждого разряда архивов размером» [9].

Государство, наделяя нотариат чертами самостоятельного правового института, сохраняло за собой полный контроль за ведением и деятельностью нотариального архива, его финансированием, так как именно нотариальный архив содержал информацию, важную для общества и государства.

Старший нотариус являлся ответственным за осуществление нотариальной деятельности в обслуживаемом округе. Этим можно объяснить его участие в оценке знаний кандидата на должность нотариуса (ст. 15). Он отвечал за сбор и хранение слепков печатей и подписей нотариусов и лиц, их замещающих, осуществляющих деятельность в территориальном округе суда (ст. 25), за

правильность заполнения нотариусами актов книг, крепостных, запретительных и разрешительных книг (ст. 46) и своевременную их передачу в нотариальный архив (ст. 35, 154). Если человек уходил с должности, то старший нотариус обязан был изъять все индивидуализирующие атрибуты данного нотариуса, как-то печати, реестры книги и т. д.

В свою очередь слепки печатей и подписей старших нотариусов должны были находиться во всех нотариальных архивах при окружных судах, обеспечивающих работу в другом округе [10], а также в Санкт-Петербургской сенатской типографии (ст. 179).

Таким образом, должность старшего нотариуса при нотариальном архиве являлась организационной единицей, обеспечивающей оперативную работу в закрепленном округе, и одновременно являлась базовой единицей (опорой) в организационном, структурном построении нотариата в России.

В действующем законодательстве не дано определения понятию «нотариальный архив». В ст. 9 «Основ законодательства РФ о нотариате» [11] говорится лишь о ведении нотариального делопроизводства, правила которого установлены подзаконным актом. Таким документом являются Правила нотариального делопроизводства [12]. Указанные правила устанавливают порядок ведения нотариального делопроизводства, ведение нотариальных документов, хранение, уничтожение, их передачу на постоянное хранение в архив.

Ответственность за соблюдение правил по хранению, учету и использованию нотариальных архивных документов несет нотариус, а в государственных нотариальных конторах – ответственное лицо, определенное приказом территориального органа Минюста РФ.

Все нотариальные документы подлежат систематизации и формируются в дела посредством их группировки в соответствии с номенклатурой. Систематизированный перечень (номенклатура) ежегодно составляется нотариусом до 1 декабря текущего года в двух экземплярах, которые утверждаются, в случае с частным нотариусом, уполномоченным лицом нотариальной палаты субъекта РФ, а в случае с государственным нотариусом – приказом уполномоченного лица территориального органа Минюста РФ. У каждой стороны хранится по одному утвержденному экземпляру номенклатуры дел. Копия номенклатуры дел частного нотариуса в десятидневный срок с момента утверждения направляется нотариальной палатой в территориальный орган Минюста (ст. 47). Нотариус ежегодно оформляет оконченные дела и подготавливает их к хранению путем описания дела на обложке, брошюровки, присвоения нумерации листам, составле-

ния заверенной надписи и внутренней описи (ст. 64).

При формировании дел нотариус на основании «Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения» [13], обязан определить срок хранения документов, которые подразделяются:

- на материалы постоянного хранения;
- временные (более 10 лет хранения);
- материалы, срок хранения которых менее 10 лет.

Произвольное изменение нотариусом сроков хранения не допускается.

Дела, подлежащие хранению менее 10 лет, могут быть оформлены частично: дело прошивается, составляется лист-заверитель дела, внутренняя опись документов может не составляться (ст. 69, 70).

Реестры, книги, журналы, нотариальные дела постоянного и временного хранения находятся по месту их формирования, т. е. у нотариуса (ст. 99). Максимальный срок нахождения нотариальных материалов постоянного хранения у нотариуса ограничен 75 годами, в этот период времени нотариус должен передать дела на хранение «в соответствующий архив по описи» [14].

Нотариус ежегодно по окончании календарного года проводит процедуру уничтожения нотариальной документации с истекшим сроком хранения. Способ уничтожения выбирает нотариус, который обязан руководствоваться требованиями «о неразглашении содержащейся в них информации и невозможности восстановления текста уничтоженных документов» [15].

Основанием для уничтожения нотариальных материалов служит подписанный нотариусом и согласованный с экспертной комиссией акт о выделении дел для уничтожения (ст. 119). Экспертная комиссия состоит из представителей нотариальной палаты и территориальных органов Минюста (ст. 75). Комиссия проводит экспертизу документов в процессе формирования, оформления дел и правильности отнесения документов к делам; подготовку дел на уничтожение или передачу в соответствующий архив.

В отличие от Положения о нотариальной части 1866 г. в действующем законодательстве нет нормы, регулирующей организацию и хранение нотариальных документов постоянного хранения, т. е. фактически в настоящее время не определен орган, отвечающий за хранение нотариальных документов. В действующем законодательстве, при отсутствии обязанности, определена только ответственность за временное хранение нотариальных документов (ст. 3). Утвержденные «Методические рекомендации по проведению

проверки исполнения нотариусом, занимающимся частной практикой, профессиональных обязанностей» [16] не регулируют вопрос организации нотариального архива.

Косвенно, путем толкований норм, например, сопоставления текста ст. 73 (имеется ссылка на документы Архивного фонда РФ), ст. 3, ст. 99 Правил нотариального делопроизводства, можно предположить, что под «соответствующим архивом» имеется в виду система органов, определенная Федеральным законом «Об архивном деле в Российской Федерации» [17]. Указанный закон «регулирует отношения в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов независимо от их форм собственности, а также отношения в сфере управления архивным делом в Российской Федерации в интересах граждан, общества и государства» (ст. 1).

Однако предположения и отсутствие ясности содержания в нормативных документах на практике не позволяет применять нормы закона об архивном деле к нотариальному делопроизводству. До настоящего времени сформированные нотариусами нотариальные документы, в том числе постоянного хранения, находятся на хранении у самих нотариусов, которые за свой счет содержат архив.

Таким образом, несмотря на то что ведение архива законодательно не отнесено к деятельности нотариата, фактически в стране имеются десятки тысяч нотариальных архивов, расположенных при нотариальных конторах.

На наш взгляд, нотариат, как негосударственное профессиональное объединение, созданное для защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, не должно содержать нотариальный архив за счет собственных средств, так как в конечном итоге нотариальная документация является собственностью государства, которое и должно организовать работу нотариального архива, нести финансовое содержание или компенсировать соответствующие издержки нотариусам.

Сравнивая законодательство двух периодов, можно прийти к следующим выводам:

1. Базовые нормы, регулирующие содержание нотариального архива, находятся в Положении о нотариальной части от 1866 г., основном законе, регулирующем деятельность нотариата. Современное законодательство по такому важному вопросу урегулировано лишь подзаконными актами, нормы которых не содержат конкретики по вопросу организации нотариального архива.

2. Ранее нотариальный архив располагался при государственном органе. В настоящее время вопрос о местоположении нотариального архива не решен. Законодательством лишь определе-

но лицо, ответственное за временное хранение нотариальной документации.

3. В Положении о нотариальной части и правовых актах, изданных в его развитие, были достаточно четко определены вопросы организации хранения и архивирования нотариальной документации, установлены права, обязанности, ответственность лиц за формирование и ведение архива. К сожалению, в действующем законодательстве отсутствуют нормы, прямо регулирующие отношения по содержанию нотариального архива, недостаточно ясно определены ответственные лица, их ответственность, отсутствуют самостоятельные статьи, содержащие права и обязанности лиц, работающих с нотариальным архивом.

4. Ранее деятельность по содержанию нотариального архива осуществлялась государством, что являлось признанием государством важности полученной информации. В настоящее время вопрос финансирования вообще в законодательстве опущен. Фактически финансирование осуществляется за счет каждого нотариуса.

5. Положение о нотариальной части предусматривало, помимо нотариусов, ответственных за ведение делопроизводства, должность старшего нотариуса, который отвечал за нотариальное делопроизводство в округе. По действующему законодательству каждый нотариус самостоятельно несет ответственность за ведение и хранение нотариальной документации.

Подводя итог исследования, необходимо понимать, что основной целью любого архива является хранение информации, а нотариального архива – хранение информации по юридически значимым фактам гражданского оборота, что, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию общества.

Также одним из принципиальных вопросов, решение которого определит место нотариата в системе правовых институтов, является придание нотариальному акту дополнительной юридической силы. В настоящее время нотариальный акт воспринимается правоохранительными органами и, в частности, судом как доказательство, имеющее равную юридическую силу с другими, например, свидетельскими показаниями. В этом случае вызывает сомнение правоохранительная функция нотариата, так как большую часть юридически значимых для суда обстоятельств можно подтвердить свидетельскими показаниями или иные письменными доказательствами без их нотариального удостоверения.

На наш взгляд, нотариальный акт должен иметь дополнительную юридическую силу – силу презумпции. В ином случае назначение института нотариата, нотариального удостоверения, архивной документации не отвечает потребностям общества. Также необходим единый норматив-

ный акт уровня федерального закона, который регулировал бы все стороны нотариальной деятельности, в том числе и работу с нотариальным архивом. В настоящее время существует востребованность у общества в услугах нотариата, однако его потенциал, к сожалению, законодательно не раскрыт.

Примечания

1. Фемелиди А. М. Русский нотариат. История нотариата и действующее нотариальное положение 14 апреля 1866 года. СПб., 1902. С. 73.

2. Демичев А. А. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение как направление современной юридической науки // История государства и права. 2010. № 16. С. 2–7.

3. Демичев А. А. Сравнительно-правовое исследование суда присяжных в России (история и современность): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003.

4. Гущев В. В. Сравнительно-правовое исследование мирового суда в России (история и современность): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

5. Никонов В. А. Сравнительно-правовое исследование института прокуратуры в России во второй половине XIX – начале XX века и конце XX – начале XXI века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

6. «Положение о нотариальной части» от 14 апреля 1866 года // Сборник узаконений по нотариальной части. СПб., 1868.

7. Правила «О порядке введения в действие Положения о нотариальной части» от 27 июня 1867 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Второе дополненное издание. Ч. 3. СПб., 1867. С. 496.

8. Штаты нотариальных архивов // Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Второе дополненное издание. Ч. 3. СПб., 1867. С. 511.

9. Там же. С. 512.

10. Временные правила для руководства мировых судей, нотариусов и старших нотариусов при применении «Положения о нотариальной части» // Сборник узаконений по нотариальной части. СПб., 1868. Ст. 54.

11. Закон Российской Федерации от 11.02.1993 г. № 4462-1 «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // Российская газета. 1993. № 49.

12. Приказ Минюста РФ от 19.11.2009 № 403 «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» (вместе с Правилами, утв. Приказом Минюста РФ от 19.11.2009 № 403, Решением Правления ФНП от 18.11.2009 № 11/09) // Российская газета. 2010. № 93.

13. Приказ Минкультуры РФ от 25.08.2010 № 558 «Об утверждении «Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 38.

14. Приказ Минюста РФ от 19.11.2009 № 403 «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» (вместе с Правилами, утв. Приказом Минюста РФ от 19.11.2009 № 403, Решением Правления ФНП

от 18.11.2009 № 11/09) // Российская газета. 2010. № 93. Ст. 103.

15. Там же. Ст. 121.

16. «Методические рекомендации по проведению проверки исполнения нотариусом, занимающимся частной практикой, профессиональных обязанностей» (утв. Решением Правления ФНП от 17.06.2005, Протокол № 04/05) // Нотариальный вестник. 2005. № 9.

17. Федеральный закон от 22.10.2004 № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // Российская газета. 2004. № 237.

УДК 347.214.21

И. В. Караваев

КАЗЕННЫЕ, ПОСЕССИОННЫЕ ЗАВОДЫ И ФАБРИКИ КАК НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО И ОБЪЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В РОССИИ

Статья посвящена правовому положению казенных, посессионных фабрик и заводов, а также целям, методам государственного управления казенной промышленностью и полномочиям государственных учреждений, их присутственных мест в отношении казенных и посессионных заведений во второй четверти XIX в. в России.

The article is devoted to the law status of State plants and factories, possessory plants and factories, as well as the objectives, methods of governance of a government-industry and the authority of State institutions, their places in the field of State plants and factories, possessory plants and factories in the second quarter of the 19th century in Russia.

Ключевые слова: фабрика, завод, Свод Законов Российской Империи, объект недвижимости, право собственности, государство, государственное управление, управляющий заводом, министерство финансов, губернское начальство.

Keywords: factory, plant, Code of Laws of the Russian Empire, real estate, ownership, State, public administration, plant's manager, Ministry of finance, provincial superiors.

Казенное производство во второй четверти XIX в. в России существует в форме фабричной промышленности, к которой согласно ст. 1 гл. 1 раздела 1 кн. 1 ч. 3 т. 11 Свода законов относятся заведения, известные под названием «заводов, фабрик и мануфактур» [1]. Интересно соотношение между собой понятий «мануфактура», «фабрика», «завод». Законодательство исследуемого периода их не различает. Так, например, мануфактурный совет при департаменте мануфактур и внутренней торговли министерства финансов согласно ст. 11 гл. 2 раздела 1 кн. 1 ч. 3 т. 11 Свода законов существует для «споспе-

© Караваев И. В., 2013

шествования фабричной и заводской промышленности» [2]; согласно ст. 14 указанной главы местное губернское начальство имеет одни и те же предметы ведения «по части мануфактур, фабрик и заводов» [3].

Некоторые авторы, впрочем, усматривают между указанными формами производства некоторые отличия, кроме того, «мануфактура» обычно считается предприятием, где, в отличие от завода или фабрики, в основном применяется ручной труд, с незначительным использованием машин. Так, русский экономист-историк И. М. Кулишер указывает: «Под фабрикой документы, как и авторы того времени, понимали вообще предприятие, в частности металлургическое, производимое при помощи молота и огня» [4], по его мнению, понятие «мануфактура» обозначает «не только промышленность вообще... но и текстильное производство, то, что у нас нередко именуется мануфактурной промышленностью...» [5], т. е. усматривает видовые различия между фабрикой и мануфактурой. Между понятиями «завод» и «фабрика», по мнению российского юриста В. Н. Лешкова, также существуют различия: «Завод и фабрика различаются между собою тем, что завод известен был у нас исстари, и таким образом материал для него дан в производительности России, а фабрика – новое слово и дело с материалом, который выписывался из-за границы, напр., шелк и сначала даже тонкая шерсть для сукон и т. д. Отсюда названия для заводов литейных, чугунных, солеваренных, кирпичных, винокуренных, свеклосахарных, и названия для фабрик ситцевых, шелковых, суконных, парчевых и т. д.» [6]. С этой точкой зрения не согласен А. Н. Нисселович, который, подтверждая, что «название “завода” встречается в летописях XV столетия, а название “фабрики” только к концу XVI столетия» [7], в остальном не находит названные отличия существенными: «Действительно, “завод” – явление, встречающееся в России издревле, а фабрика – явление более позднего времени. Но отсюда отнюдь не вытекает, что материал для “завода” дан в производительности России, а материал для “фабрики” выписывался из-за границы. На самом деле, иногда материал для “завода” выписывался из-за границы, как, напр., для шелковых заводов... и наоборот материал для “фабрики” безусловно добывался в пределах России, как, напр., для бумажных “фабрик”» [8]. Далее А. Н. Нисселович делает вывод, что «все признаки, выставляемые профессором Лешковым, для отличия “фабрик” от “заводов”, одинаково применимы и к тем и к другим...» [9]. И. М. Кулишер, указывая на некоторые видовые отличия между фабрикой и мануфактурой, о которых уже сказано, сам, впрочем, не различал смысловых отличий между ними, ука-

зывая, что слово «фабрика», как и «мануфактура», «такой же смысл имело» [10] и «развивать мануфактуры – то же самое, что развивать промышленность» [11]. А. Н. Нисселович придерживается того же мнения: «По духу и смыслу нашего законодательства положительно нет никакой разницы между “заводом” и “фабрикою”, и оба названия одинаково употребляются иногда даже в одном законодательном акте по отношению к одному и тому же промышленному заведению...» [12]. Однако, если между заводом и фабрикой нет разницы, почему, как было показано выше, в законодательстве исследуемого периода говорится о заводах и фабриках? Отвечая на этот вопрос, А. Н. Нисселович указывает: «Объяснить это явление довольно трудно, но надобно полагать, что в данном случае наше законодательство плотит дань понятиям народа, привыкшего называть некоторые промышленные заведения “заводами” а иные “фабриками”...» [13]. В настоящей статье понятия «завод» и «фабрика (мануфактура)» также используются в одном значении.

По свойству прав владения, согласно ст. 4 гл. 1 раздела 1 кн. 1 ч. 3 т. 11 Свода законов заводы, фабрики и мануфактуры делятся на три вида: «1) казенные, 2) частные на праве посессионном, 3) частные на праве полной собственности» [14]. Казенные заводы согласно ст. 5 указанной главы «учреждены и содержатся казенным иждивением» [15], также и посессионные заведения или целиком созданы казной, или при значительной помощи государства. Согласно ст. 6 указанной главы посессионным заводам могли быть от казны «отведены земли или строения, приписаны мастеровые люди... равномерно те, которые учреждены на счет денежных сумм, отпущенных для сего из казны в пособие, или быв учреждены казенным иждивением, отданы в содержание частным людям» [16]. Таким образом, казенные заводы являются объектом собственности государства, равно и посессионные также не вполне принадлежат частным людям, а только условно, т. е. между казной и частными лицами, в случае отдачи учрежденного казной заведения частному лицу, согласно ст. 36 отделения 1 гл. 2 раздела 2 кн. 1 ч. 3 т. 11 Свода законов «закключаются условия о правилах, на которых мануфактура, фабрика или завод должны быть содержимы» [17]. Например, согласно ст. 42, 43, 44 отделения 3 указанной главы содержатели посессионных заводов «должны выделять на посессионном заведении именно те изделия, для которых оно учреждено... не вправе употреблять приписных и покупных крестьян в другие работы, кроме мануфактурных, фабричных или заводских... обязан иметь посессионное заведение в совершенной исправности, наблюдая, чтобы действие оно не уменьшалось и не приходило

в упадок...» [18]. Условия имели обязательный характер для фабриканта. «За неисполнение содержанием посессионной фабрики его обязанностей (напр., в случае прекращения фабричного производства) фабрика могла отбираться в казну» [19], – указывает М. И. Туган-Барановский. В законе от 18 июня 1840 г. о правилах увольнения посессионных фабричных в свободное состояние и перехода посессионных фабрик в полную собственность владельца указано: «Если фабрикант... по обстоятельствам придет в невозможность или не пожелает далее продолжать фабричное производство, то... фабричные строения, земли, леса, мельницы и другие угодья, данные фабриканту от казны, отбираются от него безвозмездно; но те из сих посессий, равно машины, инструменты и проч., кои приобретены собственным иждивением фабриканта, оставляются в свободном его распоряжении...» [20] Таким образом, в задачи казенного управления промышленностью входит не только управление казенными заведениями, но также и посессионными.

Так как объектом казенного управления промышленностью являются казенные и посессионные фабрики и заводы, интересна их правовая сущность. Наличие собственных прав является важнейшим признаком юридической личности, но в законодательстве того времени не встречаются положения о принадлежности заводам прав. Сами заводы являются недвижимым имуществом, которым согласно ст. 353 указанной главы признаются «земли и всякие угодья, деревни, дома, заводы, фабрики, лавки, всякие строения и пустые дворовые места» [21]. Как и другие вещи, кроме общественной или частной собственности, заводы могли находиться и в государственной собственности. Так, согласно ст. 374 гл. 2 раздела 1 кн. 2 ч. 1 т. 10 Свода законов к государственному имуществу относятся в том числе «заводы и другие тому подобные, также и движимые имущества, к ним принадлежащие» [22].

Таким образом, завод сам юридической личностью не является, в противном случае возникла бы ситуация, когда одно юридическое лицо находится в собственности других (юридических или физических) лиц, но это, по мнению Д. И. Мейера, «явное противоречие: лицо тем и разнится от вещи, что имеет самостоятельное бытие, тогда как принадлежность в собственность поглощает личность...» [23].

Государственное управление такой недвижимостью, так же как и иным недвижимым имуществом (земли, дома, торговые лавки и т. п.), осуществлялось через чиновников, которые занимались решением вопросов хозяйственной деятельности государственного заведения. В ст. 62 отделения 1 гл. 4 раздела 2 кн. 1 ч. 3 т. 11 Свода законов такие управляющие заводами чиновни-

ки названы в числе лиц, состоящих «исключительно при казенных заведениях фабричной промышленности» [24]. Их права и обязанности в соответствии со ст. 63 указанного отделения «определяются как общими постановлениями о Государственной службе вообще, так и в особенности Уставами упомянутых заведений» [25]. Так, на заводах гражданскую службу проходили, например, казенные воспитанники горного кадетского корпуса, которые при выпуске, не будучи удостоены классного чина, согласно ст. 124 отделения 3 гл. 3 раздела 1 кн. 1 Свода законов «отсылаются на заводы с званием Унтер-Шихт-майстеров» [26]. В дальнейшем указанные лица согласно ст. 432 отделения 6 гл. 2 раздела 2 кн. 1 Свода законов могли быть произведены «в Шихт-майстеры 14 класса по удостоверению начальства» [27], то есть в классный чин по горному ведомству.

Сказанное справедливо и для заводов других отраслей, которые также управлялись штатом чиновников по соответствующему казенному ведомству. Например, А. П. Бердников, С. А. Лопина, описывая старейшее предприятие Сибири – Троицкий солеваренный завод, – указывают, что в 1837 г. «управляющий заводом и еще 9 его служащих вошли в новый штат Енисейской Казенной палаты. Управляющий заводом стал получать 1500 рублей в год. Пристав при соляных и запасных магазинах – 1 тысячу рублей. Его помощник – 500 рублей» [28]. Приставы при магазинах также являлись должностными лицами, приставлявшимися от казны для наблюдения, надзора, караула, охраны казенных магазинов. Жалованье таким чиновникам, не исключая управляющих заводов, выплачивалось за счет заводов и отражалось на себестоимости произведенной продукции. Так, согласно ст. 1901 отделения 4 гл. 1 раздела 4 кн. 4 т. 1 Свода законов «если жалованье Чиновника, иностранца и вообще мастера и художника должно располагаться в цену заводских изделий и промыслов, и, по удостоверению Директора Департамента, оно не делает изделие выше установленных цен; то, как бы сие жалованье ни было велико, Министр финансов имеет право утвердить оное» [29].

«Формально вся производственная деятельность, – указывают В. Н. Ступишин, В. И. Подлесских, – была сосредоточена в руках управляющего заводом...» [30] Из положений Свода законов о распределении функций управления казенной промышленностью между государственными органами, действительно, можно увидеть, что в компетенцию государственных учреждений и присутственных мест и, соответственно, в прямые обязанности заводских чиновников зачастую входит решение чисто производственных вопросов: внутренняя организация производства,

определение размера оплаты труда заводских служащих и мастеровых людей, развозка готовой продукции по магазинам и др. Так, первый стол отделения казенных горных заводов департамента горных и соляных дел министерства финансов согласно ст. 958 ведает вопросами «расчисления потребных для заводов сумм, снабжения их оными, увеличения или уменьшения их действия; развозки металлов и изделий... продажи металлов и изделий, и доходов от оных» [31]; второй стол «производит дела, относящиеся до усовершенствования машин и прочего устройства; ...дела по строениям заводским; ...введение перемен в горных и заводском производствах; ...положение по установлению задельной платы и жалованья» [32]. То же касается соляных и винокурных заводов. Отдельные хозяйственные функции в отношении таких заведений (усовершенствование производства, доставка произведенной продукции в товарные магазины, ее реализация и т. д.) входят в компетенцию соответственно первого стола отделения добывания солей департамента горных и соляных дел и пятого отделения казенных винокурных заводов департамента разных податей и сборов министерства финансов. Для хозяйственного управления казенными и посессионными заведениями, например, организации производства, развозки готовой продукции, на местах существуют казенные палаты министерства финансов.

Министерство финансов является основным органом по управлению казенной промышленностью. Недаром в частных наказах министерствам раздела четвертого книги четвертой тома первого Свода законов [33] значительное число наказов министру финансов отдано именно по этой части. В частности, согласно ст. 1896 отделения 3 гл. 1 раздела 4 кн. 4 т. 1 Свода законов министру финансов по управлению винокурных заводов поручено «производить все устройства по винокурным заводам, уничтожать невыгодные из оных, возобновлять прежние и учреждать новые, где они могут быть нужны и полезны» [34]. Также по управлению казенных горных заводов министру финансов ст. 1906 отделения 4 указанной главы предписано исходить из того, чтобы горные заводы «содействовали и поощряли частную промышленность, а не были ей преградой» [35]; при этом согласно ст. 1907 «казенные заводы должны быть постепенно доводимы до того, чтобы доходы их по крайней мере равнялись тем, кои можно было получить от капитала и людей, на них употребленных, когда бы капитал сей и люди обращены были на другое полезное употребление» [36].

Иные государственные органы также не были освобождены от функции управления казенной промышленностью. Кроме министерства финансов, казенные фабрики и заводы состояли в ве-

домстве и других государственных установлений. Так, согласно ст. 9 гл. 2 раздела 1 кн. 1 ч. 3 т. 11 Свода законов «казенные заводы, фабрики и мануфактуры состоят в ведении того Министерства, которому они подчинены, на основании своего Устава или особого Высочайшего повеления» [37]. В примечании к указанной статье приводятся примеры таких министерств: «некоторые из сих заведений состоят в ведомстве Министерства Императорского Двора, другие Министерства Военного, Морского, Внутренних дел... и т. д.» [38]

На местах, кроме казенных палат, отдельные функции управления промышленностью, в т. ч. посессионными заведениями, принадлежат губернскому начальству, городской и земской полиции. Так, согласно ст. 14 гл. 2 раздела 1 кн. 1 ч. 3 т. 11 Свода законов «местное губернское начальство при содействии Городских и земских полиций по части мануфактур, фабрик и заводов имеет в своем ведомстве следующие предметы: ...2) Наблюдение за переходом посессионных фабрик от одного содержателя к другому, за неразделимостью оных и представление Министру финансов о разрешении продажи таковых заведений» [39].

В заключение к настоящей статье отметим, что организация государственного управления промышленностью в исследуемый период существенно отличается от современных подходов к организации управления государственными предприятиями, изменилось правовое положение самих предприятий. Современное законодательство допускает регистрацию предприятия вместе с движимым имуществом и нематериальными активами в качестве одной недвижимой вещи – предприятия как имущественного комплекса, права собственности на которую принадлежат государству. Несмотря на это гораздо чаще современное государственное предприятие выступает просто в качестве юридического лица и не зарегистрировано как объект недвижимости. Как правило, современное государственное предприятие есть субъект ограниченного вещного права на государственное имущество, при этом собственником имущества государственного предприятия и его учредителем является государство, которое, однако, не является собственником самого предприятия. Последнее имеет собственную юридическую личность и может со своим учредителем-государством заключать хозяйственные сделки и спорить в суде. Изменилась и роль органов государственного управления в отношении государственных предприятий. Если в исследуемый период управляющим казенной палаты, то в настоящее время директором предприятия, как правило, является нанятое государством по трудовому договору лицо, не замещающее должностей государственной службы.

Примечания

1. Свод уставов государственного благоустройства. Т. XI. Ч. 3. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. С. 831.
2. Там же. С. 833.
3. Там же.
4. Кулишер И. М. История русской торговли и промышленности / сост. А. В. Куряев. Челябинск: Социум, 2003. С. 532.
5. Там же.
6. Нисселович А. Н. История заводско-фабричного законодательства Российской Империи. Ч. 1. СПб.: Скоропечатная Георга Дюнтца, 1883. С. 16.
7. Там же. С. 146.
8. Там же. С. 17.
9. Там же. С. 18.
10. Кулишер И. М. Указ. соч. С. 532.
11. Там же.
12. Нисселович А. Н. Указ. соч. С. 18.
13. Там же.
14. Свод уставов государственного благоустройства. Т. XI. Ч. 3. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. С. 832.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же. С. 840.
18. Там же. С. 842.
19. Туган-Барановский М. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономическое исследование. Т. I. Историческое развитие фабрики в XIX веке. 2-е изд., доп. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1900. С. 115.
20. Там же. С. 131.
21. Свод законов Российской Империи. Законы гражданские и межевые. Т. X. Ч. 1, 2. Изд. 1842 г. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1942. С. 62.
22. Там же. С. 66.
23. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. По испр. и доп. 8-му изд., 1902. Изд. 3-е, испр. М.: Статут, 2003. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/45/page_17.html (дата обращения: 28.12.2012).
24. Свод уставов государственного благоустройства. Т. XI. Ч. 3. Постановления о фабричной, заводской и ремесленной промышленности. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. С. 855.
25. Там же.
26. Свод учреждений государственных и губернских. Т. III. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. С. 29.
27. Там же. С. 100.
28. Бердников А. П., Лонина С. А. От денежной кладовой до Министерства финансов: очерки истории административно-хозяйственного управления Енисейской губернии Красноярского края (1822–2009). Ч. 1. Столетний путь Енисейской Казенной палаты. Красноярск: М-во финансов Краснояр. края, 2009. URL: <http://lib.rus.ec/b/245800/read> (дата обращения: 15.01.2013).
29. Свод учреждений государственных и губернских. Т. I. Ч. I. Основные Законы и Учреждения Государственные. СПб.: Тип. II Отделения Собственной

Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. С. 463–464.

30. Ступишин В. Н., Подлеских В. И. Воткинские были: исторические очерки 1759–1959 / науч. ред. А. А. Александров. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. URL: <http://www.azinlib.ru/kraev/raritet/votbili/glava.php>.

31. Свод учреждений государственных и губернских. Т. I. Ч. I. Основные Законы и Учреждения Государственные. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. С. 249.

32. Там же.

33. Там же. С. 449.

34. Там же. С. 462.

35. Там же. С. 464.

36. Там же.

37. Свод уставов государственного благоустройства. Т. XI. Ч. 3. Постановления о фабричной, заводской и ремесленной промышленности. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1833. С. 833.

38. Там же.

39. Там же. С. 833–834.

УДК 340

О. Н. Бармина

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ В ПРАВЕ. КАК ОБЕСПЕЧИТЬ ДОБРОСОВЕСТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРАВ?

Основная идея статьи в том, чтобы доказать общеправовое значение категории «злоупотребления правом». С позиции исследования автор пришел к выводу о том, что выработка средств борьбы со злоупотреблением правом возможна через структурирование обеспечительных мер «добросовестности в правовом поведении».

The main idea is to prove the value of the general legal category of “the abusing of the law”. The author comes to the conclusion that the development of measures to combat of the abusing of the law possible through the structuring of interim measures its antipode – “fair use the rights”.

Ключевые слова: злоупотребление правом, добросовестность, разумность, рациональность, осмотрительность, заботливость.

Keywords: abusing of the law, intelligence, rationality, prudence, diligence.

Как известно, законодатель запрещает злоупотребление гражданским правом [1], трудовыми правами работника [2], родительскими правами в семейном праве [3], процессуальными правами в арбитражном процессе [4] и других отраслях права, а также некоторых правовых институтах [5]. Широко применяется указанный запрет в отношении властных функций [6], полномочий

© Бармина О. Н., 2013

[7], доверия [8] и свободы массовой информации [9]. Согласно положениям Конституции Российской Федерации «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [10]. Именно указанное правило рассматривают ученые как межотраслевой принцип недопустимости злоупотребления правом [11].

Вместе с тем не следует упускать из виду иные положения Конституции РФ. В частности, например, Конституцией РФ не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ч. 2 ст. 34); владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не нарушает прав и законных интересов иных лиц (ч. 2 ст. 36). Потому как общеправовое правило о том, что осуществление прав и свобод граждан должно соответствовать не только закону, но и требованию по соблюдению пределов осуществления прав и свобод каждого как провозглашенной государством обязанности по разумному, добросовестному, надлежащему осуществлению права, свободы и полномочия, следует рассматривать с учетом указанной совокупности статей Конституции РФ.

В международных источниках тоже содержится норма, напрямую запрещающая злоупотребление правом. В частности, в ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [12] под запрещением злоупотреблений понимается следующее правило: «Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции».

В связи с этим в целях реализации недопустимости злоупотребления правом как закрепленного на конституционном и международном уровне правового положения законодатель запрещает недобросовестные действия, способные повлечь причинение вреда или нарушить чей-то законный интерес.

В частности, Конституционный суд неоднократно подчеркивал, что установленный в ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации запрет злоупотребления правом в любых формах прямо направлен на реализацию принципа, закрепленного в ст. 17 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, и не может рассматриваться как нарушающий какие-либо конституционные права и свободы (Определение от 18 января 2011 года № 8-О-П и др.) [13].

По этой причине запрет злоупотребления правом приобретает общеправовое значение и предполагает недопустимость недобросовестного осуществления любыми правами, свободами, полномочиями. Об этом также постоянно упоминается Конституционным судом Российской Федерации. Так, например, по одному из дел суд указал, что «в силу общеправового принципа недопустимости злоупотребления правом неприкосновенность не может служить основанием освобождения от ответственности за публичные оскорбления, клевету и другие подобные им несовместимые с предназначением данного института и со статусом депутата правонарушающие деяния, предусматриваемые федеральным законом» [14].

То, что некоторые авторы считают учение о злоупотреблении субъективным правом «сугубо цивилистическим» [15], нельзя назвать убедительным. «Вопрос о правовой природе злоупотребления правом потому не стоит так остро в науке уголовного права по отношению к составам преступлений, где употребляется этот термин, – продолжает мысль О. А. Поротикова, – поскольку никому не придет в голову однозначно называть эти деяния преступлением и спорить о том, являются они правонарушением или нет. Это лишний раз подтверждает, что мы имеем дело лишь с одинаковыми терминами, но различными явлениями в частном и публичном праве» [16] всё равно не позволяет согласиться с мнением указанного автора. То, что сам по себе термин «злоупотребление правом» по-разному трактуется в уголовном и гражданском праве, не дает оснований считать его неприменимым к нормам публичного права. Например, арбитражный процесс, будучи той же отраслью публичного права, широко применяет указанную категорию. Непредставление или несвоевременное представление доказательств по неуважительным причинам, направленное на затягивание процесса, может расцениваться арбитражным судом как злоупотребление процессуальными правами. При наличии таких обстоятельств суд вправе в соответствии с ч. 2 ст. 111 АПК РФ отнести все или часть судебных расходов, независимо от результатов рассмотрения дела, на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами [17].

Мнение о том, что «внешне похожий состав нормы ст. 285 УК РФ не тождественен правилу ст. 10 ГК РФ», также не может свидетельствовать о том, что категория «злоупотребление правом» не является общеправовой. Скорее, наоборот. Сам по себе факт наличия различий в признаках понятий «злоупотребление правом» и «злоупотребление полномочиями» между отраслями права является скорее обычным правовым явлением, чем может подтверждать вывод о том, что учение о злоупотреблении правом является

исключительно цивилистическим. Любое правовое явление в зависимости от конкретных отраслей права имеет такие характеристики, которые связывают его с ней *argiōi*. Так, например, ответственность как юридическая категория может охватывать отрасли уголовного, гражданского, семейного права и многих других. В то же время между уголовной и гражданской ответственностью нельзя поставить знак равенства. То же следует и при сравнении понятий «злоупотребление правом» в различных отраслях права (злоупотребление гражданским правом, родительскими правами, злоупотребление процессуальными правами), являющихся ничем иным как воплощением конституционно-правового принципа недопустимости злоупотребления любым правом и свободами каждого. В этом смысле учение о злоупотреблении правом имеет общеправовой характер, начало которому положила в нашей стране Конституция как вместившая в себя удачный правовой опыт зарубежных стран [18] и достижения международного права [19].

Следуя вышеуказанному правилу о том, что злоупотребление правом – общеправовая категория, при реализации в которой правовые средства используются путем обхода закона, в противоречии с принципом добросовестности, с целью причинить вред и др., стоит отметить, что только обеспечение добросовестного использования прав и свобод как направление, по сути, поведение. По этой причине право должно освещаться с трех позиций: регулирования, охраны и обеспечения добросовестного использования прав, поскольку одним лишь обеспечением законности невозможно достичь желаемого правопорядка и культуры.

Однако содержание понятия «добросовестное использование прав» не сформулировано ни в Конституции РФ, ни в других российских законах. Между тем причина этого кроется не в недоработке законодателя, а в невозможности выработать универсальное для всех случаев жизни определение добросовестности, подобно тому как невозможно выработать определение справедливости: у каждого субъекта правоотношений своя справедливость, удобная только ему.

Поэтому определение понятия «добросовестности» возможно выработать лишь на теоретическом уровне, приводя в систему фрагменты законов, содержащие элементы данного феномена.

Например, в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусмотрено, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (п. 1 ст. 1 ч. 1 ГК РФ) и их добросовестность предполагается (п. 5 ст. 10 ч. 1 ГК РФ); в Трудовом

кодексе Российской Федерации (далее также – ТК РФ) говорится, что работник обязан добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, возложенные на него трудовым договором (ст. 21 ТК РФ), а работодатель поощряет работников, добросовестно исполняющих трудовые обязанности (ст. 191 ТК РФ); Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) требует, чтобы при осуществлении членами семьи своих прав они не нарушали права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных граждан (ч. 1 ст. 7 СК РФ), а супруги строили свои отношения в семье на основе взаимного уважения и взаимопомощи, содействовали благополучию и укреплению семьи, заботились о благосостоянии и развитии своих детей (ч. 3 ст. 31 СК РФ); Арбитражно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) также выставляет требование к лицам, участвующим в деле, по добросовестному пользованию всеми принадлежащими правами (ч. 2 ст. 41 АПК РФ) и т. д.

Данные положения отражают суть, «диспозицию» понятия «добросовестности» в российском праве. Однако подобно тому как невозможно понять свет, не увидев тьмы, эту «диспозицию» добросовестности невозможно понять без изучения обеспечительных правовых мер по реализации данной диспозиции.

С позиции исследования обеспечительных мер удалось получить представление о том, что понятие «добросовестное использование своих прав и свобод» (далее – «добросовестность») имеет определенную структуру, включающую нижеперечисленное.

1. Добросовестность, выражающаяся в соблюдении законности, предполагающей совокупность трех признаков:

а) точность соблюдения правовых предписаний. Например, нарушение требуемой простой письменной формы сделки (т. е. частичное неисполнение закона (п. 1 ст. 161 ч. 1 ГК РФ) влечет за собой ответственность за такое пренебрежительное отношение к закону в виде лишения права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания (п. 1 ст. 162 ч. 1 ГК);

б) всеобщность такого соблюдения, выражающаяся в недопустимости отступления от законности по мотивам особого авторитета человека, если на это нет указания в законе. Например, не уменьшает имущественной ответственности Героя России, автомобилем которого был поврежден государственный объект, поскольку суд может уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином, лишь с учетом его имущественного положения (а не высоких наград и званий), за исключением случаев, когда вред причи-

нен действиями, совершенными умышленно (п. 3 ст. 1083 ч. 2 ГК РФ);

в) единообразное соблюдение закона, соблюдение которого обеспечивается деятельностью прокурорского и судебного надзора. В частности, единообразным правилом является положение о том, что товары, услуги и финансовые средства свободно перемещаются на всей территории России и ограничения перемещения могут вводиться только в соответствии с федеральным законом, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей (п. 5 ст. 1 ч. 1 ГК РФ).

2. Добросовестность, выражающаяся в разумности, заботливости и осмотрительности. Например, лицо, совершившее нарушение обязательств, признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства (п. 1 ст. 401 ч. 1 ГК РФ).

В некоторых случаях разновидностью добросовестности является рациональное использование объекта. Например, земельный участок может быть изъят у собственника, если использование участка осуществляется с грубым нарушением правил рационального использования земли, установленных земельным законодательством, в частности, если участок используется не в соответствии с его целевым назначением или его использование приводит к существенному снижению плодородия сельскохозяйственных земель либо значительному ухудшению экологической обстановки (ст. 285 ч. 1 ГК РФ).

Если добросовестность, реализуемая через соблюдение законности, имеет четкую подструктуру, поскольку детально регламентирована действующим российским законодательством, то добросовестность, реализуемая через разумное, рациональное и т. д. поведение, страдает неопределенностью и находится на стыке правовых наук с неправовыми науками. Например, для рационального использования земельного участка необходимо иметь представления, выработанные аграрными, почвоведческими и другими науками или в отношениях между юридическими лицами могут потребоваться знания технических и экономических наук применительно к обстоятельствам выяснения неспособности разумного ведения дел одним из его участников (п. 2 ст. 72 ч. 1 ГК РФ).

Анализ судебно-арбитражной практики по указанному вопросу показывает, что судебные споры идут в основном в направлении определения грани между понятиями добросовестности и недобросовестности субъектов правоотношений.

В частности, общим требованием к поведению участников гражданского оборота являются добросовестность и разумность их действий; нера-

зумное и недобросовестное поведение приравнивается Гражданским кодексом к злоупотреблению правом, что влечет отказ в защите права [20]; лицо, от которого требуются разумность или добросовестность при осуществлении права, признается действующим разумно и добросовестно, пока не доказано обратное. Бремя доказывания лежит на лице, утверждающем, что управомоченный употребил свое право исключительно «во зло» другому лицу [21].

Однако это не означает, что суд сам не может квалифицировать поведение одной из сторон как злоупотребление правом. Напротив, с учетом императивного положения закона о недопустимости злоупотребления правом возможность квалификации судом действий лица как злоупотребление правом не зависит от того, ссылались ли другая сторона спора на злоупотребление правом противной стороной. Суд по своей инициативе отказывает в защите права злоупотребляющему лицу, что прямо следует и из содержания п. 2 ст. 10 ГК РФ [22] или применяет иные последствия.

Таким образом, подводя итог, отметим, что в Конституции РФ запрограммирована идея об общеправовом значении категории «злоупотребление правом» и потребность в законодательном обеспечении добросовестности в правовой деятельности как провозглашенной государством обязанности по недопустимости осуществления прав и свобод одних лиц во вред или с нарушением интересов других лиц. С позиции исследования удалось получить представление о том, что добросовестность в правовом поведении должна обеспечиваться через а) законность и б) разумность, осмотрительность, рациональность и т. д.

Примечания

1. Статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 08 дек. с изменениями, внесенными Федеральным законом от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Первоначальный текст документа опубликован в Собрании законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

2. Так, после принятия Трудового кодекса Российской Федерации запрет злоупотребления правом распространился и на трудовые отношения. В частности, появилось постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (ред. от 28.09.2010). (Первоначальный текст документа опубликован в Российской газете. 2006. 31 дек.).

3. Статья 56 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 12.11.2012) // Первоначальный текст документа опубликован в Российской газете. 1996. 27 янв.

4. Часть 2 статьи 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002

№ 95-ФЗ (ред. от 30.12.2012) // Первоначальный текст документа опубликован в Собрании законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

5. Например, постановление пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51 «О рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9. В частности, в нем указано, что в случаях, когда при рассмотрении дела о банкротстве будут установлены признаки преднамеренного или фиктивного банкротства либо иные обстоятельства, свидетельствующие о злоупотреблении должником своими правами и ином заведомо недобросовестном поведении в ущерб кредиторам, суд вправе в определении о завершении конкурсного производства указать на неприменение в отношении данного должника правила об освобождении от исполнения обязательств (статья 10 ГК РФ).

6. Статья 52 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Парламентская газета. 2009. 23–29 янв.; статья 6 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 08.12.2011) «О Федеральной службе безопасности» // Первоначальный текст документа опубликован в Российской газете. 1995. 12 апр.

7. Статьи 201, 202 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Первоначальный текст документа опубликован в Российской газете. 1996. 18 июня; 1996. 19 июня; 1996. 20 июня; 1996. 25 июня.

8. Статьи 159 и 165 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.03.2013) // Первоначальный текст документа опубликован в Российской газете. 1996. 18 июня; 1996. 19 июня; 1996. 20 июня; 1996. 25 июня; статья 7.27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.02.2013) // Первоначальный текст документа опубликован в Российской газете. 2001. 31 дек.

9. Статья 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.02.2013) // Первоначальный текст документа опубликован в Российской газете. 2001. 31 дек.

10. Статья 17 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Парламентская газета. 2009. 23–29 янв.

11. *Зайцева С. Г.* «Злоупотребление правом» как правовая категория (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2003. С. 10.

12. Конвенция заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписана в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписана в г. Страсбурге 16.09.1963) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

13. Определение Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 807-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Михалала Валерия Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями пунктов 1 и 2 статьи 10 и пунктом 4

статьи 1252 Гражданского кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.04.2002 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статей 13 и 14 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. П. Быкова, а также запросами Верховного Суда Российской Федерации и Законодательного Собрания Красноярского края» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 5.

15. *Поротикова О. А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. М.: ВолтерсКлувер, 2007. С. 66.

16. Там же.

17. Постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 20.12.2006 № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2007. № 4.

18. Например, весьма ценный опыт представляет собой Декларация прав человека и гражданина 1789 г., принятая во Франции, статья 4 которой устанавливала, что «свобода состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому. Таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами. Пределы эти могут быть определены только законом» (Конституции зарубежных государств. М., 2000. С. 135).

19. Например, бесценна статья 29 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе (Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.).

20. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 04.02.2010 по делу № А38-3295/2007: исковое требование о признании недействительным дополнительно соглашения к договору аренды недвижимого имущества удовлетворено, поскольку в соответствии с данным соглашением арендодатель предоставляет арендатору полномочия на пользование арендуемым имуществом, не получая взамен встречного равноценного обеспечения своих интересов, что не отвечает требованиям разумности и добросовестности, а следовательно, действия арендатора являются злоупотреблением правом. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 09.11.2012 по делу № А41-27080/12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Пункт 3 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2009. № 2.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-1/-19

А. Г. Маслова

ЖАНРОВАЯ СИСТЕМА РУССКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА 1760-х гг.: ПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

В статье исследуется поэтика хронотопа ведущих жанров русского классицизма: торжественной оды, переложений псалмов, философских посланий, пасторали, любовной поэзии, анакреонтических стихов. Анализ художественного хронотопа поэтических произведений, опубликованных в «Полезном увеселении» (1760–1762) и «Свободных часах» (1763), позволяет создать целостное описание поэтики художественного времени и пространства жанровой системы русского классицизма и выявить новые тенденции, ведущие русскую поэзию к качественным изменениям.

The article explores poetics of chronotop of Russian classicism the leading genres: solemn ode, arrangement of Psalms, philosophical message, pasturale, love poetry, anacreontic poems. Analysis of artistic chronotop of the poetical works of magazines «Useful Entertainment» (1760–1762) and «Free Hours» (1763) allows to create a complete description on artistic space and time of Russian classicism genre system and to identify new trends, which leading of Russian poetry to qualitative changes.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в., система жанров, художественное время, художественное пространство.

Keywords: XVIII century Russian poetry, system of genres, artistic time, artistic space.

1760-е гг. – период господства классицистического мировосприятия в художественном сознании и классицистического метода изображения действительности в литературе, это период, когда художники слова ориентировались в своем творчестве на поэтические достижения признанных русских классицистов: М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова. В то же время это период подготовки качественных изменений в мировосприятии, смены художественных установок. Ведущая идея классицизма, направленная на упорядочение внешней реальности, которая представлена в первую очередь государством, постепенно сменяется идеей достижения внутренней гармонии, самопознания и самосовершенствования. Первые шаги на пути к этим изменениям можно наблюдать в творчестве поэтов, публиковавших

ся в литературных журналах М. М. Хераскова, издававшихся при Московском университете: «Полезное увеселение» (1760–1762) и «Свободные часы» (1763).

В журналах М. М. Хераскова представлены самые различные жанры, получившие развитие в русской поэзии середины XVIII в.: торжественные оды, духовно-религиозные оды и произведения других жанров духовно-религиозного содержания (переложения псалмов, сонеты, молитвы), философская поэзия, функционирующая в различных жанрах (стансы, рондо, сонеты, философские оды, стихи «на суету», размышления), дружеские послания, стихотворные письма и эпистолы, пасторальные произведения (идиллии, эклоги), любовная поэзия, также отличающаяся широким спектром жанров (элегии, сонеты, стансы, песни, анакреонтические стихи). Немалое место отводилось сатирическим жанрам и произведениям дидактического характера: басням, притчам, эпиграммам, сказкам. Присутствовали в журнале и стихотворные загадки, эпитафии, переводы из античных и европейских авторов, поэтические произведения в жанре «превращения» и «снов». Таким образом, спектр поэтических текстов, представленных в журналах, свидетельствует о разнообразии русской поэзии конца елизаветинской эпохи и формировании определенных традиций не только в жанре торжественной панегирической и духовной лирики, но и в других лирических жанрах.

Анализ художественного хронотопа поэтических произведений, опубликованных в «Полезном увеселении» и «Свободных часах», позволяет создать целостное описание поэтики художественного времени и пространства жанровой системы русского классицизма и выявить новые тенденции, ведущие русскую поэзию к качественным изменениям.

В соответствии с классицистической иерархией жанров в русской поэзии в первую очередь выделяются торжественные и духовные оды.

Хронотоп хвалебного панегирика в честь царствующей особы, согласно установившемуся в русской пиндарической оде канону, организуется следующим образом: идеальное настоящее, наступившее благодаря действиям царствующего монарха, существует непрерывно, оно может лишь совершенствоваться, расширяя свое влияние в горизонтальной плоскости (отсюда яркие

панорамные картины бескрайних российских просторов в одах Ломоносова и его последователей и обязательные географические и этнографические перечисления, показывающие настоящее и будущее блаженство космически масштабного мира). Мрачное прошлое, в котором царил некий пространственный хаос, благодаря космогоническим по сути действиям монарха-демиурга, сменилось прекрасным настоящим, которое не подвержено воздействию времени. Мотив преобразования пространства – один из наиболее часто повторяющихся мотивов панегириков в честь монархов. Важнейшим свойством одического хронотопа является идея преодоления времени. Утверждая мысль о непрерывности установившегося с приходом нового монарха «счастья россов», одические поэты XVIII в. используют мифологическую циклическую концепцию времени, фиксирующую идею повторения, а следовательно и неизменности: каждый новый монарх – продолжатель дела Строителя Новой России Петра I, и залогом будущего процветания державы является рождение новых потомков Петра и их преемственность на российском престоле. О формировании и функционировании в одах топоса исторической преемственности монархов на российском престоле подробно пишет в своей монографии «Поэты и история» А. В. Петров [1]. Для достижения наибольшего эффекта при изображении идеального правления, ода органически вбирает в себя хронотоп идиаллии, и общим местом торжественных од становится изображение «золотого века». Описание функционирования данной мифологемы в русской оде посвящено немало исследовательских источников, среди которых можно выделить работы В. М. Живова [2], Н. Д. Кочетковой [3], Т. Е. Абрамзон [4]. Авторское положение относительно описываемого мира – «мысленное видение» с точки зрения некоего абстрактного «фокуса истины», достичь которого возможно только в состоянии «парения», или одического восторга. Это состояние, как показывает Н. Ю. Алексеева, организует пиндарическую оду, являясь ее внутренней формой [5]. В этом состоянии поэт видит «умными очами», «мысленным взором» не доступное простому глазу. Возносясь духом в поднебесье, он парит и смотрит на все с идеальной высоты, оказываясь таким образом не просто над пространством и временем, но вне пространства и времени. Это позволяет увидеть мир в его настоящем, прошлом и будущем, во всей его огромности и беспредельности.

Жанр торжественной оды не был популярен в среде поэтов, объединившихся вокруг М. М. Хераскова, однако если в 1760–1761 гг. одические тексты панегирического характера представлены в «Полезном увеселении» единичными экзем-

плярами, то в 1762–1763 гг. они все чаще появляются на страницах журналов. Обращаясь к жанру похвальной оды, поэты, печатающиеся в журналах М. Хераскова, следуют традиционной государственной идеологии, ориентируясь на сложившийся в ломоносовских одах хронотоп, и используют устоявшиеся в русской оде пространственно-временные топосы. Топос «золотого века» присутствует в одах, говорится о распространении златых времен в Российском государстве, процветающем под властью действующего монарха: «*О! добродетель, Божье свойство, / Ты век златой, ты всех спокойство, / С Елисаветой ты живешь*», – пишет А. А. Ржевский в «Оде Ея Величеству Елисавете Петровне» [6]. Воцарение Петра III, пожаловавшего вольность российским дворянам, является поводом для ликования в другой оде А. А. Ржевского, посвященной новому императору Петру Федоровичу, где также говорится об установлении золотого века в современной России.

Не меньшее восхищение наступившим золотым веком, распространившимся на необъятных российских просторах, звучит в произведениях, посвященных Екатерине II. М. М. Херасков в «Оде на день тезоименитства Екатерины II» восклицает: «*Едемскому подобна саду, / Россия в наши дни цветет: / Всеобщую сердец отраду / Мой стих усердно воспевает; / Простри свои, О! Муза! взоры / На стети, на леса, на горы, / Где седьмь морей вокруг ребут: / Воззри на оные пределы, / Там грады, алтари и селы / В любезной тишине цветут*» [7].

В то же время поэты, осознающие недостижимость высоты ломоносовского «парения» в одах, трансформируют эту особенность одического хронотопа. Н. Ю. Алексеева отмечает, что «полет» М. М. Хераскова в одах «невысокий»: «прямого описания восторжения в одах Хераскова нет, его заменяют обращения к лире <...> Точно осознанная мера возможной для себя высоты и не менее точное чувство взятой высоты делают оды Хераскова соразмерными, а все представленное в них правдоподобным» [8]. Подобные же обращения к лире заменяют одический восторг у И. Богдановича в оде «На день восшествия на всероссийский престол Петра Федоровича»: «*Российского Парнаса лира, / Возвись усерднейший свой глас, / Гласи в концы пространна мира, / Гласи блаженный день и час...*» [9]

Посвящая одну из своих од памяти Елисаветы Петровны, А. Нарышкин трансформирует одический канон. Тема смерти вынуждает автора ввести в оду печальные мотивы, и ода смешивается с более приспособленным для выражения подобных настроений жанром элегии: «*Что слышу? Доля непременно! / О слух! Уж нет Ея, уж нет, / Россия Матери лишена! / Скончалась...*

кто? Елисавет. / Всеобща на земли судьбина! / Необходимая кончина / Полезнейший пресекала век. / Что смертной в жизни не желает, / Все промысл инак превращает. / О бренность в свете человек!» [10] Сентенции по поводу обреченности человеческой жизни, являющиеся одной из наиболее часто встречающихся тем в журналах М. М. Хераскова, проникают даже в оду, разрушая ее каноническую целостность.

Ощущая ограниченность возможностей одического жанра, требующего от автора обязательного состояния «парения» и восторга, М. М. Херасков обращается к другим жанрам для выражения похвал царствующим особам, например, к жанру эпистолы, причем в этом жанре он использует устоявшиеся в оде приемы, направленные на овладение пространством и временем. Так, в эпистоле, посвященной коронованию Екатерины, присутствует топос исторической преемственности, позволяющий увидеть в Екатерине предыдущих правителей, Петра I и Елизавету: «Возрадуется дух, гласим: Екатерина / С Петром советует; но зрим, что Ты едина, / Едина, но петров в себе имея дух, / Его примерами пленяет Росссов слух»; «Елизавету нам Себе являешь Ты. / Сердца, в Петре отца, в Ней Матери лишены, / Тобой утешены, тобою восхищены» [11]. Россия с приходом нового монарха воскресает после тьмы, и в эпистоле рисуются картины распространявшегося по всему российскому пространству блаженства: «Тобой прославлены крестимся, видим свет, / Блаженства нашего конца и краю нет!» [12] Другая эпистола М. М. Хераскова, посвященная рождению Павла Петровича, предвещает бесконечное счастье россиянам, живущим при Екатерине во «времена златые»: «Се плод Монархини и матери моей, / При коей времена златых счисляю дней. / Имею ныне я предчувствие сердечно, / Что будет счастье Россиян бесконечно» [13].

Жанры писем и эпистол широко представлены в журнальной поэзии начала 1760-х гг. В произведениях этих жанров авторы обращаются к темам, призванным отразить действия человеческого разума: это форма, в которой наиболее удобно излагать эстетические и философские идеи, выражать авторское видение той или иной научной или общественной проблемы. Жанры письма и эпистолы родственны друг другу и восходят к античным и апостольским посланиям. Характеризуя особенности жанровых модификаций стихотворных посланий, С. Ю. Артемова предлагает разграничивать их по следующему критерию: «Эпистола ориентирует преимущественно на общезначимую тематику и условную аудиторию <...> стихотворное письмо – это стихотворение на частную тему, понятную кругу конкретных адресатов» [14]. В. Н. Топоров, однако, утверж-

дает, что главное во всех жанрах данного типа – актуализация коммуникативного аспекта, и «в русской поэзии XVIII в. немало примеров относительно безразличного употребления обозначенных текстов этих разновидностей» [15].

В стихотворных письмах представлены поэтические размышления, адресованные другу-единомышленнику, как правило, тоже поэту, печатавшему свои произведения в том же журнале. Цель подобных обращений – желание круга единомышленников выявить истинное назначение жизни человека, не зависимое от декларируемой в официальной поэзии гражданской позиции. Сосредоточившись на круге актуальных для каждого отдельного человека, но в то же время далеких от государственных вопросов проблемах, авторы писем пытаются разрешить терзающие их сомнения, объяснить друг другу и самим себе сложнейшие вопросы человеческого бытия. В письмах может содержаться полемика с «ложными» убеждениями воображаемых идейных противников автора и адресата, что усиливает эмоциональное звучание текста.

В отличие от панегирической одической поэзии авторы стихотворных писем не ставят перед собой задачи «украсить» свой текст художественными тропами и яркими образами. Для писем не характерна стилистическая индивидуализация. Все письма написаны александрийским стихом, в редком случае используется деление на строфы, причем число строк в строфах свободно варьируется.

Говоря об особенностях хронотопа жанра посланий, писем или эпистол, следует отметить, что речь в данном случае идет о некоем абстрактном идеальном пространстве, лишенном какой-либо конкретики. Субъект, от лица которого ведется рассуждение, выступает с позиции абстрактной, надындивидуальной, выражая точку зрения, разделяемую предполагаемым адресатом-единомышленником. Диалогическая природа письма может предполагать также и наличие полемической позиции, когда субъект, обращающийся к адресату, выражает аргументы, подтверждающие неверность суждений воображаемых противников истины, утверждаемой в произведении. Категория художественного времени в жанре посланий не имеет существенного значения. Тот факт, что автор письма обращается к адресату «здесь и сейчас», не предполагает какой-либо конкретизации момента времени и окружающего пространства, это «здесь и сейчас» носит абстрактный, обобщенный характер и происходит по существу «вне времени» и «вне пространства».

Жанр стихотворного письма-послания не дает возможности раскрыть внутренние душевные сомнения и трагические противоречия человечес-

кого бытия. Для выражения этих переживаний используются иные поэтические жанры: стансы, сонеты, рондо, духовные и философские оды, и в особенности любовная поэзия.

Немалое место среди произведений, печатающихся в университетских журналах, занимают переложения псалмов, молитвы, оды, сонеты и стихотворения других жанров, разрабатывающие духовно-религиозные темы. В этих произведениях проявляется настойчивая необходимость авторов использовать различные художественные средства для выражения своих внутренних сомнений. Наиболее подходящим для этого оказался жанр переложения псалмов, который уже Ломоносовым избирался исходя из желания «как-то выразить свои чувства и мысли по поводу жизненных обстоятельств» [16], передать свое настроение в адекватной художественной форме. А. П. Сумароков, на поэзию которого ориентируются молодые поэты, дал, по мнению Г. А. Гуковского, новое направление жанру псалмов. Псалмы А. П. Сумарокова – «это лирические песни о человеке, изнемогающем под бременем жизни и ненавидящем порок <...> О своей борьбе с злодеями и тиранами, о своей верности идеям правды и добра, о славе добродетели повествует Сумароков в отвлеченных и эмоционально насыщенных образах псалмов» [17].

Из авторов университетских журналов наиболее часто к жанру псалма обращается И. Богданович. В оде из псалма «Как утомленный после бегу...» он изображает измученного страданиями человека, надеющегося на духовную поддержку Бога, но осознающего слабость своего духа: «*Почто, мой дух, в бедах слабеешь / И сердце, испускаешь стон? / Защитой Бога ты имеешь, / Твое спасенье будет он. / Душа на Бога уповает, / Но сердце, ах! ослабеваешь*» [18]. Надежда на Бога, благодарность Творцу за поддержку, уверенность в его защите, призывы покарать врагов – таковы традиционные темы религиозно-философской лирики, истоки которой содержатся в Священном писании, но переживания, становящиеся предметом лирических медитаций поэтов «Полезного увеселения» – глубоко личные, ведь ситуация духовного «общения с Богом» предполагает исповедальность, откровенное выражение личных сомнений и чувств. Главное, что составляет основу религиозного чувства для авторов журнала, – убеждение в том, что все происходящее с человеком в его земной жизни является благом, даже если человек не может понять этого.

Наряду с торжественными и духовными одами, дружескими стихотворными посланиями на страницах «Полезного увеселения» и «Свободных часов» широко представлены пасторальные жанры. Основой хронотопа пасторальных жан-

ров (идиллий, эклог, буколик) является идиллический топос, восходящий к архетипу цветущего сада-рая, Золотого века. Пастухи и пастушки безмятежно наслаждаются естественными чувствами на лоне прекрасной природы вдали от социальных бурь и потрясений. Категория времени в идиллическом топосе не является определяющей. Здесь функционирует, как правило, только суточное время. Солнце лишь ненадолго покидает небосвод, сменяясь тихой и теплой ночью, и утром вновь возвращается радовать своими лучами влюбленных героев пастушеских идиллий. Повторяемость сменяющих друг друга счастливых дней предопределяет ведущее ощущение безвременности, вечно текущего Золотого века, не имеющего никакой хронологической приуроченности.

Пасторальные жанры в чистом виде не были распространены в русской поэзии в XVIII в., они вступали в контакт с другими жанрами, трансформировались, наполнялись новыми смыслами. Как было уже замечено, характерная для пасторальных жанров мифологема «золотого века» становится одной из наиболее частотных мифологем торжественной оды. Наблюдается и обратное влияние: в идиллические жанры проникают одические элементы. Особенности функционирования пасторали в русской поэзии XVIII в. разносторонне исследованы в работе Т. В. Саськовой [19]. В поэзии 1760-х гг. выявляются такие особенности пасторальных жанров, как синтез идиллии и хвалебной оды, усиление этического элемента, сосредоточенность на внутреннем мире человека и его нравственном усовершенствовании.

Слияние идиллии с «высокими» жанрами, проявившееся уже у М. В. Ломоносова и А. П. Сумарокова, обнаруживается и на страницах «Полезного увеселения». В майском номере журнала за 1762 г. была опубликована идиллия М. М. Хераскова «На заключение мира 1762 г. апреля 29 дня». Объектом воспевания становится в идиллии установившийся после Семилетней войны мир, заключенный с Пруссией. Херасков использует одическую строфу, восхваляет монарха Петра III, и в целом данная идиллия мало чем отличается от торжественной оды.

В сентименталистской пасторальной лирике, как отмечает Т. В. Саськова, происходит демифологизация идиллического топоса. Авторы вводят в произведения конкретные детали реальной действительности, отказываясь от условных античных образов. Пасторальный топос становится основой для формирования нового в русской литературе «усадебного» топоса, что связано с характерными для сентиментализма идеями жизнестроительства: чертами идиллического пространства наделяется конкретное место жительства поэта или его друзей.

Первые шаги на пути к демифологизации идиллии можно наблюдать в журнале «Полезное увеселение», где идеализируется сельская природа конкретной усадьбы, в частности усадьбы М. М. Хераскова (стихотворения М. М. Хераскова «Приятная ночь» и «Сельская жизнь», «Станс, сочиненный 1761 года июля 19 дня по выезде из деревни г. Х...» А. А. Ржевского).

В творчестве И. Ф. Богдановича проявляются особенности рокайльного мироощущения, характеризующегося сдержанным отношением к просветительской вере в возможность кардинального преобразования нравственной природы человека. Об этом свидетельствуют произведения «Превращение пастуха в реку и происхождение болота», «Превращение Купидона в бабочку». В «Эклоге» (1761), опубликованной в «Полезном увеселении», отмечаются сдвиги в художественном времени: вместо весенне-летнего цветения поэт изображает осенне-зимнее увядание, передающее настроение пронзительного переживания утраты хрупкой красоты, прощания, расставания.

Среди поэтических текстов журналов «Полезное увеселение» и «Свободные часы» особое место занимает любовная лирика, в которой широко разрабатываются приемы соотношения внутреннего состояния лирического субъекта с внешним пространством. Идиллический топос предполагает гармонию внутреннего и внешнего пространств, что мы наблюдаем в идиллиях и эклогах. Однако в некоторых произведениях пасторальных жанров, а также в большинстве любовных произведений других жанров авторы «Полезного увеселения» сосредоточивают внимание на трагических противоречиях, связанных с любовными переживаниями. С этой целью в стихах природные законы противопоставляются человеческой жизни. Так, в «Стансах» («Судьба все превращает...») А. А. Ржевского состояние окружающего пространства противопоставлено внутреннему состоянию лирического героя, потерявшего надежду на перемены к лучшему, которые происходят повсюду в жизни человека и в природе. Если повсюду в мире «судьба все превращает», ночь сменяется утром, ненастье – солнечными днями, то влюбленное сердце никогда не перестанет мучиться, *«не может отлюбить, / Не может не вздыхать»* [20]. Субъективность в восприятии пространства особенно характерна для любовной поэзии, что видно на примере Элегии А. Ржевского «Рок все теперь свершил...»: *«О град, который я забав жилищем свал, / Ты мне противен днешь, ты мне несносен стал. / Мне мнится, здесь места приятность потеряли / И все уже в тебе забавы скучны стали»* [21].

Мотивы зависимости восприятия окружающего мира от присутствия возлюбленной звучат в «Идиллии» М. М. Хераскова «В те дни, когда со

мною моей любезной нет...», а в «Элегии» А. Ржевского «Мучительная страсть! Престань меня терзать...» день знакомства с возлюбленной, который когда-то казался счастливым, воспринимается лирическим субъектом как начало всех бед. Любовная страсть – противоречивое чувство, разрывающее сердце, что нередко приводит влюбленного человека к дисгармонии с окружающим миром и с самим собой. Нередко идиллия оборачивается своей противоположностью, что мы наблюдаем в произведениях А. А. Ржевского, опубликованных в «Свободных часах». В Идиллии «Миновались дни драгия...» лирический герой испытывает печаль и скуку среди прекрасной идиллической природы, льет «токи слез рекой», терзается в любовных муках, хотя кругом весна. Идиллия «Сообщитесь слез ручьи со быстрою рекою...» А. А. Ржевского также рисует образ тоскующего и несчастного влюбленного, разлученного с возлюбленной. Так, мы видим, что идиллия используется русскими поэтами 1760-х гг. для изображения несчастной любви и сближается по своей тематике с другим жанром, более приспособленным для описания любовной тоски, – с элегией.

Стихи об идеальных взаимоотношениях влюбленных героев на фоне естественной весенне-летней природы, произведения других жанров, призванные выражать чувства, связанные с наслаждением земными радостями, трансформируются в произведения этического характера. Стоит обратить внимание на «Стихи анакреонтические» А. Нарышкина, опубликованные в июньском номере «Полезного увеселения» за 1762 г. Анакреонтика, традиционно обращающаяся к тематике воспевания радостей частной земной жизни, трансформируется здесь в моральное поучение, проповедующее умеренность в желаниях и терпимость к чужим страстям. Для подтверждения своих идей автор рисует утопическую картину золотого века человечества, который может быть достигнут при соблюдении провозглашаемых «философией святой» жизненных принципов, а во вступлении и в финале провозглашает гимн философии умеренности. Текст очень объемный, поэтому процитируем лишь начальные строки: *«Всемогущая приятность / Философии святой, / Исправляя наше сердце, / Век дает нам золотой: / Просвещает наши мысли, / Умеряет нас в желаньи, / И природу очищая, / Предрассудки прогоняя, / Всем велит как братьям жити, / Слабости другим прощати, / И собой не возноситься...»* [22]

Так, рассмотрев некоторые наиболее широко представленные в журнальной поэзии 1760-х гг. жанры, можно сделать вывод об особенностях их пространственно-временной организации. Ведущей точкой зрения во всех жанрах остается

абстрактная позиция субъекта речи, внешняя по отношению к описываемому объекту, поэтому объект, как свойственно классицистическому взгляду, оценивается в соответствии с идеальными представлениями о свойствах человеческого бытия и мира. Исключение составляют лишь отдельные тексты, в первую очередь произведения, связанные с изображением любовного чувства, которое переживается лирическим субъектом индивидуально, «изнутри», и потому в поэтических произведениях данной тематики появляется новая для классицизма точка зрения – субъективная позиция автора. Благодаря этому уже в начале 1760-х гг., задолго до появления в русской литературе Н. М. Карамзина и Г. Р. Державина, поэты начинают обращаться к проблемам индивидуального человеческого бытия, стремятся выразить в поэзии противоречивые чувства человека, далеко не всегда подчиняющиеся разуму. Уже в этот период начинает нарушаться классицистический принцип чистоты жанра, наблюдается взаимопроникновение жанров. Поэты приспособляют сложившиеся в классицизме формы для выражения нового содержания, обращаясь не столько к государственным проблемам, сколько стремясь осмыслить жизнь человека частного, человека, вынужденного противостоять в земном мире как внешним врагам-гонителям, так и внутренним страстям.

Примечания

1. Петров А. В. Поэты и история: Очерки русской художественной историософии: XVIII век. Магнитогорск, 2010.
2. Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 439–460.
3. Кочеткова Н. Д. Тема «золотого века» в поэзии Г. Р. Державина // Г. Р. Державин и его время: сб. науч. тр. Вып. 2. СПб., 2005. С. 8–17.
4. Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин). Магнитогорск, 2006.
5. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2005. С. 190.
6. Полезное увеселение. М., 1761. Декабрь. С. 186–187.
7. Свободные часы. М., 1763. Ноябрь. С. 627.
8. Алексеева Н. Ю. Указ. соч. С. 271.
9. Полезное увеселение. М., 1762. Январь. С. 1.
10. Полезное увеселение. М., 1762. Февраль. С. 49.
11. Свободные часы. Сентябрь. С. 540–541.
12. Там же. С. 543.
13. Там же. С. 546.
14. Артемова С. Ю. Послание стихотворное // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008. С. 177.
15. Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века:

Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. М., 2003. С. 661.

16. Западов А. В. Поэты XVIII века (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин). М., 1979. С. 98.

17. Жуковский Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: в 10 т. Т. III. Литература XVIII века. Ч. I. М.; Л., 1941. С. 417.

18. Полезное увеселение. М., 1761. Сентябрь. С. 76–77.

19. Саськова Т. В. Пастораль в русской поэзии XVIII века. М., 1999. 166 с.

20. Полезное увеселение. М., 1761. Июнь. С. 207.

21. Полезное увеселение. М., 1760. Ноябрь. С. 185.

22. Полезное увеселение. М., 1762. Июнь. С. 268.

УДК 821

А. А. Сугай

АКРОВЕНКИ КАК ЖАНРОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ВЕНКА СОНЕТОВ*

В статье характеризуется такая популярная в конце XX – начале XXI в. разновидность жанра венков сонетов, как акровенки.

The author of the article tells about such genre (a popular one at the end of XX – beginning of XXI century) as akro-crown of sonnets.

Ключевые слова: венок сонетов, магистрал, акростих, канон жанра, акровенок сонетов.

Keywords: crown of sonnets, master sonnet, acrostic, canonical genre, akro-crown of sonnets.

«Если задаться целью определить самую сложную, самую изысканную и в известном смысле самую совершенную поэтическую форму, освященную многовековой традицией, – пишет О. И. Федотов, – предпочтение без долгих колебаний следует отдать венку сонетов...» [1] Но если венки сонетов наиболее сложная и изысканная поэтическая форма, то *акровенки* сонетов – это уже не *венки*, а какая-то мудреная «икебана». В акровенке сонетов не только магистрал, но каждый сонет пишется как акростих. Акрофразы могут выступать как заголовки сонетов-акростихов, могут складываться в целый текст.

Один из признанных корифеев жанра – Владимир Корман (род. 1932), автор 42 венков сонетов, шесть из которых написал в форме акро. Поэт кардинально усложнил архитектуру дан-

* Публикуется при поддержке гранта Министерства образования и науки Российской Федерации, Соглашение № 14.А18.21.2000: «Традиционные строфические формы и жанрово-строфические единства в русской поэзии XX–XXI вв.».

ных произведений, доведя почти до виртуозной головоломки. Цикл дополнен шестнадцатым четырнадцатистроичником, составленным из акрофраз 14 сонетов венка и именуемым «Акростихи» или «Акромагистрал». Этот ключ к прочтению «краестиший» 14 сонетов акровенка сам является акростихом, а его акрофраза повторяется в акрофразе магистрала, создавая тем самым еще одно кольцо-сцепление венка. Такую шестнадцатистроичную конструкцию автор называет *бимагистральным венком сонетов с акростихами*.

Акростихи, хотя оформлены под сонет (2 катрена + 2 терцета), пишутся без рифмы. Размеры акростихов разные: двустопный анапест (2), трехстопный ямб (2), разностопный ямб – трех- и четырехстопный (1), со сменой трехстопного амфибрахия на трехстопный ямб (1).

Если акростих-ключ не соответствует требованиям сонета как твердой формы ни по метрике, ни по рифмам, то рифмовка в сонетах венка в большинстве случаев классическая: $AbbA + AbbA + ccD + cDD$; $bAAb + bAAb + ccD + cDD$ (с вариациями). Что же касается стихотворного размера, то Корман использует в акровенках, как и в венках без акростихов, и традиционный пятистопный ямб, и четырехстопный ямб, и трехсложные размеры. В дискуссии, развернувшейся на сайте «Поэзия.ру», поэт отстаивал свободу в выборе ритмического рисунка венка: «Увлечение сонетными венками не может довольствоваться узкими границами. Ограничения ведут к однообразию и бесцветности. Размер строки выбирает автор. Сюжет подскажет, что лучше в конкретном случае: три, четыре, пять или шесть стоп. Результат покажет, было ли своеволие оправдано. Автор – сам себе законодатель, тем более что работает не по заказу и бескорыстно. За хранителями традиции сохраняется полное право на критику. Но охрана традиции состоит не в слепом следовании ее букве, а в развитии самой традиции и в ее обогащении. Поэтому венок не следует впихивать в рамки ямба. Он прекрасно вяжется и на хорейской основе, и на дактиле, и на амфибрахии, и на анапесте. Вольному – воля» [2].

Тематика акровенков Кормана, как и его поэтического творчества в целом, – это острые проблемы современности, вопросы политические, психологические, социально-культурные – «*Ёмкость нынешних взмученных лет*» [3], «*разгул, развал и непорядок*» [4], – говоря строками его акровенков. Взятые Корманом в качестве эпиграфа к венку сонетов «Вёрткое вихрение» слова Ювенала «*Difficile est saturam non scribere*» (Трудно не писать сатир) вполне могут служить эпиграфом ко всем акровенкам поэта, однако злободневная тематика – это только первый содержательный слой сложной структуры акровенков поэта.

Если в большинстве акровенков современных авторов наблюдается тематическое дублирование сонетов и фраз, составленных из первых букв их строк, нередко выступающих и как «краестишие», и как заглавие сонета, то у Кормана акростихи и собственно венки сосуществуют как сопряженные, но самостоятельные произведения. Акрофраза порой противопоставлена содержанию сонета. Акростихи – это тайный код, своего рода «подводное течение» венка сонетов, лирическая тема, не раскрытая в строках самого произведения. Стержень, на который «накручиваются» венки сонетов Кормана, – это «*насмешка против пошлого, / над тупостью зануд*» [5], а пафос его произведений – утверждение великой силы искусства, словотворчества, поэтического мастерства. Автор-герой сонетных венков Кормана – злой сатирик – раскрывается в акростроках (вне текста сонетов) как тонкий и ранимый лирик. Сонеты на злобу дня, про то, как «*Губители Отечества / измаялись, ярясь*», «*анархия и мразь / бытуют в новом времени*» [6] и пр., в «краестиших», в тайном письме, говорят о высоком назначении и призвании художника. Тема творчества, поэзии восстает против нелепицы текущих дней, вечное отрицает сиюминутное: «*Неустанно твори, / и останется след. / Доходи до вершин. / Не крути вензеля*» [7].

В акровенках Кормана лирический герой выступает под маской шута-скомороха. Образ его первоначально появляется в акростихах венка сонетов «В зеркале вод опрокинутый храм». Акростихи, казалось бы, никак не связаны с тематикой венка, повествующего о том, как «*Изумлённое зеркало вод*» отражает «*Сбережённые богом края*», которые «*то и дело уродуют встряски*», «*Вакханалия лжи и корысти*», «*луноглазые толпы ворья...*» [8]. Картина мира «кривится» не потому, что преломляется в лоне вод, – это чистая вода, природа, изумляются не только теряющему свой образ нашему краю, но и всей планете: «*встрёпанный шар / ест кошмарные блюда – по Кафке*». И все же тема кривого зазеркалья, утраты духовности («*виноват ли родной водоём искривив крестоносные главки?*») получает своеобразный отклик в акростихах про скомороха с его ехидным и лукавым взглядом на окружающий мир:

Скоморох в суеде	цедит мёд-белену,
едких шуток и игр,	ударяется в трёп.
развлекая народ,	Пустозвон и вино
добряков и девиц,	ободрят не на век... [9]

Акротекст данного венка неожиданно всплывает в первом сонете венка «Цветочки да ягодки», вновь рисующего образ скоморошествовавшего шута. Участь поэта – под маской скоморо-

ха вещать горькие истины. Данный мотив сонета непосредственно пересекается с текстом акростихов данного акровенка – с призывом к неустанному творчеству.

Наиболее интересным в плане соотношения «сюжета» венка сонетов с темой его акростихов – темой стихотворства – является, на наш взгляд, последний, 42-й, венок сонетов «Царевна Лебедь». Его «бимагистральность» во многом вскрывает тайные пружины поэзии Кормана.

«Царевна Лебедь» – рассказ о поездке поэта «за бугор» (из «империи Салтана» «в страну царевича Гвидона» [10]). Здесь личностный, биографический мотив выявлен более открыто, чем в других акровенках Кормана. Лирико-сентиментальная тема полета к родившейся *царевне-внучке* сменяется сатирической картиной заморской «Гвидонии» с ее «чудесами», известными еще по Пушкину: «сбор скорлупок и камней / курирует проворный казначей»; «торжественно из моря шли герои. // Я их не видел. Храбрые вояки / застряли в развороченном Ираке...» [11] и т. д.

А вот тексты краестиший данного произведения говорят, как и акростихи других венков, о творчестве, конкретно – о сложении стихов.

Сонет как жанр отличается особым «нарциссизмом». Оды не пишутся про оды, элегии про элегии, баллады не воспевают баллады, а в мировой сонетистике сам жанр сонета, прославляющий его формы – одна из ведущих тем. Наследуют ли эту черту сонатные венки? «Венец» Ф. Прешерна в переводе Ф. Е. Корша, первый в России образец жанра, открывался сонетом, который мы вправе назвать *сонетом о венке сонетов*: «Венок певец твой новый вьет для света: / Пятнадцать в нем сонетов сплетено, / И магистрал, последнее звено, / Связует рифмы каждого сонета» (и далее) [12]. Среди моря современных венков сонетов немного можно указать примеров, в которых превалирует характеристика и самооценка этого труднейшего жанра. Две строчки Владимира Солоухина, пожалуй, исчерпывают данную тему в поэзии шестидесятых-семидесятых годов ушедшего века: «Венок сонетов – давняя мечта, / Вершина формы, строгой и чеканной» [13]. В наши дни можно назвать «Венок акросонетов» (2010) Михаила Ромма с призывами автора, обращенными, прежде всего, к себе самому: «Спешите плести венок акросонетов» и «Сыграем гимн четырнадцатистрочью!» [14]. Даже венок сонетов М. Луцкого «Подвиг Прешерна» посвящен жизни, борьбе, любви и творчеству поэта, а не жанру, его прославившему. «Венок сонетов о венке сонетов» написал только Александр Воловик, но это ироническое, пародийное произведение. Творцы как бы стесняются своего творения, иронизируют над жанром-«фокусом»: «В нём глубины искать не надо, нет! / Он, в сущ-

ности, в рифмовке упражненье. / Оно несложно, это сочиненье» [15].

Тайная «акротема» венка «Царевна Лебедь» Владимира Кормана – это тоже самоирония поэта, плетущего венки из сонетов. Непосредственно следующие друг за другом магистрал и акростих, названный в данном венке акромагистралом, – произведения как бы из разных измерений: магистрал говорит о реальном полете через океан, акромагистрал – о полете поэтическом – создании стихотворного произведения. Та и другая миниатюры сдобрены крупной порцией иронии. «Элегия и лимерик – кручения из слов» [16], – так характеризует автор свое произведение и жанр в целом. На грустное философское лирическое стихотворение – элегию, по мысли Кормана, накладывается короткое юмористическое – лимерик, жанр, основанный на обыгрывании бессмыслицы. Так, думается, трактует поэт единство венка сонетов и акростиха. Оба текста объединяет акрослово «ЭКВИЛИБРИСТИКА» – еще один показатель самоиронии творца бимагистрального акровенка. Но есть и другая связующая линия между историей путешествия в Америку и авторской рефлексией по поводу сочиняемого произведения. В последнем терцете магистрала Корман пишет: «Ищу свою из многих нотных строк. / Кочую в сказке, век она со мною...» [17]

На фоне работ мастера, виртуоза формы и создателя глубоких произведений с подлинной тайнописью, если так можно выразиться, «с двойным дном», особенно наглядно видны слабость и просчеты авторов, направляющих все свои силы на изысканность технического конструктивного решения и теряющих при этом не только в содержательном, но и в формальном плане. Погоня за изыском формы губит порой и саму форму.

В акровенке Н. Позёмкина «Дорога мира – маскарад» акрофраза магистрала «ДАНА ДОРОГА МИРА» совпадает не только с акрофразой акростихотворения, но и с акрофразой первого сонета да еще с его первой строкой [18]. Здесь уже наблюдаем несколько «витков» венка, несколько завязывающих его узлов. Но акросонеты, его составляющие, не отвечают высоким требованиям канона. Катрены написаны на 4 рифмы, порой небогатые, неточные. В отличие от Кормана, Позёмкин взялся и акростих сделать рифмованным, но удалось это не во всех случаях, и в результате получились просто плохие стихи. Стремясь преодолеть неизбежные при делении сонета на катрены и терцеты разрывы в словах акрофразы или слияние букв разных ее слов, поэт нарушает классическую строфику. Сонеты акровенка Позёмкина состоят из комбинации самых разных субстроф – от одностишия до де-

сяти строк. Строфика подчинена «краестишиям», четко разделяет составляющие их слова, но традиционный структурный образ сонета при этом разрушен.

В цикле И. Сидоренко «Акросонеты Московскому университету» также вся творческая фантазия автора ушла на создание акростиха: нет строгой последовательности рифм в сонетах, встречаются «пустые» (не рифмующиеся с другими) строки. Но главное – нарушен основной принцип жанра: сонеты не связаны цепью повторяющихся строк. Однако пятнадцатый сонет соответствует классическому магистралу: состоит из четырнадцати первых строк предшествующих сонетов, к тому же «краестишия» первого и пятнадцатого сонетов совпадают, то есть иначе, чем в канонических венках, но кольцо венка замкнулось [19].

Не связаны сонетной цепью и акросонеты анонимного автора, амбициозно озаглавленные: «Королевский акровенок сонетов: История любви» [20]. Соединены лишь магистралом, причем без акростиха и дополнительного с его помощью сцепления, и сонеты венка «Завещание», подписанного только именем автора – Константин [21].

Поэты бесконечно экспериментируют с архитектурой венков, усложняют себе задания, вызывают соперников на поэтическую дуэль, объявляют в мировой сети конкурсы на создание произведения в столь трудной «твердой» форме. Например, дается задание: написать акровенок сонетов с каламбурными и составными рифмами, взяв в качестве магистрала сонет классика – СXXXIV сонет Петрарки («Мне мира нет, и брани не поднимаю...»). Задание изначально имеет изъян: Петрака и его переводчик Вяч. Иванов (имя которого почему-то участники соревнования нигде не указывают, хотя именно его перевод сонета берут в работу) не писали акросонетов, следовательно, магистрал не будет таковым, следовательно венок уже не может считаться правильным акровенком. Каламбурные рифмы тоже не особенно вяжутся с представлением о сонете, Петрарке и венке сонетов [22].

К каким только усложнениям не прибегают современные составители и без того труднейшей формы акровенка сонетов! В 2003 г. журнал «Изыщная словесность» опубликовал акровенок сонетов Натальи Мартишиной «Санкт-Петербург». Имя родного города поэтесса использует как «краестишие» в каждом сонете венка, но ведет при этом сложную игру с перестановкой букв. В первом сонете и магистрале начальные буквы строк четко выстраиваются в название города на Неве (без дефиса): САНКТПЕТЕРБУРГ. А вот начиная со второго сонета идет последователь-

ное «перетягивание» по одной букве с конца слова в его начало: ГСАНКТПЕТЕРБУР; РГСАНКТ-ПЕТЕРБУ; УРГСАНКТПЕТЕРЬ... В десятом сонете части названия города меняются местами: ПЕТЕРБУРГСАНКТ; перестановка продолжается, пока в магистрале не восстанавливается первоначальное написание имени собственного. «Имя города в красогласии “крутится” в каждом сонете, переворачиваясь в десятом сонете и еще раз переворачиваясь в магистрале» [23], – комментирует построение венка автор. Магистрал состоит из первых строк 14 предшествующих сонетов, но опять же, начиная со второго сонета, читаемых в обратном порядке (так называемый «обратный» магистрал).

Есть и более сложные конструктивные решения. В «Книге рекордов СНГ» произведение Г. А. Смирновой (творческий псевдоним – Ким Смирланд) зарегистрировано как рекорд сразу в двух номинациях: «Единственный в своем роде канонический венок сонетов, состоящий из пятнадцати тавтограмм – из 678 разных слов» и «Самый длинный венок сонетов из тавтограмм – из 678 разных слов» [24]. Каждый сонет венка является стихотворением, в котором все слова начинаются с одной и той же буквы. Всю конструкцию держит и диктует выбор буквы для каждого сонета акростих-магистрал с акрофразой – «Узелок Смирланд» [25].

Разновидности венков и акровенков сонетов создаются на наших глазах, и, безусловно, нам еще предстоит увидеть новые плоды неисчерпаемой творческой фантазии и технико-конструктивных изысканий авторов-сонетистов.

«Венок сонета требует от поэта виртуозного формального мастерства. Но одного такого мастерства мало: дабы венок был живым, его надо наполнить глубоким, пережитым изнутри смыслом, – надо превратить движение венка от сонета к сонету в динамический процесс, в органическое развитие» [26], – пишет создатель самого большого в мире числа венков сонетов (на сегодняшний день их 603!), поэт-философ Ю. В. Линник. Каждое его произведение в этом жанре – творение высокого искусства, плод глубочайших философских раздумий, пример филигранного мастерства. При этом поэт предпочитает классическую форму сонетного венка, не прибегая к излишествам акропозтики.

При всех формальных изысках и ухищрениях, только глубокие, талантливые произведения, бережно сохраняющие традиции сонета и венка сонетов и раскрывающие новые возможности и тайны сонетотворчества, переживут своих создателей и войдут в сокровищницу мировой поэзии. И такие феномены уже появились в наши трудные, переломные, судьбоносные дни.

Примечания

1. Федотов О. И. Сонет. М., 2011. С. 468.
2. Поэзия.ру. URL: <http://www.poezia.ru/EditorColumn.php?sid=11>
3. Корман В. В зеркале вод опрокинутый храм (бимагистральный венок сонетов с акrostихами). URL: <http://kormanvm.narod.ru/sonet28.html>
4. Корман В. Пулька (бимагистральный венок сонетов с акrostихами). URL: <http://kormanvm.narod.ru/sonet30.html>
5. Корман В. Цветочки да ягодки (бимагистральный венок сонетов с акrostихами). URL: <http://kormanvm.narod.ru/sonet29.html>
6. Там же.
7. Там же.
8. Корман В. В зеркале вод опрокинутый храм.
9. Там же.
10. Корман В. Царевна Лебедь. URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=50845>
11. Там же.
12. [Преширн Ф.] Стихотворения Франца Преширна / со словен. и нем. подлинников перевел Ф. Корш. М., 1901. С. 9.
13. Солоухин В. А. Стихи. Венок сонетов. Владимир, 2009. С. 21.
14. Ромм М. Венок акросонетов. URL: http://www.45parallel.net/mikhail_romm/venok_akrosonetov/
15. Воловик А. Венок сонетов о венке сонетов. URL: <http://www.poezia.ru/article.php?sid=3563>
16. Корман В. Царевна Лебедь.
17. Там же.
18. Позёмкин Н. Дорога мира – маскарад: (акровенок сонетов). URL: <http://www.litkonkurs.com/?dr=45&tid=188328&pid=0>
19. Сидоренко И. Акросонеты Московскому университету. URL: <http://collection-poetry.blogspot.ru/p/blog-page.html>
21. Константин. Заклинание. Венок сонетов. URL: <http://domstihov.ru/proizvedenija/stihi-na-filosofskuyu-temu/zaklinanie.html>
22. См.: Курдюков С. Дмитрий Донской: Акро-венки сонетов с каламбурными и составными рифмами. URL: <http://www.stihi.ru/avtor/kurdukovsak>; *Одинокий Волк*. Храни меня, о Дева! Акро-венки сонетов № 2 с каламбурными и составными рифмами. URL: <http://www.stihi.ru/2013/04/02/1857>
23. Мартишина Н. Санкт-Петербург: Акровенок сонетов. URL: <http://www.stihi.ru/2012/05/16/11571>
24. Рекорд СНГ и Украины Ким Смирганд. URL: <http://www.kim-smirgand.com/record.php>
25. Текст акровенка с сонетами-тавтограммами удален из сети автором. В статье, посвященной Г. А. Смирновой, цитируется один из сонетов венка «Летом». См.: О Ким Смирганд – художнице и поэтессе, мастере портретов-силуэтов. URL: <http://www.kim-smirgand.com/about.php>
26. Линник Ю. В. Вступ. статья // Венки сонетов: Антология. Петрозаводск, 1993. С. 7.

Т. М. Фадеева

ОДОРИЧЕСКИЕ СЛОЖНЫЕ ЭПИТЕТЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье представлен корпус одорических сложных эпитетов русского литературного языка. Автор анализирует существующие в языке композитные единицы, номинирующие ольфакторные признаки, и предлагает вариант их классификации. Активное включение одорических сложных эпитетов в художественные тексты рассматривается как проявление ментального своеобразия языковой личности.

The article presents a case olfactory complex epithets of Russian literary language. The author analyses the existing language composite unit, endow the olfactory signs, and offers the option of classifying them. Active inclusion olfactory complex epithets in literary texts is regarded as a manifestation of the mental identity of linguistic personality.

Ключевые слова: сложный эпитет, композитная единица, запах, язык художественного произведения, перцепция.

Keywords: complex epithet, composite unit, the smell, the language of fiction, the perception.

Изобразительные возможности сложных эпитетов активно использовались писателями на протяжении всего существования русского литературного языка. Вербальная репрезентация признаков, получаемых человеком посредством органов чувств, позволяет художнику слова создавать у читателя иллюзию присутствия, «воздействовать» посредством слова на его рецепторы. Зрение, слух, тактильные ощущения транслируют информацию о фактах действительности. Значительной оказывается и роль запахов в получении исчерпывающего представления о том или ином предмете.

Одорические сложные эпитеты – это сложения, обозначающие признаки, апеллирующие к обонянию: *облак благовонный* (Г. Р. Державин), *сумрак вилл свежо-благоуханный* (П. А. Вяземский), *зловонная конура* (Ф. М. Достоевский), *прохладно-душистый ветерок* (И. С. Шмелёв), *пряно-пахучий город* (И. А. Бунин), *терфико-горький дым* (М. А. Шолохов), *благоуханье трущобно-пыльное* (Б. Л. Пастернак), *медово-сладкий дух* (Ю. М. Нагибин), *капли успокоительно-пахучие* (Л. Е. Улицкая). На основании собранной нами картотеки мы отмечаем, что одорические композиты встречаются редко в языке произведений писателей XVIII – начала XIX в.:

Толь блистающа денница,
Сладковонный тварей цвет,
Благолепная девица
Уж грядет к тебе в совет.

(В. К. Триадиакский. Снесшийся с кругов небесных...)

Как правило, в этот период запах объекта эпитетации передается клишированной композицией *благонный* или *зловонный*: *благонный фимиам* (М. В. Ломоносов), *благонны розы* (А. П. Сумароков), *маки благонны* (Г. Р. Державин), *благонный ветерок* (А. Н. Майков), *гроздь благонная* (П. А. Вяземский), *город благонный* (Н. М. Карамзин), *дым благонный* (В. А. Жуковский), *мирра благонная* (А. Н. Майков), *мирт благонный* (А. С. Пушкин), *благонный хлеб* (Ф. Н. Глинка); *фимиам зловонен* (Г. Р. Державин) и др. Первый компонент имеет несколько обобщенный характер, он лишь сигнализирует в комPOSITE о мелиоративной или пейоративной оценке запаха.

Ситуация изменяется с середины XIX в., а в XX столетии одорическая лексика активно развивается. Повышается ольфакторная ценность предметов, запахи обретают в номинациях свою индивидуальность, усиливается информированность носителей языка в этой области знаний. Как отмечает В. В. Леденева, увеличение информации воздействует на средства репрезентации фрагментов картины мира, а «язык чутко реагирует созданием новых лексических единиц, развитием семантической структуры слов, в том числе за счёт оценочных значений, формированием неоднословных номинаций, устраняющих лакуны лексико-семантической системы» [1]. Показательно, например, как значительно расширяется спектр сложных эпитетов, сопровождающих объект эпитетации *запах*:

ЗАПАХ (-И). *Банно-стоялый* (А. Г. Малышкин), *бархатисто-мягкий* (М. А. Шолохов), *вездесущие* (Д. И. Рубина), *весенне-нежный* (В. В. Вересаев), *влажно-свежий* (И. А. Бунин), *всепобеждающий* (М. А. Шолохов), *горько-дымный* (Л. Е. Улицкая), *горько-соленый* (М. А. Шолохов), *густо-сладкий* (М. А. Шолохов), *дворянски-гвардейский* (И. С. Тургенев), *детски-наивный* (Б. А. Пастернак), *душисто-горький* (Л. Н. Толстой), *елочно-пряничный* (Л. Е. Улицкая), *женственно-сладкий* (В. П. Катаев), *камфарно-травянистый* (В. В. Головачёв), *кисло-горький* (В. В. Головачёв), *кисло-сладкий* (Д. В. Григорович), *легкоперстный* (А. А. Блок), *лимонно-гвоздичный* (Д. И. Рубина), *медово-шоколадный* (О. Некрасова), *молочно-сладковатый* (Л. Е. Улицкая), *многозначительный* (Л. Н. Андреев), *невыразимо-притягательный* (Л. Е. Улицкая), *нежно-медовый* (П. С. Романов), *остро-сладофрастный* (М. П. Арцыбашев), *отвратительно-ужасный* (Л. Н. Толстой), *пресно-медовый* (Д. В. Григорович), *приторно-горький* (М. А. Шолохов), *приторно-медовый* (А. П. Чехов), *приторно-сладкий* (М. А. Шолохов), *радостный-горьковатый* (И. С. Шмелёв), *разнородные* (М. Е. Салтыков-Щедрин), *сахаристо-сырой*

(В. В. Набоков), *синевато-свинцовый* (В. П. Катаев), *сладковато-приторный* (М. А. Шолохов), *сладковато-прогорклый* (М. А. Шолохов), *старчески-едкий* (Л. Н. Толстой), *терпко-винный* (М. А. Шолохов), *уксусно-винный* (Ю. М. Нагибин) и др.

Подбор эпитета нацеливается не только на индивидуализацию аромата, но и на показ субъективной специфики восприятия данного запаха. Следует подчеркнуть, что именно запахи наиболее субъективны в восприятии: то, что приводит в восторг одного человека, может спровоцировать аллергию или приступ головной боли у другого. Ни колористические, ни вкусовые, ни хаптические единицы не вызывают такой яркой и эмоциональной реакции, отражаемой текстами, как одорические. Потому мы констатируем значительность субъективного начала в эпитетных комплексах с ольфакторной составляющей.

Существует множество классификаций запахов. Попытки систематизировать одорическую сторону окружающей действительности предпринимали и химики, и парфюмеры, однако единой, всеохватывающей классификации создать не удалось. Среди наиболее известных и популярных стоит отметить следующие: классификация Карла Линнея (пряный, благонный, амброво-мускусный, чесночный, козлийный, отталкивающий, зловонный), Альбрехта фон Галлера (приятные, неприятные и «промежуточные» запахи), Хеннинга (цветочный, фруктовый, травяной, горелый, вонючий, смолистый), Крокера-Хендерсона (приятный, кислый, горелый, каприловый) [2] и другие.

Одорические лексические единицы могут определять самые разные по происхождению запахи, сопровождающие явления и объекты природы – как дикой, так и окультуренной (*яблочко-терпкий воздух* (З. Н. Гиппиус), *травяно-душистая-ароматная* (И. С. Шмелев), *зеленовейный сад* (М. А. Шолохов); человека (*уксусно-терпкий пот* (М. А. Шолохов)); пищи и напитков (*капли успокоительно-пахучие* (Л. Е. Улицкая)); предметов быта (*спутник* (о чемодане) *благородно-пахучий* (И. А. Бунин)) и др.

Однако само слово ‘запах’ является семантически открытым для конкретизации его характера. Оно окрашивается лишь благодаря конкретизирующим семантическим партнерам. При классификации одорических сложных эпитетов в своей работе мы выделяем семь основных запахов: *ароматный*, *свежий*, *пряный*, *кислый*, *горелый*, *гнилостный*, *зловонный*, *эфирный*. Сама комPOSITE структура сложных эпитетов требует выделения еще одной группы – смешанной семантики. Деление носит относительный характер по причине подтвержденной многочисленными примерами проанализированного материала достаточной свободы включения компонентов в состав

композиционной единицы и субъективного выделения компонента доминирующей семантики.

Группа сложных эпитетов с доминирующей семантикой *'ароматный'*. В эту группу входят единицы, семантика которых включает насыщенность душистым запахом: *утро прохладно-душистое* (В. А. Жуковский) (сема *'ароматный'* представлена в опорном компоненте (Душистый. – Издающий сильный, приятный запах; ароматный, пахучий. [3]), *яблочно-терпкий воздух* (З. Н. Гиппиус), *душистая-ароматная трава* (И. С. Шмелёв), *ветерок прохладно-душистый* (И. С. Шмелёв), *благородно-пахучий спутник* (И. А. Бунин), *сладковато-приторный воздух* (А. Серафимович), *аромат дурманно-сладкий* (Ю. М. Нагибин) и др. В группу рассматриваемых сложных эпитетов будут входить также и композиты одорической семантики, обусловленной соотносённостью с конкретным объектом действительности, обладающим ярко выраженным приятным ольфакторным качеством, например:

Высокая трава, пригретая солнцем, начинает испускать из себя густой, приторно-медовый запах. (А. П. Чехов. Налим.)

Сема *'ароматный'* представлена в опорном компоненте рассматриваемой композиты, так как мёд – вещество ароматное.

Группа сложных эпитетов с доминирующей семантикой компонента *'свежий'*. В данную группу включаются композиты, компоненты которой репрезентируют сему *'прохладный'*: *ветер живоительно-свежий* (В. Я. Брюсов), *воздух обжигающе-свежий* (В. П. Астафьев) и др. Композиты рассматриваемой семантики соединяют в себе термическую компоненту значения.

Группа сложных эпитетов с доминирующей семантикой компонента *'пряный'* включает в себя композиты и камфорные, и анисовые и прочие: *скипидарно-смолистые иглы* (Б. А. Пастернак), *шишечка скипидарно-мясистая* (В. П. Катаев), *камфарно-травянистый запах* (В. В. Головачёв) и др.

Группа сложных эпитетов с доминирующей семантикой компонента *'кислый'*: *уксусно-винный запах* (Ю. М. Нагибин), *уксусно-терпкий пот* (М. А. Шолохов) и др. Одорическая перцепция порождается в подобных композитах вкусовым началом репрезентируемого объекта действительности.

Группа сложных эпитетов с доминирующей семантикой компонента *'горелый'*: *пахуче-дымящийся кизяк* (А. Серафимович), *свежедымящаяся куча* (В. В. Набоков), *дымок терпко-горький* (М. А. Шолохов), *паровозик густо-дымящий* (А. И. Солженицын) и др.

Группа сложных эпитетов с доминирующей семантикой компонента *'гнилостный'*: *ароматно-гнилая заводь* (В. В. Вересаев).

Группа сложных эпитетов с доминирующей семантикой *'зловонный'* включает также *каприловые*, или *козлиные*, запахи: *зловонная клетка* (В. В. Набоков), *зловонный поток* (М. А. Шолохов), *свинья злосмрадная* (Ю. М. Нагибин), *баланда мутно-вонючая* (А. И. Солженицын) и др.

Группа сложных эпитетов с доминирующей семантикой *'эфирный'*: *сортирно-хлорный ветерок* (А. Н. Толстой), *микстура эфирно-валерьяновая* (И. А. Бунин) и др.

Группа смешанной семантики: *тошнотворно-благовонный ветер* (И. А. Бунин), *дымок сладко-горький* (М. А. Шолохов) и др. Композиты указанной семантики демонстрируют оксюморонные образования, представляющие ольфакторно сложные, смешанные качества:

Лавочка его была аккуратная, сиявшая никелем и стеклом и полная приятного медово-табачного духа. (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний.)

Как правило, перед автором, использующим одорический сложный эпитет, не стоит задача провести классификацию аромата. Интенция заключается чаще всего в передаче своеобразия, полноты вызываемого ощущения, порой противоречивого и сложного для вербальной передачи в описательной конструкции. Восприятие запаха – перцепция очень субъективная, а потому редко имеет констатирующий характер: в большинстве случаев лексемы, номинирующие характер запаха, демонстрируют оценочную коннотацию. Данный факт позволяет из всего многообразия сложных эпитетов этой группы выделить:

– сложные эпитеты, передающие оттенки запаха: *ванильно-наркотический воздух* (А. А. Григорьев), *дух медово-сладкий* (В. В. Набоков), *терпко-горький дымок* (М. А. Шолохов), *кисло-горький запах* (В. В. Головачёв). Первый компонент сложного эпитета, внося дополнительный оттенок в основную семантику композиты, может указывать на сферу распространенности одорической единицы: *литургически-пахучий дым* (И. А. Бунин), *дух бумажно-пыльный* (А. А. Азольский);

– сложные эпитеты, указывающие на интенсивность запаха. Компонент-интенсификатор, как правило, занимает первое место в композиционной единице: *ядовито-пахучий дух* (М. А. Шолохов), *злосмрадная свинья* (Ю. М. Нагибин), *приторно-сладкий дух* (В. П. Астафьев). Как известно, концентрация запаха в конечном счете может влиять на специфику восприятия аромата, отражая его градуальную составляющую:

Я подхожу к ней и принохиваюсь к нежно-медовому запаху ее цветов, похожих на вербу, но пушистых и осыпанных желтоватой пыльцой. (П. С. Романов. Печаль.);

– сложные эпитеты, разграничивающие предметы окружающей действительности на *свои* (приятные, вызывающие положительные эмоции) и *чужие* (отторгаемые). Маркирующая составляющая может непосредственно заявлять о положительной или отрицательной оценке такими единицами, как *приятно-/неприятно-, дурно-, душающе-, ядовито-: приятно-вонючий навоз* (И. А. Бунин), *дурнопахнущий аромат* (М. А. Шолохов), *душающе-сладкий аромат* (В. П. Катаев), *дух ядовито-пахучий* (М. А. Шолохов), *роза ядовито-дурманная* (Д. Бедный).

В других случаях авторское отношение к предмету, обладающему одорической составляющей, может репрезентироваться в языковой картине мира через коннотацию. Мы отметили, что приятным, родным становится запах, вызывающий ассоциации с детскими переживаниями, напоминающий о тех мгновениях, когда человек был счастлив и тому подобное. Ольфакторная память крайне субъективна, а связываемые и актуализируемые запахами эмоции не поддаются рациональным объяснениям. Запах может «проявляться» под воздействием эмоций даже при восприятии тех предметов, которые им не обладают, в подобных текстах срабатывает одорическая ассоциация как реакция на сложный эпитет.

Употребление сложных эпитетов рассматриваемой группы в языке произведений различных авторов неодинаково по интенсивности. Специфика ментально-лингвального комплекса одних обуславливается повышенное внимание к одорической составляющей окружающей действительности, у других же поэтов и прозаиков данная сторона осмысления жизни отражается в художественном пространстве, как показали наши наблюдения, скудно или схематично. Так, в поэтических произведениях А. А. Фета из одорических единиц наиболее востребованным оказалось узуальное прилагательное *благовонный*, используемое как эпитет, который сопровождает самые разные объекты эпитетации: *жертва, краса, круг, мёд, миндаль, ночь, нар, привет, речь, розы, садик, стезя, стих, трава, убор, цветы*. На фоне других сложных эпитетов, в основном зрительной тематической группы, одорические единицы в поэзии А. А. Фета особого распространения не получили.

Иная картина запечатлена в художественном пространстве И. А. Бунина. Неоднократно в работах, посвященных языку произведений этого автора, отмечалось необычайное обилие запахов в его текстах. Специфика сложных эпитетов И. А. Бунина со значением ‘запах’ позволяет выделить яркую авторскую примету: выразительность художественных образов расширяется автором за счет соединения в композите диаметрально противоположных по семантике компонентов:

Все меня направление, все туже дул откуда-то влажный, тошнотворно-благовонный, мягкий ветер. (И. А. Бунин. Братья.)

Ветер до такой степени пропитан благовониями, что запах стал тошнотворным.

Введение таких оксюморонных единиц активно используется автором с целью создания исключительно реалистической картины, однако именно в подобных образованиях особенно ясно проявляется субъективная оценка.

Ольфакторная составляющая может реализовываться в эпитетном комплексе не через собственно эпитет, а через объект эпитетации. При этом эпитет выполняет функцию интенсификатора или конкретизатора: *нестерпимо-острое зловоние* (А. Серафимович). В иных случаях все компоненты эпитетного комплекса (и сам сложный эпитет, и объект эпитетации) участвуют в создании сложного ольфакторного целого:

А на ступенях террасы продолжается беседа, и текут дымки самосада, то жгуче-едкие, то медовые. (В. Панова. Времена года.)

В процессе анализа языкового материала мы установили, что при номинации запаха активно используются лексические единицы, номинирующие качества, воспринимаемые другими органами чувств. Чаще всего семантика одорических сложных эпитетов пересекается с единицами, репрезентирующими вкусовые признаки, что отражает связь между вкусовыми качествами пищи и ее запахом (вкус – это запах в полости рта):

Сверху ее донимало жарким полуденным солнцем; внизу только, под ее тесным, густолиственным сводом, можно было укрыться от зноя; но и здесь не легко дышалось в тучном, пресно-медовом запахе лип, которые цвели в этот год с особенной силой. (Д. В. Григорович. Город и деревня.)

Запах, в силу его перцептивной специфики, воспринимается человеком комплексно, и эта физиологическая особенность находит свое отражение в сложном эпитете, где композита сочетает в себе семантическое поле запаха и вкуса или запаха и температуры:

Наступает за знойным днем душно-сладкая ночь, с мерцаньем в небесах, с огненным потоком под ногами, с трепетом неги в воздухе. (И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада».);

Он ходил по лугу, волоча ноги, шаршая траву и наблюдая пыль, которая покрывала его сапоги; то он шагал большими шагами, стараясь попадать в следы, оставленные косяцами по лугу, то он, считая свои шаги, делал расчеты, сколько раз он должен пройти от межи до межи, чтобы сделать версту, то ошмурыгивал цветки полей, растущие на меже, и растирал эти цветки в ладонях и принюхивался к душисто-горькому, крепкому запаху. (Л. Н. Толстой. Война и мир.);

В солнечный незнойный день, когда из лесу тянуло снегом, из логов, где еще серели обмылки сугробов, – талой водой и горьковато-медовым запахом цветущей ивы, Борис выполз из палатки в бельишке, зашитом на животе, бросил чиненое одеяло на землю, опустился на него. (В. П. Астафьев. Пастух и пастушка.).

Многочисленные композиты, в которых реализуется слитое авторское ольфакторно-колористическое восприятие представляемого объекта. В зависимости от местоположения компонентов в сложении ведущей, основной становится то семантика запаха, то семантика цвета. В сложениях, где колористическая составляющая является первым компонентом, ведущей становится одорическая семантика:

И когда в бараке военнопленных ходили с хрустом по слою тифозных вшей, и когда по четыре часа он стоял в очереди за черпаком мутно-вонючей баланды... (А. И. Солженицын. В круге первом.)

Суггестивный характер сложных эпитетов наблюдается и в тех единицах, где первый элемент семантического поля «Запах» соединяется со вторым цветономинирующим компонентом, однако в подобных композитах именно цвет определяет основную семантику:

Вот и весна с благовонно-зеленой своей муравую,
С светло-лазоревым небом своим улыбнулась веселым
Жителям замка...

(В. А. Жуковский. Ундина.)

Полученный образ позволяет читателю «увидеть» молоденькую травку и почувствовать ее запах.

Ольфакторная составляющая может актуализироваться и за счёт имплицитного компонента. Образ подпитывается фоновыми знаниями общего характера. Так, в языковом сознании каждого носителя языка за элементом *свеже-* в подавляющем количестве композитных единиц возникает запах того или иного предмета, подвергшегося определённом воздействию. Особенно актуальны подобные единицы в текстах М. А. Шолохова: *палка свежеструганная* – эпитетный комплекс включает запах древесины, *солома свежеемолоченная* – запах сена, *травка свежеско-*

шенная – запах сочной травы, *хлеб свежеспечённый* – аромат хлеба и т. д. И здесь на первый план выходит не сема недавно произведенного действия, а именно запаха, сопровождающего те или иные манипуляции. Подобные композиты демонстрируют удивительную проницаемость ольфакторных качеств предметов. Даже не получающая развития в развёрнутом контексте одорическая характеристика объекта действительности уже воздействует на восприятие читателя, на его эмоции.

Одорическая составляющая в композитной структуре может соединяться и с компонентом хаптической семантики. Слитый характер восприятия объекта внешнего мира, реализующийся в подобных сложных эпитетах, будет выявлять доминирующую семантику как через положение в композите (опорный элемент имеет доминирующий характер), так и через контекст:

Колеса зеркалажно блестят лаковым блеском спиц, пускают «зайчиков» и прохладно-душистый ветерок, – и это пахнет, и вет-дышит. (И. С. Шмелёв. Вербное воскресенье.)

В данном примере включение в предложение глаголов одорической семантики *пахнет*, *вет-дышит* актуализирует в сознании читателя яркую перцептивность изображаемого.

Таким образом, мы отмечаем, что с середины XIX в. увеличивается частота употреблений одорических сложных эпитетов, что обусловлено повышением интереса у носителей языка к ольфакторным характеристикам объектов окружающей действительности и фактам их номинирования. Структурно-семантический анализ одорических композит, функционирующих в текстах того или иного писателя, свидетельствует не только о предпочтениях языковой личности, но и о своеобразии ее ментальности.

Примечания

1. Леденева В. В. О лексике современных коммуникативных сфер: семантический портрет слова телевизация // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». 2012. № 6. С. 12.
2. Никольская Н. Как классифицируют неклассифицируемое // Ароматы и запахи в культуре: в 2 кн. Кн. 2. М., 2003. С. 503–512.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I. М., 1957–1961. С. 621.

М. А. Курьян

УПРАВЛЕНИЕ РЕЧЕВЫМ ОБЩЕНИЕМ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ЗАВЕРШАЮЩЕЙ СТАДИИ ДИАЛОГА

В статье рассматривается стратегический характер межличностной коммуникации и ее ориентация на неконфликтное взаимодействие. Проводится анализ управления речевым поведением на завершающем этапе коммуникативного акта, значимым для поддержания и развития межличностных отношений. Автор изучает коммуникативные задачи данного этапа и стратегические средства их реализации.

The article examines strategic nature of interpersonal communication and its orientation to non-conflict collaboration. Conversation management at the final stage of a communicative act is considered, since it is important for interpersonal relations maintenance and development. The paper analyses communicative objectives of the "closing" stage and strategic means of their achieving.

Ключевые слова: межличностная коммуникация, диалог, самопрезентация, неконфликтное общение, завершающая стадия общения, коммуникативная стратегия.

Keywords: interpersonal communication, dialogue, self-presentation, non-conflict interaction, final stage of communicative act, communication strategy.

Межличностная коммуникация предполагает взаимодействие индивидуумов в рамках определенной ситуации. В результате данного взаимодействия посредством вербальных и невербальных средств общения осуществляется некий обмен субъективным опытом – представлениями, идеями, настроениями, знаниями. То есть коммуникативный процесс неизбежно включает в себя интеракцию – взаимовлияние и взаимозависимость; потому что коммуниканты не просто передают друг другу какие-либо сообщения, а реагируют на них, осуществляют обратную связь и демонстрируют солидарность. Межличностная коммуникация всегда связана с определенными отношениями, которые могут возникать, развиваться, поддерживаться, заканчиваться в рамках речевого взаимодействия. Диалог, в целом, сигнализирует о степени солидарности общающихся, степени близости между ними и взаимовлияния [1].

Речевую коммуникацию недостаточно рассматривать как совокупность акустических, визуальных, тактильных действий, так как все они важны не сами по себе, а имеют отношение к межличностным суждениям и восприятию [2]. При этом диалог не только отражает природу тех или иных отношений между коммуникантами, но и во многом влияет на развитие этих отношений.

Следовательно, управление речевым общением является и управлением межличностными отношениями. Оно может осуществляться как на сознательном уровне, когда коммуникант намеренно влияет на развитие диалога, стремясь достичь определенной цели, так и автоматически, почти бессознательно, когда коммуникант ненамеренно совершает какие-либо действия, которые отражаются на содержании и направлении межличностной коммуникации.

Процесс межличностного взаимодействия характеризуется целевой направленностью. Даже тривиальный обмен фразами приветствия или прощания служит конкретным коммуникативным целям собеседников и, во многом, является стратегическим. Межличностные цели могут быть весьма разнообразными, однако так или иначе связаны с самопрезентацией собеседников – стремлением представить информацию о том, кто они такие и как хотят, чтобы их воспринимали. Межличностная коммуникация выступает, в некотором роде, формой социальной драматургии [3]. Образ, который индивид пытается представить другим, зависит от его целевых установок, коммуникативной ситуации и характеристик собеседника. При этом деятельность по созданию подобного образа носит стратегический характер и связана с формированием и управлением впечатлениями.

И. Гоффман вводит понятие «лица» и трактует его как положительный имидж человека, связанный с его действиями в процессе общения с другими [4]. Этот имидж может достигаться, утверждаться, разрушаться, но любое изменение вызывает эмоции и по-разному переживается индивидом. Взаимодействуя с другими, личность как бы заявляет о собственной социальной ценности и демонстрирует определенную степень самоуважения. В зависимости от того, как на это реагируют другие, она переживает положительные или отрицательные эмоции. По И. Гоффману, «лицо» представляет собой социальный объект; оно определяется не только собственным владельцем, но и другими (в коммуникативном акте), то есть является взаимно определяемым. Поэтому в процессе общения следует сохранять как своё «лицо», так и заботиться о сохранении «лица» собеседника [5].

«Лицо» личности характеризуется комплексом психосоциальных потребностей, ведущими из которых являются потребность в одобрении и поддержке окружающих – потребность «позитивного лица», и, с другой стороны, потребность в личностной автономии, независимости и свободе от принуждения – потребность «негативного лица». Действия, направленные на удовлетворение потребностей позитивного или негативного лица, представляют собой соответственно

проявления двух типов вежливости: позитивной и негативной. Т. В. Ларина предлагает называть данные типы «вежливостью сближения» и «вежливостью отдаления», считая, что данные термины наиболее емко отражают две ведущие тенденции коммуникативного поведения в процессе межличностного взаимодействия: направленность на контакт и дистанцирование [6].

В основе вежливого поведения лежит взаимное желание партнеров речевого взаимодействия защитить, спасти «лицо» друг друга. При этом каждый из участников коммуникации предпринимает меры для максимально возможного избежания потенциальных угроз своему «лицу» и «лицу» собеседника (заявляя об «общей территории» с собеседником; соглашаясь с ним; выражая поддержку; оказывая ему услуги; извиняясь за беспокойство; сводя к минимуму причиняемое неудобство и т. д.).

По большому счету, межличностное взаимодействие в повседневных ситуациях общения характеризуется стремлением избежать конфликтов и столкновений. По замечанию И. Гоффмана, большинство людей предпочитают ровную, неконфликтную интеракцию [7]. Это может быть связано с желанием нравиться другим, вызывать межличностную аттракцию. Данная ориентация в межличностной коммуникации связывается, как уже отмечалось, с соблюдением принципов вежливости – избеганием «ликоущемляющих актов» или их минимизацией [8], с функцией «завоевания симпатии собеседника» (affinity-seeking) [9]; вниманием к контактному элементу коммуникации – то есть фатическому общению [10]; реализацией межличностных потребностей «включенности», «контроля» и «симпатии окружающих» [11].

Желание нравиться другим, таким образом, связано с созданием определенной тональности общения – атмосферы коммуникативного комфорта. Важно создавать и поддерживать ее на всех этапах коммуникативного акта – его иницировании, развертывании и завершении. Средствами реализации данной задачи являются стратегии коммуникативного комфорта. Комфортная коммуникативная атмосфера складывается из того, насколько коммуникантам приятно общение друг друга, насколько они чувствуют себя при этом «безопасно», способны и готовы находиться в межличностном контактировании.

Завершающая фаза общения представляет собой не меньшее значение для коммуникации, чем начальная или поддерживающая. Коммуникативные стратегии, применяемые для «закрытия» диалога, объединяет их ритуализованный характер и стереотипизированная форма.

Значимость завершающей фазы коммуникативного акта связана с эффектом «последнего впе-

чатления». По наблюдению психологов, благодаря данному эффекту коммуниканту, наиболее вероятно, запомнятся именно последние сказанные слова, и, таким образом, формирование общего воспоминания о состоявшейся интеракции будет зависеть от впечатлений и эмоций, испытываемых в ее конце.

Очевидно, что осуществление «выхода» из диалога представляется серьезной коммуникативной задачей. Участники коммуникации не могут закончить общаться, просто прекратив разговаривать. Они должны подвести к логическому завершению обсуждаемую тему, достичь взаимного согласия относительно окончания общения, проверить готовность друг друга к этому и только затем скоординированно приступить к фактическому «закрытию» коммуникации. Если инициатор расставания закончит общение без предупреждения, он нанесет удар по самооценке собеседника, причинит ему обиду, так как лишит его возможности сделать свой вклад в закрытие разговора и нарушит принцип коммуникативного сотрудничества. По замечанию Лавера, завершающая фаза коммуникации является наиболее «хрупкой» и в то же время наиболее личностной [12]. Это значит, что на завершающей стадии коммуникативного акта собеседникам важно продолжать уделять внимание обстановке общения и поддержанию благоприятного коммуникативного климата (т. е. реализовывать универсальные задачи неантагонистичной коммуникации). Однако рассматриваемая фаза коммуникативного акта связана и с некоторыми специфическими коммуникативными задачами.

1. Задача «смягчения» факта расставания

Прежде всего, коммуникантам важно продемонстрировать, что окончание диалога – это лишь пауза, временное закрытие коммуникативного доступа, не означающее окончания отношений. Поэтому при завершении общения выражается сожаление по поводу расставания, делается ссылка на внешние факторы, вынуждающие прекратить общение. Дж. Лавер называет подобные высказывания «смягчающими» – адресованными «негативному лицу» собеседника (I'm sorry, I have to go) [13]. Их можно рассматривать как действия, направленные на минимизацию «ущерба», наносимого фактом расставания. Бывают случаи, когда инициатор расставания прибегает к извинениям за то, что общение заканчивается и приводит причину необходимости расстаться, или явственно выражает собственное сожаление, связанное с прекращением коммуникации. Тем самым он старается оправдать свой поступок, как бы компенсировать собственную смелость; выразить заботу о собеседнике и подчеркнуть, что для него является значимым, чтобы размыкание

речевого контакта было воспринято партнером благожелательно:

I... looked at my watch. **“Will you look at the time? I really have to be getting off.”**

“Yeah, of course”, said Ian. “It was good to see you again, Matt”.

“Yeah,” I said. “It was good to see you” [14].

2. Задача подведения положительного итога общения

Завершая коммуникацию, общающиеся стремятся подчеркнуть ту «общую территорию», которую они создали во время интеракции. Бесконфликтное речевое взаимодействие способствует сближению коммуникантов, поэтому они стремятся выразить удовольствие от контакта друг с другом, положительно оценивая и состоявшееся общение, и личность собеседника. В терминологии Дж. Лавера, это – «консолидирующие фразы», ориентированные на «позитивное лицо» партнера [15].

Выражение радости от общения представляется особо значимым для успешного осуществления рассматриваемой фазы коммуникации и для потенциального развития межличностных отношений. Позитивное вербальное оценивание процесса коммуникации и выражение удовлетворения встречей, результатами совместно проведенного времени могут рассматриваться как комплимент.

Как известно, комплимент связан с максимальной одобрения и выступает средством солидаризации общающихся. Интересно отметить, что при иницировании общения комплименты нередко нацелены на внешние, материальные характеристики адресата (You're looking so great! I like your dress. Those shoes are really cute). На финальной же стадии содержание комплиментарных высказываний обладает, как правило, внутренней направленностью. Например: It was nice talking to you. It was good seeing you again. Well, I had a great time talking to you. При помощи настоящей стратегии происходит утверждение ценности личности партнера по общению и формируется доброжелательная ответная реакция. Кроме того, создается ощущение близости между собеседниками и значимости их межличностных отношений:

“Anyway, ...I'll give you a call”.

“OK, Orla. Look after yourself.”

“It was nice meeting you again, Martin”, she said.

“You too, Orla” [16].

Комплименты при прощании нередко связаны с выражением благодарности за приятно проведенное время, за внимание, за интересную историю, рассказанную собеседником:

“...I've got to rush! Oh, I nearly forgot! **Thanks ever so much for the tea. It was lovely,**” she said [17].

Помимо обмена комплиментами, говорящие при завершении коммуникативного акта могут

упоминать возможность будущих контактов. Обещания или призывы возобновить контакт, которыми обмениваются собеседники, нацелены на укрепление комфортной коммуникативной атмосферы и поддержание равновесия межличностного взаимодействия. Они становятся своеобразными гарантиями континуума отношений и представляют состоявшийся коммуникативный акт частью общего контекста межличностного взаимодействия:

“Well, do pop in next week,” Yolanda tossed over her shoulder, “and we'll have another jolly little session” [18].

В качестве наиболее типичных примеров прощаний – обещаний будущих контактов используются следующие: Call me; Talk to you later; We need to hang out soon; I'll call you later this week; I'll see you soon; See you; Keep in touch. Данные выражения нередко сопровождаются пожеланиями удачи, добра: Take care; Have a nice weekend; Have a good one.

Интересно отметить, что обещания будущих контактов могут быть вполне искренними, но порой они носят условный характер и не рассчитаны на то, чтобы их воспринимали буквально. Более того, по-видимому, существуют стандартные «псевдообещания» будущих контактов, которые применяются в типичных ситуациях. Например:

There was a short awkward pause as he kissed her cheek.

“Well,” he said in what she thought too hearty a tone. “I certainly know where to find you.”

“Night and day at the moment,” she said, hoping her tone was as light as his.

Then David added that most dreaded of all male phrases: “I'll be in touch” [19].

В рамках выполнения задачи подведения положительного итога общения собеседники могут подвести и некий содержательный итог конкретного диалогового взаимодействия – суммируя сказанное или выражая свое отношение к полученной информации. Способом продемонстрировать внимание и поддержку партнеру по общению является упоминание в конце общения темы, обсуждаемой до этого, или ссылка, намек на нее; то есть своеобразный «мостик» к содержанию беседы, выражаемый в его эмоциональном оценивании, сочувственном отношении к нему: That was hilarious; That was cool; All will be OK; It'll work itself out; Whao, good luck with that. При помощи таких высказываний их автор подтверждает собственную активность в качестве участника общения и ориентацию на коммуникативное сотрудничество.

Готовность завершить коммуникацию проверяется предзавершающими сигналами, типа Yes...; That'sit...; Well...; Anyway...; Right...; OK... . Если

от собеседника не следует высказываний, имеющих целью отсрочку завершения интеракции, то коммуниканты переходят к непосредственному окончанию общения. Например:

“Okay”, said Ginny. She stepped forward and kissed my cheek. “Thanks for today, Matt. It was a weird reason for us to get together again but nice all the same” [20].

Среди этикетных формул прощания наиболее используемые – Bye; Seeyou; Seeyousoon; Later. Стереотипное в сознании изучающих английский язык прощание Good-bye в действительности используется носителями языка достаточно редко – оно обладает высокой степенью формализованности и может восприниматься в некотором смысле драматично.

При использовании прощальных формул речевые действия адресанта и адресата нередко совпадают, «отражают» друг друга. Данное совпадение может быть полным или частичным, когда реплика адресата является сходной с репликой адресанта, но при этом отличается от нее одним или несколькими словами:

1) “Must go. See y’soon, Vic”.

“I’ll see you tonight” [21].

2) “But you call up, will you?”

“I’ll do that,” he said. “Take care of yourself”.

“You take care of yourself,” she said... “Oh, have a good time tonight!”

“Thanks”, he said. “Hope you have a good time, too” [22].

Подобное коммуникативное поведение – пример «интеракционной синхронии», когда общающиеся подстраивают свою речь под речь собеседника, достигая, таким образом, синхронности коммуникативных действий с ним [23]. В «теории речевой аккомодации» данная тенденция коммуникантов отражать поведение друг друга получила название «совпадение» (convergence) [24]. Подобное «отражение» может быть целенаправленно использовано для завоевания расположения собеседника и поддержания комфортной атмосферы общения. С другой стороны, оно может несознательно применяться партнерами по интеракции, в силу стремления приспособить свое коммуникативное поведение друг к другу.

Представляется, что развернутость фазы завершения общения зависит от того, как скоро собеседники ожидают увидеть друг друга: в случае возможности возобновления контакта в ближайшем будущем заключительная стадия коммуникации является обычно более краткой, нежели при расставании на более длительный срок. То есть между продолжительностью ритуала прощания и ожидаемым сроком разлуки существует прямая зависимость.

Осознание многообразия возможных «сценариев» расставания с партнером по общению, а

также понимание их прагматического назначения необходимы для осуществления адекватного выбора средств, направленных на гармоничное «закрытие» коммуникации. В случае некомпетентного осуществления финального этапа общения под угрозой оказывается не только конкретный коммуникативный акт, но и отношения между самими коммуникантами.

Успешность управления коммуникацией на финальной стадии речевого акта связывается с реализацией двух глобальных задач: смягчения факта расставания и подведения положительного итога общения. Средствами реализации первой задачи являются выражение сожаления по поводу расставания, упоминание причины завершения общения и, возможно, извинения за это. К коммуникативным стратегиям второй задачи завершающего этапа относятся выражение удовольствия от контакта, комплименты собеседнику, положительное оценивание общения, упоминание будущих контактов, подведение содержательного итога общения.

Примечания

1. *Svennevig J.* Getting Acquainted in Conversation. PA, 2000. P. 2.

2. *Capella J. N.* The Management of Conversations // Handbook of Interpersonal Communication. California: Sage, 1985. P. 395.

3. *Goffman E.* Strategic Interaction. PA: University of Pennsylvania Press, 1969. P. 145.

4. *Goffman E.* Interaction Ritual // Essays in Face-to-Face Interaction. Chicago: Aldine Publishing Company, 1967. P. 270.

5. *Ibid.* P. 11.

6. *Лафина Т. В.* Вежливость в сознании и коммуникации: межкультурный аспект // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 2. Пятигорск, 2005. С. 75–87.

7. *Goffman E.* The Presentation of Self in Everyday Life. NY: Doubleday Anchor Books, Doubleday & Company, Inc., 1959. P. 255.

8. *Goffman E.* Interaction Ritual; *Brown P., Levinson S. C.* Politeness: Some Universals in Language Use. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 345.

9. *Bell R., Daly J.* The Affinity-Seeking Function of Communication // Communication Monographs, 1984. Vol. 51. P. 91–115.

10. *Винокуф Т. Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. С. 172; *Волкова А. Г.* Фатическая функция и синтаксические средства ее реализации: формальный, семантический, коммуникативно-прагматический: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1998. С. 18.

11. *Schutz W.* FIRO. A Three-Dimensional Theory of Interpersonal Behavior. N. Y.: Holt, Rinehartand Winston, Inc., 1958. P. 267.

12. *Laver J. D.* Linguistic Routines and Politeness in Greetings and Partings // Conversational Routine. The Hague, the Netherlands: Mouton Publishers, 1981. P. 289–304.

13. *Ibid.* P. 303.

14. *Gayle M.* Turning Thirty. L.: Flame Hodder&Stroughton, 2000. P. 240–241.

15. Laver J. D. Op. cit. P. 303.
16. O'Flanagan Sh. Far From Over. L.: Headline, 2000. P. 125.
17. Parker D. The Last Tea // 20th Century Short Stories. L.: Nelson, 1990. P. 27.
18. Lette K. Foetal Attraction. L.: Picador Thirty, 1993. P. 198.
19. Corbett V., Hopkirkand J., Pollard E. Splash. L.: Headline, 1995. P. 287–288.
20. Gayle M. Turning Thirty. P. 178.
21. Dunn D. Getting Used to It // British Short Stories of Today. L.: Penguin Books, 1987. P. 48.
22. Parker D. The Last Tea. P. 27.
23. Leeds-Hurwitz W. Communication in Everyday Life. A Social Interpretation. NJ: Albex Publishing Corporation, 1989. P. 110–115.
24. Giles H., Ogay T. Communication Accommodation Theory // Explaining Communication. N. J.: Lawrence Erlbaum, 2007.

УДК 821.112.2

А. Н. Макаров, С. И. Тютюнник

**ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.
И ФОРМИРОВАНИЕ НЕМЕЦКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ:
Ф. Г. КЛОПШТОК, Г. Э. ЛЕССИНГ**

Эстетические основы немецкой литературы второй половины XVIII в. и формирование немецкого национального самосознания в существенной степени связываются с творчеством Ф. Г. Клопштока и Г. Э. Лессинга. Способствуя обновлению национальной культуры, немецкие писатели разрабатывали вопросы национального искусства, опираясь на традиционные темы и мотивы, переходя от них к национальным сюжетам через обработку национальных героических персонажей, как Ф. Г. Клопшток. Г. Э. Лессинг был для своего времени одним из самых влиятельных немецких мыслителей. В его творчестве отразились передовые представления немецких гуманистов о великом самостоятельном искусстве.

Aesthetic fundamentals of the German literature of the second half of the XVIII century and the formation of the German national consciousness are associated to a large extent with the works of F. G. Klopstock and G. E. Lessing. In the renewal of the national culture German writers developed issues of national art based on traditional themes and motifs, but moved from them to national stories through processing national heroic characters like F. G. Klopstock. G. E. Lessing was one of the most influential German thinkers of his time. His works reflected the views of progressive German humanists about the great independent art.

Ключевые слова: немецкая культура эпохи Просвещения, немецкая эстетика XVIII в., национальное самосознание в творчестве Ф. Г. Клопштока, концепция Г. Э. Лессинга.

Keywords: German culture of the epoch of the Enlightenment. German aesthetics of the XVIIIth century. German national self-comprehension in the works of F. G. Klopstock. The conception of G. E. Lessing.

На развитие национального самосознания немецкого народа достаточно сильное влияние оказала Семилетняя война (1756–1763), в результате которой наметились тенденции к консолидации нации. Столкновение воюющих держав вело к пробуждению общенемецких интересов, оттесняющих на задний план сепаратизм отдельных князей. Одной из важнейших (пусть даже специально не сформулированных) становилась проблема национального героического характера.

Внимание к национальной теме наметилось в немецкой культуре в 1740-е гг. И. Э. Шлегель (1719–1749) был первым, кто в своих трагедиях обратился к национальному немецкому прошлому (напр., «Германн», 1743). В 1753 г. появилась эпическая поэма К. Ф. фон Шенайха «Германн, или Освобожденная Германия». Не остались в стороне от национальной темы и швейцарцы. И. Я. Бодмер (1698–1783) создавал произведения на древнегерманские темы и, начиная с 40-х гг., публиковал старонемецкие тексты, интересовался древней швабской поэзией (1748), «Парцифалем» (1753), образом Кримхильды (1757), древнеанглийскими балладами (1780). Эти далеко не полные примеры внимания Бодмера к древнеевропейскому и национальному культурному наследию отражают формирование интереса к немецкой национальной исторической теме, наиболее полно и последовательно воплотившейся в «Гетце фон Берлихингене» (1773) Гете.

В 60-е гг. национальная тематика снова начинает выступать на первый план (Г. Э. Лессинг, «Минна фон Барнхельм», 1767, создававшаяся в 1760–1763 гг.) и наиболее ярко проявляется в творчестве Ф. Г. Клопштока (1724–1803), оказавшего решающее воздействие на развитие культуры того времени [1]. Его наследие анализируется практически во всех работах, посвященных этому периоду. Ученые, как правило, упоминают бардиту писателя, его «Мессию», но не обращают внимания на особенности формирования героических начал, первоначально связанных с библейскими произведениями Клопштока, а затем и с творениями на исторические темы (цикл о Германне-херуске).

Герой Клопштока – это патриот, для которого важнее всего благо нации. Поэтому от библейских сюжетов Клопшток переходит к национальным, а место Мессии в его произведениях занимает Арминий. В предисловии к «Битве Германна» поэт напоминает слова Тацита о том, что у римлян было больше триумфальных шествий, чем подлинных побед над германцами [2]. Эту

же мысль в бардите «Германн и князя» (1787) повторит друид Бренно, сказавший римскому центуриону: «Завоевать вы нас сможете, но никогда вам не удастся покорить Германию» [3]. Стремление Клопштока отобрать новый материал для своих трагедий побудило его обратиться к неантичным источникам.

Драмы Клопштока практически делятся на две большие группы: трагедии на библейские сюжеты («Смерть Адама», 1757; «Соломон», 1764; «Давид», 1773) и бардиты, то есть пьесы о древних германцах («Битва Германна», 1769; «Германн и князя», 1784; «Смерть Германна», 1787). Для Клопштока библейский источник к середине века уже почти лишен религиозного значения. Он считает эту поэзию мирской и достойной того, чтобы обработать ее в трагедию (предисловие к «Смерти Адама») [4]. Спустя несколько лет в предисловии к трагедии «Соломон» Клопшток попытается объяснить, почему он все-таки взял такой сюжет: «Если у меня есть читатели или зрители, которые одновременно с восприятием еще могут и думать, то я утверждаю, что избрал материал, в трагическом отношении превосходящий все, ставшее знаменитым до сих пор» [5]. Клопштока волнует не развитие религиозного материала, а развитие мира, хотя использует он привычные образы, почерпнутые из Библии.

Значение национального сюжета в первом бардите Клопштока «Битва Германна», появившемся на свет спустя два года после комедии Г. Э. Лессинга «Минна фон Барнхельм» (1767), несомненно даже при сопоставлении с произведением Лессинга. Дело здесь не в приоритете обращения к собственно национальному материалу (он в данном случае за Лессингом) или в его актуальности (речь у Лессинга идет, как известно, о событиях Семилетней войны), а в том, что Клопшток сделал попытку отобразить в художественном произведении героическое прошлое прежде всего немецкого народа, а не только отдельной идеализированной личности.

Тема борьбы в его творчестве не была чужеродной и не возникла лишь под давлением крупных революционных событий. Уже в ранних работах можно обнаружить черты, в целом характерные для жанровых образований, созданных писателем. Человечность для Клопштока связана с борьбой за человека. Это далеко не абстрактное понятие, а активная жизненная позиция. Поэт пытается найти то, что объединяет народы (кстати, такое глубокое понимание солидарности характерно далеко не для всех немецких литераторов). Поэтому освященную веками традицию он наполняет новым содержанием, соответствующим задачам нового времени. Убожество немецкой действительности было отвратительно Клопштоку. Поэтому он, пытаясь всеми силами

способствовать обновлению немецкой культуры, понимая невозможность для Германии этого периода каких-либо радикальных практических политических изменений, задумал создать новое общественное образование – «немецкую республику ученых».

Воздействие Клопштока на молодое поколение немецких писателей было не только литературным, но и идейным. Он предстал художником, требовавшим находить в мире красоту, обращаться к достижениям различных наций и народов. Сильные, героические характеры Клопштока соответствуют его стремлению воспитать человека, способного нести огромную эмоциональную и нравственную нагрузку. Силу характера, умение подчинять себя решению важнейших задач следует понимать как проявление героических начал личности. Писатель отходит от абстрактности, приближается к реальности, рассматривая силу человека прежде всего в ее социальной и национальной обусловленности, в его позиции по отношению к жизни, в его умении ставить и решать великие задачи национального развития как в общественной, так и в литературной сфере.

Одной из важнейших проблем века Просвещения в разных странах была проблема театра. Интерес к драматургии в Германии усиливается к 1770 г. В литературе формируется новое понимание театра, более гибко реагирующего на общественные изменения. Готовится почва для литературно-эстетических концепций Г. Э. Лессинга, для взглядов которого, отраженных в «Гамбургской драматургии» (1767–1769), существенны следующие моменты: внимание к Шекспиру, отрицание французского придворного театра, восприятие французского буржуазного театра, выработка критериев для создания немецкого национального театра и связанная с этим проблема героя [6].

Пьеса для Лессинга не есть собрание исторических фактов, а художественным образом преобразованное моральное учение. Драматург тяготеет к показу неких самостоятельных, в значительной степени не зависящих от мира законов. Это позволяет говорить о сохранении Лессингом существенных элементов классицизма. Драматург, строго говоря, не отходил от классицизма, о чем свидетельствуют и его драмы и что подтверждают его теоретические работы. Лессинг стремился сочетать типичное с индивидуальным, показать героя в характерных для него мыслях и поступках как часть некоего круга людей и в то же время оттенить то особенное, что отличало одного человека от другого, делало его индивидуальностью [7].

Во второй половине XVIII в. драма превращается в одну из важнейших жанровых разновидностей драматического искусства в целом.

В конфликте драмы обостренно проявляются общественные диссонансы эпохи. Герои, как правило, все более превращаются в характеры, несущие на себе четкий отпечаток времени, и становятся более реалистичными, имеющими прототипы в действительности. Характеры драмы этого времени не теряют связи с классицизмом, что проявляется и в следовании принципу единства места у Лессинга (хотя нередко наблюдается и перенос действия с одной площадки на другую). В данном случае имеется в виду строгая логичность развития действия, отличающая пьесы Лессинга от произведений штюрмеров. Это пришло из классицизма, где максимальная близость к реальности (три единства) является одним из самых важных положений как теории, так и художественной практики.

Для Лессинга стихотворения бардов и скальдов были интереснее произведений греков, что означало отрицания им творчества Гомера. В Гомере Лессинга привлекает развитие характера героев этого мастера в соответствии с логикой действия. Поэтому его персонажи плачут и кричат от боли там, где это и должно быть [8]. Гомер для Лессинга – гений, поэт, создававший характеры в соответствии поступков с логикой действия, следуя задачам своего творчества [9]. В связи с таким пониманием особенностей творчества в художественном произведении могут появляться чудесные, иррациональные явления, такие, как, например, призрак отца Гамлета у Шекспира. Лессинг налагает единственное ограничение на сверхъестественные персонажи художественного произведения: они должны возникать не слишком часто, чтобы не стать обыденными и сохранить свою неожиданность для зрителя. Лессинг допускает любой образ, порожденный фантазией автора, при условии, что он будет необходим для произведения искусства, явится естественной составной частью логически развивающегося художественного целого [10]. Относительно Шекспира Лессинг замечает: при создании пьесы необходимо учитывать и законы сцены, а не только требования литературы («Гамлет» Шекспира, III, 2). Для Лессинга было важно, что Шекспир прекрасно знал возможности театральной труппы и поэтому ставил перед актерами задачи, наилучшим образом соответствовавшие его намерениям как автора пьесы, равно как и силам актерского коллектива. Для Лессинга важны общенациональные

проблемы, когда человек (личность) представляет определенную точку зрения (у Лессинга становится представителем определенной среды), тогда как для Штюрмеров, например, человек нередко интересен прежде всего как индивидуум, оторванный, в некотором смысле, от мира, в котором живет (Клингер, Лейзевитц) или от которого бежит (Ленц).

Великие деятели немецкой культуры поставили задачи, которые предстояло решить поколению литераторов, появившихся в конце 1760-х гг. Их мастерское владение немецким языком дало немцам образцы гибкости родной речи. Внимание к национальной культуре имело решающее значение для пробуждения у немецкой нации интереса к своему прошлому. Это проявилось в формировании героического характера персонажа, способного пожертвовать собой ради спасения нации. В эту пору формируется новый подход к мифам и легендам германских народов, возникает новое понимание культурных традиций давно прошедших веков, что влечет за собой иное отношение к историческому процессу, когда каждое новое явление культуры возникает и закономерно развивается на основе предшествовавшего ему явления.

Примечания

1. *Hurlebusch K.* Friedrich Gottlieb Klopstock. Hamburg: Ellert und Richter, 2003.
2. *Klopstock Fr. G.* Die Hermanns Schlacht. Carlsruhe: bey Christian Gottlieb Schmieder, 1776. S. 11.
3. *Klopstock Fr. G.* Hermann und die Fürsten. Hamburg: in der Heroldschen Buchhandlung, 1784. S. 132.
4. *Klopstock Fr. G.* Der Tod Adams. Kopenhagen und Leipzig: bey Friedrich Christian Pelt, 1757. S. 5.
5. *Klopstock Fr. G.* Salomo. Magdeburg: verlegt bey Daniel Christian Hechtel, 1771. S. 4.
6. *Golawski-Braungart J.* Die Schule der Franzosen: zur Bedeutung von Lessings Übersetzungen aus dem Französischen für die Theorie und Praxis seines Theaters. Tübingen; Basel: Francke, 2005.
7. *Brämer E.* Zu einigen Grundfragen in Lessings „Hamburgischer Dramaturgie“ // Brämer E., Wertheim U. Studien zur deutschen Klassik. Berlin: Rütten & Loening, 1960. S. 33.
8. *Lessing G. E.* Gesammelte Werke: in 10 Bde. Bd. 5. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1968. S. 16–17.
9. *Lessing G. E.* Gesammelte Werke: in 10 Bde. Bd. 6. Berlin; Weimar: Aufbau-Verlag, 1968. S. 175.
10. *Перфильева З. Е.* Иррациональное в эстетике и драматургии Г. Э. Лессинга: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2009.

УДК 908

С. Б. Смирнов

ЕВРОПА И МИР В ТОПОНИМИКЕ ПЕТЕРБУРГА: МЕТОД АНАЛИЗА

В статье дается описание предложенной автором методологии изучения петербургской топонимики в качестве источника информации для оценки роли города как «окна в Европу». В этом контексте предлагается анализ топонимического материала имперского периода истории Петербурга.

The description of the author's methodology of study of Saint-Petersburg toponymy as a information source to estimate the role of the city as the "window to the Europe" is given in the article. The analysis of toponymical material of the Imperial period in Saint-Petersburg history is given in this context.

Ключевые слова: культурология, топонимика Петербурга, европейское влияние, топонимическая политика, топонимическая структура, народная этимология.

Keywords: cultural studies, toponymy of Saint-Petersburg, European influence, toponymical structure, popular etymology.

В последние десятилетия в российской историко-культурологической урбанистике и научном краеведении, в соответствии с общемировыми тенденциями, характерными для этих научных дисциплин, сформировалось убеждение, что исторические названия городов и сел, улиц и площадей, других топонимических объектов имеют значение, как минимум дополняющее ценность тех памятников архитектуры и истории, которые формируют неповторимый визуальный образ любого «населенного пункта». А как быть, если эти памятники не сохранились? Тогда значение топонимов неизмеримо возрастает, они становятся единственными хранителями исторической памяти. К сожалению, в современной России есть множество городов, в той или иной степени потерявших в XX в. свое историко-архитектурное наследие. Но в массовое сознание, как и в сознание местных правящих элит, так почти и не проникло понимание того, что в этих обстоятельствах ценность исторических названий еще более возрастает, а их забвение грозит полной утратой культурной иден-

тичности. Ведь они, как правило, остаются единственными хранителями памяти об утраченном. Результат – фальсификация исторической памяти под видом ее охраны, повсеместное сохранение улиц «Ленина» и «Карла Маркса» и прочих топонимически безликих наименований, никак не связанных с прошлым конкретного города или поселка. Аргумент в защиту этого убожества высказывается, как правило, экономический: возвращение исторических названий требует денег, которые можно потратить на другие, более насущные нужды. Если так рассуждать, то и памятники архитектуры восстанавливать не надо – есть вещи важнее: водопровод, канализация. Но ведь туриста, приезжающего в Рим, прогулка по виа Аппиа, по которой люди ходят уже несколько тысячелетий, трогает не меньше, чем посещение его знаменитых памятников. А для человека, приехавшего в Великий Новгород, важно, что к Спасо-Преображенскому храму с его фресками работы Феофана Грека он идет по Ильиной улице, которая проложена новгородцами более тысячелетия назад, а не по «улице 1-го мая», названной так именно с разрушительной целью стереть тысячелетнюю память. Эта прогулка создает историческую атмосферу, готовит к восприятию великих произведений искусства. И если для кого-то чужд культурологический взгляд на ценность исторической топонимики, то, может быть, есть смысл прислушаться к доводу столь же экономического характера: сохранение и возвращение исторических названий – это, потенциально, дополнительный источник доходов от развития туризма.

Основатель Санкт-Петербурга, как человек эпохи барокко, обладал развитым семиотическим чутьем. Об этом свидетельствует и само название города. Значение Петербурга как центра огромного государства в XVIII–XIX вв. нашло достаточно адекватное отражение в топонимике имперской столицы. При этом на ранних этапах развития Петербурга топонимическое творчество объединяло государственное регулирование и стихийный, естественный процесс порождения и изменения наименований самими горожанами. Со временем, когда Петербург укрепился в роли столицы империи и одной из ведущих европейских держав, вкус к символическому у империи притупился. Иначе бы в 1914 г. ее руководителям не пришла в голову идея переименования столицы в Петроград. Зато большевики очень хорошо по-

нимали влияние «знаковых систем» на сознание людей и прибегли к массовым переименованиям всего и вся, с помощью новых имен насаждая свою идеологию. Новые топонимические объекты тоже, как правило, получали наименования исходя из идеологических соображений. Только в современном Петербурге снова появилась возможность развивать городскую топонимику без идеологических шор.

Топонимическая судьба Петербурга противоречива. Городу чуть больше трехсот лет, но названия многих его районов, мостов и набережных, улиц и площадей неоднократно менялись. Казалось, к началу XX в. топонимика исторического центра приобрела стабильность, стало зарождаться понимание ее ценности. Но уже тогда начались и субъективистские переименования «к датам», как, например, переименование Малой Морской в улицу Гоголя в связи со столетием со дня его рождения. В этом смысле изменения названия города и массовая, причем неоднократно смена названий улиц при советской власти были продолжением этой тенденции. Одновременно нельзя не обратить внимания на принципиальную враждебность советской топонимической политики тому, что сегодня представляется нам особо ценным и важным в топонимике: сохранению исторической памяти. Все эти «площади Урицкого» и «проспекты 25-го октября» служили тому, чтобы превратить русский народ и другие народы нашей страны в Иванов, не помнящих родства, ограничить их историческую память «историей революционного движения». Как только во время войны советские руководители дозрели до понимания простой истины, что без опоры на историческую память народа врага победить нельзя, в 1944 г. наиболее важным проспектам, улицам и площадям Ленинграда были возвращены их исторические названия. Следующая волна возвращения имен пришла на конец 80-х – начало 90-х гг. XX в., когда вернул себе подлинное имя и сам город. Этот процесс продолжился и на рубеже тысячелетий. Видимо, не завершен он и сегодня. Так или иначе, но благодаря изменениям последних десятилетий сегодня можно говорить о том, что топонимика Петербурга (и в этом смысле ситуация в «северной столице» гораздо лучше, чем в большинстве других российских городов) достаточно адекватно отражает основные этапы развития города. Она может быть рассмотрена как сложившаяся система, развитие которой регулируется определенными тенденциями, носящими исторически весьма устойчивый характер.

Топонимика имперского Санкт-Петербурга, советского Ленинграда, современного города Петербурга среди других тенденций отражала и отражает взаимоотношения страны, города, его

жителей с иностранными государствами, выходами из этих государств, городами, с которыми Петербург так или иначе связан, меняющуюся со сменой эпох оценку тех или иных государств и связанных с ними государственных деятелей и представителей культуры. Цель предпринятого исследования, часть результатов которого отражена в данной статье, состояла в том, чтобы выяснить, в какой степени в топонимике отразился процесс формирования и развития Петербурга как европейского города, российского «окна в Европу», можно ли появление и эволюцию «европейских» топонимов рассматривать как одну из характерных для него топонимических тенденций, понять, каково ее место среди прочих тенденций, характерных для петербургской топонимики.

Говоря о методологии исследования, необходимо отметить ее следующие основные положения: топонимическая информация систематизирована по странам в алфавитном порядке и с учетом этапов развития города (имперского, советского, постсоветского); к топонимам, подлежащим учету и изучению, отнесены те, что воспринимаются горожанами как связанные с иностранными государствами после 1991 г.; анализировались как официально зарегистрированные, так и бытовавшие неофициально топонимы; городские названия, получившие свои имена от лиц иностранного происхождения, рассматривались в контексте данного исследования только в том случае, если эти люди родились за пределами России (так, название «площадь Растрелли» учитывалась, поскольку Ф. Б. Растрелли родился в Италии, а название «улица зодчего Росси» – нет, так как К. Росси был коренным петербуржцем, хотя и итальянского происхождения); отдельно характеризовались те топонимы, чье происхождение было обусловлено связями Петербурга с миром, но которые постепенно русифицировались и в массовом сознании никак не связывались с зарубежьем; в ходе исследования учитывалось, что на момент их появления не все топонимы воспринимались петербуржцами как связанные с иностранными государствами. В этом смысле, например, название «Финляндский вокзал» не может быть использовано для характеристики состояния топонимики «иностранного» происхождения и ее восприятия горожанами в этом контексте в конце XIX – начале XX в., так как в этот период Финляндия входила в состав Российской империи. При взгляде на нее из Петербурга она не воспринималась как иностранное государство. По отношению к советскому прошлому то же самое можно сказать о топонимах, обязанных своим происхождением бывшим советским республикам. В качестве основного источника информации о петербургских топоним

мах использовалась «Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга» [1], где собрано 15 тысяч городских имен. Так как в энциклопедии приведены названия не только в пределах городской черты Петербурга, но и топонимы пригородов и окрестностей, входящих в административные границы города, то этот принцип был положен и в основу данного исследования.

Как показал анализ по названным выше критериям, из 15 000 топонимов к «иностранным» названиям, причем в исторической ретроспективе, может быть отнесено 284, или 1,9% петербургских топонимов. Из этого числа в современном Петербурге бытует 205 подобного рода названий, а 79 бытовали в прошлом. Среди этих 284 топонимов можно выделить следующие типы: названия «географического» характера, не привязанные к определенной стране (Дунайский проспект); топонимы, отсылающие к названиям тех или иных стран в целом (Итальянская улица), утраченным историческим наименованиям территорий (Журляндская улица); названия «в честь» тех или иных городов (улица Турку); топонимы, возникшие или от имен лиц иностранного происхождения (остров Голодай) или названные «в честь» них (улица Сикейроса). Всего в городской топонимике отражены названия, связанные с 37 современными государствами. Из них 27 европейских, шесть азиатских, два латиноамериканских и одно североамериканское. При этом на долю неевропейских стран приходится всего 14 топонимов.

Весьма существенно, что только 48,9% названий иностранного происхождения, назовем их, для удобства употребления, «инотопонимами», появились тогда, когда могли восприниматься петербуржцами именно таковыми. Остальную и, как видно, чуть большую часть составляют топонимы, отражавшие в момент появления российскую, или, во времена СССР, советскую географическую и культурно-историческую реальность. Так, например, с территориями и культурой бывших республик СССР связано 44,4% современных «инотопонимов». После распада Советского Союза появилось только пять топонимов, обязанных своим происхождением «ближнему зарубежью». Остальной процент дают Польша и Финляндия, до 1971 г. входившие в состав России.

Используемая здесь периодизация истории развития топонимики Петербурга несколько отличается от обычной периодизации истории развития города. Она основана на периодизации, использованной авторами «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» [2], только представлена она в более обобщенном виде и с единственной поправкой, оправдываемой задачами исследования: несколько названий, отне-

сенных в энциклопедии к «доурбанистическому периоду», то есть возникших до 1703 г., учтены в числе топонимов, отнесенных к периоду 1703–1849 гг., который может быть обобщенно назван временем формирования городской топонимической структуры и топонимики городского центра. Второй период можно определить как время волевого упорядочения городской топонимики и формирования топонимики городских окраин. Третий – это советский период, начиная с первых советских переименований в 1918 г. и до 1988 г., до которого сохранялся идеологизированный подход к городской топонимике, и, наконец, четвертый – постсоветский период, начиная с 1989 г. и по настоящее время.

Если давать общую характеристику распространенности «инотопонимов» в различные периоды, то нужно отметить, что из них 48% возникли до 1918 г., 4,6% – после 1990 г. Остальные, соответственно, в советский период.

В данной статье дается описание того, как приведенные выше методологические принципы были применены к изучению «инотопонимов», возникших до 1918 г., когда к годовщине прихода власти большевиков последовала первая волна советских переименований, последствием которой стало как исчезновение ряда дореволюционных «инотопонимов», так и появление новых, связанных с идеологическими установками большевиков.

К первому периоду в развитии топонимики города может быть отнесено 5,4% «инотопонимов». Одним из первых получил имя небольшой остров в приморской части города – Новая Голландия. «В этом районе многое – эллинги и лесные склады, каналы и часто звучащая иностранная речь – напоминало Петру о любимой им Голландии, и название уже при его жизни стало официальным» [3]. Но, как правило, для этого периода характерно стихийное формирование городской топонимики, а попытки ввести в этой области государственное регулирование, первые из которых были предприняты еще при Анне Иоанновне, имели только весьма ограниченный успех. Пример такого успеха – Итальянская улица, официально поименованная еще в 1739 г. Но в этом названии, как и, например, в названиях «Английский проспект» или «Английская набережная», официально признанных много позднее, не было никакого идеологического посыла. Просто констатировалось, что параллельная Невской перспективе улица заканчивается у Фонтанки напротив дворца, прозванного Итальянским. По одной версии – потому, что был построен в стиле итальянских палаццо, а по другой – что его автором был итальянец, имя которого история не сохранила. Названия со словами «английский», «немецкий», «греческий» отражали слободской характер расселения иностранцев в первый пе-

риод развития города. А Иностраный переулоч на Васильевском острове «в 1820-х годах получил существующее название по дому № 2/2 на углу 13-й линии, который со второй половины XVIII века принадлежал Коллегии иностранных дел» [4]. Так что и здесь никаких идеологических мотивов не было.

Некоторые названия той эпохи, как, например, остров Голодай, возникли в результате народной этимологии – как в данном случае, в результате лексического искажения фамилии английского «оспенного» врача Т. Голлидея, владевшего участком на этом острове. По-видимому, под влиянием этого способа порождения петербургских топонимов возникли и некоторые поздние легенды петербургского топонимического фольклора. Так, к английским фамилиям и мифическим владельцам домов и участков стали сводить происхождение Гороховой (Гаррах) и Бармолеевой (Бромлей) улиц. Эти легенды, не подтверждаемые источниками, живут и сегодня.

В целом можно констатировать, что в XVIII в. – большей части первой половины XIX в., когда топонимика Петербурга, отражая то, как проходило заселение города выходцами из Европы и усвоение городом начал европейской культуры, вполне адекватно зафиксировала процесс становления Петербурга как не только русского, но и, одновременно, европейского города. И дело здесь не в количестве топонимов, а в сути тех процессов, которые выражали «инотопонимы» того времени.

В 1836 г. было принято решение ввести сквозную нумерацию всех домов на улицах Петербурга. Это потребовало и строгой фиксации названий городских улиц. Начался второй этап развития петербургской городской топонимики. К этому периоду относится 42,6% городских названий, которые могут быть отнесены к числу современных «инотопонимов». Характеризуя этот второй период в развитии топонимики Петербурга, нужно отметить, что для него характерна четко выраженная государственная политика в области столичной топонимики. Она должна была отражать роль Петербурга как столицы огромной империи. В топонимике стал использоваться тематический принцип, и, например, в Нарвской части улицы получали наименования по названиям исторических частей Прибалтики и прибалтийским городам. В этот период появились и многие будущие «инотопонимы», связанные с Белоруссией, Польшей, Украиной, Финляндией. И если современному петербуржцу они напоминают о городах и всех государствах – ближайших соседях, то жителям города имперского времени они рассказывали о различных губерниях Российской империи и Великом княжестве Финляндском.

Необходимо отметить, что смысловая нагрузка многих «инотопонимов» того времени сегодня не может быть в полной мере понята без учета конкретно-исторических обстоятельств того времени. Так, например, смысл названия «Лифляндская улица» заключался не только в том, что она вела в сторону прибалтийской губернии с таким же названием. У петербуржцев XVIII–XIX вв. названия «Курляндия» (в Нарвской части есть улица и с таким названием) и «Лифляндия» в первую очередь ассоциировались с немецкой общиной Петербурга, так как многие ее члены были родом именно оттуда. В районе Лифляндской улицы было сосредоточено множество земельных участков, предприятий и домовладений, принадлежавших «петербургским немцам». Так, например, как пишет знаток истории этого района В. И. Ходанович, во владении петербургского «сахарного короля», владельца текстильных предприятий А. Е. Кенига к 1872 г. «оказалась вся территория... ограниченная Екатерингофкой, набережной Обводного канала и Лифляндской улицей» [5]. А специалист по истории иностранного предпринимательства в дореволюционном Петербурге К. К. Вишняков-Вишневецкий обращает внимание на то, что хотя строительством бумагопрядильни Кенига на Лифляндской улице руководил архитектор Н. В. Трусков, «его помощником был... А. И. Рейнбольдт. В дальнейшем в строительстве бумагопрядильни... принимали участие архитекторы В. В. Виндельбант, К. К. Шмидт, А. Р. Гавеман» [6]. Немцы владели, немцы строили, немцы здесь жили.

Что касается тех «инотопонимов», которые воспринимались таковыми и в рассматриваемый период, то их совсем немного. Наиболее известный случай – это переименование в 1902 г. Гагаринской набережной во Французскую. Франция тогда была ближайшей союзницей России, а в 1902 г. в Петербурге гостил президент этой страны Э. Лубэ. Можно также вспомнить, например, что еще в 1860-е гг. в Павловске появились две Оранские улицы, в честь родственной Романовым нидерландской династии Оранских, а в 1914 г., видимо, в связи с тем, что в начале Первой мировой войны русским войскам удалось занять принадлежавший Австро-Венгрии Львов, на глухой городской окраине, в районе Пискаревки, свое имя обрела Львовская улица. Так в топонимике Петербурга отразился взятый еще Николаем I курс на утверждение самодостаточности Российской империи. В утверждении своей европейскости, в том числе средствами топонимики, империя и ее столица более не нуждались. Скорее, наблюдалась обратная тенденция – отказ от некоторых «инотопонимов». Крайним проявлением этой тенденции стало переименование самого города в Петроград.

Примечания

1. Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имен / авт.-сост. А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев, А. Б. Рыжков и др. СПб.: Информа.-изд. агентство «ЛИК», 2003.
2. Там же. С. 33.
3. *Беляева Г. И.* Прогулки по старой Коломне. М.: Центрополиграф, 2009. С. 272.
4. *Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д.* Дома и люди Васильевского острова. М.: ЗАО Изд-во Центрополиграф, 2013. С. 135.
5. *Ходанович В. И.* Леопольд Егорович Кениг – виднейший петербургский предприниматель XIX века // Университетский журнал. 2012. № 2. С. 158–159.
6. *Вишняков-Вишневецкий К. К.* Иностранцы предприниматели в Нарвской части Санкт-Петербурга (конец 1850-х – начало 1880-х гг.) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 1. С. 35.

УДК 81+008+130.2

И. Е. Фадеева

**РУССКАЯ МАТРЕШКА,
ИЛИ «БЕЗДНЫ ДУХА»
(К ВОПРОСУ О РУССКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЕ)**

В статье рассматривается русская национальная концептосфера. Автор выделяет три ее уровня: концепты повседневного сознания (протоконцепты), художественные, философские концепты. Основная направленность статьи заключается в переосмыслении идеологических стереотипов и в попытке обосновать значимость для отечественной культуры философской и художественной концептуализации.

The article discusses the Russian national *conceptosphere*. The author distinguishes three of its levels: the concepts of everyday consciousness (proto-concepts), artistic, philosophical concepts. The main thrust of the article is to rethink the ideological stereotypes and justifying the significance of philosophical and artistic conceptualization.

Ключевые слова: концепт, символ, национальное сознание, индивидуальное сознание, экзистенциальный опыт.

Keywords: concept, symbol, national consciousness, individual consciousness, existential experience, cognitive space.

Ключевое значение исследований национальной концептосферы и механизмов концептуализации сегодня связано с затронутыми все слои социального, экономического и культурного бытия процессами модернизации. Включенные во множественные контексты плюралистической вселенной, интеллектуальное и социальное состояние индивида в существенной мере обеспе-

чивается развитием его концептуального мышления, предполагающего, в свою очередь, нестандартное решение новых задач, основанное на системе интеллектуальных практик, не повторяющихся, а, напротив, опровергающих сложившиеся стандарты и *habitus*'ы.

Русская концептосфера – предмет многочисленных исследований: стремление разглядеть национальную ментальность и культуру сквозь призму языковых концептов – «сгустков культуры в сознании человека» (Ю. С. Степанов), начиная с Д. С. Лихачева и А. Вежбицкой, – породила несметное количество статей и монографий. Все имеющиеся сегодня позиции можно условно разделить на два противостоящих лагеря – отнюдь не новых в поле русского самосознания и национальной идентичности. С одной стороны, это приписывание национальному сознанию свойств энтропийности, фатализма, неопределенности (согласно, например, известной точке зрения А. Вежбицкой). С другой – истолкование тех же черт как некоторой, якобы исконно присущей русскому человеку, душевности, совестливости, духовной сложности. Крайности, как известно, сходятся: обе позиции исходят из негласно принятого допущения фольклорно-этнографического характера русской концептосферы, представленной преимущественно в повседневных языках и кодах. Однако при отсутствии этой вызывающей сомнения, но внятной идеологической платформы выявления опорных концептов («ключевых идей») отечественной культуры становится частичным, неполным, так или иначе отягощенным субъективной позицией исследователя, а также циркулирующими в современном социуме мифологемами или идеологическими стереотипами. Дело в том, что концептосфера – не готовый набор устоявшихся концептов и семиотических единиц, а амбивалентный процесс концептуализации/деконцептуализации. Отсюда невозможность собственно лексикографических описаний: обнаруживая не только полисемантическую, но и семантическую амбивалентность, двойственность, постоянную открытость к смысловым, синтаксическим или метафорическим переносам и перевертышам, именно концепты национальной культуры выявляют ее сложный, сверхсистемный характер.

В то же время очевидно, что любые прочтения отечественной ментальности в ее точном, хотя и постоянно мерцающем, зыблющемся зеркале – в русской концептосфере обнаруживают не только зависимость от идеологических установок наблюдателя, но и от понимания природы концепта.

Являясь калькой термина «понятие», в современном русском научном дискурсе термин «концепт» все более уходит от своего первоначального значения. В частности, именно на противо-

поставлении их семантики основана, по словам В. З. Демьянкова, общая концепция нового семантического словаря русского языка под редакцией Н. Ю. Шведовой [1]. Противопоставляя концепт и понятие, С. С. Неретина отмечает такие его характеристики, как взаимоинтенциональность, обусловленную встроенностью в коммуникацию, и поэтому нагруженность интерпретациями, многомерность, «смысловую напряженность». В отличие же от концепта, понятие характеризуется логическим значением, не зависящим от естественного языка [2].

Концептосфера – это открытая система, постоянно воспроизводящая себя посредством деятельности индивидуального сознания: не результат, а *процесс* концептуализации. С этим связана проблематичность любой тематической или семантической типологии концептов: уровни концептосферы определяются различием интеллектуальных практик производства смыслов. Поэтому нужно говорить, вслед за С. С. Неретиной, о субъектности концепта, поскольку пространство его формирования (в частности, согласно средневековой западной философии – а именно такое понимание, по мнению Неретиной, становится актуальным сегодня) – это «пространство души» [3]. Но признание субъектности концепта влечет за собой важный вывод: производство концептосферы – реализация письменной, а не устной культуры, текстовой деятельности, а не устной традиции (речевых стереотипов или ритуально-фольклорных формул, в том числе и нарративных). Фиксируя выход субъекта за пределы собственного *я* в *иное* – в текст, письменность является формой существования интеллектуальной рефлексии, способом представления экзистенциального опыта. И, в отличие от устного слова, – «выходом за рамки означивания» [4].

Из сказанного следует и признание уровневого строения национальной концептосферы: степень вовлеченности субъекта в формирование концептов определяется степенью вовлеченности в производство текстов (степенью превращения умений и навыков письма в экзистенциальную потребность письма). Это согласуется с представлением об уровне строении человеческого сознания и, что особенно значимо, с идеей Ю. М. Лотмана об уровне строении семиосферы, включающей в себя ядро и периферию. Однако если в случае семиосферы «ядро» представляют наиболее значимые для культуры *тексты*, то для концептосферы значим другой аспект. Это *степень участия субъекта* в открытии («схватывании») нового смысла. При этом ситуация противоположна и собственно языковой ситуации. В частности, если лексическое богатство национального языка предполагает наличие базового стереотипного «ядра знаний» [5], то

«ядро» концептосферы отнюдь не обязательно совпадает со стереотипными знаниями большинства, а часто и просто противоположно его стереотипам и общепринятым представлениям. В отличие от негласно признанной модели, приписываемой «народу-языкотворцу» ключевые позиции в формировании концептов и концептосферы (по схеме «народ – языковой концепт – национальная концептосфера/культура»), следует признать все большую актуальность противоположного пути: «индивид – индивидуализированный концепт – культура». Концептосфера не совпадает в своих границах со сферой языковой семантики, но выстраивается над ней и *перестраивает* ее. Иными словами, качественные характеристики концептуального пространства национальной культуры и его проекции в область массового сознания посредством образовательных практик и информационных технологий определяются индивидуальными интеллектуальными усилиями и продуцируемыми ими концептами.

Концептосфера – это иерархизированная открытая система, существующая в качестве подвижного, постоянно воспроизводимого *индивидом* процесса концептуализации, и поэтому не поддающаяся семантико-тематической типологии: ее уровни определяются различием интеллектуальных практик продуцирования и коммуницирования смысла.

Предлагаемая нами модель уровневого строения концептосферы [6] основана на степени участия в производстве концептов *субъекта* – индивидуально выработанных им интеллектуальных практик и экзистенциального опыта. Базовыми для любой национальной культуры, на наш взгляд, являются следующие уровни: уровень протоконцептуализации в формах обыденного языка, художественная и философская концептуализация. К этому можно добавить сферу религиозной концептуализации. Являясь промежуточной между художественной и собственно философской (или, напротив, их синкретически-нерасчлененным образом), эта сфера составляет отдельную концептуальную область, связанную с религиозными практиками и рефлексией индивидуального религиозного (экзистенциального, мистического, интеллектуального) опыта.

Периферию национальной концептосферы в ее *синхронном* измерении составляет *протоконцептуализация*, закрепляемая в языке повседневного общения. Это сфера обыденного сознания и наивной картины мира, включающая в себя этнические, фольклорные, архетипические образы и представления. Это сфера «здорового смысла», который, по словам Ж. Делеза, «играет главную роль в сигнификации, но не играет никакой роли в даровании смысла» [7], не только не совпадающего с индивидуальным, но и враждебного ему.

Но это и место существования символических миров – дорефлексивных и амбивалентных [8], но требующих рефлексивного означивания – то есть трансцендирования в *иное* посредством перевода в метафорические образы, в метаязыковые описания, во вторичную символику искусства. Уровень протоконцептуализации представляет собой аморфное, не структурируемое целое, тонущее в подвижных, симультанных коммуникативных практиках, затвердевая в устойчивых формулах фольклора или обрядовых стереотипах. С легкой руки романтиков повторяющиеся языковые формы фольклора оказались конвертированы в метаязык научного описания, породив странный вариант фольклорно-этнографической русской ментальности, представленной, однако, не в устной речевой коммуникации, а в письменных научных текстах, осуществив в дальнейшем обратное движение: проекцию на ментальность народа и его, понимаемую как архетипичную, аксиосферу. Причем результатом такого попятного движения стало формирование представлений о ментальности русского человека как о наивной, упрощенной, нон-интеллектуальной, досубъектной. Символом ее могла бы стать стилистика матрешки – «экспортный» вариант русской культуры, не учитывающий ее интеллектуальной насыщенности и исторической многоплановости.

При очевидной утопичности такого подхода бесспорной является формируемая в недрах русской гуманитарной мысли XIX столетия мысль о корреляции ценности и концепта – корреляции, которая прослеживается на всех этапах историко-культурного процесса: концептосфера находится с аксиосферой в отношениях изоморфизма и взаиморефлексии. Однако обнаружение релевантных той или иной культуре концептов, опираясь на априорно принятую систему ценностей, оказывается в прямой зависимости от обнаружения ценностей на основании выделяемых концептов: концепты определяются ценностями, но ценности, в свою очередь, определяются концептами. Этот замкнутый круг несложно разомкнуть, приняв во внимание исторически изменчивый характер взаимодействия концептов и ценностей, промежуточный, «не готовый» характер фольклорно-этнографического уровня концептуализации (завершаемого посредством теоретического описания исследователем-наблюдателем), а также изменчивость архетипического пласта аксиосферы, что обусловлено постоянно действующей деконструкцией текстов культуры.

Без учета этих факторов создаваемая модель русской национальной концептосферы обретает «матрешечный» характер и в плане своей структуры: речевая коммуникация оказывается спрятанной в «матрешке» научного (романтического

или славянофильского) метатекста, образуя с ним идеологизированный симбиоз, также по своей сути напоминающий матрешку. Так, признанными лингвоспецифичными концептами русской культуры стали «тоска», «скука», «судьба», «удача» (и ряд других), определение которых в качестве ключевых во многом стало повторением идеи А. Вежбицкой о характерологических чертах русского национального менталитета. Преобладание эмоционально окрашенной лексики в русском языке (Г. А. Тульчинский называет цифру 40% [9]) дает основания говорить о значимости ценностей «сердечности», «душевности» (коррелирующих, в свою очередь, с концептами «душа», «сердце» и подобными). Надо сказать, что это наблюдение вполне согласуется с идеологией славянофилов, противопоставивших рационализм и индивидуализм западной культуры отечественной соборности.

Невозможно не признать, тем не менее, идеологизированный, манипулятивный характер таких построений по двум причинам. Во-первых, национальная концептосфера не может быть рассмотрена на лексикографическом уровне, поскольку концепт, являясь сложным смысловым образованием, не укладывается в границы слова, реализуясь и продуцируясь в процессе порождения и понимания текста. Во-вторых, за тенденцией выявления «ключевых» идей и базовых ценностей всегда стоит определенная идеология. При этом неважно, как оценивается русская ментальность: как энтропийная, фаталистическая, не творческая, в случае Вежбицкой, или как наделенная особой душевностью – в неославянофильском варианте, или, в варианте Д. С. Мережковского или Н. А. Бердяева, включающая в себя «две бездны», в том числе «бездну духа» [10]. Определение русской аксио- и концептосферы как основанных на мироощущении, «которому свойственны чрезвычайно высокое нравственное чувство, этика предуготовления к вневременному спасению, дизмотивация к жизни в реальном мире и ее проявлениям (собственности, здоровью, своему и чужому труду), их правовым гарантиям» [11], должно быть если и не оспорено, то по крайней мере дополнено. При этом следует согласиться с его автором Г. А. Тульчинским в том, что русская культура – это культура не этническая, а имперская: надэтническая. Но именно поэтому русская концептосфера – это порожденная русской идеей империи и свободы (используя выражение Г. Федотова) система *личностно ориентированных, рефлексивных* концептов, основанных на эмоционально-оценочном переживании экзистенциальных вопросов и ценностей. Можно с уверенностью утверждать, что концепты обыденного сознания являются *вторичными* по отношению к концептам письменной культуры и возникают в результате вторичного конструирования со

стороны последней, зависимой от доминирующих идеологизированных кодов.

Но говоря о современных языковых процессах (отражающих исторические метаморфозы сознания и трансформации национальной концептосферы), следует указать на вымывание целого пласта лексики, связанной с обозначением чувства [12]. И потому же – в силу того, что русский язык «тропирован, а не термирован» [13], концептуализация иных ценностей, связанных с интеллектуальными практиками в усложняющемся модернизационном мире, происходит на основе символично-метафорических сгущений.

Еще раз подчеркнем, уже в новом контексте: концептуализация как продуцирование концептов и их смысловая динамика в процессе интеллектуальной и коммуникативной деятельности может осуществляться исключительно в рамках письменной культуры, которая *не является* простым продолжением дописьменной традиции, а представляет собой столь же *первичное* по отношению к коммуникации начало, как и речь устная. Письмо в этом контексте – не акт вторичного означивания устной речи, а самостоятельная форма интеллектуальной деятельности, определяющая – в ситуации письменной культуры – устные формы, хотя вымывание культуры письма и прекращение доминирования письменных текстов в современном российском образовании и, соответственно, в социуме приводит к возврату в дописьменную – устную – стихию. Характерный для современной отечественной культуры постимперский разлом стал разрушительным не только для имперской системы ценностей и концептов, но и для тех концептов и ценностей, которые традиционно были обозначены как традиционные, именно потому, что они были производными от интеллектуальных практик письменной культуры.

Фольклорно-этнографический протоконцептуальный субстрат перестал действовать, равно как и надэтнический – имперский, свидетельствуя еще раз о деструкции национального семиозиса.

На наш взгляд, основным уровнем русской национальной концептосферы следует признать уровень текста как формы существования письменной культуры, включающей в себя фигуративный пласт и в то же время интерпретируемой в критических, научных, публицистических метатекстах. При этом письменная концептуализация, представляя собой процесс, а не результат, основанная на динамическом взаимодействии текста и интерпретации, в современном литературном тексте включает в себя интерпретативные модели не только посредством гипер- и интертекстуальных отсылок и вкраплений, но и в результате гиперрефлексивности самого текстуального пространства. Художественный концепт как бы соединяет

философскую и обыденную дискурсивность. Однако это соединение иллюзорное, кажущееся: художественная концептуализация – не синтез, а выход за пределы, открытие иного смысла – смысла субъективности. Художественный концепт диалогичен по своей природе, поскольку включает в себя не только направленность на адресата, но и диалог с традицией, не только рефлексия автора (диалог с собой), но и его «диалог» со временем, причем двойная рефлексия, лежащая в основании художественных концептов, выводит их за пределы классической рациональности – являясь путем к рациональности неклассической и постнеклассической. И особенно это важно для русской культуры, поскольку художественный концепт с его нацеленностью на понимание (которое не может быть развернуто «в линейной последовательности рассуждения», единицей которого является предложение [14]) связывает русскую классику с постнеклассическим интеллектуальным пространством. Можно утверждать, что русская классическая литература, основанная к тому же на «тропичесности» русского языкового сознания, на излете прошлого столетия стала основанием существенных изменений природы концепта.

Центральное место в концептосфере занимает философская концептуализация, без которой культура теряет свою внутреннюю «арматуру» (если философия, согласно Цицерону, – это культура души, то и бытие культуры определено и «армировано» наличием философии). Сплавом существования философских концептов является уже не собственно текст, а «письмо» как постоянно воспроизводимая деконструкция, или, используя выражение Ж. Деррида, «бытие-в-деконструкции» [15].

И художественная, и философская концептуализация являются продуцированием смысла – смысла как *выхода за пределы* общеизвестного. Но в процессе социокультурной интеракции, будучи встроенными в системы образования или СМИ, концепты философских или художественных текстов и дискурсивных практик совершают попятное движение: трансформацию в стереотипы здравого смысла и обыденной (традиционной, или *квазитрадиционной*) рациональности. Собственно же протоконцептуальный уровень становится предметом художественной и философской рефлексии и обретает самостоятельное бытие, пройдя через завершающее сознание исследователя (с его идеологемами, пресуппозициями, предпочтениями) или художника (с его экзистенциальными интенциями и художественными пристрастиями). Но при этом являясь более или менее точным слепком, более или менее зыбкой тенью когда-то вброшенных в интеллектуальное пространство философских или художественных интуиций. Зафиксированные в письмен-

ных текстах концепты обыденного сознания становятся стереотипами, все более обнаруживая свойства симуляции и симулякра.

Убедительным примером сказанному служит анализ выделяемых в современных лингвокультурологических исследованиях ключевых концептов или «ключевых идей» русского языка, основанных на негласно принятом допущении совпадения культуры и лексики. Формируемый на протяжении XIX в. концепт «русскости» на деле оказывается философско-эстетическим конструктом, обоснованным мифо- и идеологемами начиная с теории официальной народности и заканчивая идеализацией крестьянской общины славянофилами и народниками. Пропущенная через собственный экзистенциально-религиозный опыт теоретиков славянофильства, рефлексия «русскости» предстала посредством концептов соборности, душевности, нерациональности, противопоставленных индивидуализму и рационализму западного человека, вернувшись позднее в коллективное самосознание в виде штампов и стереотипов. Основанное на этом попятном движении, лексикографическое описание национальной концептосферы становилось описанием фольклорно-этнографических проекций, формируемым метаязыком соответствующих научных дисциплин, приводя к имитационным заменителям реальных социокультурных процессов.

Особую важность для русской культуры представляет художественная концептуализация. Причиной этого является относительно позднее формирование собственно философских концептов, хотя именно появление философской концептуализации становится определяющей характеристикой национальной концепто- и семиосферы, ее высшим и удерживающим все остальные уровнем – признаком сформированной национально-культурной идентичности (с этой точки зрения, развитие русского варианта философии марксизма в XX в. стало основанием идентификационных процессов, весьма успешно развившихся в концепте советского человека). В русской культуре компенсаторным механизмом, замещающим философскую концептуализацию, стал литературный текст. Отсутствие философской мысли в средневековой Руси и характер русского философствования, основанного, по словам русского религиозного философа В. Ф. Эрнана, на «онтологизме» и «персонализме» [16], определили симбиоз русской философии XIX – начала XX в. и литературно-художественных и публицистических текстов, сделав русскую литературу преимущественным пространством русской концептосферы, сформировав «опережающий» характер концептуализации «по-русски». Сравнительно медленное оформление дискретно-понятийного способа философствования и

«нетерминологичность» языка стали причиной особой «символической» концептуальности в том значении, которое придавалось символу и символизму Н. А. Бердяевым или А. Белым и которую символисты находили в классической традиции XIX в. от А. С. Пушкина до Ф. М. Достоевского. Русская литература, приняв на себя функции иных сфер концептуализации, заняла тем самым место философии в культурной жизни России с конца XVIII и до начала XX в., образовав с собственно философией сложный, явно предваряющий постмодернистские стратегии, дискурс. Размытость, метафоричность, ассоциативность такой концептуализации, ее всегда незавершенный характер (тяготение не к однозначности понятия, а к бесконечной глубине символа) не разрушали концепт, а, напротив, выявляли его специфичные качества. В частности, художественный концепт в значительно большей мере, по сравнению с философским, характеризуется такими чертами, как амбивалентность, единичность, суггестивность, способность к репрезентации экзистенциального опыта, не всегда поддающегося рациональным формам означивания. Черты размытости в соединении с предполагающей целый спектр интерпретативно-интеллектуальных проекций точностью, например, приобретают в русском сознании и концепты, формируемые сегодня в рамках гуманитарной мысли и публицистики. Примером может служить концепт «русской власти» [17], трансформирующий понятие власти в символическо-метафорический образ, предполагающий наличие метафизического смысла: обоснование русского «пути» (со всеми художественными коннотациями этого слова от А. С. Пушкина до А. А. Блока), политической истории и места России в мире.

Воплощая опыт индивидуального философствования, с одной стороны, и, с другой, имея, используя выражение Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «подпись» [18] своего создателя, русский литературный текст связан, прежде всего, с *этическим* экзистенциальным опытом, и в то же время – с обыденным сознанием, выражая интуиции «схватывания» опыта коллективного. Наиболее известным примером может служить концептуализация «маленького», или «лишнего», или «подпольного» человека. Не менее убедительным представляется концепт «вечно бабьего» Н. А. Бердяева (созданный в результате двойной рефлексии: индивидуального повседневно-опытного, с одной стороны, и рефлексивно-аналитического прочтения сочинений В. В. Розанова – с другой [19]). Заслуживает внимания и концепт «лени» как антитезы «трудности, ответственности, драматичности западной всемирной истории» [20], также основанный на прочтении Розанова. Увиденный сквозь двойную призму – экзистенциаль-

но-этического опыта Розанова и экзистенциальной рефлексии самого Бердяева, – концепт лени предстает как грань амбивалентной природы русского сознания и самосознания, где «мессианизм “лени” и частной скромности» соединен с «жаждой абсолютной жизни» и «невозможностью примириться на жизни относительной» [21]. При этом совершенно очевидно, на наш взгляд, что концептуализация лени *не является* формой национального самосознания как такового (достаточно вспомнить Н. А. Некрасова с совершенно иной концептуализацией труда и лени). «Лень» представляет собой *вторичный* концепт – акт схватывания экзистенциально пережитого *исторического* опыта (сквозь призму текстов) и прочтения рефлексивного по собственному экзистенциальному поводу В. В. Розанова. Но тот же концепт «лени» в рамках теории русской языковой ментальности предстает как результат *эстетического* опыта – прочтения текстов от сказки про Емелю (уже пересказанной собирателями и издателями) до романа И. А. Гончарова. Интересно, что лень сказочного персонажа стала любимым примером при характеристике отечественной ментальности для реформаторов 90-х гг., находя подтверждение в «лени» Обломова. Очевидно, однако, что лень Емели, лежащего на печи, и «лень» вечного труженика В. В. Розанова – не более чем концептуальные омонимы, не позволяющие судить о национальной ментальности, но говорящие лишь о целом веере различных *идеологических* трактовок в зависимости от «горизонта понимания», системы ценностей и интеллектуального тезауруса трактующего.

При ближайшем рассмотрении такими же концептуальными омонимами предстают и концепты «душа» или «скука» («русская хандра») – при полном забвении иронического пассажа А. С. Пушкина об «английском сплине», играющем «на понижение», родственного, например, его же «...Звала Полиною Прасковью...». Иными словами, художественная концептуализация легко становится полем идеологических спекуляций, не выявляя концептуального смысла, но подменяя его идеологизированными культурными кодами.

Можно утверждать, что художественная концептуализация основана на целостном схватывании разрозненных элементов переживания неструктурированной реальности и приблизительно, растождествленном, «абрисном» представлении становящегося «неготового» смысла, а не на логических пропозициях и заранее известных философских дискурсивных кодах (понятиях, которые, говоря словами Ж. Делеза и Ф. Гваттари, имеют «предел»). Именно поэтому она становится почвой для *не представленных* на уровне лексем интеллектуальных интуиций, открывающихся индивидуально «вопрошающему»

сознанию и обоснованных экзистенциальным опытом и автора, и читателя. Художественная концептуализация вовлекает в бесконечный гипертекстуальный драйв в погоне за ускользающим, бесконечным смыслом, становясь частью «письма» как трансцендирования экзистенциального опыта. В этом плане русский литературно-художественный концепт опережает появление интеллектуальных практик рубежа XX и XXI вв.

Помимо утверждения экзистенциально-этического характера русской концептуализации, следует обратить внимание и на другое. Философская концептуализация, всегда предполагающая индивидуальный экзистенциальный опыт и интуицию – «оболочку бесконечных движений мысли, непрестанно пробегающих некоторый план имманенции» [22], оказалась в русской культуре прочно привязанной к концептуализации художественной еще и постольку, поскольку была основана на *эстетическом* экзистенциальном опыте. Так, концепт Софии в русской софиологии и, в частности, в учении В. С. Соловьева, стал не только продолжением гностических и платонических учений, но и опирался на эстетический (используя выражение К. А. Свасьяна, «эйдети́ческий») опыт самого философа. Эстетический характер имел и философский концепт «положительного всеединства», исторически связанный с философско-религиозной системой славянофильства. Не случайной в этом контексте представляется и концептуализация В. Г. Белинским «идеи» художественного произведения, определяемой им как «пафос» – «страсть» поэта.

Персонологический характер русского философствования, определяющий связь философского и литературного текста, философской и художественной концептуализации, имеющей, в то же время, выраженный характер концептуализации экзистенциального опыта, в XX в. стал основанием для формирования персонологических и экзистенциальных концептов. Не касаясь концептов экзистенции в современной русской прозе, обратим внимание на экзистенциально-персонологическую и антропологическую герменевтику литературного текста М. М. Бахтина, выявившего концептуальные конфигурации диалогического взаимодействия Я и Другого и создавшего концепты «завершающего» сознания и «вне-находимости». Персонологический характер философско-эстетической теории Бахтина выразил характерную для русской философской традиции идею личности, «персоны» *не* как субъекта права или как субъекта знания (*cogito*) согласно западной традиции, но как субъекта имманентного самоконструирования, вместе с византийским исихазмом очертившим синергичное пространство взаимодействия Я и Другого. Персона как выход в трансцендентное посредством «ум-

ной молитвы» и стяжания благодати оказывается процессом выхода за пределы «эго» в пространство сверхличности.

В качестве итога отметим, что представление о концептосфере как определяемой индивидуальными интеллектуальными практиками, а концепта как результата интеллектуальной деятельности субъекта позволяет переключить исследовательскую мысль с изучения и тем самым легитимации повседневного сознания на историческую динамику культуры и встраивание ее в современное информационное пространство.

Примечания

1. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. ст. в честь академика Н. Ю. Шведовой. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2007. С. 606–622. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М.: Языки славянской культуры, 2005.

2. Неретина С. С. Концепт // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+»: РООИ «Реабил», 2009. С. 387.

3. Там же.

4. Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академ. проект, 2000. С. 20.

5. См., напр.: Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: КомКнига, 2006.

6. См.: Фадеева И. Е. Ступени концептуализации // Русский язык за рубежом. 2013. № 4. С. 62–67.

7. Делез Ж. Логика смысла. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. С. 109.

8. Фадеева И. Е. Символ и семиозис: актуальность символического // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4(4).

9. Тульчинский Г. А. Культура как ресурс и барьер // Инновации. 1912. № 5 (163). С. 76–77.

10. Развивая концепцию истории человечества как зеркального сопряжения двух «бездн» – «бездны плоти» и «бездны духа» и находя их наиболее полную реализацию в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, Д. С. Мережковский находит в русской культуре путь к апокалиптическому преодолению противоречия. См.: Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000.

11. Тульчинский Г. А. Указ. соч. С. 77.

12. См.: Эпштейн М. Н. Русский язык: система и свобода // Новый журнал. 2008. № 250. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html> (Дата обращения 25.09.2013)

13. Тульчинский Г. А. Указ. соч. С. 77.

14. Деррида Ж. Письмо и различие. С. 388.

15. Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 56.

16. Эрн В. Ф. Борьба за Логос // Эрн В. Ф. Соч. М.: Правда, 1991. С. 90.

17. Интересно в данном контексте сопоставление лингвистического (см., напр.: Шейгал Е. И. Власть как концепт и категория дискурса // Эссе о социальной власти языка. По итогам научного семинара «Социальная власть языка». Воронеж, 2001. С. 57–64.) и политико-культурологического (Ю. Пивоваров и А. Фурсов) понимания концепта власти («Русской Власти»).

Если Е. И. Шейгал рассматривает «власть» в контексте коммуникативных практик (в политическом дискурсе), выявляя, по сути, систему значений соответствующей лексемы и акцентируя внимание на власти как «говорении» – на власти языка, то Ю. С. Пивоваров и А. И. Фурсов предлагают понимание власти как культурно-исторического феномена в его «снятой» – метафизической – сути (Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // Pro et contra. 1999. Т. 4. № 4). На наш взгляд, при очевидной незавершенности этого второго подхода, он является более продуктивным с точки зрения прогностических возможностей и объяснительного пафоса. Сопоставление указанных трактовок обнаруживает и очевидные расхождения между лингвистическим и (философско-, историко- и т. д.) культурологическими подходами к концепту: недостаточность аксиологической фундированности концепта при узколингвистическом анализе приводит не только к очевидной неполноте его экстралингвистической составляющей, но и может стать причиной сужения собственно аксиологического поля до однозначности идеологических стереотипов.

18. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1998. С. 17.

19. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: АСТ, 2005.

20. Бердяев Н. А. Апофеоз русской лени // Бердяев Н. А. Мутные лики. М., 2004. С. 95.

21. Бердяев Н. А. Апофеоз русской лени. С. 96–98.

22. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? С. 54–55.

УДК 75(470.342)

Н. В. Кривошеина

МОНУМЕНТАЛЬНОЕ ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО ЛУЗСКОГО РАЙОНА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Вводятся в научный оборот сведения о художественном наследии Лузского района Кировской области в виде монументального церковного искусства.

Introduced into scientific artistic heritage Luza area of the Kirov region in the form of monumental religious art.

Ключевые слова: Кировская область, Лузский район, монументальное искусство.

Keywords: Kirov region, Kirov region, Luzsky area, monumental art.

Статья вводит в научный оборот информацию о памятниках настенной церковной живописи Лузского района Кировской области, выявленную в процессе экспедиционных исследований 2003, 2012, 2013 гг., представляет визуальный уровень атрибуционного обследования с учетом

© Кривошеина Н. В., 2013

последующей архивно-библиографической обработки полученных данных.

Лузский район – один из самых отдаленных, находится на северо-западе Кировской области, вошел в ее состав в 1941 г., ранее принадлежал Архангельской области, Северному краю, Вологодской губернии. Поселок Лальск – прежде – город – основан в 1570 г. переселившимися новгородцами.

Настоящая статья впервые представляет художественное наследие района в контексте сохранившегося исторического монументального церковного искусства: настенные росписи, иконостасы, лепные фигурные и орнаментальные элементы декора.

Хронологическая периодизация развития монументальной церковной живописи Вятки, обусловленная особенностями местного храмостроения, представляет три этапа. I период: середина XVIII – первая половина XIX в.; II период: вторая половина XIX – конец XIX в.; III период: рубеж XIX–XX вв. – 1929 год [1]. При этом XVIII в. настенной храмовой декорации Вятки почти не сохранился. Лузский район, исторически присоединенный к области позже, предполагал наличие убранства XVIII в., сохранившегося до настоящего времени, так как не испытал на себе воздействия специфически-местных процессов повсеместных перестроек и расширения храмов [2].

В ходе экспедиции работа велась по предварительной обзорной информации и программе, составленной с учетом географических направлений. На территории Лузского района были обследованы двенадцать действующих и недействующих церквей и часовен на предмет выявления сохранившегося исторического монументального и монументально-декоративного искусства, проводилась фотофиксация, составление схем иконографических программ сохранившихся росписей, визуальная атрибуция памятников.

Список обследованных церквей включает церковь Покрова на Лузе (1729, 1740–1750 гг., деревня Заборье), церковь Спаса Преображения (1748–1754 гг., деревня Слобода), церковь Благовещения (1732–1762 гг., поселок Лальск), церковь Успения (1791–1796 гг., поселок Лальск), церковь Богородицы (1763–XIX в., деревня Озёрская), церковь Благовещения (1857 г., деревня Егошинская), церковь Рождества Христова (1773 г., село Учка), церковь Иоанна Предтечи (1852–1860 гг., деревня Аксёновская), церковь Успения (1835–1844 гг., деревня Лопотово), церковь Троицы (1844 г., деревня Антипино), Никольская деревянная церковь (1875–1897 г., деревня Алёшево), деревянная часовня в деревне Сомово (1912 г.).

Воспетая архитекторами, церковь Покрова на реке Лузе (Близлальская, Подгорная, 1729, 1740–1750 гг.) в деревне Заборье, сегодня – открытый,

недействующий храм, находится сегодня в тяжелом аварийном состоянии (рис. 1) [3]. По письменным источникам известно, что церковь расписали в 1779 г. устюжские живописцы Адриан Протопопов и Семен Попов, которые написали семьдесят сюжетов на циклы Ветхого Завета, Семи церковных таинств, Страстного Христологического и Богородичного циклов, Пролога, Патерика, а также тридцать посвящений святым на откосах окон. В период 1817–1820 гг. в церкви иконописные, живописные и малярные работы выполнял лальский иконописец Федор Дмитриев Кузнецов. Известны также имена устюжан, которые работали в храме в середине XIX в.: Иван Калиновский, Николай Максимов Бубнов и Илья Иванов Бобыкин [4]. Верхний храм сохранил отдельные фрагменты убранства XVIII в. в виде живописи с палеографическим компонентом и лепных рам под сюжеты на своде, в четверике, алтаре, лестничном переходе. Интерьер нижнего храма также был расписан, однако остатки живописи XVIII в. в лепных рокайльных рамах значительно закопчены пожаром, затрудняющим идентификацию сюжетов.

Рис. 1. Вид на свод.

Церковь Покрова на Лузе (1729, 1740–1750 гг.)
дер. Заборье, Лузский р-н, Кировская обл.

Церковь Спаса Преображения (1748–1754 гг.) в деревне Слобода, более скромная по архитектуре, чем Покровская церковь, с точки зрения живописи, на сегодняшний день, дает ключ к пониманию всей местной храмовой декорации: она в большей целостности сохранила росписи XVIII в. в алтаре, на своде, стенах четверика. Степень со-

хранности интерьера дает представление о традиции исполнения храмового убранства: выбора композиционного размещения сюжетов, стилового и колористического решения, сочетания лепного и «писаного» декора в рамках клейм (рис. 2).

Рис. 2. Вид на свод.
Церковь Спаса Преображения (1748–1754 гг.)
дер. Слобода, Лузский р-н, Кировская обл.

В поселке Лальск на предмет наличия исторической церковной живописи были обследованы церковь Благовещения (1732–1762 гг.) и кладбищенская церковь Успения Богородицы (1791–1796 гг.).

Церковь Благовещения – действующая, находится в комплексе исторического архитектурного «сердца» города, хранит следы минувшего процветания Лальска, красоту наружного облика и остатки прежде богатого внутреннего убранства. Следует отметить храмовую скульптуру, наличие лепнины XVIII в., ростовые изображения святых на откосах окон, принадлежащих последнему слою живописи новейшего времени, иконостас 1866 г. В устройстве иконостаса принимали участие резчик Николай Пономарев и представитель уже упоминавшейся династии устюжских живописцев – Василий Калиновский, известной по убранству церкви Богоявления (1760–1781; 1820–1830-е; 1872 гг.) в селе Яхреньга Подосиновского района [5].

Успенская (1791–1796 гг.) кладбищенская церковь, перешедшая в статус действующей, в интерьере церкви сохранила раму двухъярусного «родного» иконостаса, поздний визуальный аналог которому уцелел в церкви Николая Чудотворца (1875–1879 гг.) деревни Новая Яхреньга Ровдинского сельского поселения Подосиновского района. Интересен «писанный» по штукатурке иконостас в традиции живописи XVIII в. в трапезной части храма. Основное посвящение

храма «Успение Богородицы» академической традиции XIX века, помещено в притворе церкви.

Устьнедумская Богородицкая церковь (1763–XIX в.) в деревне Озёрская отражает всю полноту картины храмовой декорации: в своде четверика сохранились росписи XVIII в., на стенах и откосах окон – живопись XIX, конца XX, начала XXI в. (рис. 3).

Рис. 3. Вид на свод.
Церковь Богородицы (1763 г. – XIX в.)
дер. Озёрская, Лузский р-н, Кировская обл.

Церковь Благовещения (1857 г.) в деревне Егшинская представляет традицию убранства интерьера рубежа XIX в.: в недействующем раскрытом храме сохранились рамы иконостаса в стиле эклектики и классицизма, а также профессиональные росписи, исполненные в алтаре, четверике, трапезной и притворе.

По причине обрушения свода (2010 г.) не удалось провести целенаправленную предметную фотофиксацию росписей храма Рождества Христова (1773 г.) в селе Учка. Изучение руинированной церкви и сохранившегося изобразительного ряда позволяют провести идентификацию 27 сюжетов, частичную реконструкцию иконографической программы росписей свода и четверика, определить художественно-стиловое решение последнего слоя росписей как живопись в позднеакадемическом стиле с использованием сюжетов национально-романтического направления русской церковной живописи по образцам росписей В. М. Васнецова во Владимирском соборе Киева.

Выстроенные в традициях классицизма, ныне недействующие раскрытые храмы Успения Богородицы (1835–1844 гг.) в деревне Лопотово и Троицы (1844 г.) в деревне Антипино не сохранили внутреннего убранства интерьеров.

Росписи церкви Иоанна Предтечи (1854–1860 гг.) в деревне Аксёновская полностью утрачены, из монументального убранства в четверике сохранилась лишь рама иконостаса в стиле эклектики.

Действующая Никольская деревянная церковь (1875–1897 гг.) в деревне Алёшево имела в интерьере росписи XIX в. на лотковом своде, оформленные в лепные рамы сложной формы, которые грубо записаны в конце XX в. В интерьере церкви и алтаре находится сложный эклектичный иконостас, который, предположительно, является фрагментарным, привнесённым и приспособленным к данной церкви.

Таким образом, в Лузском районе обследованы двенадцать объектов, складывающиеся в общую картину представления о местной храмовой декорации. Три храма – в деревнях Заборье, Слобода и Озерская – сохранили в интерьерах первоначальное храмовое убранство XVIII в., наиболее полно представленное в раскрытом действующем храме деревни Слобода. Интересным открытием экспедиционного сезона стал интерьер кладбищенской церкви поселка Лальска с «писанным» иконостасом, не имеющим аналогов на территории области. Происхождение района сказывается в отсутствии в настенных росписях изображений первых святых Вятской земли – преподобного Трифона и блаженного Прокопия Вятских Чудотворцев. Из посвящений местночтимым святым следует отметить в Озерской церкви современные живописные изображения святого преподобного Леонида Устьнедумского и почитаемого здесь святого праведного Прокопия Устюжского. На сегодняшний день на территории района не выявлено ни одного подписного датированного интерьера.

Ценность исторического монументального церковного искусства Лузского района состоит в наличии настенных росписей и убранства XVIII в., которые позиционируем как «устюжское, находящееся на территории Кировской области».

Примечания

1. Кривошеина Н. В. Храмовая декорация Вятки: иконографические программы и художественно-стилевые решения росписей: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. Киров: Изд-во ВятГУ, 2012.

2. Кривошеина Н. В. Некоторые аспекты живописного убранства Вятского храма в историческом контексте // Сб. ст. XVI Всероссийских научных чтений по проблемам изучения древнерусского искусства памяти И. П. Болотцевой. Ярославль, 2012. С. 208–215.

3. Капников А. Ю. Каменное зодчество русского севера, Вятки и Урала XVIII в.: проблема региональных школ // УРГУ. Свердловск, 1990. С. 82–83, 89, 91–93; Капников А. Ю., Хрипунова Л. Г. Ансамбль одного памятника: храм Покрова на Лузе // Энциклопедия земли Вятской. Т. 5. Архитектура. Киров, 1996. С. 213–214; Скопин Е. А. Церковь Покрова на Лузе // Сб. материалов третьей областной научно-практической конференции, посвященной Международному дню памятников и исторических мест. Лальск; Киров, 2011. С. 124–131.

4. Мохова Г. А. Вятские иконописцы. Киров, 2001. С. 37–38, 45–46; Страздынь Ю. Ф. Церковь Лальска и лальской округи // Сб. материалов третьей областной научно-практической конференции, посвященной Международному дню памятников и исторических мест. С. 64–115.

5. Страздынь Ю. Ф. Указ. соч. С. 70; Кривошеина Н. В. Анализ монументальной живописи храмов Подосиновского района // Сб. материалов третьей областной научно-практической конференции, посвященной Международному дню памятников и исторических мест. С. 131; Скопин Е. А., Кривошеина Н. В. Памятники архитектуры, градостроительства и монументального искусства Кировской области // Материалы к Своду памятников истории и культуры Кировской области. Вып. 4: Верхнекамский и Даровской районы. Киров, 2010. С. 271; Сыроватская Л. Н. Право похвалиться иконописною работою: Искусство мастеров Великого Устюга. URL: <http://cultinfo.ru/tour/index.php?id=330>

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 37.014.5

В. С. Данюшенков

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО УЛУЧШЕНИЯ

Статья посвящена переходу образования России из XX в XXI век и возникшим при этом проблемам в обучении. Автор высказывает личное мнение о путях преодоления образовательного кризиса в современном обществе.

The article focuses on the transition of Russian educational system from XX to XXI century and arising problems appeared. The author gives his own opinion on the ways the crisis can be overcome in a modern society.

Ключевые слова: образование, педагог, школьник, педагогическая система, программы обучения, информационные технологии, инновации в обучении.

Keywords: educational system, teacher, pupil, pedagogical system, educational programs, IT, innovation in teaching.

Коренная ломка сложившегося государственного устройства, социально-экономических отношений, замена идеологии и моральных ценностей не могли не отразиться на существующей системе образования. Эти объективные предпосылки, обусловившие реформу образования, привели к реорганизации подготовки педкадров, необходимых для обеспечения процесса реконструкции образования на начальном и среднем образовательном уровнях.

Естественно встает вопрос, каким будет образование в обществе в XXI в. Каким будет педагогическое образование?

Образование – особая сфера, в которой совершается передача и воспроизводство не только знаний, умений, навыков и культурного опыта поколений, но и самого характера мышления, миропонимания и мироощущения, духовных ценностей нации, ее исторического и нравственного самосознания. Сообразно этому педагогическое образование должно рассматриваться как совершенно особая, самостоятельная область образования, предметом которой является комплексное знание о человеке в процессе его становления (как субъекта познания, общения, труда).

В России, в силу особенностей ее исторической судьбы, еще в далеком прошлом сложилась уникальная русская система педагогического образования, не имеющая аналогов в других странах и составляющая особенность отечественной культуры. Ее основы были заложены М. В. Ломоносовым, К. Д. Ушинским, П. Ф. Каптеревым и другими великими русскими педагогами.

В этой системе образование учителя – особая часть культурного сословия России, выполняющая функцию культурно-нравственного воспитания нации, хранения и воспроизводства ее духовного и интеллектуального потенциала.

Революция 1917 г. разрушила сложившуюся систему образования.

Но в 1936 г. была возрождена русская система общего образования и соответствующая ей подготовка учителей. Результат оказался ошеломляющим для всего мира. За восемнадцать лет, включая четыре года жесточайшей войны, из полуразрушенной, малограмотной страны Россия превратилась в самую образованную державу мира. В 1954 г. в своем докладе Конгрессу США ЦРУ отметило, что «русские выиграли холодную войну на школьной скамье».

Несмотря на предпринятые в дальнейшем (период «хрущевской оттепели» и позже) меры по «улучшению высшего образования», по «профориентации и политехнизации общеобразовательной школы» и т. п., направленные, в значительной мере, на увеличение части потока оканчивающих среднюю школу в экстенсивно развивающееся промышленное и сельскохозяйственное производство, отечественное образование, продолжавшее считаться если не лучшим, то одним из лучших в мире, обусловило завоевание нашей страной передовых позиций в тяжелой индустрии, военной и космической промышленности, атомной энергетике. Поэтому немалое число развивающихся стран при организации своих образовательных систем позаимствовали основные принципы российской педагогики.

В последние два десятилетия экономика России широко заимствовала модели рыночной экономики запада. Не избежала подобного заимствования и образовательная отрасль. Но безграмотное, на уровне «новорусского мышления», желание стремительно «войти» в мировое сообщество на деле оказалось миражом. Сегодня мы имеем не стремительное «вхождение», а голо-

вкружительное падение жизненного и образовательного уровня населения, развал промышленности и сельского хозяйства, науки. Вместо сближения с мировым сообществом мы оказались в его арьергарде.

Критическая оценка, а в ряде случаев – пересмотр целей и направлений реформы образования становятся особо актуальными в условиях перманентного политического кризиса в России. Задача, стоящая перед системой педагогического образования, перед всем педагогическим корпусом страны, становится наиважнейшей не только с образовательной, но и с политической точки зрения.

Таким образом, можно констатировать, что переход на рыночную конкурентную модель развития экономики дал очевидные плюсы с точки зрения оздоровления общеэкономической ситуации и повышения эффективности производственного сектора. Однако в условиях рыночной экономики государство должно самостоятельно определять приоритеты и цели для долгосрочного развития образования, а не делегировать эту функцию отдельным вузам, типа высшей школы экономики. Только в условиях централизованного определения стратегических целей возможно выстраивание эффективных институтов управления образовательной политикой, которые обеспечивают соответствие личных интересов государственных функционеров и руководителей, научных или образовательных центров интересам государства и общества в многолетней перспективе стабильного и предсказуемого социально-экономического развития.

В отличие от науки, которая интернациональна по сути, ибо не существует «национальной таблицы умножения», образование должно оставаться прежде всего национальным. В настоящее время мы практически забыли о воспитании, а то, что у нас называется «патриотическим воспитанием», зачастую проводится так и такими «специалистами», что вызывает у будущих «защитников отечества» и их подруг стойкое желание как можно меньше видеть себя частью страны. Фраза Бисмарка о том, что «войны выигрывают школьный учитель и винтовка современного образца», воспринимается как анахронизм, а между тем она сегодня абсолютно современна и вновь актуальна. Если же говорить о воспитании вообще, то все еще уместно пушкинское определение ситуации в России начала XIX в.: «Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего Отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла».

В каком-то смысле воспитание аналогично целенаправлению: ребенка нужно не только научить конкретным знаниям и умениям, но и заложить в него отношенческие навыки – как следует от-

носиться к тому или иному явлению в жизни. Например, как следует себя вести в случае, если в «багаже знаний» не оказалось нужного знания для решения возникающей жизненной задачи.

Международные рейтинги не первый год регистрируют явный излом на графике успехов российских школьников в зависимости от их возраста, происходящий при переходе из начальной в среднюю школу. Наши дети – первые в освоении базовых знаний и умений по языку, математике, знанию окружающей среды, но после 5-го класса их позиции в мировых рейтингах опускаются в четвертый-пятый десяток. Вероятно, эта проблема также связана с отсутствием стратегии образовательного процесса. Наши дети – безусловно, любознательные, инициативные, умные, но в определенный момент они перестают понимать, для чего получают все новые знания. Они не видят им практического применения и не понимают, чему и зачем их учат.

Безусловно острая ситуация сложилась с учебными программами, что вытекает из проблемы отсутствия в образовании целенаправленности. В современном мире в условиях обилия доступной информации недостаточно просто информировать учеников и студентов. Необходимо дать им способы самостоятельного получения знаний, применения их в реальной деятельности, умение оценивать ситуацию и ставить задачи. Такое содержание образования принято называть деятельностным. Оно отлично развивается с 1950-х гг. усилиями в том числе и отечественных философов, педагогов и психологов – Выготского, Давыдова, Ильенкова, Зиновьева, Щедровицкого. Деятельностное содержание образования ставит задачу «учить жить в будущем» и «учить думать о будущем» – и именно в этом состоит главный принцип образования для устойчивого развития. Как минимум половина учебного курса должна быть посвящена решению практических или близких к ним задач и разработкам различных сценариев будущего.

Проблема учебных программ усугубляется еще и тем, что в стремительно меняющемся пространстве новых технологических возможностей любые учебные программы подвержены устареванию. В связи с этим острое беспокойство вызывает отсутствие инновационных методик в российском школьном образовании, массовая имитация инновационного подхода и освоение его только на бумаге. Проектный, интерактивный и другие подходы, направленные на самостоятельное изучение учениками части курса, – это сложный вид деятельности, требующий от преподавателя больших нагрузок, вовлеченности и заинтересованности. Он требует высокой квалификации и серьезной подготовки к каждому занятию.

При этом фигура российского учителя – это еще один пласт серьезных проблем. Сегодня прак-

тически нет специальных и, главное, честных исследований, посвященных учительскому сообществу. Может оказаться, и тому есть много подтверждений, что многих учителей вообще нельзя допускать до работы с детьми. Некоторые из них не в состоянии сдать тех тестов, которые должны сдавать ученики. Кадровая система, сотрудничество с педагогическим сообществом, само сообщество как нечто целостное – все это находится в России в зачаточном состоянии. В качестве примера эффективного педагогического сообщества приведем Швейцарию. В этой стране педагог начальной школы учится 6 лет, конкурс на подготовку таких профессионалов в вузах один из самых высоких и заработная плата – также одна из самых высоких в бюджетной сфере. Несмотря на сравнительно низкие зарплаты в США профессии педагога, как и врача и пожарного, – наиболее уважаемые и, соответственно, престижные.

Наряду с указанными проблемами и отсутствием системного подхода к развитию образовательного пространства в России сегодня есть положительные примеры коллективов, вузов, школ и других сообществ, на тиражировании которых, передаче лучшего опыта надо строить будущее российского образования.

Первое предложение по улучшению образования – это инновационные образовательные технологии: центры при вузах, школах, в районах, центры обучения педагогической молодежи. На сегодня многие такие коллективы можно считать сложившимися. Основные инновационные методики – комплексные образовательные проекты, деловые, организационно-деятельностные игры, учебные диспуты. Ряд инновационных методик связан с применением современных информационных технологий: дистанционное обучение, включающее в себя удаленные лекции, доступ к онлайн-курсам, вебинары, использование интернет-технологий. Широко известный пример – MIT Open Course Ware (<http://ocw.mit.edu>) – бесплатные, доступные через Интернет удаленные учебные курсы. Обучение в виртуальном пространстве позволяет построить коммуникацию на принципиально другом уровне интерактивности. Здесь используются достижения современной игровой компьютерной индустрии, в частности таких многопользовательских игр, как Second Life.

В этом вопросе надо быть осторожным. Американские авторы Мэттью Мердок и Трейон Мюллер в книге «Взрыв обучения» или «Девять прав эффективного виртуального класса» говорят, что теперь ученику не обязательно сидеть за школьной партой, Интернет вместо доски, виртуальное пространство вместо парты, самообразование вместо обучающих уроков, неформальное общение вместо дидактики и т. д. Второе предло-

жение связано с внедрением новых организационно-управленческих решений. Во-первых, это создание собственного уклада учебного заведения. Образовательная среда играет большую роль в обучении и воспитании. Учебное заведение, которое имеет свой уникальный уклад, заданные традиции и ценности, принципы управления с привлечением учеников, внеучебные формы работы с учащимися, открыто декларируют принципы развития учебного заведения. В Кирове это современные лицеи и гимназии. Сельские же школы, которые занимают громадное пространство в образовании России, 60–70% для достижения городского уровня должны соединиться с местным социумом, включая бизнес-компании. Сегодня такую попытку мы делаем с нашими аспирантами.

Во-вторых, применение технологий удаленного доступа позволяет организовать вузам лабораторный практикум и демонстрационный эксперимент в школах с использованием оборудования вузовских учебных и научных лабораторий. Это имеет исключительное значение не только для повышения качества образования, но и для воспитания их исследовательских качеств, развития их талантов, привлечения их в науку.

В-третьих, образовательные проекты под внешний заказ. Тематикой учебных проектов может стать решение актуальных проблем бизнес-компаний, муниципальных властей. В этом случае учебный процесс может быть доведен до реального применения знаний, учащиеся получают уникальный опыт, а работа профессионалов и другие расходы проекта могут быть оплачены заказчиком. Такие учебно-производственные проекты широко распространены в Западной Европе и в США как в вузах, так и в общеобразовательных школах.

Третье предложение отражает главное, как готовить реализатора вышесказанного. Индивидуализация образовательных траекторий и повышение самостоятельности меняет роль учителя. Традиционный преподаватель (монополист передачи и интерпретации необходимого знания) уходит со сцены. Создается, как отражение современного времени, новый портрет педагога: это исследователь, воспитатель, консультант, руководитель проектов. В связи с этим возникает стратегическая задача – это создание инновационного стандарта в подготовке педагогических кадров.

К перечисленным выше точкам роста надо добавить следующие шаги, которые позволят скорректировать текущий вектор развития российской школы в нужном направлении:

– налаживание системы долгосрочного стратегического планирования в образовании. Использование современных методов моделирования, прогнозирования сложных систем, создание сети компетентных экспертов;

– налаживание системы «школа – вуз – работодатель», исходящей из результатов стратегического планирования. С другой стороны, надо ответить на вопрос: кто в нашей стране «эффективный работодатель», под которого нужно «делать» будущего специалиста? Их немного и формально эффективны только те компании, которые держат «нефтяную иглу».

Кроме добычи, производительность в остальных отраслях весьма хромает в сравнении с уровнем развитых стран. Эти отрасли зачастую сами не могут (и не хотят) сформулировать требования к специалисту. Но других работодателей у нас нет. Поэтому единственный выход – строить экономику будущего вместе – и предприятиям, и вузам, и школе. Нужна новая парадигма, в которой процессы в экономике интересуют учителей и учеников, а то, что происходит в школе, напрямую касается руководителей, клерков и инженеров. В этом суть системы «школа – вуз – работодатель», а не в том, чтобы бездумно «подстраивать» личность будущего специалиста под «нужды» компании, – эти нужды в большинстве случаев очень далеки от совершенства и от того, что нужно стране.

Следующие шаги представляются целесообразными в качестве первоочередных мер:

– работа с кадрами: изучение кадрового потенциала, поддержка молодых педагогов, продвижение молодежи в целом. Обеспечение преемственности лучших традиций. Создание школ для молодых педагогов. Стипендии и гранты (массовые, исчисляемые десятками тысяч получателей) для педагогической молодежи, конкурсы педагогов с открытыми и прозрачными процедурами, «народным голосованием», видеоуроками в Интернете;

– поддержка экспериментальных групп и школ, работающих по программам концепции «образования для устойчивого развития». Развитие центров дополнительного образования, например центров научно-технического творчества молодежи;

– общественно-гуманитарное и патриотическое воспитание: помогать детям с раннего возраста и студентам понимать (и переосмысливать) смысл жизни, будущего, цели и задачи страны. Специ-

альные и мотивирующие уроки с первого класса, вовлечение в проектные решения задач глобального и национального масштаба (со старших классов), не менее 25% гуманитарных дисциплин при подготовке технических специалистов;

– контроль качества образования должен быть сложным и многокомпонентным, к нему привлекаются сами учащиеся, родители, работодатели, администрация, педагогическое сообщество, выпускники. Но при этом контроль не должен довлеть над творческой активностью педагога и ученика, решающее слово в контроле должно оставаться за независимой и авторитетной комиссией. В большинстве случаев, кроме явных нарушений, угрожающих здоровью и психике учащегося, контроль должен не карать, а мотивировать, а контролирующая комиссия – быть посредником между государством и образовательной системой, до которой далеко не всегда доходят его сигналы.

В нашей стране существует целая сеть олимпиад и конкурсов нового поколения, за каждой из которых стоит сплоченная команда организаторов. В качестве примеров можно привести интернет-олимпиаду и конкурс проектных работ по нанотехнологиям в МГУ (http://www.nanometer.ru/olymp2_o5.html), «Юниор» – конкурс проектных научных работ для школьников в МИФИ (<http://www.junior-fair.org/pages/about>). Балтийский научно-инженерный конкурс в СПбГУ (<http://baltkonkurs.ru/page/about>). Главный фактор успеха каждого из таких проектов – команда энтузиастов, занимающаяся развитием того или иного конкурса.

В заключение, когда можно еще очень много говорить о путях и подходах нового развития образования и подготовки педагогических кадров, хочу сказать следующее.

Страна меняется быстро в социальном и информационном плане. Мир стал открытым. И особенно быстро к нему адаптируются дети. Науке и практике в сфере образования надо успевать, причем с опережением. Это относится к изменениям госстандартов по предметам в школе, к методикам обучения, к подготовке учителей в вузах. Она должна быть другая, адекватная изменениям социума страны, региона.

В. Б. Помелов

**ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕАЛА
ПРАКТИЦИЗМА И ДЕЛОВИТОСТИ
В АМЕРИКАНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ И ПЕДАГОГИКЕ в XX в.**

Краткое изложение: в статье раскрывается проблема формирования идеала практицизма и деловитости в американской общественной мысли и педагогике в XX в. Характеризуются идеи и теории американских педагогов.

The article deals with the problem of the formation of the ideal of practicism and business-like efficiency in the American social thought and the pedagogics in the twentieth century. The ideas and theories of American pedagogues are characterized.

Ключевые слова: образование в американской культуре, американская педагогика, практицизм, деловитость, прагматизм, приспособление к жизни, Р. Э. Каллаген, В. Т. Тайер, Дж. А. Дэвис, Ф. М. Хетчингер, Г. Д. Хетчингер, Джон Дьюи, Р. Дж. Хэвигхёрст, Джон Ф. Гилмор.

Keywords: education in the American culture, American pedagogics, practicism, business-like efficiency, pragmatism, life adjustment, R. E. Callahan, V. T. Thayer, J. A. Davis, F. M. Hechinger, G. D. Hechinger, John Dewey, R. J. Havighurst, John F. Gilmore.

Главным принципом частнособственнической, иными словами – буржуазной, морали, как известно, является принцип индивидуализма и эгоизма, экономической основой которого выступает частная собственность на средства производства, обособляющая людей и ставящая их во враждебные отношения друг к другу. Принцип индивидуализма и эгоизма, являющийся основой житейской практики и нравов буржуазного общества, его практической морали, – в отличие от морали официальной, проповедующей христианские заповеди любви к ближнему, – требует добиваться личного благополучия, не считаясь с окружающими, нередко за их счет. С позиций этого принципа собственное благо индивида есть высшее мерило добра и зла.

В период восходящего капитализма индивидуализм, как известно, открывал простор экономической инициативе и самостоятельности для значительных слоев населения и создавал возможности для достижения индивидуального экономического успеха не в узких рамках сословных привилегий, а увязывая эту возможность, прежде всего, с личными качествами индивидов, их волей и смелостью, деловитостью и предприимчивостью и, в определенной степени, способствуя развитию этих качеств.

В тот период еще не обозначились достаточно четко основные классовые антагонизмы капитализма, вследствие чего складывавшиеся на протяжении веков представления о социальной значимости труда, достоинстве труженика могли «уживаться» с буржуазными воззрениями на роль индивидуальной предпринимательской инициативы и деловитости в отношении цельную систему ценностей, оказавшую огромное влияние на сознание широких народных масс.

Эта система ценностей, стимулировавшая предпринимательскую, трудовую деятельность, включала в себя проповедь трудолюбия, деловитости и тому подобных качеств. Активность в этой сфере рассматривалась как способ достижения «личного успеха», как средство реализации главного идеала буржуазного общества – накопление капитала, приобретение престижа и власти над другими людьми.

Наиболее ярко идея практицизма, предприимчивости и деловитости проявилась, как известно, в США, что было обусловлено бурным развитием капитализма, большими масштабами производства и, в известном смысле, массовостью предпринимательской деятельности, научно-техническим прогрессом, нашедшим особенно сильное воплощение именно в этой стране.

Эта идея нашла отражение в философии удачи и меркантильного успеха и оказалась жизнестойкой настолько, насколько в реальной жизни сохранялся простор для «игры экономических страстей». Вследствие этого в особенно четкой форме идея практицизма, предприимчивости, деловитости и трудолюбия, как главных средств обеспечения личного успеха, существовала в сознании буржуазной личности периода свободной конкуренции, когда был относительно многочислен и силен класс мелких и средних предпринимателей.

Все вышесказанное способствовало возникновению той особенности в психическом складе многих американцев, которую называют американской деловитостью. Она стала классическим выражением сокровенного кредо буржуазного прогресса – личного успеха; цель каждого американца *продвинуться* стала олицетворением принципа свободной конкуренции периода восходящего капитализма.

В дальнейшем с все большей очевидностью стали проявляться симптомы кризиса традиционной идеологии деловитости и трудолюбия. Империализм, покончив с эпохой свободной конкуренции, во многом подорвал и основу социальных иллюзий деловитости и подобных ей нравственных и психологических стимулов. В этих условиях надежды на индивидуальный успех в «соревновании» со стороны мелких и средних предпринимателей все чаще оказываются иллю-

зорными. Американские исследователи все больше сетовали на девальвацию ценностей трудолюбия и деловитости [1]. Однако то, что характеризовалось ими как упадок уважения к труду, в действительности отражало растущее нежелание трудящихся мириться с государственно-монополистическими формами производства.

Тем не менее, по справедливой оценке российских исследователей 1920-х гг., «философия бизнеса» стала одной из главных характеристик американского общества [2].

Период 1910–1920 гг. называли в США эпохой эффективности и деловитости. Увлечение деловитостью усилило внимание общественности к тем институтам общественной жизни, которые «подозревались» в неделовитости и неэффективном управлении и к тому же находились на содержании налогоплательщиков. И такой «неэффективный» институт был, в конце концов, найден, – школа!

Школьная администрация, находившаяся под давлением со стороны промышленников и прессы, добивавшихся более *практического* воспитания и обучения, подверглась резкой критике. Критика казалась тем более обоснованной, что теперь, как виделось, было найдено средство против неделовитости и неэффективности. Этим средством была объявлена система «научного» управления Фредерика У. Тейлора, воплотившаяся на практике вначале в организации «потогонных» конвейеров на предприятиях по производству автомашин, а затем нашедшая применение и в других отраслях промышленности.

По мнению адептов «тейлоризации» системы образования, следовало каким-то образом, – каким, никому не было понятно, – как-то распространить идею эффективности на школьное и вузовское образование. При этом критики не выступали за революционную ломку школьной системы, а всего лишь за более эффективное управление в рамках имеющейся системы.

Их главным аргументом была ссылка на недовольство представителей всех отраслей деловой жизни (бизнесменов, фермеров и др.) тем, что *школа не учит зарабатывать на жизнь*. Так, экономист Симон Платтен потребовал от школы наглядных свидетельств ее реального вклада в общество. В противном случае, заявил он, необходимо резко сократить школьные бюджеты: «Зачем тратить деньги на школы, вместо того чтобы тратить их на строительство метро, обустройство парков? <...> К чему финансировать неделовитого учителя? Лучше повысить зарплату активному эксперту по качеству молока. Школа дает бесполезный невидимый продукт» [3]. (Примечательно название книги, откуда взята вышеприведенная цитата: «Образование и культ эффективности».)

Такое поверхностное понимание процесса обучения и воспитания играло на руку тем, кто хотел бы сократить школьный бюджет, и, прежде всего, военным монополиям. Школе ставилось в укор то, что-де промышленность постоянно удавливает и утраивает выпуск своей продукции. Школы, с точки зрения некоторых экономистов, якобы не выдерживали сравнения с промышленными предприятиями, если применить для их оценки такие критерии, как эффективность и экономичность.

Вскоре идеология деловитости была воспринята и многими педагогами. В XX в. в управлении школой все большую роль наряду с политическими деятелями школы стали играть представители бизнеса. Соответственно стал изменяться и облик администрации школы. Если видные педагоги и деятели народного образования XVIII–XIX в., такие как Бенджамин Франклин и Горас Манн, считали себя учеными и государственными деятелями, то в XX в. все больше стал преобладать тип удачливого деловитого хозяйственника от педагогики.

В 1907 г. вышла книга У. К. Багли «Управление школьным классом», которая была насыщена терминологией бизнеса. Автор, в частности, утверждал, что проблема управления классным коллективом – это, главным образом, проблема... экономики. Он указывал, каким способом нужно использовать школьную рабочую бригаду на заводе, с тем чтобы получить практическую наибольшую пользу от вложенного времени и средств. Классное руководство рассматривалось при этом как экономическая проблема. Автор подчеркивал, что беспрекословное послушание со стороны учащихся есть залог эффективности управления и воспитания деловых качеств личности ребенка. Эта книга пользовалась в США невероятным успехом и только в 1907–1927 гг. выдержала 30 изданий.

Помимо политического и экономического давления, оказывавшегося на школы со стороны финансовых кругов, важное значение имело изменение школьных программ, проводившееся с целью сделать обучение «более практическим».

По утверждению известного американского ученого Т. Х. Бригса, автора книги «Прагматизм и педагогика», «движение утилитаризма пронизывало всю образовательную систему от элементарной школы до университета». Он также отмечал: «Поначалу не очень заметным, и оттого еще более опасным было влияние течения антиинтеллектуализма, сторонники которого всячески поносили “унылое схоластическое образование”, “корпение над книгами”... “Многие учащиеся напрасно убивают время над книгой, тогда как их надо воспитывать понимать свою социальную ответственность перед семьей и об-

ществом», – заявляли они» [4]. Другой американский исследователь Д. Каунтс отмечал, что в США повсюду школа рассматривается исключительно с инструментальной, утилитарной точки зрения. Принцип практической полезности, по его мнению, являлся одним из краеугольных камней системы образования США [5].

По мнению советских исследователей (Л. Н. Гончаров, З. А. Малькова и др.), под флагом «приближения школы к жизни» в США проповедовались практицизм и делячество [6]. На эту характерную черту американского подхода к образованию еще в 1931 г. обратила внимание Н. К. Крупская: «Американцы из теории берут только то, что надо для практических целей. Вот этот американский подход, утилитарный подход, конечно, отражается и на содержании их программ в том отношении, что он снижает научность этих программ, дает чрезвычайно лоскутные знания, как говорят, «все из рук в рот идет» [7].

Упор на практическую ценность знаний объясняется многими американскими исследователями совершенно естественным для народа, который-де взял на себя миссию вывести всемирную цивилизацию из состояния дикости. С чем действительно можно согласиться, так это с утверждением о том, что американцы, ведущие свои родословные от непривилегированных слоев Европы, не имели глубоких педагогических традиций, и менее всего были склонны к освоению теоретической стороны педагогического дела, а схватывали практическую ценность образования и обращали внимание, главным образом, на материальные возможности, которые оно может принести. Секрет успеха американских педагогов скрывался, таким образом, вовсе не в знаниях самих учителей и их учащихся, не в учении, а, прежде всего, в проявлении энергии, инициативы и «старого доброго здравого смысла». Голоса отдельных педагогов, предупреждавших об опасности проникновения всемогущего доллара в школьную среду, их требование уменьшить влияние капитала на школьную программу, не могли определить собой основное направление педагогической мысли США в первой половине XX в.

«Практическое направление мыслей очень сильно в нашем народе. Требование краткосрочно, дешевого, эффективного обучения-тренинга, имеющего своей целью добиться удовлетворения потребностей фермы, магазина, домашнего хозяйства, – есть реальное требование. Получить такой социальный заказ, школа обязана выполнить его», – таков был лейтмотив многочисленных выступлений педагогов в печати и на различных конференциях. Как отмечал Р. Э. Каллаган [R. E. Callahan], предпринимались многочисленные попытки (Леонард Айрес, Франклин Сполдинг, Франклин Боббит, Джозеф С. Тейлор

и др.) связать воедино идею эффективности и деловитости с практикой школьного образования, перенести идеи Франклина У. Тейлора в школу, иными словами, переориентировать ее, школу, на доллар.

В начале 1930-х гг. «волна деловитости» в школе пошла на убыль. Основной причиной этого стал затяжной экономический кризис в США, поразивший, в том числе, и школу, а также многочисленные выступления ряда американских педагогов против засилья бизнесменского подхода к школе.

В послевоенные годы, как отмечается в исследованиях З. А. Мальковой [8], при разработке управленческих моделей в образовании, западные специалисты, как правило, исходили из концепции «ответности», которая трактует школу как один из вариантов капиталистического предприятия.

К ней применяется экономическая категория «инвестиция – результат» и ожидается ответственность чуть ли не «за каждый истраченный доллар» [9]. При этом ставится цель – добиться наибольшей прибыли на вложенный капитал без учета морального фактора; провозглашается стремление получить продукт наивысшего качества с минимальными затратами. Последовательная реализация подобных моделей приводила к тому, что в действительности нередко осуществлялась только вторая часть плана – «получение продукта с минимальными затратами». А вот «наивысшим качеством» нередко приходилось жертвовать. Да и что следовало считать «продуктом наивысшего качества», – в этом эксперты расходились во мнениях. Большинство все-таки сходилось на том, что показателем такового выступает, прежде всего, преуспевание в жизни.

К итогам внедрения принципов эффективности продуктивности в учебно-воспитательный процесс в американской школе можно отнести следующие «результаты»: вопросы образования оказались подчиненными интересам бизнеса; администраторами школ нередко ставились люди, которые больше разбирались в вопросах экономики, нежели в вопросах образования; было выработано много псевдонаучных методик; в школе усилился климат антиинтеллектуализма.

В 1950–1960-е гг. американские педагоги ухватились за новую, как им тогда казалось, «панацею», – обучающие машины и учебное телевидение. Как и за полвека до этого стали появляться статьи с названиями типа «Низкая продуктивность образовательной индустрии» [10], основной целью которых было стремление «научно» доказать необходимость снижения расходов на образование, особенно на общедоступной, обязательной ступени.

И такие публикации появлялись в то время, когда, как отмечали сами американские исследо-

ватели, в западной, прежде всего американской, социологии появились солидные исследования, авторы которых со всей возможной убедительностью доказывали, что финансовые вложения в образование отличаются особой эффективностью.

С ними были полностью солидарны и ученые из социалистических стран; в частности, сошлемся на широко известные исследования С. Г. Струмилина. Правда, следует заметить, что при этом экономистами так и не была выработана какая-то конкретная методика исчисления этой эффективности. Обычно в качестве поддающегося измерению результата образования бралось увеличение заработка после прохождения того или иного курса обучения (от краткосрочных программ вплоть до окончания университета). При этом увеличение заработка трактовалось как следствие более эффективной работы [11].

Изначально идея буржуазной деловитости и предприимчивости получила свое теоретическое обоснование в философии прагматизма, наиболее видными представителями которого были Уильям Джемс, Джон Дьюи и Уильям Килпатрик [12]. Поэтому нам представляется необходимым в рамках данной статьи раскрыть связь философии и педагогики прагматизма с практикой школьного образования в англоязычных странах.

Согласно учению прагматизма мораль не нуждается в каких-либо общих принципах и правилах, которые могли бы быть применимы в повседневной жизни, ибо человек находится в постоянном конфликте с окружающими его людьми [13]. Это конфликтное взаимодействие создает, по Дьюи, определенные ситуации: «Утверждение, что индивиды живут в мире, означает конкретно, что они живут в серии ситуаций» [14].

Каждая ситуация уникальна, имеет собственное «благо», а усилия человека должны быть направлены на выяснение этого блага. Отсюда следует, что моральная теория, оперирующая общими принципами, бесполезна, ибо мы, убеждают прагматисты, всегда имеем дело с неповторимыми ситуациями, с конкретными людьми, находимся в положении, требующем принятия определенного решения. Поэтому человеку нужны лишь «рабочие планы действий». Каждая жизненная ситуация ставит перед человеком задачу по ее решению, а для этого, как считает Дьюи, необходимы не моральные, а деловые качества, то есть организованность, деловитость, предприимчивость и т. п. Таким образом, необходимость воспитания деловых качеств обосновывается прагматическими законами жизненной борьбы. Процесс обучения и воспитания должен быть построен так, чтобы весь учебный курс представлял собой набор ситуаций и показ их решения, утверждал Д. Дьюи.

Поэтому необходимо отказаться от систематических курсов; ведь в жизни нигде не исполь-

зуются науки в «чистом», последовательно используемом виде. При этом все «ситуации» должны решаться с позиции личных интересов, которые прагматизм «объективности ради» подводит под определение «самореализации» личности. Понятно, что под подобную «самореализацию» можно подвести любой образ поведения. Человек, согласно идеологии прагматизма, – это делец, приспособляющийся к обстановке, не принимающий социальной необходимости, словом, «свободная личность».

На деле это кажущееся «неприятие» устоев общества массового потребления находит свое воплощение в формировании социально конформной личности, вся «свобода» которой ограничивается не только узкими пределами бюрократической организации, винтиком которой он является, но и противодействием со стороны других людей.

Прагматизм был в свое время фактически наиболее адекватным выражением индивидуалистического мировоззрения, постоянно воспроизводимого частнособственническими отношениями; претендовал на то, чтобы выступать в качестве (квази)научной основы идеологии бизнеса, базировавшегося на шатком основании антиинтеллектуализма и узкого практицизма. Языком прагматизма говорили не только «капитаны индустрии», но и обслуживавшие их интересы политические деятели; те и другие всегда и прежде всего были озабочены «работоспособностью» своих планов. Если они и предавались размышлениям, то, конечно, не над тем, что есть правильно и неправильно, морально и аморально, а над тем, что является целесообразным в данной «уникальной» ситуации.

Подобный подход в состоянии оправдать любую беспринципность, а фактически, – любое преступление. Прагматизм претендовал на «звание» науки, однако на деле он принижал науку, сводил ее к сумме полезных и удобных для капитала взглядов. Успех и выгода – вот главные критерии выбора поведения. С позиций этого субъективного критерия любое действие и любой произвол субъекта могут быть оправданы, если они ему выгодны в данной обстановке. Прагматизм оформил в «философских» категориях позицию корыстного дельца, для которого вся наука имеет смысл и оправдана в той лишь мере, в какой она служит его индивидуалистическим интересам. Американский педагог И. Эдман в монографии, посвященной наследию Д. Дьюи, справедливо называл его «специфически американским философом, схватившим голос и темперамент американской традиции, ее стремление к бизнесу» [15].

Последователь Дьюи У. Х. Килпатрик приложил немало усилий к тому, чтобы переложить идеологию прагматизма на язык школьной педа-

гогики. В одной из своих работ, давая характеристику целенаправленной деятельности и выделяя в ней общеизвестные типичные шаги (постановка задачи, планирование, исполнение и оценка результатов), он настаивал на том, что все эти шаги учащиеся должны осуществлять самостоятельно. Тут вымышленный оппонент ставит вопрос: «Не думаете ли вы, что было бы целесообразней, если бы учитель предложил детям план действий? Возьмем такой случай. Ребенок решил вырастить кукурузу. Наука накопила много знаний по этому вопросу и выработала лучшие подходы, нежели может придумать сам учащийся. Подумайте о неизбежных потерях времени, земли, удобрений и усилий, если сам учащийся, не имеющий опыта и знаний, будет планировать эту работу?»

На этот вполне разумный и им же самим поставленный вопрос Килпатрик дает такой ответ: «Все зависит от того, чего вы добиваетесь. Если вас интересует урожай кукурузы, тогда дайте ему план. Если же ребенок вас интересует больше, чем кукуруза, если вы хотите научить его думать и планировать, тогда позвольте ему самому это делать» [16].

Ясно, что при такой «самостоятельности» не будет ни кукурузы, ни обогащения опыта самого ребенка. Именно потому, что педагога интересует ребенок, а не «кукуруза», необходимо систематически и планомерно учить его «ее выращивать», но не эмпирическим путем проб и ошибок, не посредством примитивно понимаемой «педагогической робинзонады», а с учетом всех тех знаний, которые накопила педагогика. Предоставить ребенка самому себе означает заведомо лишить его общечеловеческого опыта, надолго задержать его духовный рост.

Приведем типичный постулат прагматизма: «Поскольку жизнь быстро меняется, то задача школы заключается в том, чтобы готовить ребенка не к будущей жизни, а учить жить сегодня, поскольку, только проживая сиюминутные события, ребенок научается жить». Отсюда и требование «жизнеподобной» школы, «школы жизни», которая научила бы ребенка приспособляться к жизни, «справедливости», «честной игре», «чувству ответственности за общее благо».

Главное требование Д. Дьюи к школе заключается в том, чтобы весь учебно-воспитательный процесс осуществлялся в форме трудовых действий; работа ученика должна походить на труд рабочего, фермера, служащего. Для этого школа должна быть оснащена соответствующим оборудованием и мастерскими, в которых должно быть все, что есть в жизни. Ребенок должен практиковаться в ремонте, установке и эксплуатации всего того, что окружает его в реальной жизни (электричество, водопровод, авто, различные агрегаты и пр.).

Он вообще ратовал чуть ли не за ликвидацию школы, заявляя: «Если школа примет вышеописанный характер, то ребенок, в конце концов, станет участвовать в общей работе, но это не участие ради участия, а участие ради его результатов. Жизнь детей в школе должна во всем протекать так же, как жизнь взрослых людей, чтобы школа была такой же фабрикой, кухней, почтовым учреждением, железнодорожным узлом или сельскохозяйственным предприятием» [17].

Педагогика Д. Дьюи побуждает вспомнить о деятельности А. С. Макаренко, которому удалось успешно совмещать учебу детей и производительный труд, как сельскохозяйственный, так и промышленный, в том числе на современном производстве (завод электроинструмента, фото-завод). Однако внимательный анализ творчества выдающегося отечественного педагога показывает, что, во-первых, во всем многогранном, исключительно обширном научно-литературном наследии А. С. Макаренко найдется совсем немного страниц, где бы давалась характеристика учебной работы возглавлявшихся им учебно-воспитательных учреждений. Во-вторых, как это ни печально, но опыт Макаренко был и остается до настоящего времени чуть ли не единственным в своем роде опытом; все признают, – в том числе и за рубежом! – что педагогика Макаренко – это здорово, но никто не спешит строить учебно-воспитательный процесс «по Макаренко». А вот педагогика Дьюи, напротив, получила чрезвычайно широкое распространение, в том числе и за пределами США.

Идеи Дьюи и практика работы организованной им в г. Чикаго школы выглядят привлекательно: разрыв с европейской школьной схоластикой, освоение техники, стремление «идти в ногу с жизнью» и т. д. Но, как известно, в литровой сосуд можно влить только один литр жидкости, и не более. Иными словами, на чем-то надо экономить. Вот Дьюи и «экономит», – на вооружении ребенка системой знаний. При этом он не уставал повторять о необходимости готовить из ребенка находчивого, изворотливого, умеющего обращаться с различными инструментами культурного работника фабрики и сельскохозяйственного предприятия, обладающего, в то же время, ограниченным умственным, в значении *научным*, кругозором. То, что «школа жизни» по Дьюи и Килпатрику – надежный инструмент сохранения имеющихся общественных отношений, не сомневаются даже его сторонники [18].

Свои педагогические идеи Д. Дьюи обращает, главным образом, применительно к страдающим нуждой слоям населения. Педагогу нельзя отказать в его стремлении сделать хоть что-то для детей бедняков, поставить средства педагогики на службу милосердия и профориентации, и это не

может не привлекать в его философии и практике. Чем-то иным невозможно объяснить следующие высказывания: «Школа должна... заботиться об этих (бедных. – В. П.) детях так, чтобы по окончании школьной жизни каждый ребенок мог взяться за какую-нибудь работу и выполнять ее успешно, – будет ли это работа у станка на каком-нибудь предприятии, в семье и школе. Преподать как человек вообще и как американский гражданин – вот идеал народной школы в Америке; зарабатывание хлеба – как бы часть этого идеала, его естественное следствие» [19].

Эндрю Торндайк поддерживал Дьюи в его стремлении снизить удельный вес общеобразовательных предметов в школе. Он пропагандировал «теорию», согласно которой математика, физика, химия, естествознание будто бы равноценны по своему значению для умственного развития детей таким прикладным предметам, как домоводство, кулинария, стенография, шитье, химия в быту и т. п. [20]

Другой последователь Д. Дьюи, американский педагог В. Т. Тайер, в послевоенные годы обосновывал необходимость прагматического образования необходимостью устранения пропасти между домашней жизнью ребенка и сложным миром взрослых, в котором он будет вынужден жить. При этом к будущей жизни его ни родной дом, ни школа не готовят в необходимой степени [21].

Вот почему одной из важнейших целей обучения в «теории приспособления к жизни» («life adjustment») американскими педагогами (Дж. Э. Дэвис, Ф. М. Хетчингер) провозглашалось умение «выглядеть хорошо на случай перемен» («to look good in the case of change») [22], приобретение умений, которые можно продать на рынке труда («marketable skills») [23]. Все это должно позволить личности интегрироваться в обществе, приспособиться к жизни. И одним из способов достижения этих целей объявлялся, как и ранее, пересмотр программ в сторону их большей практической направленности.

Поэтому последователи Дьюи, современные прагматисты Дж. А. Логдон, В. М. Керенски, М. Киг, Ф. Коппел, М. Колер и другие прокламировали «и алфавит, и дорогу к билетной кассе», иными словами, – и знания, и их практическое применение в жизни. При этом явное предпочтение отдавалось ими именно второму направлению, то есть обучению практическим навыкам хотя бы и без глубоких теоретических знаний [24].

В связи с этим, ссылаясь на разнообразные практические потребности большинства людей, в средней школе в значительной степени был расширен перечень учебных дисциплин. Среди них вождение автомобиля, малая авиация, личная гигиена, гигиена умственного труда, отношения людей, уход за ребенком, написание пьес, само-

деятельный театр, радио и телевидение и др. Тех, кто пытался критиковать создавшееся положение с содержанием и количеством предметов, называли отсталыми людьми, чьи взгляды не соответствуют практической Америке [25].

Оправдывая включение в программу обучения таких предметов, американские педагоги обычно добавляли, что молодежь нуждается не только в старых добродетелях эпохи пионеров освоения Запада, но и в новых добродетелях современного гражданина; точнее, даже не в новых, сколько в обновленном применении старых к различным ситуациям сегодняшнего времени [26].

По мнению Эдварда А. Силлари, современной американской молодежи для того, чтобы интегрироваться в обществе и считаться деловыми американцами, необходимы следующие качества: способность быть в нужное время в нужном месте, динамичность, умение везде успеть; гордость за хорошо сделанную работу; самоуважение и уважение к другим работникам и их работе; умение работать с другими людьми; преданность фирме; стремление к самосовершенствованию; стремление испробовать несколько профессий, прежде чем остановиться на одной; многообразие трудовых операций, которые способен выполнить работник, что свидетельствует о его индивидуальной ценности; уважение дисциплины и порядка [27].

Для воспитания деловых качеств автор предлагает внедрение в школе следующих мер: обеспечение качественного руководства учащимися в процессе любой работы, выполняемой учащимися в школе; проведение в школе встреч учащихся, проходящими курс профессионального обучения с владельцами предприятий; разработка краткосрочных программ летнего труда детей под соответствующим педагогическим наблюдением; улучшение социальной атмосферы, окружающей учащегося, введение в нее элементов искусства, ведения домашнего хозяйства и ремесел; выделение среди учащихся детей, которые при соответствующем руководстве со стороны учителей приобретают черты лидеров; использование возможностей других организаций для проверки (тестирования) учащихся на профпригодность, информирования их и подыскивания им (временной) работы; поощрение развития трудовых навыков как основы современного обучения.

Теория «приспособления к жизни» представляет, таким образом, дальнейший шаг в переводе теории «функционального» и «полезного» обучения в более динамическую программу действий, включающую кооперацию школы и общественность и по своей сути ничем существенным не отличается от ранее популярной концепции «эффективного работника»; она также исходит из стремления получить от работника максималь-

ный экономический эффект, даже в ущерб его духовному и физическому развитию [28].

Термин «*efficiency*» утвердился в американской социально-экономической и педагогической литературе в середине XX в. Он воплощает в себе круг требований, предъявляемых к работнику. Этот термин можно перевести как «эффективный, производительный, продуктивный, работоспособный, умелый, подготовленный». Он трактуется и как «способность достигать желаемого результата с минимальным расходом энергии, времени, средств и материалов». Обладатель этого качества характеризуется как энергичный, прилежный, сообразительный и проворный человек [29]. Однако ни одно из этих определений не передает с достаточной полнотой то содержание, которое вкладывают американцы в это понятие. Наиболее адекватным нам представляется перевод этого слова как «деловитый».

Дж. Ф. Гилмор дает свое определение деловитого человека как продуктивной личности; человека, вносящего зримый и значимый вклад в общее дело. Такой человек обладает богатым воображением, восприимчив к новому, проявляет творческий, новаторский подход к решению жизненных проблем и при достижении своих собственных целей. В то же время он проявляет ответственность в отношениях с другими людьми и требует такой же ответственности от других. Для деловитого человека характерны самостоятельность, настойчивость, альтруизм, высокая степень самоконтроля, высоко развитое чувство понимания моральных ценностей [30]. Понятия *гений*, *талант*, *одаренность*, по мнению Гилмора, устарели. Вместо них он предложил термин *самоактуализация*, который отражает, по его мнению, человеческое стремление к самореализации. Такой подход выражает стремление оценивать деловые качества человека по результатам его работы.

Он полагает, что любой продуктивный акт есть проявление творчества и представляет собой единство трех характеристик. Во-первых, этот акт должен быть оригинальным, или, по крайней мере, нечасто происходящим на практике; во-вторых, он должен служить решению проблемы (разрешению ситуации), но самое главное, – продуктивный акт должен обеспечить достижение результата. Творческие аспекты продуктивности должны быть видны во всех областях человеческой деятельности.

Проявление деловитости может заключаться в новаторском подходе к решению проблемы, в производстве уникального по своим качествам продукта, в личном примере, служащем образцом для других. Продуктивность не сводится к количеству некой продукции; она означает, прежде всего, качество вклада, включая воздействие

этого вклада на общество в целом и конкретных людей. Продуктивный акт – это всегда действие, которое что-то дает обществу, а не отнимает у него. Деловитая личность – это своего рода «инструмент конструктивных изменений», независимо от профессии и рода деятельности человека.

Дж. Ф. Гилмор выделяет среди деловитых людей способных к академической работе (*academic achievers*), к творчеству и конструированию (*creative persons*) и лидерству (*leaders*). Эти люди могут различаться способностями, мотивацией деятельности и сферами социальной компетенции. Однако несмотря на некоторые различия все три типа высокопродуктивной личности имеют между собой гораздо больше сходства и единства, нежели с менее продуктивными личностями «своих» типов.

По мнению Гилмора, наиболее яркая черта, отличающая деловитую личность, – это самоуважение, которое связано с большой продуктивностью (эффективностью) деятельности независимо от того, выражается ли эта продуктивность в академической успеваемости, творчестве или лидерских качествах. Деловитая личность обладает чувством социальной ответственности, выражающейся в двух основных характеристиках социального поведения. Первая относится к наличию определенной системы моральных ценностей, присущей деловитой личности. Последней признающей отношения эмпатии и заботы о других людях, уважение их внутреннего мира, проявление навыков взаимодействия с людьми, умений общаться с ними, совместно продуктивно работать, проявлять расположенность и терпеливость.

Вторая характеристика деловитой личности, по Гилмору, состоит в ее оптимистическом подходе к жизни. Она, скорее, идет навстречу жизненным проблемам, нежели уходит от них. Она привносит в любую ситуацию глубокую веру и надежду, которые базируются на внутренней уверенности в том, что независимо от природы задачи, стоящей перед ней, она будет морально вознаграждена теми, кто, по ее мнению, входит с ней в одну социальную группу. Эта надежда помогает личности смотреть с уверенностью в будущее, ставить перед собой труднодостижимые, но высокооцениваемые цели. Степень продуктивности (деловитости) личности определяется по тому, насколько умело и результативно личность справляется с проблемами. Для деловитого человека характерно чувство оптимизма: он живет ожиданием успеха, верой в удачу. Как правило, после достижения конкретной цели у него повышается уровень компетентности и самоуважения. Важными качествами деловитой личности Гилмор называет, в частности, такие умения, как умение (или способность) принимать окончательное решение, а также умение копиро-

вания, то есть «автоматического» выполнения какой-либо работы по образцу, – Гилмор называет это приспособлением (adjustment).

По мнению Р. Дж. Хэвигхёрста, деловитость особенно важна для людей из средних слоев общества; для них она – необходимое оружие в жизненной борьбе. Для тех, кто родился «с серебряной ложкой во рту», это, конечно, тоже важное качество, но для элиты оно не является жизненно важным. Задача воспитания деловых качеств не стоит так остро и для социальных «аутсайдеров»; для них жизнь – это борьба за кусок хлеба и ничего больше, ибо, даже при недюжинной деловитости, им особенно сложно найти свой «путь вверх» («groom at the top») [31].

Зарубежными авторами разрабатываются методики, нацеленные на ознакомление учащихся с моральными ценностями и идеалами, на воспитание деловых качеств. Значимость их внедрения в процесс воспитания они справедливо объясняют тем, что предоставленные самим себе молодые люди, лишённые специально внедряемых моральных предписаний, неизбежно подпадут под влияние «ветреной» поведенческой моды, «дурного» стиля сегодняшнего дня и пресловутое «делание денег» («money making»), лишённое, разумеется, какого бы то ни было морального фундамента, станет их руководящим ориентиром в ситуации нравственного выбора [32].

На словах они отвергают идею Дьюи о ситуации «реальной жизни» и ее педагогическую интерпретацию, а на деле разрабатывают ситуации «реальной жизни», выдвигают метод «исследования случая». Авторы (Р. Т. Холл, Дж. Ю. Дэвис) указывают, что человек, интеллектуальное развитие которого находится на низком уровне, не в состоянии предвидеть последствий своих поступков; поэтому обучение умению принятия верных решений выступает как важная моральная задача.

В связи с этим метод обсуждения (исследования) ситуации, проводящийся в форме обсуждения (дискуссии), считается особенно эффективным средством нравственного воспитания [33].

Одними из первых этот метод стали использовать в школе бизнеса в Гарварде и в американских колледжах и семинариях на занятиях по христианской этике. Начиная с 1967 г., «ситуативный метод» занял главенствующее положение в области нравственного воспитания в английских учебных заведениях, а затем распространился по всей Европе [34]. В процессе использования этого метода учащиеся знакомятся с гипотетической ситуацией, в которой необходимо принять решение. Процедура использования включает несколько этапов (шагов).

Представление ситуации учащимся. Ситуация должна иметь несколько альтернативных реше-

ний. Например, владелец магазина задержал мальчишек в момент кражи...

Представление вариантов. Что может сделать владелец магазина: сообщить родителям; вызвать полицию; потребовать от детей отработать то, что они украли (поломали), не сообщая родителям и полиции; пригрозить сообщить в полицию в случае повторения кражи; отшлепать и отпустить домой.

Составление вариантов ответа. Варианты могут быть следующие: а) сообщение родителям может не помочь делу, так как одни родители могут слишком сурово наказать детей, а другие – встанут на их защиту, независимо от обстоятельств происшествия; б) вызов полиции – слишком жесткая мера, так как полиция может воспринять это всерьез; в) требование оплатить своим трудом причиненные убытки также неэффективно: как можно доверить им работу в магазине, когда они уже проявили себя с негативной стороны; г) угроза может помочь, но ненадолго; д) бить детей непедагогично и можно навлечь на себя крупные неприятности.

Оценка вариантов производится посредством серии вопросов. При этом возможные ответы сравниваются с бесспорными образцами. Выбор решения зависит от того, чего, в принципе, хотел добиться владелец магазина: наказать детей или способствовать их воспитанию.

Вариантом данного метода является метод «стратегии конфликта», который строится на создании ситуации непонимания, умышленного разногласия между учащимися и дальнейшей защите тех или иных точек зрения. По мнению Лоренса Кольберга [35], выбор оптимального разрешения конфликта является показателем уровня сформированности морального мышления. «Стратегия конфликта» состоит из четырех шагов: 1) выдвижение моральной дилеммы (нужно найти единственное решение; здесь нет места альтернативным решениям); 2) выдвижение утверждений, как правило, противоположных или сильно отличающихся друг от друга, с целью усилить разногласия; 3) дискуссия: пробные (от организатора) и взаимные вопросы участников; 4) процесс суммирования и окончательного согласования мнений. Не обязательно, чтобы конфликт заканчивался взаимным соглашением.

Преимущество «стратегии конфликтов» над «рациональной стратегией» исследователи видят в том, что последняя может не вызвать достаточно глубокого и длительного интереса у учащихся; дети более склонны к спорам и конфликтам. При этом различают «hot cases» («горячие случаи») и «cold cases» («холодные случаи»). Первые – относятся к вопросам политики, жизни общества, вторые – частные случаи из жизни. Приведем образцы тех и других. К «горячим

случаям», которые предлагается разрешить учащимся, относятся, например, такие ситуации.

«Вы решаете – принимать или не принимать закон об амнистии (приводятся конкретные условия)».

«Представьте, что США имеют секретную военную базу в Турции. Если потенциальный враг не узнает о ней, он не сможет принять ответных мер. Если узнает – база станет бесполезной. В случае, если сведения о базе просочатся в сенатскую комиссию по иностранным делам, почти наверняка история с базой станет известна каждому. Как поступить президенту и госсекретарю, отвечая на вопрос членов комиссии о том, есть ли базы США в Турции?»

«Если бы вы были президентом Джеральдом Фордом, простили ли бы вы Ричарда Никсона, который бы пришел к вам с извинениями по делу Уотергейта, причем извинения были бы достаточными для, так сказать, обычных, бытовых случаев?»

А вот примеры «cold cases». *«Представьте себе, что вы единственный кормилец семьи, отец двух подростков. У вас запущенная форма рака. Если вы останетесь в госпитале, то проживете, при соответствующем лечении, еще 6–8 месяцев, если покинете госпиталь сейчас – то 3–4 месяца. Стоимость ухода в госпитале будет стоить 25 000 долларов, что разорит вашу семью, и ваши дети не смогут продолжить образование. Как вы поступите?»*

«После игры в баскетбол были разбиты стекла автобуса, который привозил учащихся на игру. Директор школы решил наказать всех, поскольку виновника найти не удалось, и не стал выделять средства на заказ другого автобуса для команды. Тогда один мальчик сказал, что он видел, кто разбил стекло, и готов назвать виновного. Но стоит ли выдавать товарища? Может быть, лучше пострадать всем вместе? Прав ли этот мальчик?»

Находит применение и ролевая игра. Так, учащиеся 8-го класса разыгрывают следующую сценку. *Полицейский, проходя мимо уличного торговца фруктами, берет яблоко с прилавка, говорит продавцу «Привет!» и, не заплатив, уходит. Почти тут же торговец хватается мальчишку, пытавшегося украсть яблоко, и отводит его ко все еще жуящему полицейскому.* Школьники разыгрывают эту сценку в ролях, затем проходит ее обсуждение. При этом возможные варианты ответов, представляющие собой различные ситуации, также разыгрываются ими.

Активно используется также анализ моделей поведения, взятых из биографий исторических деятелей. На первый взгляд может показаться, что дискуссия является очень эффективным методом нравственного воспитания. Однако опыт

показывает, что дискуссия и ее результат далеко не всегда находят адекватное отражение в поведении учащихся. Когда ребенка спрашивают, как следует поступить в той или иной конфликтной ситуации, то обычно следует ответ, способный удовлетворить учителя, то есть «правильный» ответ, который, в то же время, «слишком хороший, для того чтобы быть истинным» («too good to be true»).

Основная цель указанных методов заключается в том, чтобы дать «прямой» опыт принятия решений. Игры могут ознакомить учащихся с реальными противоречиями, возникшими в ситуациях, требующих решения. Однако одних «ситуаций» недостаточно; они дают лишь «сырой» материал для воспитания.

Американские исследователи не случайно делают упор на игровые, «гипотетические» методики, ибо хорошо понимают: одно дело – научить ребенка принимать решения в игре, и совсем другое – в реальной жизни, в которой зачастую не остается места для отвлеченных рассуждений на тему «что такое хорошо и что такое плохо». Нам, российским исследователям, следует не отвергать «с порога», как это имело место в недалеком прошлом, результаты исследовательского поиска зарубежных коллег, а внимательно изучать положительно зарекомендовавший себя практический опыт.

Примечания

1. Mills C. W. White Collar. N. Y. P. 219.
2. Янжул Е. Н. Американская школа нашего времени. М.; Л., 1926. Американская школа: очерки методов американской педагогики. Петроград, 1920. НОТ в применении к школьному делу: научная организация труда в педагогике США. М., 1926. Очерки методов американской школы. Петроград, 1919.
3. Educational Review. XLI. May, 1911. Цит. по: R. E. Callahan. Education and the Cult of Efficiency. Chicago: The Unit of Chicago Press, 1964. P. 47.
4. Briggs Th. H. Pragmatism and Pedagogy. N. Y., 1940. P. 5.
5. Каунтс Д. Теория воспитания в Америке. М.; Л., 1931. С. 17.
6. Гончаров А. Н. Школа и педагогика США от периода установления независимости до второй мировой войны: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1979. С. 248.
7. Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в XI т. Т. 4. М., 1959. С. 470.
8. Методологические аспекты развития педагогической науки в современных условиях: сб. науч. тр. НИИ ОП АПН СССР / ред. З. А. Малькова. М., 1980. С. 113.
9. Educational Accountability and Evaluation. Washington D. C., 1972.
10. Callaban R. E. Low Efficiency of Educational Industry. Fortune. 1958. Oct. P. 256.
11. Малькова З. А. Современная школа США. М., 1971. С. 14–15.
12. Дьюи Д. Школа и общество. М., 1924; Дьюи Д. Введение в философское воспитание. М., 1921; Дьюи Э.,

Дьюи Д. Школы будущего. М., 1922; Килпатрик У. Х. Воспитание в условиях меняющейся цивилизации. М., 1930; Килпатрик У. Х. Основы метода. М.; Л., 1923; Perkinson H. J. Two Hundred Years of American Educational Thought. N. Y., 1976. P. 200–236.

13. Goodman P. Gowing up absurd. N. Y., 1960. P. 12.
14. Dewey D. Experience and Education. N. Y., 1938. P. 1.

15. Edman I. John Dewey. New York, 1955. P. 21.

16. Бернштейн М. С. Закат прагматической педагогики. М., 1963. С. 15.

17. Дьюи Э., Дьюи Д. Школы будущего. М., 1922. С. 15.

18. Уэллс Г. Прагматизм – философия империализма. М., 1955; Кроссер П. Нигилизм Джона Дьюи. М., 1958; Мельвилль Ю. Американский прагматизм. М., 1957.

19. Там же. С. 100.

20. Шевкин В. С. Педагогика Д. Дьюи на службе современной американской реакции. М., 1952. С. 101.

21. Thayer V. T. Formative Ideas in American Education. N. Y., 1966. P. 365.

22. Davis J. A. The Enduring Effects of Education. Chicago, 1975.

23. Hechinger F. M., Hechinger G. Growing Up in America. N. Y., 1975. P. 135.

24. Life Adjustment. Education in the American Culture. W., 1951. P. 19.

25. Meyer A. E. An Educational History of the American People. N. J., 1957. P. 412.

26. Life Adjustment. Education in the American Culture. С. 24.

27. Ibid. С. 56–57.

28. Шмыгина А. Б. Буржуазная концепция «эффективного работника» в теории и практике современной школы США: дис. ... канд. пед. наук. М., 1976.

29. Fard and Wagnalls. Desk Standard Dictionary. N. Y., 1944. P. 264.

30. Gilmore John F. The Productive Personality. San-Francisco, 1974.

31. Havighurst R. J. Human Development and Education. N. Y., 1955. P. 131.

32. Hall R. T., Davis D. U. Moral Education in Theory and Practice. Buffalo, 1975. P. 35.

33. Anspach C. L., Congdon W. H. Problems in Educational Sociology. N. Y., 1974. P. 314.

34. McPhail P., Ungood J. R. Moral Education in the Secondary School. L., 1972. P. 106.

35. Hall R. T., Davis D. U. Moral Education in Theory and Practice. С. 141.

УДК 159

УДК 378

А. А. Баранов, З. Я. Баранова

РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПРОДУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУПРУГОВ У БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ ПСИХОЛОГИИ

В статье обосновывается актуальность формирования консультационных компетенций у будущих специалистов помогающих профессий – практикующих психологов по работе с проблемными семьями на основе интерактивного (социально-адаптивного) подхода. Раскрывается необходимость детального рассмотрения в процессе подготовки бакалавров и магистров направлений «Психология» и «Психолого-педагогическое образование» моделей поведения супругов и механизмов формирования продуктивных стратегий взаимодействия.

The authors lay a foundation for development of consultancy-based competence for caring professions' specialists, in particular psychology practitioners, who work with problem families. Their provisions are suggested to rely on interactive (social-adaptation) approach. The article reveals the importance of it for "Psychology" and "Psychological and Pedagogical Education" bachelor and master programs so as to equip students with the knowledge of behavioral mechanisms and models for effective interactive strategies.

Ключевые слова: развитие профессиональных компетенций, стратегии взаимодействия, социально-психологическая адаптация, стратегии и модели поведения супругов.

Keywords: development of professional competence, strategies of interactions, social and psychological adaptation, behavioral models.

Основные компетенции студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Психология» и «Психолого-педагогическое образование» по семейному консультированию, формируются в рамках таких дисциплин государственного стандарта, как «Семейная психология», «Психологическое консультирование», «Основы психотерапии», а также в факультативных курсах и курсах по выбору (например: «Психология взаимопонимания», «Половозрастное консультирование и т. п.). Отработка и дальнейшее развитие семейно-консультационных компетенций происходит в рамках диагностической, консультационной и коррекционной видов учебных практик.

По частоте клиентских запросов работа с семьей занимает у практикующих психологов до половины всех обращений [1]. В связи с этим в процессе подготовки профессиональных психологов необходимо придерживаться доказавших свою состоятельность теоретико-методологических подходов к такой важной сфере человечес-

кого бытия, каким является социальный институт социализации – семья.

Жизнь в семье невозможна без общения в ней, взаимодействия между мужем и женой, между родителями и детьми в процессе повседневной жизнедеятельности. Удовлетворённость супругов общением зависит от степени совместимости их взглядов, ценностей, норм и правил поведения [2].

Отсутствие взаимопонимания в семье приводит к подавленности, отчуждённости, к ухудшению психологического и физического состояния, значительному понижению работоспособности человека. Неумение общаться способно разрушить семью [3]. Основными компонентами культуры общения являются сопереживание, терпимость, уступчивость, доброжелательность.

Жизнь общества характеризуется теми же духовными и материальными процессами, как и жизнь семьи. Чем выше культура семьи, тем выше культура всего общества. Общество состоит из людей, которые являются отцами и матерями в своих семьях, а также их детей. От того, как родители приучают своих детей к труду, уважению к старшим, любви к окружающей природе и людям, зависит то, каким будет общество, в котором будут жить наши дети [4]. Будет ли общество, построенное на принципах добра и справедливости, или же наоборот? В этом случае очень важно партнерское, поддерживающее общение между супругами. Именно в процессе семейного общения зарождается и протекает формирование личности ребёнка, члена общества. Последствиями непродуктивного общения в семье могут быть конфликты и разводы, которые наносят большой социальный вред обществу. Чем меньше разводов в семьях, тем здоровее общество.

Вполне справедливо отмечает М. Н. Николаев [5], что социально-психологическое здоровье общества прямо пропорционально зависит от здоровья семьи, так же как и здоровье семьи – от общества, и, следовательно, адаптационный потенциал социума будет складываться из продуктивных стратегий приспособительного поведения членов первичной ячейки общества.

В науке признается, что психика как приобретение и неотъемлемое свойство человека появилось в процессе эволюции именно для успешной адаптации к окружающей среде (включая и среду социальную). При таком ракурсе анализа соотношения двух понятий (супружеские взаимоотношения и социально-психологическая адаптация) межличностное благополучие супругов будет частным случаем их социально-психологической адаптации. Большинство авторов психологических теорий считают, что личность является пластичным образованием, в той или иной мере способным к адаптации. Во многих концеп-

циях личности (G. Allport, H. Eysenck, C. Jung) адаптационным механизмам отводится интегрирующая, системообразующая роль. Так, Н. А. Милослава [6] полагает, что «процесс социальной адаптации может выступать не только как объективный механизм приспособления, приурочения к социальной среде (пассивное приспособление кого-либо к чему-либо), но и как механизм субъективной деятельности, направленный на приспособление индивида к тем или иным нормам, стандартам, меркам (активное приспособление кем-либо кого-либо)».

Социально-психологическая адаптация заключается во взаимном приспособлении личностей, групп путем усвоения ролей, норм, способов, форм взаимодействия в определенных условиях. Так, человек сначала «входит» в группу, приспосабливается к ней, разделяя убеждения и представления его членов, а затем воздействует на них, изменяя их взгляды [7].

Итак, при подготовке психологов необходимо рассматривать следующие возможные четыре стратегии приспособления одного супруга к другому:

– «реактивная стратегия» – «пассивное» приспособление к требованиям супруга. Реакция (ответ) личности на акцию со стороны другого субъекта взаимодействия (стимул). Субъект, мало осознавая, изменяется под воздействием социализации в новых выдвигаемых брачным партнером условиях (наиболее близкий к собственно биологической трактовке процесса адаптации случай);

– стратегия – «приспосабливание среды» – активное «воздвигание» социального пространства супруга, его приспособление под свои нормы и правила (примером может служить традиционная, к сожалению, схема взаимодействия учитель – ученик, а точнее – воздействия первого на второго, в школах России);

– стратегия «диалога» – сознательное освоение (присвоение) новых социальных требований, транслируемых брачным партнером (ценностей, традиций, ограничений и поощрений), на фоне трансформации ранее интериоризированных установок, стереотипов, норм и правил, при сохранении стержневых, базальных структур личности (смыслов, идеалов и ценностей), сформировавшихся в процессе персоногенеза;

– стратегия «приспосабливание себя» – высокоосознанное принятие в качестве приоритетных, главенствующих в мировоззрении супруга регуляторов поведения, в какой-то степени личностное самоотречение. Переосмысление и деструкция ранее сложившихся детерминант личностной саморегуляции.

Поведение же людей при начальной стадии развития супружеских отношений разворачивается, нередко, в стрессогенных (конфликтогенных) ситуациях межличностного взаимодействия.

Достаточно продуктивной для понимания и дальнейшего социального, психологического и педагогического сопровождения (превенции и помощи) молодых супругов, на наш взгляд, будет попытка соотнести разрабатываемый нами [8] подход к рассмотрению адаптационного процесса с моделями поведения К. Додда [9].

Так, этносоциолог К. Додд выделяет четыре основные модели поведения в межэтническом взаимодействии в условиях адаптации:

1) Flight – создание своего микромира, попытка избежать прямых контактов с чужой культурой;

2) Fight – активное проявление этноцентризма, желание перенести свою модель поведения в новую среду;

3) Filter – диалог культур или разнонаправленная стратегия:

а) сохранение собственной культуры, идентификации со своей этнической группой;

б) высокая активность, коммуникабельность в новой среде.

4) Flex – изменение культурной идентичности как на уровне внешнего поведения, так и на уровне социального восприятия.

Сразу обозначим принципиальное условие – в качестве мигранта – представителя одного этноса, по К. Додду, – мы рассматриваем одного супруга из семейной пары (вне зависимости от пола и паспортного возраста), а под новой культурной средой, коренным этносом будем иметь в виду психологическое (точнее личностное) пространство другого партнера по семейным взаимодействиям.

Первая модель поведения межэтнического взаимодействия (Flight) в процессе адаптации в соотнесённости с индивидуальной трудовой миграцией и миграцией по национальным причинам может иметь неприятие инациональных иммигрантов титульным населением; взаимную дистанцированность. Продуктами такого копинг-поведения будет являться накопление и проявление в процессе вынужденного межкультурного взаимодействия (общения) социальной отчужденности, тревоги, недоверия, а в крайних формах – и различных агрессивных реакций. В соответствии с нашими взглядами это не есть собственно адаптационная стратегия, а вариант развития дезадаптационных процессов у супруга с такой стратегией поведения, которая может быть оправданна только на начальном этапе вхождения в новую культуру, и то при значительном временном ограничении ее функционирования.

Проявление этноцентризма (Fight) возможно лишь в общностях, сформировавшихся в ходе военных конфликтов, вооружённых столкновений, а также национальных распрей, и волей этих обстоятельств заброшенных на чужбину. При

условии непонимания их проблем властными структурами, при возникновении конфликтных ситуаций с коренными жителями, при усиливающейся активности их лидеров, а также нестабильности политической или экономической ситуации у инациональных мигрантов на первый план могут выдвигаться этноцентристские требования (попытка перенести свои национальные стереотипы и образцы поведения в новую среду). Все указанные факторы, как правило, ведут к напряженности во взаимоотношениях между вынужденными мигрантами и титульным населением, создавая благоприятную почву для формирования у мигрантов этноцентризма, завышенной самооценки, нетерпимости, низких самокритичности и эмпатийности.

Следующая модель поведения – Filter – представляет собой одновременное нахождение в двух культурных средах. Для экономических инациональных мигрантов (а именно эта форма миграции создаёт условия для Filter) важно сохранение своей национальной культуры, самосознания, но не менее важно быстро осваивать язык титульной нации, а также устанавливать контакты с властями, связи с нужными людьми, ориентироваться в новых быстро меняющихся обстоятельствах принимающего общества.

Поэтому особенностью данного поведения межэтнического взаимодействия, обусловленного, как правило, вынужденной миграцией с учётом собственного интереса в условиях адаптации, является сохранение собственной идентичности при высокой и быстрой приспособляемости в иной этнической среде. Последствиями такого поведения межэтнического взаимодействия будут прочные контакты в бизнесе, профессиональной и образовательной сферах. Адаптация осуществляется по типу стратегии «диалога», что способствует становлению и развитию позитивной «Я-концепции», социально-перцептивных и эмпатийно-рефлексивных способностей, чувства доверия, толерантности и удовлетворению аффилиативных потребностей.

Четвёртая модель поведения (Flex) полностью изменяет культурную идентичность человека, и, следовательно, являет собой органичную часть ассимиляционного процесса. Темпы ассимиляции зависят от близости языка, культуры мигрантов и местного населения, от характера их расселения, принципов национальной политики принимающего государства. Как правило, модель поведения «Flex» применима в ситуации экономической, политической миграции, когда человек настроен на дальнейшее постоянное проживание и активное участие в общественной жизни новой для себя страны. В основе этой модели поведения лежит адаптационная стратегия «приспособления себя», которая не исключает у человека

появление чувства тревоги и дискомфорта в незнакомой обстановке, но сознательно избранная стратегия поведения помогает в преодолении сложностей, носящих, в первую очередь, внешний по отношению к внутреннему миру личности, социально обусловленный характер.

Итак, еще раз, но уже кратко сопоставим модели межэтнического взаимодействия, предложенные К. Доддом, с разрабатываемыми нами адаптационными стратегиями личности в стрессовых условиях жизнедеятельности:

- 1) Flight – «реактивная стратегия»;
- 2) Fight – стратегия «приспосабливание среды»;
- 3) Filter – стратегия «диалога»;
- 4) Flex – стратегия «приспосабливание себя».

Такая схема сопоставления может быть полезной при определении будущими практически психологами наиболее адекватных и эффективных путей и методов личностного и группового сопровождения процесса социально-психологической адаптации молодых супругов друг к другу. В связи с этим необходимо активней внедрять в учебно-образовательные программы профессиональной подготовки студентов по работе с семьей лекционно-практические и тренинговые занятия по отработке соответствующих продуктивных консультационных компетенций у будущих бакалавров и магистров, обучающихся по направлениям «Психология» и «Психолого-педагогическое образование».

Примечания

1. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 2000.
2. Андреева Т. В., Кононова А. В. Распределение ролей в молодой семье // Ананьевские чтения – 2002. Психология и политика. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002.
3. Андреева Т. В. Психология семьи. СПб.: Речь, 2007.
4. Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2002; Сысенко В. А. Супружеские конфликты. М., 1989.
5. Николаев М. Н. Вечная ценность семьи. М.: Антиква, 2006.
6. Милославова И. А. Социальная адаптация: анализ понятия // Понятия, принципы, категории. Л., 1975. С. 139–146.
7. Сарджвеладзе Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси, 1989.
8. Баранов А. А. Стресс-толерантность педагога: теория и практика. М.: АСТ, 2002; Баранов А. А. Феноменология адаптации личности // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2003. С. 27–41.
9. Dood Carely H. Dynamics of Intercultural Communication. JAL Press, 1996.

УДК 159.946

Л. А. Мосунова

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПСИХОЛОГИИ ЧТЕНИЯ

Анализируется понятие библиопсихологии (психологии чтения). Рассматриваются в первом приближении история и теоретические предпосылки возникновения психологии чтения. Обращается внимание на современное состояние проблемы отношений человека, книги и общества.

Examines the concept of bibliopsychology (psychology of reading). In first approximation, history and theoretical background of psychology of reading. Draws attention to the current state relations issues of human, books and society.

Ключевые слова: библиопсихология, история возникновения библиопсихологии, научные основы развития библиопсихологии.

Keywords: bibliopsychology, the history of bibliopsychology, the scientific basis for the development of bibliopsychology.

Приступая к рассмотрению истоков и теоретических основ относительно молодой области науки, важно определить само понятие библиопсихологии (психологии чтения).

Представления о психологии чтения связаны с получившим широкое распространение термином «библиопсихология». Он служит для обозначения специализированного раздела науки, который ещё не имеет подлинных традиций и находится в стадии становления. Поэтому значение этого термина пока недостаточно определённое. В самом общем плане библиопсихология – это особая область психологической науки, включающая проблемы взаимодействия человека с книгой. Слово происходит от греч. *biblio* – книга, а вопрос о том, что и как изучает библиопсихология, до сих пор остается дискуссионным и составляет содержание ряда солидных трудов.

Вместе с тем в трёх моментах позиции большинства учёных сходятся. Они едины в том, что психология в сфере книги изучает: 1) процесс литературного творчества, 2) процесс чтения, 3) процесс книжного влияния. Следовательно, в библиопсихологии выделяются три аспекта: психология литературного творчества, психология чтения и психология воздействия книги на читателя. Поскольку основу взаимодействия человека с книгой составляет процесс чтения, в узком плане библиопсихологию можно трактовать именно как психологию чтения. Тем самым понятия библиопсихологии и психологии чтения выступают как синонимичные, значение первого из

© Мосунова Л. А., 2013

которых широкое, а второго – более узкое. С другой стороны, их можно рассматривать и как целое и его часть, хотя такое разделение условно и может проводиться лишь в интересах научного анализа. Трудно изучать воздействие книги на читателя отдельно от личности её творца или от личности самого читателя.

Отметим, что наиболее широко библиопсихологию трактуют в книговедении, где она понимается как психология книжного дела в целом, в процессе его эволюции и диссолюции, то есть развития и упадка. Книговеды полагают, что отнести библиопсихологию только к психологии читателя и автора – это значит сузить её значение, приравняв всю эту науку к одной из её глав и принимая часть за целое. Безусловно, авторство и чтение неотделимы от книжного дела и находятся в функциональной зависимости как от него, так и между собой. Вне социального механизма, называемого книжным делом, ни автор, ни читатель существовать не могут. С другой стороны, стоит лишь в ходе истории измениться читательским вкусам и запросам, интересам и потребностям, нравам, обычаям и привычкам, – неизбежно приспособляется к этим переменам и авторство, и весь механизм книжного дела.

Поэтому в книговедении принято изучать психологию читателя и автора в связи с психологией книжного дела в целом – будь это издательство или книготорговля, или библиотечное дело, или другие его отрасли. Здесь принципиально не приравнивают библиопсихологию к изучению читательских интересов – это значило бы сузить её понимание. Тем более не видят в ней один из отделов библиографии. В таком понимании библиопсихологии техника набора и печатания книг есть психология набора и наборщика, печатника и типографщика, издателя и издательства, покупателя и продавца, книжного спроса и предложения, циркуляции книг в пространстве и во времени. Все без исключения отрасли книжного дела библиопсихология изучает с психологической стороны, выделяя в них психологический, точнее сказать, социально-психологический коррелят. Для библиопсихологии экономический и всякий другой интерес к книге и книжному делу означает психологию этих интересов. Изучая роль экономического фактора в книжном деле, библиопсихология выясняет его влияние на психику работников. Таким образом, наука о книжном деле фактически соединяется с психологией книжного дела и всех его отраслей в их взаимном влиянии и функциональной зависимости.

Обобщим вышесказанное. Родовым признаком библиопсихологии является тот, что она представляет собой одну из отраслей именно психологии, один из определённых отделов её, который существует и имеет право на самостоятель-

ное существование, рядом с другими такими же отделами, каковы, например, педагогическая психология, объектом которой является психология ребёнка и его развития, или психология труда, изучающая психологию работника и работодателя, и т. д. Видовым признаком библиопсихологии является её особый объект, в определении которого как раз и существуют разногласия, а именно, в какой психологический контекст вписать книгу. Есть ли это собственно психология книжного дела, психология автора книги и её читателя, психология процессов литературного творчества, восприятия книги и её влияния на читателя или совокупность всех этих существенных признаков? Если мы определим видовой признак, то определим и содержание этого достаточно нового термина. Тем не менее в качестве рабочего можно использовать понятие библиопсихологии традиционно – как психологию чтения, то есть психологию восприятия, понимания и воздействия книги на читателя.

Обратимся теперь к историческим предпосылкам возникновения психологии книги. Возникновение библиопсихологии не случайно. Один из важных моментов в развитии культуры – распространение культурных образцов. Культурная цивилизация теснейшим образом связана с распространением грамотности, книжности, чтения. Примерно за 700 лет до н. э. в Греции был изобретен алфавит, положивший начало качественно новой (в отличие от длившейся более трёх тысячелетий устной традиции) коммуникации. Известно, какое значение для европейской культуры имело появление книг, изобретение книгопечатания (XV в.). Книги стали выражением и средством распространения культуры. Печатные тексты легли в основу сохранения опыта и духовного обогащения. Без них нельзя представить себе ни науки Нового времени, ни искусства с его словесной составляющей. По мере распространения грамотности книги, а затем и библиотеки стали неотъемлемой частью цивилизации.

Технический прогресс, появление новых каналов распространения информации играют в этом процессе огромную роль. Развитие языка и письменности позволило распространять культуру на значительные расстояния.

Ещё задолго до книгопечатания, с момента, когда культура стала опираться на письменность, возникла потребность в изучении текстов. В этом нуждалась церковная литература, имеющая дело с библейскими текстами, а начиная с эпохи Возрождения – классическая филология, обращающаяся к текстам античности. Тем самым проблемы, связанные с внедрением книг в жизнь людей, начали обсуждаться в научной литературе гораздо раньше, чем они стали предметом особой научной дисциплины, библиопсихологии.

Приблизительно в III в. н. э. появилась особая область знания – герменевтика, искусство и теория истолкования текстов. Учение о толковании текстов получило наименование, восходящее к Гермесу, другу пастухов и бродячих торговцев, покровителю плодородия, богу удачи. Первоначально Гермес выступал как бог, указующий путь, покровитель стад, дорог. Его именем названы дорожные указатели – гермы. «Понять» означало найти правильное направление, пройти по пути, ведущему к цели. Возникнув как учение о толковании скрытых смыслов Священного писания, герменевтика стала постепенно учением о понимании скрытых смыслов в более широком контексте. Герменевтика в широком смысле – это искусство понимания и толкования проявлений духовной деятельности человека, прежде всего текстов [1].

Предпосылкой психологии чтения в Новое время стало литературоведение, которое изучало литературно-художественные книги, во многом опираясь на опыт герменевтики. В исследованиях накапливались данные о закономерностях восприятия печатных знаков и текстов в целом. Все большее внимание к себе привлекали процессы литературного творчества и личности творцов. В ходе развития культуры возникали иные, чем прежде, аспекты изучения литературных произведений и их авторов, зарождались принципиально новые подходы к анализу текстов.

Предтечей исследований в области психологии чтения является выдающийся немецкий философ и лингвист Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835). Ему принадлежит идея речевой деятельности и понимание языка как связующего звена между социумом и человеком. Он приписывал языку важнейшую роль в «мировидении», то есть в структурировании субъектом поступающей из внешней среды информации. Гумбольдт подчеркивал значение языка произведений литературы. Язык – не просто готовый инструмент, он является средством самовыражения и постижения жизни. Отсюда – необходимость полнее вникать в язык текстов [2].

Другим предшественником психологии чтения можно считать также крупного немецкого ученого, историка культуры, философа и литературоведа, оказавшего огромное влияние на современные гуманитарные науки, Вильгельма Дильтея (1833–1911). Он разработал принципы «понимающей психологии», относящиеся и к пониманию книжных текстов, выдвинув свой знаменитый тезис: «Природу мы объясняем, духовную жизнь мы понимаем». Дильтей противопоставляет понимание как интуитивное постижение реальности объяснению как дискурсивно-логической процедуре. Акт понимания является для него прежде всего интуитивным схватыванием

(«во всяком понимании есть нечто иррациональное»). Но процесс понимания не сводится к простой эмпатии («вчувствованию»), а предполагает сложную реконструкцию, вторичное конструирование того духовного мира, в котором жил автор. Герменевтический круг, или круг понимания, обусловлен, по Дильтею, тем, что целостная взаимосвязь процесса жизни может быть понята только исходя из отдельных частей этой взаимосвязи, а каждая из этих частей, в свою очередь, нуждается для своего понимания в учёте всей целостности [3].

Изучение чтения в России началось, что весьма любопытно, гораздо раньше, чем в странах Европы и в Америке. Характеристики чтения различных слоев и групп российского общества середины XIX в. представлены в широко известных работах Н. А. Рубакина, Х. Д. Алчевской и др.

Заметный вклад в становление психологии чтения внесла Христина Даниловна Алчевская (Журавлева) (1843–1920) – педагог-просветитель, общественный деятель, основоположник методики обучения грамоте взрослых. Ей принадлежит мысль о том, что каждый порядочный человек непременно должен интересоваться таким животрепещущим вопросом, как чтение простых людей. По почину Алчевской и при её деятельном сотрудничестве был издан критический указатель книг для народного и детского чтения «Что читать народу?», включающий рецензии на народные книги и отзывы о них самих читателей из народа. Указатель выдержал 17 (!) изданий. В 1862 г. Алчевская впервые организовала частную воскресную бесплатную школу для женщин. В 1879 г. она открыла первую народную школу в Алексеевке, а в Харькове – первую общественную библиотеку (ныне Государственная научная библиотека им. В. Г. Короленко). В 1889 г. в Париже её избрали вице-президентом Международной Лиги Просвещения. Опыт приобщения к чтению людей малообразованных с учётом уровня их развития, их интересов и потребностей заслуживает внимания и изучения.

Важной вехой в становлении специальной отрасли науки о взаимодействии человека с книгой явились труды замечательного отечественного книговеда, библиографа и культуролога Николая Александровича Рубакина (1862–1946). Именно Рубакин ввел термин «библиопсихология» и в 20-х гг. прошлого века выступил с её развернутой программой. Суть программы – системное изучение триады «читатель – книга (текст) – автор». Рубакин отмечал, что обычно каждая из частей триады рассматривается отдельно, тогда как важно их взаимодействие и единство. При этом он исходил из того, что главное – это роль читателя. Учёный считал неправомерным положение, когда изучается сначала текст, потом автор (или

сначала автор, потом текст), а читатель – где-то на втором плане. По Рубакину, каждый читатель по-своему, избирательно усваивает и осмысливает тексты, привнося в них что-то своё. Поэтому первостепенное значение имеет изучение читателей, ведь от умственных и нравственных качеств тех, кто читает, зависят смысл и значимость воспринимаемых ими текстов. Он указывал, что читательское восприятие имеет свои индивидуально-природные предпосылки, и подчеркивал, что взаимосвязь читателя и книг нужно рассматривать в культурно-историческом контексте. Рубакин полагал, что библиопсихология, возникающая на пересечении разных наук, должна соединять в себе проблематику и методы как естествознания, так и гуманитарного знания [4].

В более поздний период – с начала XX в. вплоть до наших дней – были предприняты десятки, если не сотни исследований различного уровня, в которых анализировались различные стороны чтения (интенсивность, мотивация, предпочтительность, проблематика и т. п.) разных читательских групп и контингентов и изучались аспекты взаимовлияния чтения и социума.

Существенное значение для конкретного изучения механизмов восприятия текстов имело дальнейшее развитие в XX в. семиотики – науки о знаках и знаковых системах. Те или иные системы знаков, естественные или созданные искусственно, понимаются в семиотике как своеобразные «языки» с некоторыми общими для них правилами. По мере развития семиотики в ней на первый план выдвигалось исследование целостного сообщения – текста. Семиотический подход к изучению текстов предполагает три уровня: 1) выделение и систематизацию сочетаний знаков; 2) интерпретацию значения определенных структур знаков; 3) выяснение взаимосвязи между значением знаковых систем и теми, кто их воспринимает. Такой подход вслед за лингвистикой проник и в литературоведение. Новые аспекты исследований и получаемые при этом результаты обогащали и библиопсихологию.

Важнейший вклад в изучение психологии восприятия текстов внесли новаторские труды философа, литературоведа и теоретика искусства Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975). В основе его концепции лежала идея диалога, понимаемого им не только как норма общения отдельных личностей, но и как норма самосознания и как способ взаимодействия личности с объектами культуры и искусства. Им показано, что в диалоге слово (мысль, знание) обретает множество новых смыслов. В таком многоголосии (полифонии) обнаруживаются их равные права на существование. При этом постижение личностью собственного «Я» происходит именно в общении с «другими». Соответственно и

читательское восприятие, по существу, означает своего рода мысленный диалог с текстом и его автором. Эти идеи получили широкое признание. Они во многом содействуют пониманию тех специфических проблем, которые сегодня относят к ведению библиопсихологии [5].

В завершение статьи коснёмся проблемы отношений человека, книги и общества. Обсуждаемая нами область науки – человек и книги. Книга – явление, возможное только в обществе, то есть явление социальное. Автор создаёт своё произведение в расчёте на то, что его кто-то будет читать. Для этого люди должны понимать друг друга, то есть иметь общий язык и более-менее общую систему образов, символику. Всё это вырабатывается в процессе взаимодействия людей и социальных институтов только в обществе.

Но эта сторона жизни так быстро изменяется, что можно подумать, не обращаемся ли мы к феноменам, которые уже уходят в прошлое. Ведь за время, прошедшее после массового распространения книгопечатания, и особенно за последние десятилетия, коренным образом изменилась техническая сторона изготовления и предъявления текстов. В наш век компьютерных таблоидов появилась реальная альтернатива бумажным страницам книг. Но даже если согласиться, что книги в нынешнем виде начинают отмирать, что далеко не бесспорно, то такая реальность, как взаимодействие человека с текстами, скорей всего, будет иметь место и впредь.

Связанные с этим психологические проблемы – залог интереса к психологии чтения и её дальнейшего развития. Сегодня эта сфера научного поиска – на стыке психологии со смежными науками: философией, литературоведением, языкознанием, психолингвистикой, социологией, книговедением и др. Она базируется на достижениях таких областей научного знания, как теория массовых коммуникаций, теория текста, текстология. Библиопсихология находится на подъёме и представлена многими теоретическими и эмпирическими разработками; яркий пример таковых указан в примечании [6]. Автором статьи разработано учебное пособие «Психология чтения художественной литературы» [7], где представлены материалы по психологическим проблемам библиопсихологии, а также по вопросам важнейшего практического применения этой многосторонней научной дисциплины.

Примечания

1. Брудный А. А. Психологическая герменевтика. М.: Лабиринт, 1998; Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
2. Гумбольдт В. О различии организмов человеческих языков и о влиянии этого развития на умственное развитие человеческого рода. СПб., 1859; Гум-

больдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984; Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.

3. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 129–143; Дильтей В. Основная мысль моей философии // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 122–123; Дильтей В. Предпосылки или условия сознания либо научного познания // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 124–125.

4. Рубакин Н. А. Что такое библиологическая психология? Л., 1924; Рубакин Н. А. Избранное: в 2 т. М., 1975; Рубакин Н. А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. М.: Всесоюз. кн. палата, 1977.

5. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975; Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

6. Библиопсихология и библиотерапия / ред. Н. С. Лейтес, Н. А. Карпова, О. А. Кабачек. М.: Шкб-ка, 2005.

7. Мосунова Л. А. Психология чтения художественной литературы: учеб. пособие. М: Изд-во МГУП им. Ивана Фёдорова, 2012.

УДК 159.944.4:37.015.3

Е. П. Ивтутина, Е. С. Шуракова

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОКРАСТИНАЦИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ

Статья посвящена истории исследования феномена прокрастинации (откладывания намеченных действий на «потом»), статусу понятия «прокрастинация» в рамках защитно-совладающего поведения, проблеме академической прокрастинации в контексте учебной деятельности студентов. В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей защитно-совладающего поведения у студентов-прокрастинаторов.

The article is dedicated to their history of research on the phenomenon of procrastination (postponing actions until later); to the status of the concept of procrastination in the context of defensive coping psychology; to the problem of academic procrastination in the context of students' educational activities. The results of empiric research of the peculiarities of students-procrastinators' defensive coping are presented in the article.

Ключевые слова: прокрастинация, академическая прокрастинация, защитные механизмы личности, копинг-стратегии, студенческая успеваемость.

Keywords: procrastination, academic procrastination, defence mechanism of personality, coping strategies, academic progress.

Жизнь современного человека наполнена разнообразными делами и заданиями, выполнение которых предполагает соблюдение строгих сро-

ков сдачи и четкого ограничения времени на их реализацию. Предполагается, что человек, осознавая наличие временных рамок, может спланировать свое время, ресурсы и силы, но в ситуации постоянной многозадачности и напряжения нередко случается так, что возникает необходимость или желание отложить выполнение некоторых дел на потом. При этом человек может выполнять малые и незначительные дела, которым придает большую значимость, чем действительно важному. В свою очередь, это нередко приводит к тому, что выполнение дел постоянно откладывается, и, в итоге, человек выполняет их в последний момент, зачастую обещая себе, что в следующий раз такого не повторится. Явление откладывания дел на потом обозначается термином «прокрастинация».

В психологии под прокрастинацией подразумевают сознательное откладывание выполнения намеченных действий, несмотря на то что это повлечет за собой определенные проблемы [1]. По данным авторов, эта проблема существовала всегда, но стала активно обсуждаться, когда ее актуальность возросла до небывалых размеров. По результатам исследования канадского психолога Пирса Стила, с 1978 по 2010 г. процент людей, страдающих прокрастинацией, увеличился с 15 до 60%. Безусловно, именно благодаря интенсификации развития общества и ускорению ритма жизни в целом проблема прокрастинации в наши дни приобрела особое значение.

В связи с этим в настоящее время в отечественной и зарубежной психологической науке отмечается существенный рост количества исследований, посвященных прокрастинации. Основная цель исследований – поиск причин, коррелятов, способов совладания с таким поведением. На сегодняшний день есть данные о связи прокрастинации с тревожностью, перфекционизмом, мотивацией, копинг-стратегиями, защитными механизмами, успешностью обучения [2].

Несмотря на научную и прикладную значимость рассматриваемого вопроса, история научно-психологического исследования прокрастинации насчитывает всего несколько десятков лет.

Первые научные работы появились в США в 70-е гг. XX в. Среди зарубежных исследователей, занимающихся данной проблематикой, можно назвать имена А. Ellis, W. J. Knaus, J. B. Burka, L. M. Yuen, J. Harriott, J. R. Ferrari, M. H. Specter, B. Tuckman, P. Steel и др.

Отечественные исследования феномена прокрастинации начались сравнительно недавно (с середины 90-х гг. XX в.), и они не так многочисленны, как зарубежом. Тема прокрастинации рассматривается в работах Е. А. Михайловой (2007), Н. Н. Карловской (2008), Я. И. Варваричевой (2008, 2010), Н. Г. Гаранян (2009), Т. Ю. Юдее-

вой (2011), Т. А. Крюковой (2012), Я. В. Колпакова (2013).

Проанализировав материалы отечественных и зарубежных исследований по проблеме прокрастинации, можно отметить, что на сегодняшний день психологический статус понятия «прокрастинация» определяется неоднозначно. В некоторых источниках прокрастинацию рассматривают в рамках совладающего поведения, а именно как избегающую стратегию поведения, т. е. как эмоционально-ориентированный копинг (Н. Г. Гаранян, Т. А. Крюкова) [3]. Также выявлено, что люди, склонные обращаться к прокрастинации, часто используют рационализации для оправдания своего поведения (В. Tuckman, Т. А. Крюкова) [4].

Приведенные выше данные, на наш взгляд, не отражают полного содержания понятия «прокрастинация». Опираясь на исследование Я. В. Колпакова [5], мы сделали вывод о том, что прокрастинация имеет более широкий диапазон связей с копинг-стратегиями и защитными механизмами, по сравнению с ранее полученными результатами исследований. В его работе выявлены корреляционные связи феномена прокрастинации и показателей защитно-совладающего поведения у лиц, зависимых от психоактивных веществ. В итоге Я. В. Колпаков отмечает, что необходимо рассмотрение данной проблематики и проверки этих связей на различных выборках.

Действительно, прокрастинация может затронуть любую сферу деятельности субъекта: трудовую (неспособность реализовать проект вовремя, сдать работу в срок), социальную (откладывание важных телефонных звонков, встреч, ответов на письма и т. п.), бытовую (откладывание запланированного ремонта, уклонение от выполнения домашних обязанностей и т. п.), учебную (откладывание подготовки домашних заданий, подготовки к экзаменам) [6].

Согласно имеющимся данным, прокрастинация является одним из существенных факторов, порождающих трудности в обучении. В связи с этим выделяется отдельное направление в исследованиях прокрастинации – так называемая академическая прокрастинация [7].

Академическая прокрастинация предполагает задержку выполнения учебных задач и связана с несформированностью учебных навыков, неорганизованностью, забывчивостью и общей поведенческой ригидностью. Следствием такого поведения в большинстве случаев становится снижение успеваемости и результативности обучения [8]. Поэтому важным является изучение специфики промедления у хорошо успевающих и слабо успевающих студентов, что позволяет сделать акцент на исследовании различий в механизмах возникновения академической прокра-

стинации. Несмотря на широчайшую распространенность этого психологического феномена в российской среде, в нашей стране практически отсутствуют исследования такого рода. Можно надеяться, что получение новых данных внесет большую ясность в изучение вопроса об источниках академической прокрастинации и, соответственно, о способах совладания с ней.

Таким образом, целью данного исследования было выявить связь академической прокрастинации с защитными механизмами личности и копинг-стратегиями у студентов с разной академической успеваемостью. Гипотеза исследования состояла из ряда предположений: во-первых, что уровень академической прокрастинации у студентов с высокой успеваемостью ниже, чем у студентов с низкой успеваемостью; во-вторых, что существуют связи академической прокрастинации с защитными механизмами личности и копинг-стратегиями; в-третьих, что существуют различия в использовании копинг-стратегий и защитных механизмов в группах прокрастинаторов и непрокрастинаторов.

Всего в исследовании приняли участие 92 студента гуманитарных специальностей одного из вузов города Кирова в возрасте от 18 до 24 лет.

Для получения сведений об успеваемости студентов был учтен средний балл по результатам двух последних сессий: средний балл не ниже 4,8 – отличники; средний балл не выше 3,2 – троечники. При таком условном делении студентов мы опираемся на шкалу Н. Н. Карловской, которую она применила в своем исследовании [9]. Также, опираясь на работу Е. А. Михайловой, в качестве показателя успеваемости мы использовали средний балл по итогам двух последних сессий [10].

Исходя из цели исследования был сконструирован диагностический комплекс, включающий следующие методики: «Опросник студенческой прокрастинации» (С. Lau, апробация Т. Ю. Юдеевой), «Диагностика типологий психологической защиты» (Р. Плутчик в адаптации Л. И. Вассермана), «Опросник способов совладания» (Р. Лазарус, С. Фолкман в адаптации Л. И. Вассермана).

Полученные при помощи указанных выше методик данные были подвергнуты обработке в программе Excel и при помощи пакета программ SPSS, version 17 (применялся критерий Манна – Уитни (U), коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s), регрессионный анализ).

В ходе проведенного эмпирического исследования получены следующие результаты.

Установлено, что среди студентов с низкой успеваемостью уровень академической прокрастинации значительно выше, чем в группе студентов с высокой успеваемостью (см. табл. 1). Дан-

ный факт подтверждает предположение о том, что студенты, которые несвоевременно выполняют учебные задания, в итоге получают более низкие отметки по сравнению с теми учащимися, которые делают эти задания в срок.

Полученные результаты подтверждаются и статистическими расчетами. При помощи критерия Манна – Уитни (U) были обнаружены значимые различия в уровне академической прокрастинации между группами студентов с высокой и низкой успеваемостью. Установлено, что выраженность академической прокрастинации в группе с низкой успеваемостью значимо выше, чем в группе с высокой успеваемостью: $U_{\text{эмп}} = 50$ ($p \leq 0,05$). При анализе средних значений успеваемости в двух крайних группах прокрастинаторов и непрокрастинаторов получены результаты, указывающие на значительно более низкий уровень успеваемости студентов, откладывающих выполнение заданий: $U_{\text{эмп}} = 159$ ($p \leq 0,05$). Следовательно, можно сделать вывод, что академическая прокрастинация, которая, главным образом, проявляется задержкой выполнения курсовых работ, текущих заданий, откладыванием подготовки к экзаменам на последний день и др., сопровождается ухудшением оценок студентов и, соответственно, снижением общей успеваемости.

Для определения взаимосвязи академической прокрастинации и успеваемости студентов использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s). На основании статистических подсчетов можно говорить об отрицательной связи этих переменных: $r_s = -0,265$ ($p \leq 0,05$). Таким образом, полученные данные полностью соотносятся с ранее сделанным выводом о том, что откладывание учебных дел «на потом» негативно сказывается на успешности учебной деятельности.

Поскольку академическая прокрастинация рассматривается нами в контексте защитно-совладающего поведения, нашей целью было установление связей между данными категориями. Для реализации этой цели применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s). На основании статистических расчетов были построены корреляционные плеяды, которые наглядно отображают найденные связи (см. рис. 1, 2).

На рис. 1 представлены связи академической прокрастинации с копинг-стратегиями. Установлено, что академическая прокрастинация положительно коррелирует с такими малопродуктивными стратегиями совладания, как «конфронтация», «дистанцирование», «принятие ответственности» и «бегство-избегание». Основное их отличие в том, что данные копинг-стратегии вклю-

Таблица 1

Средние значения уровня академической прокрастинации у студентов с разной степенью успеваемости (в баллах)

Средние значения уровня академической успеваемости ($M \pm \sigma$)		
Студенты с низкой успеваемостью	Студенты со средней успеваемостью	Студенты с высокой успеваемостью
60,1 ± 8,86	56,3 ± 10,43	52,1 ± 8,31

Примечание: M – среднее арифметическое; σ – стандартное отклонение

Рис. 1. Связь академической прокрастинации с копинг-стратегиями

чают в себя мысли и действия, имеющие своей целью снижение физического или психологического влияния стресса. Эти мысли или действия дают чувство облегчения, однако не направлены на устранение угрожающей ситуации, а просто дают человеку почувствовать себя лучше.

Полученные результаты дают право говорить о том, что прокрастинаторы пытаются всячески уйти от решения проблемы, дистанцироваться от нее эмоционально, некоторые из них могут принимать на себя чрезмерную ответственность, с которой не в силах справиться в срок, в связи с чем в их поведении могут наблюдаться импульсивность и враждебность. Также статистические расчеты дают право говорить об отрицательных связях академической прокрастинации с копинг-стратегиями «положительная переоценка» и «планирование решения проблем». То есть прокрастинаторы могут постоянно переносить сроки решения важной задачи; они не пытаются положительно переосмыслить возникшую проблемную ситуацию и, соответственно, не видят в ней положительных моментов.

На рис. 2 наглядно представлены связи академической прокрастинации с защитными механизмами личности.

Обнаружены положительные корреляции академической прокрастинации с защитными механизмами «регрессия» и «замещение». Следовательно, можно сделать вывод, что прокрастинаторы могут прибегать к более ранним, менее адекватным образцам поведения, чтобы отложить выполнение важного дела; не справляясь со своими негативными эмоциями, могут вымещать свою агрессию на предметах или объектах, которые не представляют особой значимости для них. Также получены отрицательные корреляции ака-

демической прокрастинации с защитными механизмами «отрицание» и «реактивное образование». Данный факт можно объяснить тем, что прокрастинаторы, откладывая на потом важное дело, не отрицают необходимости его выполнения, они его выполняют, но позже. Обратная связь академической прокрастинации с реактивным образованием может быть свидетельством того, что прокрастинаторы бывают не сдержанны в проявлении своих негативных эмоций, могут открыто заявить о своем недовольстве, при этом не меняя данной точки зрения на противоположную.

С целью определения влияния на академическую прокрастинацию защитно-совладающих механизмов был проведен множественный регрессионный анализ. Установлено, что 42% дисперсии зависимой переменной «академическая прокрастинация» определяется влиянием совокупности пяти механизмов борьбы со стрессом – высокой выраженностью «дистанцирования», «принятия ответственности», «замещения» и низким уровнем «положительной переоценки» и «реактивного образования» ($R = 0,668$, $R^2 = 0,421$, $F = 12,482$; $p \leq 0,001$). Основываясь на полученных данных, можно прогнозировать с 42%-й вероятностью академическую прокрастинацию у студентов, которые прибегают именно к этим пяти механизмам борьбы со стрессом.

Для более глубокого изучения корреляционных связей академической прокрастинации с защитными механизмами и копинг-стратегиями были изучены ее связи в двух группах: прокрастинаторов и непрокрастинаторов (см. табл. 2).

Обнаружена связь академической прокрастинации с копинг-стратегией «конфронтация» и защитными механизмами «замещение» и «реак-

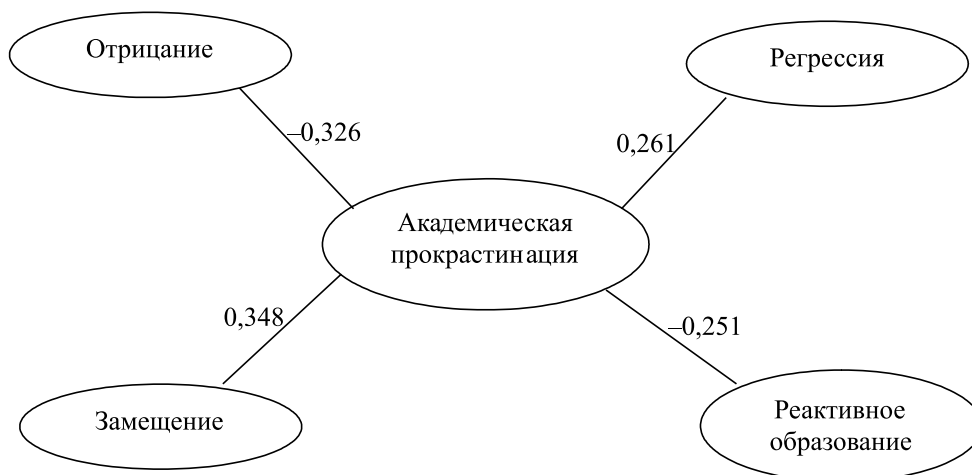

Рис. 2. Связь академической прокрастинации с защитными механизмами

тивное образование». Полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты, которые выполняют заданное в срок, не накапливая долгов, менее конфликтны, менее враждебны, менее импульсивны в своем поведении, в то время как прокрастинаторы могут быть не сдержанны в проявлении своих негативных эмоций и могут вымещать их на предметах и объектах, которые не представляют особой значимости для них.

Для выявления специфики связей академической прокрастинации с защитно-совладающим поведением у студентов с разной академической успеваемостью был проведен корреляционный анализ (табл. 3).

По данным табл. 3 можно говорить об отрицательной связи академической прокрастинации с копинг-стратегией «положительная переоценка» вне зависимости от уровня успеваемости. Следовательно, прокрастинаторы как с низкой, так и с высокой академической успеваемостью не видят в трудностях положительных моментов. В группе с высоким уровнем успеваемости была найдена обратная связь академической прокрастинации с копинг-стратегией «планирование решения проблем». Исходя из этого можно сделать вывод, что повышение уровня прокрастина-

ции в группе отличников сопровождается минимальным использованием копинг-стратегии «планирование решения проблем». Данный факт объясняется прибеганием прокрастинаторов к непродуктивным стратегиям совладания.

Для проверки и уточнения вышеполученных результатов с помощью критерия Манна – Уитни нами были найдены статистически достоверные различия защитно-совладающего поведения между группой прокрастинаторов и непрокрастинаторов (табл. 4).

Информация, отображенная в табл. 4, частично подтверждает ранее полученные данные о связях академической прокрастинации с копинг-стратегиями и защитными механизмами.

Для прокрастинаторов наиболее характерны такие стратегии совладающего поведения, как «дистанцирование», «бегство-избегание» и «принятие ответственности», то есть прокрастинаторы всячески пытаются уйти от решения проблемы, эмоционально дистанцироваться от нее. Некоторые из них могут принимать на себя чрезмерную ответственность, с которой не в силах справиться в срок. Среди защитных механизмов прокрастинаторы чаще используют «регрессию» и «замещение». Следовательно, они могут при-

Таблица 2

Связи академической прокрастинации с защитными механизмами и копинг-стратегиями в группе прокрастинаторов и непрокрастинаторов

Механизмы борьбы с тревогой	Прокрастинаторы	Непрокрастинаторы
Копинг-стратегии	Не найдены	Конфронтация ($r_s = 0,503, p \leq 0,05$)
Защитные механизмы	Замещение ($r_s = 0,448, p \leq 0,05$) Реактивное образование ($r_s = -0,464, p \leq 0,05$)	Не найдены

Таблица 3

Связь академической прокрастинации с защитными механизмами личности и копинг-стратегиями у студентов с разной академической успеваемостью

Механизмы борьбы с тревогой	Студенты с низким уровнем успеваемости	Студенты с высоким уровнем успеваемости
Копинг-стратегии	Положительная переоценка ($r_s = -0,693, p \leq 0,05$)	Планирование решения проблем ($r_s = -0,554, p \leq 0,05$) Положительная переоценка ($r_s = -0,494, p \leq 0,05$)
Защитные механизмы	Не найдено	Не найдено

Таблица 4

Различия в использовании копинг-стратегий и защитных механизмов прокрастинаторами и непрокрастинаторами

Механизмы борьбы с тревогой	Прокрастинаторы	Непрокрастинаторы
Копинг-стратегии	Дистанцирование ($U_{\text{мп}} = 170,5, p \leq 0,05$) Принятие ответственности ($U_{\text{мп}} = 162, p \leq 0,05$) Бегство-избегание ($U_{\text{мп}} = 150,5, p \leq 0,05$)	Положительная переоценка ($U_{\text{мп}} = 127,5, p \leq 0,01$)
Защитные механизмы	Регрессия ($U_{\text{мп}} = 172,5, p \leq 0,05$) Замещение ($U_{\text{мп}} = 153, p \leq 0,05$)	Отрицание ($U_{\text{мп}} = 123, p \leq 0,01$)

бегать к более ранним, менее адекватным образцам поведения, чтобы отложить выполнение важного дела; не справляясь со своими негативными эмоциями, могут вымещать свою агрессию на предметах или объектах, которые не представляют особой значимости для них.

Для студентов-непрокрастинаторов наиболее характерна копинг-стратегия «положительная переоценка». Данный факт может свидетельствовать о том, что такие люди, выполняя в срок возможно не самое приятное для них задание, пытаются переосмыслить его, найти в нем положительные моменты, а на проблему смотрят как на стимул для личностного роста. Использование защитного механизма «отрицания» непрокрастинаторами можно объяснить следующим образом: игнорируя потенциально тревожную информацию, избегая осознания трудных аспектов ее реальности, в итоге, они отрицают невозможность выполнения задания: «Нет, я сделаю это», – и делают в срок.

Таким образом, в ходе проведенного исследования получены следующие результаты:

1. Уровень академической прокрастинации у студентов с высокой успеваемостью ниже, чем у студентов с низкой успеваемостью. Найдена отрицательная связь академической прокрастинации с успеваемостью студентов. Следовательно, можно сделать вывод, что академическая прокрастинация сопровождается ухудшением оценок студентов и, соответственно, снижением общей успеваемости.

2. Студенты-прокрастинаторы часто используют следующие малопродуктивные копинг-стратегии: «бегство-избегание», «конфронтация», «дистанцирование», «принятие ответственности». Также для них наиболее характерны защитные механизмы «замещение» и «регрессия».

3. Студенты-непрокрастинаторы чаще прибегают к «положительной переоценке» и продуктивной стратегии совладания «планирование решения проблемы». Среди защитных механизмов они чаще прибегают к «реактивному образованию» и «отрицанию».

Перспективы изучения. Дальнейшее изучение академической прокрастинации представляется высокоперспективным в силу малой изученности этого социального явления и требует оценки ее распространенности у школьников разных возрастов, студентов колледжей, студентов вузов разных специальностей и т. д. Также необходима дальнейшая разработка и создание нормативных показателей академической прокрастинации,

изучение ее психологических детерминант, создание программ психологической коррекции.

Примечания

1. *Stell P.* The nature of procrastination: A metaanalytic and theoretical review of self-regulatory failure // *Amer. Psychol. Assoc. Bull.* 2007. V. 133. № 1. P. 66.

2. *Варваричева Я. И.* Исследование связи прокрастинации, тревожности и IQ у школьников // *Современная психология: От теории к практике: материалы XV Междунар. конф. студ., аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008»*. Секция «Психология». М.: Изд-во МГУ, 2008. Ч. 1. С. 114–117; *Гаранян Н. Г., Андрусенко Д. А., Хломов И. Д.* Перфекционизм как фактор студенческой дезадаптации // *Психологическая наука и образование*. 2009. № 1. С. 72–81; *Карловская Н. Н.* Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью // *Психология в вузе*. 2008. № 3. С. 38–50; *Крюкова Т. А.* Стили совладания с жизненными трудностями // *Актуальные проблемы психологии личности: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Я. Купалы; науч. ред. К. В. Карпинский. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2012. С. 83–102; Мохова С. Б., Неврроев А. Н.* Психологические корреляты общей и академической прокрастинации у студентов // *Вопросы психологии*. 2013. № 1. С. 24–35; *Колпаков Я. В., Ялтонский В. М.* Оценка прокрастинации и защитно-совладающего поведения у лиц, зависимых от психоактивных веществ // *Теоретические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии (к 85-летию Ю. Ф. Полякова): материалы Всерос. юбилейной науч.-практ. конф., 14–15 февраля 2013 г. / под общ. ред. Н. В. Зверевой, И. Ф. Рожиной. М., 2013; Tuckman B. W.* Academic Procrastinators: Their Rationalizations and Web-Course Performance // *The Ohio State University. APASymposium Paper, Chicago, 2002.*

3. *Гаранян Н. Г., Андрусенко Д. А., Хломов И. Д.* Указ. соч.; *Крюкова Т. А.* Указ. соч.

4. *Крюкова Т. А.* Указ. соч.; *Tuckman B. W.* *Op. cit.*; *Быкова Д. В.* Прокрастинация как проявление эмоционально-ориентированного и ориентированного на избегание стилей копинга // *Психология совладающего поведения: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Кострома, 23–25 сент. 2010 г.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Т. А. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова. 2010. С. 194–196.*

5. *Колпаков Я. В., Ялтонский В. М.* Указ. соч.

6. *Варваричева Я. И.* Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // *Вопросы психологии: науч. журн.* 2010. № 3. С. 121.

7. *Варваричева Я. И.* Исследование связи прокрастинации, тревожности и IQ у школьников. С. 114.

8. *Карловская Н. Н.* Указ. соч. С. 39.

9. Там же.

10. *Михайлова Е. А.* Ситуационные и личностные детерминанты лени: дис. ... канд. психол. наук. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2007.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРАНОВ Александр Аркадьевич – доктор психологических наук, профессор, директор института педагогики, психологии и социальных технологий Удмуртского государственного университета. 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1.

E-mail: aabaranov@mail.ru

БАРАНОВА Зубарьзят Яхиновна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре общей психологии Удмуртского государственного университета. 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1.

E-mail: zoya.baranov@mail.ru

БАРМИНА Ольга Николаевна – аспирант кафедры теории и истории государства и права ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: truhina_olya@mail.ru

ВНУТСКИХ Александр Юрьевич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614990, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29.

E-mail: avnut@inbox.ru

ВОРОБЬЕВА Тамара Альбертовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ГРИНЬКО Ксения Михайловна – научный сотрудник Государственного архива Российской Федерации. 119435, г. Москва, ул. Большая Пироговская, д. 17.

E-mail: grinko.k.m@mail.ru

ДАНИЮШЕНКОВ Владимир Степанович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре физики и методики обучения физике ВятГГУ, член-корреспондент РАО. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_dfm@vshu.kirov.ru

ЖЕЛЕЗНЯК Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. 614990, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29.

E-mail: shlezo@newmail.ru

ЗОРИН Артём Викторович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: arzor@list.ru

ИВАНОВА Жанна Борисовна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре гражданского права и процесса Коми республиканской академии государственной службы и управления. 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11.

E-mail: mgb-pravo@yandex.ru

ИВУТИНА Елена Петровна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ivutina43@yandex.ru

ИЛБИН Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КАРАВАЕВ Илья Владимирович – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (филиал в г. Кирове). 610004, г. Киров, ул. Ленина, д. 25.

E-mail: karavaev-kirov@ya.ru

КАСАНОВ Антон Сергеевич – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kasanv@rambler.ru

КРАУЗЕ Александра Анатольевна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24.

E-mail: krauze@pspu.ru

КРИВОШЕИНА Наталья Викторовна – доктор искусствоведения, доцент по кафедре технологии художественной обработки материалов Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, 36.

E-mail: iconaVyatka@ya.ru

КУРЬЯН Мария Львовна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». 603155, г. Нижний Новгород, ул. Б. Печерская, д. 25/12.

E-mail: marialvovnakuryan@yandex.ru

ЛОБАНОВ Вячеслав Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

E-mail: astol1@post.ru

ЛОШАКОВА Юлия Павловна – аспирант кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета. 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.

E-mail: yloshakova@mail.ru

МАСЛОВА Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: ag.maslova@mail.ru

МОСУНОВА Людмила Александровна – доктор психологических наук, доцент по кафедре издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: Ludmila1@mosunova.kirov.ru

НЕНАШЕВ Михаил Иванович – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: mnenashev@inbox.ru

ПЛОЦКАЯ Ольга Андреевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре теории и истории государства и права Сыктывкарского государственного университета. 167001, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55.

E-mail: olga.plockaya@mail.ru

ПОМЕЛОВ Владимир Борисович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре педагогики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

ПОПОВА Ольга Дмитриевна – доктор исторических наук, профессор по кафедре социологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46.

E-mail: od-porova@mail.ru

СМИРНОВ Михаил Александрович – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: VKKOP@ya.ru

СМИРНОВ Сергей Борисович – доктор культурологии, профессор по кафедре государственно-правовых и социальных дисциплин Санкт-Петербургского института гуманитарного образования. 190020, г. Санкт-Петербург, ул. Лифляндская, д. 4.

E-mail: s.b.smirnov@spbigo.ru

СМИРНОВА Анастасия Александровна – аспирант кафедры отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: anastasiya848@yandex.ru

СТЕПАНОВ Алексей Владимирович – юрисконсульт ФБУ «Кировский ЦСМ». 610035, г. Киров, ул. Попова, д. 9.

E-mail: alex.st@list.ru

СУГАЙ Лариса Анатольевна – доктор филологических наук, профессор по кафедре славянских языков Университета им. Матей Бела в Банской Быстрице (Словакия), Почетный работник высшей профессиональной школы Российской Федерации. 974 01 Banská Bystrica. Tajovskího, 40 Slovak Republic.

E-mail: larsasugay@yandex.ru

ТРАПЕЗНИКОВ Михаил Владимирович – магистр философии, аспирант кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_philosophic@vshu.kirov.ru

ТЮТЮННИК Светлана Ивановна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре иностранных языков неязыковых специальностей ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: svetyut@rambler.ru

ФАДЕЕВА Ирина Евгеньевна – доктор культурологии, профессор, зав. кафедрой культурологии и педагогической антропологии Коми государственного педагогического института. 167000, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 25.

E-mail: kgpi@kgpi.ru

ФАДЕЕВА Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре славянской филологии Московского государственного областного университета. 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а.

E-mail: tatjanaf@yandex.ru

ШУРАКОВА Екатерина Сергеевна – выпускница факультета психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: katufka1111.k@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BARANOV Alexander Arkadieovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Institute of Education, Psychology and Social Technologies in Udmurt State University. 426034 Izhevsk, Universitetskaya Str., 1.

E-mail: aabaranov@mail.ru

BARANOVA Zubarzyat Yakhinovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of General Psychology in Udmurt State University. 426034 Izhevsk, Universitetskaya Str., 1.

E-mail: zoya.baranov@mail.ru

BARMINA Olga Nikolaevna – graduate student at the Department of Theory and History of State and Law in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: truhina_olya@mail.ru

VNUTSKIKH Alexander Yurievich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Law in Perm National Research Polytechnic University. 614990, Perm, Komsomolsky Ave., 29.

E-mail: avnut@inbox.ru

VOROBYEVA Tamara Albertovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of General History in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

GRINKO Ksenya Mikhailovna – researcher at the State Archive of the Russian Federation. 119435, Moscow, Bolshaya Pirogovskaya Str., 17.

E-mail: grinko.k.m@mail.ru

DANYUSHENKOV Vladimir Stepanovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of Physics and Physics Teaching Methods, corresponding member of Russian Academy of Education. Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: kaf_dfm@vshu.kirov.ru

ZHELEZNYAK Vladimir Nikolaevich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Law in Perm National Research Polytechnic University. 614990, Perm, Komsomolsky Ave., 29.

E-mail: shlezo@newmail.ru

ZORIN Artyom Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of General History in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: arzor@list.ru

IVANOVA Zhanna Borisovna – Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure in Komi Republican Academy of State Service and Administration. 167982, Syktyvkar, Kommunisticheskaya Str., 11.

E-mail: mgb-pravo@yandex.ru

IVUTINA Elena Petrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Experimental Psychology in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: ivutina43@yandex.ru

ILYIN Dmitry Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer at the Department of General History in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KARAVAEV Ilya Vladimirovich – senior lecturer at the Department of State and Municipal Administration in the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Kirov branch). 610004, Kirov, Lenin Str., 25.

E-mail: karavaev-kirov@ya.ru

KASANOV Anton Sergeevich – graduate student at the Department of Russian History in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.

E-mail: kasanv@rambler.ru

KRAUZE Alexandra Anatolyevna – Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences in Perm State University of Humanities and Pedagogy. 614990, Perm, Sibirskaya Str., 24.

E-mail: krauze@pspu.ru

KRIVOSHEINA Natalia Viktorovna – Doctor of Art History, Associate Professor at the Department of Technology of Artistic Materials Processing in Vyatka State University. 610000, Kirov, Moskovskaya Str., 36.

E-mail: iconaVyatka@ya.ru

KURYAN Maria Lvovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages in the National Research University “Higher School of Economics.” 603155, Nizhny Novgorod, B. Pecherskaya Str., 25/12.

E-mail: marialvovnakuryan@yandex.ru

LOBANOV Vyacheslav Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, senior researcher at the Institute of Russian History. 117036, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19.

E-mail: asto1@post.ru

LOSHAKOVA Yuliya Pavlovna – graduate student at the Department of Sociology, Political and Social Processes in St. Petersburg State University. 191124, St. Petersburg, Smolny Str., 1/3, Entrance 9.
E-mail: yloshakova@mail.ru

MASLOVA Anna Gennadyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: ag.maslova@mail.ru

MOSUNOVA Lyudmila Alexandrovna – Doctor of Psychology, Associate Professor at the Department of Publishing and Editing in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: Ludmila1@mosunova.kirov.ru

NENASHEV Mikhail Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy and Sociology in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: mnenashev@inbox.ru

PLOTSKAYA Olga Andreyevna – Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law in Syktyvkar State University. 167001, Syktyvkar, Oktyabrsky Ave., 55.
E-mail: olga.plockaya@mail.ru

POMELOV Vladimir Borisovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor at the Department of Pedagogy in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: kaf_pedagogiki@vshu.kirov.ru

POPOVA Olga Dmitrievna – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Sociology in Ryazan State University named for S. Esenin. 390000, Ryazan, Svobody Str., 46.
E-mail: od-popova@mail.ru

SMIRNOV Mikhail Alexandrovich – graduate student at the Department of Russian History in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: VKKOP@ya.ru

SMIRNOV Sergey Borisovich – Doctor of Cultural Sciences, Professor at the Department of State Law and Social Disciplines in Saint-Petersburg Institute of Education in the Sphere of Humanities and Social Sciences. 190020, St. Petersburg, Lifyandskaya Str., 4.
E-mail: s.b.smirnov@spbig.ru

SMIRNOVA Anastasia Alexandrovna – graduate student at the Department of Russian History in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: anastasiya848@yandex.ru

STEPANOV Alexey Vladimirovich – Counsel in the Federal Budget Institution «Kirov Centre of Standardization Activities.» 610035, Kirov, Popov Str., 9.
E-mail: alex.st@list.ru

SUGAY Larisa Anatolyevna – Doctor of Philology, Professor at the Department of Slavic Languages in Matej Bel University in Banská Bystrica (Slovakia), Honorary Worker of Higher Professional School of the Russian Federation. 974 01 Banská Bystrica. Tajovského, 40 Slovak Republic.
E-mail: larsasugay@yandex.ru

TRAPEZNIKOV Mikhail Vladimirovich – Master of Philosophy, graduate student at the Department of Philosophy and Sociology in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: kaf_philosophic@vshu.kirov.ru

TYUTYUNNIK Svetlana Ivanovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Languages of Non-linguistic Specialties in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: svetyut@rambler.ru

FADEEVA Irina Evgenievna – Doctor of Cultural Sciences, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Educational Anthropology in Komi State Pedagogical Institute. 167000, Syktyvkar, Kommunisticheskaya Str., 25.
E-mail: kgpi@kgpi.ru

FADEEVA Tatiana Mikhailovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Slavic Philology in Moscow State Regional University. 105005, Moscow, Radio Str., 10-a.
E-mail: tatjanaf@yandex.ru

SHURAKOVA Ekaterina Sergeevna – graduate of the Faculty of Psychology in Vyatka State University of Humanities. 610002, Kirov, Krasnoarmeyskaya Str., 26.
E-mail: katufka1111.k@yandex.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 4(1)

Подписано в печать 25.11.2013 г.
Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Мysl.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5. Тираж 1000. Заказ № 302.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26
(8332) 673-674